

Фантастика

Сергей Чебаненко
Давай полетим
к звездам !

**Издательство Ч.С.В.
«Человек, создающий Вселенные»**

КОТОФЕЙ

***Серия детективной,
приключенческой
и фантастической
литературы***

Сергей Чебаненко

**«Давай полетим
к звездам!»**

УДК 82.312.9(477.61)-35
ББК 84(4Укр)7-445
Ч-35

Редактор Стрельников В.А.
Художник-оформитель Чекмаев К.Г.

Чебаненко С.
Ч 35 «Давай полетим к звездам!» / Сергей Чебаненко;
художник-оформитель К.Г. Чекмаев. – Киев: Ч.С.В., 2019.
–576 с.
ISBN 978-966-97718-3-4

Добро пожаловать в мир Её Величества Научной
Фантастики!

Космические полеты и первая высадка человека на
Луну, параллельные миры и искусственно созданные Земли,
прошлое и будущее...

Миростроитель Чеслав Волянецкий пытается понять,
что за загадочные «белые пришельцы» атакуют земную
цивилизацию. Космонавту Алексею Леонтьеву и его другу
Олегу Макарину поручено совершить первую высадку на Луну.
Журналист Мартын Луганцев получает задание написать серию
статей о космонавтике – и он вместе со своей подругой Ингой
Лаукайте моментально оказывается в самой гуще непонятных
событий.

Действие книги происходит в 1968 году в параллельной
вселенной, в которой группа ученых-энтузиастов пытается
создать космическую систему из миллионов миров –
Человеческий космос.

УДК 82.312.9(477.61)-35
ББК 84(4Укр)7-445

ISBN 978-966-97718-3-4

© Чебаненко С., 2019

“Давай полетим к звездам!”

ПРОЛОГ

В моем родном мире я пропал без вести во время Первой Мировой войны.

Был май 1916 года. Русские войска готовились к наступлению в Галиции и на Буковине. Позднее это сражение назовут Луцкой операцией, а в учебниках истории оно будет именоваться Брусилловским прорывом.

Я служил летчиком-разведчиком в военной части, которая оказалась на самом острие будущего наступления. В один из дней в конце мая мне поручили облететь обширный кусок прифронтовой территории противника. Командование опасалось, что у германцев на этом участке фронта есть скрытые артиллерийские позиции. Чтобы при атаке они не стали для наших войск неприятной неожиданностью, мне приказали их выявить.

Я совершил с рассвета и до полудня два глубоких зондирующих рейда – почти полтора часа полета по петле над тылами противника с возвращением к летному полю, - но ничего хотя бы отдаленно похожего на артиллерийскую засаду не обнаружил. После обеда и отдыха взлетел в третий раз. Предстояло обследовать глухой лесной массив, который лишь изредка пересекали тонкие грязно-бурые ленты грунтовых дорог.

“Давай полетим к звездам!”

Я ушел километров на пятнадцать за линию фронта. Машина летела на высоте всего полсотни метров. Внизу тянулся сплошной темно-зеленый палас соснового бора. В этой глуши германцам не было никакого смысла размещать свою артиллерию.

Но все же какие-то склады или казармы они именно здесь и разместили. Длинные свежесрубленные бараки я заметил издалека – даже верхушки сосен не могли скрыть проплешины на теле леса. Решил пройти немного правее, чтобы не попадать под прямой обстрел со стороны найденных строений. Но не учел, что вокруг новостройки в зеленой глуши могут размещаться еще и скрытые пикеты.

Звук мотора аэроплана затаившиеся среди сосен пикетчики услышали издалека. И хорошо сориентировались на жужжание моего “нюпора”. Когда я оказался в поле досягаемости для прицельной стрельбы, по аэроплану дружно пальнул сразу добрый десяток стволов.

Одна из пуль попала в мотор, и он задымил, иногда испуская острые оранжевые язычки пламени.

Я круто забрал вверх – поднялся минут за пять километра на полтора, развернулся, и решил поскорее ретироваться за линию фронта. Беда, однако, была в том, что пока “нюпор” выходил из зоны обстрела, я совершенно потерял ориентацию. По компасу смог прикинуть только общее направление к нашим позициям.

“Давай полетим к звездам!”

Небо закрывала серая вата облаков, похожая на грязную госпитальную простынь. Подняться выше я уже не мог: мотор фыркнул и выключился окончательно сразу после набора высоты и разворота. Под летящим аэропланом раскинулся до самого горизонта зеленый ковер густого леса. Никаких видимых ориентиров не было. Звуки беспорядочной стрельбы растворились вдали. Аэроплан начал клевать носом, снижаясь. Единственным шансом спастись было планирование с почти призрачной надеждой найти среди леса достаточно большую поляну, чтобы приземлиться с выключенным двигателем. Судя по тому, как “нюпор” резво терял высоту, шансы на счастливый исход у меня были минимальны. Может быть, один к ста. Или даже один к тысяче.

Я попробовал несколько раз запустить мотор, но он не среагировал ни на одну из попыток. Оставалось только чуть приподнять нос аэроплана, чтобы продлить полет – и жизнь – чуть подольше. И еще оставалось молиться.

Удивительно, но я не ощущал страха. Были только холодное спокойствие и некая отрешенность от происходящего, словно я смотрю на себя со стороны. Даже мысли никакие не лезли в голову.

И вот в этот момент у меня за спиной громко кашлянули и приятным баритоном осведомились:

- Если я не ошибаюсь, капитан Чеслав Сэмюэль Воля-Волянецкий?

“Давай полетим к звездам!”

Я резко крутанул головой, оглядываясь.

Примерно в метре за кабиной верхом на фюзеляже сидел человек, одетый в светло-серый комбинезон необычного покроя, с какими-то металлически блестящими полосочками и круглыми черными блямбами на груди. Его голову ото лба и до самой шеи прикрывал сферообразный шлем стального цвета. Глаза были спрятаны за крупными, изгибающимися к вискам очками со светло-коричневыми стеклами.

- Вы кто? – Испуганно дернулся я.

“Ньюпор-шестнадцать” – одноместная машина. Взлетал я, разумеется, без пассажиров. Появиться рядом с моим аэропланом, да еще и оседлать его верхом, мог, разве что, ангел. Но облик и одежда сидевшего за кабиной человека мало походили на белоснежные одеяния небесных жителей — какими их изображают на иконах и картинах. Да и крыльев за спиной у него не наблюдалось. Рука потянулась к кобуре с маузером.

- Не стоит доставать оружие, - незнакомец уловил мое движение и доброжелательно заулыбался. – Я не собираюсь причинять вам никакого вреда. Хочу всего лишь сделать небольшое деловое предложение.

- Продать вам душу? – мое сознание, тщетно пытаюсь хоть как-то объяснить происходящее, метнулось в противоположном направлении.

Он рассмеялся:

“Давай полетим к звездам!”

- Да успокойтесь вы, Чеслав! Я не посланец ада. И к библейским персонажам не имею ни малейшего отношения! – Он точно угадал ход моей мысли.

- Либо сплю, либо спятил, - сказал я. Ледяной ветерок прогулялся по спине.

- Вы не спите и не сошли с ума, - незнакомец покачал головой. – Я не мираж и реально существую.

Он протянул мне правую руку, одетую в перчатку, такого же цвета, как и его комбинезон, и представился:

- Карлос Дониля!

Я вывернулся в пилотском кресле еще сильнее и, чуть приподнявшись, сначала осторожно коснулся своей правой его руки, а потом ответил на рукопожатие:

- Чеслав Сэмюэль Воля-Волянецкий, можно просто - Волянецкий. Хотя, как я понял, мое имя вам уже известно.

- Мы давно наблюдаем за вами. А сейчас возник очень выгодный момент, чтобы сделать вам конкретное предложение.

Я снова рухнул в кресло. Весь идиотизм происходящего, наконец-то, дошел до меня. Аэроплан плавно снижается, высота около восьмисот метров, поляны среди мощных стволов деревьев по-прежнему не обнаруживаются. По всему видно, что мне осталось жить от силы минут пять или шесть. А я спокойненько веду светскую беседу с весьма странным

“Давай полетим к звездам!”

субъектом, явившемся черт знает откуда и залезшим верхом на мой “нюпор”. Нет, все-таки я спятил...

- Послушайте, э... Карлос, - я снова вывернул голову в его сторону. – Не знаю, кто вы – ангел или дьявол, - но, черт побери, как вы умудрились оседлать мою машину?

- Я прилетел, - он пожал плечами, с откровенным любопытством наблюдая за моей реакцией из-за стекол очков.

- На чем? Если вы человек, то у вас должно быть какое-то транспортное средство...

- Антиграв, - охотно и абсолютно непонятно пояснил пришелец с небес. – Миниатюрный аппарат закреплен у меня за спиной на уровне пояса.

- Очень хорошо, - кивнул я. Посмотрел вниз. Высота упала до шестисот. Полянки среди деревьев не просматривалось. В моем распоряжении, следовательно, оставалось минуты три, не больше. – Ну, и какого рожна вы от меня хотите?

- Я представляю группу строителей миров, - Дониля немного наклонился вперед. Наверное, чтобы я лучше его слышал. – Так сказать, миростроителей. Мы работаем в вашем мире по проекту “Гагарин”. И предлагаем вам присоединиться к нам.

- Замечательно! – Я расхохотался. – Очень рад, что вы работаете под началом князя Гагарина. Я с ним, кстати,

“Давай полетим к звездам!”

знаком... Значит, вы строите миры? Зачем? Вам одного мира мало?

Мною овладело истерическое веселье.

- Мы любим разнообразие. Есть и более веская причина, но о ней потом. Когда вы дадите согласие стать миростроителем.

- Если я дам согласие... Не считаете ли вы, что сейчас не время и не место для всяческих деловых предложений? Если вы еще не поняли, то я вам сообщаю: аэроплан падает, двигатель разбит, и если не удастся куда-нибудь спланировать и сесть, жить мне осталось не более пары минут!

- Не ерничайте, Чеслав! Меня подняли по тревоге, как только вас обстреляли, и стало ясно, что “Ньюпор” серьезно поврежден.

- Вы хотите сказать, что следили за моим полетом?

- Конечно. Мы уже несколько месяцев контролируем каждый ваш шаг. Я прекрасно понимаю теперешнее ваше положение. Оно оказалось идеальным для эвакуации вас, если вы примете мое предложение...

- Ах, вот как! – меня пробрал нервный смех. – То есть, если я правильно понимаю, в случае согласия вы снимаете меня с аэроплана на этом своем... м-м-м.... ахтиграббе...

- Антиграве, - поправил Карлос. – Это антигравитационный движитель...

“Давай полетим к звездам!”

- Если же не соглашаюсь, - я снова глянул за борт, высота упала до трехсот, - мне конец! Через сотню секунд от аэроплана останутся только застрявшие среди ветвей обломки!

- “Ньюпор” действительно обречен, - согласился Карлос Дониля. – А вас я спасу в любом случае. Если вы дадите согласие стать миростроителем, мы немедленно отправимся на нашу базу, где вас ждет курс адаптации и специальной подготовки. Если вы откажитесь, я просто ссажу вас на землю среди леса, и мы расстанемся навсегда. Сослуживцам скажите, что вас очень удачно выбросило из аэроплана при падении.

- Служба хоть у вас интересная? – поинтересовался я. До стремительно несущихся вниз верхушек деревьев оставалось едва ли сотня метров.

- Сами увидите, - он пожал плечами. – Мы строим миры. Новые Земли, понимаете?

- Если честно, то ни шиша я не понимаю, - меня снова обуяло нервное веселье. – Но, пожалуй, соглашусь! Мне осточертела война... И жить хочется!

- Вот и ладненько, - Дониля облегченно вздохнул. – Тогда приготовьтесь к эвакуации. Сейчас я возьму вас под мышки, и мы отправимся...

Он взмыл над фюзеляжем, наклоняясь вперед, обхватил меня руками и резко выдернул из кабины — я и охнуть не успел. Мы поднялись в небо метров на пять, когда левое колесо аэроплана с хрустом въехало в верхушку огромной сосны...

“Давай полетим к звездам!”

...Так я стал миростроителем. Пилигримом. Скитальцем. Вечным странником.

Где теперь моя Родина? Моя Земля? Где мой настоящий Дом – тот, который дарит тепло и любовь, тот, в который хочется вернуться? Где моя семья?

Нас, строителей миров, - уже десятки тысяч. Но я одинок. Я – человек-функция. Я – миростроитель.

Алексей Леонтьев и все, все, все - 1

(из дневника космонавта)

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

- ...Государственной комиссией представляются кандидаты на очередной космический полет: Бугрин Владимир Евграфович, Леонтьев Алексей Архипович, Макарин Олег Григорьевич и Шаталин Владимир Александрович, - генерал-полковник Маканин произносит слова не спеша и четко. - Все они успешно прошли программу подготовки к полету и на экзаменах получили отличные отметки.

Со своего места за длинным столом я хорошо вижу Маканина. Китель с иголочки, безукоризненно отглаженные брюки, до блеска начищенные ботинки. Серебристый “бобрик” коротко подстриженных волос, чеканный профиль, прямая, без намека на старческую сутулость спина. И только едва заметное

“Давай полетим к звездам!”

дрожание листов бумаги в руках выдает волнение нашего генерала.

- По предложению Генерального директора Всесоюзного комитета по космическим исследованиям СССР академика Сергея Павловича Королева экипажи единогласно утверждены в следующем составе...

Николай Петрович делает длинную паузу, словно собираясь с духом.

Вот сейчас. Сейчас Маканин произнесет несколько фраз, и станет ясно, кто пойдет в предстоящий полет: мы – я и Олег Макарин - или экипаж Володьки Шаталина и Вовика Бугрина. Сердце замерло, сбившись с обычного ритма. Как безумно долго тянется время!

В рабочем зале государственной комиссии яблоку негде упасть. Всеми правдами и неправдами на сегодняшнее заседание “госки” набилась куча народу – инженеры, техники, офицеры-испытатели. Ну, и, конечно же, журналисты, репортеры, телеоператоры с огромными камерами. Сидят на приставных стульях, столпились в проходах между рядами кресел; даже в коридоре, кажется, толпа. Шутка ли: предстоит экспедиция к Луне и первая высадка человека на ее поверхность.

Напряжение и тишина. Ни звука, ни движения. И один немой вопрос на десятках и сотнях лиц: кто?

“Давай полетим к звездам!”

Наконец, губы генерала дрогнули и в пространство одно за другим вонзились слова:

- Основной экипаж – командир корабля полковник Леонтьев Алексей Архипович и пилот-инженер Макарин Олег Григорьевич...

Воздух из зала заседаний куда-то улетучился. Абсолютный вакуум. Я не могу дышать.

Последние мгновения звенящей тишины. А потом гром аплодисментов...

...Сразу после окончания заседания госкомиссии Маканин вызвал меня в свой кабинет. Следом увязался было кто-то из корреспондентов с вечными вопросами о том, что я думаю перед новым стартом в космос и готов ли отдать все силы выполнению программы полета, но я довольно резко отбрил его, сказав, что иду на совершенно секретное совещание, и поэтому должен немного сосредоточиться. Журналист отстал.

В том, что меня позвал к себе Маканин, не было ничего удивительного. Он всегда перед стартом приглашает командиров экипажей, улетающих в космос. Беседует, напутствует. Вот и мне, наверное, решил сказать парочку слов на дорожку.

“Петрович”, - как мы за глаза называем Маканина, - человек прямой, открытый и решительный. Он едва ли не со дня создания курирует от военно-воздушных сил наш отряд

“Давай полетим к звездам!”

космонавтов. То, что сейчас есть Звездный городок с домами-новостройками, приличная тренажерная база и спортивные комплексы – это заслуга, прежде всего, Николая Петровича. К каждому из нас, космонавтов, он относится доброжелательно и ровно, но по-отечески строго. Маканин всегда одинаково требователен и к тем ребятам, кто уже слетал в космос, и к тем, кто только готовится к первому полету. Настолько требователен, что некоторым моим коллегам пришлось за мелкие и крупные грешки расстаться с должностями, а то и вообще покинуть отряд. По части соблюдения дисциплины генерал никому спуска не дает.

Маканин сидел в кресле за письменным столом, был молчалив и задумчив. Махнул рукой на пару стульев около приставного столика – садись, мол. Я присел на краешек стула. Он окинул меня цепким взглядом, спросил:

- Алексей, знаешь, что самое главное в будущем полете?
- Высадка на Луну, что же еще? – Я пожал плечами.

Хороший вопросик накануне старта!

Генерал опустил глаза и совершенно бесцветным голосом сказал:

- Можешь считать, что высадка на Луну состоялась. Это значит, что 31 октября 1968 года советский космонавт Алексей Архипович Леонтьев ступил на лунную поверхность. Твое имя уже вписано в историю мировой космонавтики, как имя первого человека, который высадился на Луне.

“Давай полетим к звездам!”

- Не понял, - я слегка опешил. До полета еще почти двое суток, а Маканин такое говорит! Наверное, недоумение слишком явно отразилось на моем лице.

- Думаешь, я с ума сошел? – Николай Петрович устало потер ладонью лоб. - Чокнулся старик, да?

- Да что вы такое говорите, товарищ генерал...

Маканин тяжело поднялся из кресла, открыл ящик письменного стола и достал бобину с магнитофонной лентой. Чуть сутулясь, словно на него что-то давило, пошел в угол комнаты, где на журнальном столике стоял магнитофон.

- Я, конечно, не должен тебе этого говорить, Алексей, - он поставил бобину в магнитофон. – Но ты – умный и мужественный человек, и я хочу, чтобы ты знал...

Николай Петрович включил звук и снова вернулся к письменному столу:

- Слушай.

Лента еще несколько секунд вращалась бесшумно. Потом раздалось сдавленное покашливание. Чей-то напряженный голос скороговоркой произнес:

- Раз, раз, раз... “Заря”, я – “Флаг–один”. “Заря”, на связь! Черт возьми, ничего не слышно...

Я с удивлением сообразил, что слышу собственный голос. Даже приподнялся со стула:

- Что за чертовщина...

- Помолчи, - осадил меня Маканин. – Просто послушай.

“Давай полетим к звездам!”

- Если меня кто-нибудь слышит, - человек продолжал говорить моим голосом. – На связи космонавт Алексей Леонтьев. Космический корабль “Лунник-5” достиг поверхности Луны. При посадке серьезно повреждены две опорные стойки. Корабль сильно накренился и практически лежит на лунной поверхности. Это значит, что мне не удастся стартовать с Луны.

Человек замолчал, а потом заговорил снова. В голосе я уловил нотки отчаяния:

- Посадка “Лунника” произошла в нерасчетном районе. Мне не удастся добраться до резервного корабля. В пределах видимости его нет. Связь с Землей отсутствует. Я просто не знаю, в какую сторону и как далеко должен идти... Поэтому я останусь здесь навсегда... Я выполнил задание Родины – наш флаг стоит на поверхности Луны. Гражданин Советского Союза, космонавт Алексей Леонтьев, стал первым человеком, который ступил на лунную поверхность.

Длинная пауза. И я снова слышу свой голос:

- Попытки наладить связь не увенчались успехом. Заканчивается запас воздуха в скафандре и долго мне не протянуть. В моем распоряжении не более часа. А потом...

Пауза.

- Не хочу умирать от удушья. Знаю: сейчас центр управления полетом и еще многие люди ищут мой корабль здесь, на Луне. Я помогу найти место посадки “Лунника”... Шансов на спасение нет. Поэтому я принял решение взорвать

“Давай полетим к звездам!”

космический корабль. И с окололунной орбиты, и с Земли будет заметна вспышка света и облако пыли. А здесь, на Луне, появится новый кратер...

Несколько секунд молчания.

- Прощайте, товарищи. Позаботьтесь о моей семье. Я уйду со спокойной душой. Коммунизм победит!

Громкий щелчок. И тишина...

Маканин снял бобину с магнитофона и снова спрятал в ящик письменного стола:

- Вот так-то, Алексей.

- Что это было, товарищ генерал? – Я проглотил застрявший в горле ком.

- Это? – Николай Петрович вскинул серебристые брови. – Это запись выступления актера, голос которого удивительным образом похож на твой голос.

- Но зачем?

- Мы, конечно, уверены в том, что наша космическая техника будет нормально работать в течение всего полета, но...

- Маканин откинулся в кресле. – Но если во время спуска с тобой что-то случится... Мало ли что... Так вот, если на участке спуска на Луну с “Лунником” что-то произойдет, и ты не сможешь совершить посадку на Луну или вернуться на окололунную орбиту, принято решение запустить в эфир эту запись.

- Но это значит... - У меня пересохло во рту.

“Давай полетим к звездам!”

- Это будет значить, - жестко отрезал генерал, - что советский космонавт Алексей Леонтьев, несмотря на аварию, все-таки сел на Луну, установил на ней наш советский красный флаг и героически ушел из жизни. После взрыва корабля образовавшемуся кратеру будет присвоено имя Алексея Архиповича Леонтьева.

- Но это же полный блеф... Зачем?

- Алексей, неужели ты действительно не понимаешь? – Генерал недоверчиво покосился на меня. – Политбюро решило, что мы ни в кое случае не должны пропустить вперед американцев. Мы должны быть на Луне первыми. Даже в случае катастрофы твоего корабля. Вот такие пироги, Алеша... Поэтому заруби себе на носу: в будущем полете главная задача - не просто высадиться на Луну, а вернуться оттуда живым. Чтобы не пришлось доставать из ящика стола вот эту запись...

Мартын Луганцев и его собеседники - 1

(записки журналиста)

ЗАДАНИЕ РЕДАКТОРА

Осень в нынешнем году выдалась небывало дождливой.

Вот и сегодня сентябрьское небо над Москвой с раннего утра хмурилось, супилось низкими пепельно-серыми тучами, и, в конце концов, заслезилось мелким и противным дождем.

“Давай полетим к звездам!”

Оказавшись на крыльце родной “конторы”, я неуклюже сложил зонт, ненароком ткнув его рукоятью в бок кого-то из пробежавших мимо коллег, расстегнул и отряхнул плащ. Не хотелось предстать перед глазами Инги и других “конторских” барышень в образе “мокрой курицы”. Образ слегка подмокшего молодого, но уже опытного журналиста в модном плаще и с импортным английским зонтиком был все-таки более выигрышным.

Закончив приводить себя в порядок, легко взбежал по лестнице на третий этаж и окунулся в самую гущу утренней жизни “конторы”. Двери почти всех кабинетов были распахнуты в коридор. Хорошо слышались голоса сотрудников нашего учреждения. Шел традиционный обмен накопившимися за минувшие сутки рабочими новостями.

- Федя, ты знаешь, что Лянгузова опустили в подвал?

- Так ему и надо, балбесу. Говорил же, не пиши так длинно, срежут и заподвалят. Так нет, мы же великие! Строчит и строчит...

- Марина Павловна, в отделе у Зипуненко полоса горит. Может, че-нить подкинем из наших загашников?

- Отдай им кусок Вайнштейна. Только самое вкусное попридержи, нам еще субботний выпуск ваять...

- Сергеич, ты уже слышал новость? Кривунову опять недотравили.

“Давай полетим к звездам!”

- Вот воплей будет, Димка! Может, давай рассыплем Шарафутдин-заде? А всю площадь в сегодняшнем номере отдадим Надьке?

- Люсь, а твоему Вадику Михайлов опять хвост подрезал...

- Вот же скотина. Опять денег не заплатят. Маш, стрельни пятерку до получки...

Если случайный посетитель пройдет по нашему этажу, прислушиваясь к раздающимся из кабинетов голосам “живого радио”, у него есть все шансы к концу длинного коридора постепенно сойти с ума. Или, в лучшем случае, прийти к заключению, что нелегкая занесла его в тайный приказ каких-нибудь особо зверствующих садистов, изощренно дотравливающих друг друга, запирающих товарищей в мрачных подвалах и режущих слишком длинные “хвосты” у своих же коллег.

Однако мы вовсе не подпольное объединение мастеров заплечных дел. Напротив, мы весьма респектабельное и широко известное в нашей стране и во всем мире учреждение – общественно-политическая газета “Советские Известия”. Та самая, главным редактором в которой работает Алексей Аджубеев – очень талантливый журналист, умный руководитель и просто хороший человек. Ну, и к тому же еще муж дочери Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева.

“Давай полетим к звездам!”

Дверь в кабинет Инги тоже оказалась приоткрыта. Я негромко пробарабанил пальцами по деревянному косяку и заглянул внутрь. Рабочее место моего Солнышка пустовало, а за столом напротив перед небольшим зеркальцем приводила в порядок лицо Зинаида Петровна, Ингина соседка по кабинету, наш корректор.

- Здравствуйте, Зинаида Петровна! – Губы сами собой растянулись в вежливой улыбке. – А где?...

Я мотнул подбородком в сторону Ингиного стола.

- Послали в горисполком твою любовь, Март, - Зинаида Петровна на секунду оторвалась от созерцания припудренного носа. – Раньше перерыва вряд ли вернется...

- Ясненько, - я поблагодарил ее кивком и ретировался в коридор. Жаль, что Инги нет. Чаевничать теперь придется самому или в компании с Мишкой Соколовым.

Мишка Соколов уже пребывал в нашем общем кабинете. Михаил – человек семейный, серьезный. Живет по очень строгому распорядку дня, - не чета таким холостым разгильдяям, как я. Появляется в редакции ровно без десяти девять. Можно даже часы сверять.

Сейчас Соколов стоял у распахнутого настежь огромного окна и поочередно выжимал руками пудовую гирию. Спортсмен, однако. Чемпион редакции по гиревому спорту.

“Давай полетим к звездам!”

- А, явился, - Мишка недовольно покосился в мою сторону, перевел взгляд на круглые часы на стене. – Время опоздания – шесть минут.

- Творческий человек никогда не опаздывает, - немедленно парировал я, - он задерживается в творческой командировке.

- Творец, - скептически рыкнул Мишка и с шутливой презрительностью припечатал:

– Властитель дум барышень старшего школьного возраста и сопливых студенток!

В “советско-известинской” редакции Мишка специализируется на освещении вопросов вузовской науки, а я – уже третий год “сизжу” на молодежных проблемах. Поэтому, хотя мне в нынешнем году стукнуло двадцать пять, многие в нашей редакции считают, что ветер школьных мечтаний и студенческих грез еще не полностью выветрился из моей головы. А посему я должен хорошо разбираться в моральных и нравственных проблемах молодой поросли строителей коммунизма. И, следовательно, являюсь экспертом по делам молодежи во всех вопросах, связанных с взаимоотношениями старшего и юного поколений.

Я раскорякой развесил на вешалке мокрый плащ. Раскрыл зонт на просушку и поставил его в углу комнаты. Включил в сеть электрический чайник, который скромно примостился на журнальном столике между моим и Мишкиным

“Давай полетим к звездам!”

письменными столами. Достал из шкафчика банку с растворимым индийским кофе и синюю чашку.

- Кофеек пить собираешься? – С заметной язвинкой в голосе поинтересовался Соколов, в очередной раз поднимая над головой пуд чугуна. – А вот и не выйдет!

Мишка – отчаянный противник потребления кофе. Кофе, - он где-то вычитал, - пить очень вредно. Этот, по его выражению, “буржуазный напиток” плохо сказывается на здоровье советского человека, способствует повышению давления и возникновению гастрита. Сам Соколов пьет исключительно фруктовые соки отечественного производства – попеременно томатный и яблочный: единственные, которыми нас балует столовая нашего славного учреждения.

- Это почему же? – Я подозрительно покосился в сторону Мишки. – Что, в нашей редакции уже запретили пить кофе?

- К сожалению, пока нет, - пропыхтел Соколов, в очередной раз преодолевая козни гравитации. – Просто тебя просил зайти шеф!

- Меня? Шеф? – Я удивленно округлил глаза. Аджубеев редко вызывает к себе кого-то персонально. Общение с главным редактором мы чаще всего ведем на редакционных планерках в понедельник утром. Там нам раздают сладкие пирожки за заслуги перед отечественной журналистикой и вставляют пистоны за дела, порочащие славное имя нашей газеты. Персональный вызов к шефу – это, как правило, к

“Давай полетим к звездам!”

внеплановой командировке в какой-нибудь Урюпинск, за полярный круг или вообще к черту на кулички.

- Тебя, тебя, - с нескрываемым злорадством подтвердил Мишка. – Шеф лично звонил и просил зайти, как только ты соизволишь явиться на работу!

- Злодей ты, Мишка, - я показал ему кулак. – Не мог сразу сказать!

- Просто не хотел тебя лишать удовольствия подержать в руках банку с кофе! – садистски ухмыльнулся Соколов.

Я взял со стола блокнот для записей и авторучку и вышел в коридор. Обмен новостями уже закончился, и наш редакционный народец занялся кто чем: кто чаевничал, кто тихо сплетничал с соседями, а кто и строчил очередной журналистский шедевр. Из дальнего конца коридора были слышны стрекочущие пулеметные очереди пишущих машинок: в бой с рукописными текстами вступили девушки из машбюро.

Кабинет нашего главреда располагался на втором этаже. В приемной никого из посетителей и сотрудников еще не было, а секретарь Аджубеева Елена Львовна маялась за обширным рабочим столом, полируя пилочкой ногти и одновременно рассматривая какой-то цветной иллюстрированный журнал.

- Ты куда собрался, Луганцев? – недовольным тоном осведомилась она, не отрывая взгляда от журнала. Ушами видит, что ли?

“Давай полетим к звездам!”

- Шеф вызывает, - я кивнул в сторону аджубеевского кабинета. – Лично позвонил и попросил немедленно зайти.

- Сам позвонил? - недовольно буркнула Елена Львовна. Она уже давно привыкла быть голосом нашего главного редактора и очень не любит, когда Аджубеев по телефону общается с сотрудниками газеты напрямую. – Ну, иди, иди...

Елена Львовна – женщина совершенно невзрачной внешности и неопределенного возраста, но с выдающейся грудью. Нет, дело вовсе не в том, что грудь ее имеет какие-то рекордные показатели по части красоты или размеров. Просто я уже не однажды видел, как она своими телесами намертво закрывала двери в кабинет шефа от очень уж назойливых посетителей. Хотите - верьте, хотите - нет, но в боевом состоянии грудь Елены Львовны увеличивалась в объеме примерно в три раза. Мы – я и Мишка Соколов - уже не единожды обсуждали этот физиологический феномен и пришли к твердому убеждению, что в момент защиты двери уважаемого начальника его секретарша испытывает острое половое возбуждение. Как растолковал мне Мишка, этот факт с совершенно неожиданной стороны косвенно подтверждал учение известного западного психоаналитика Зигмунда Фрейда.

На секунду остановился у зеркала на стене. Поправил галстук, смахнул соринку с левого рукава пиджака. Постарался взглянуть на себя взглядом “человека со стороны” - обычный

“Давай полетим к звездам!”

журналистский прием. Почти два метра роста. Худощав, но жилист. Светло-карие глаза. Русые волосы с – как выражается Инга – “намеком на легкую кучерявость”. Прямой с небольшой горбинкой нос, тонкие губы и острый подбородок.

Я потянул на себя ручку оббитой тонкой кожей двери в кабинет шефа, переступил порог и оказался в широкой и светлой обители главного редактора.

- Можно, Алексей Иванович?

- Можно, Март, заходи, - Аджубеев царственно восседал в громадном кресле за бескрайне большим письменным столом и с карандашом в руках редактировал отпечатанный на пишущей машинке чей-то журналистский опус. Алексей Иванович всегда любил просматривать и править наши статьи. И не только по литературному стилю и общему содержанию, но и с точки зрения их соответствия очередному колебанию партийной линии. Вот и сейчас острое редакторского карандаша скользило по тексту, расставляя многочисленные пометки на полях чьего-то материала. По количеству пометок можно было с уверенностью ожидать, что кого-то из коллег в ближайшее время ждет довольно неприятный разговор на “ковре” у шефа.

- Присаживайся, - Аджубеев жестом указал на стулья вокруг Т-образного рабочего стола.

С каждой стороны стола стояло по три стула, и я дипломатично выбрал средний слева: когда не знаешь, что за

“Давай полетим к звездам!”

разговор тебя ожидает, лучше не демонстрировать ни свою удаленность, ни свою близость к начальству.

- От чашечки кофе, я надеюсь, ты не откажешься? – В больших серых глазах Алексея Ивановича блеснула смешинка. О моей страсти к кофе давно уже было известно всей редакции.

- Не откажусь, - я смиренно пожал плечами.

- Вот и замечательно, - довольно сощурился Аджубеев, щелкнул тумблером на столе и склонил голову над микрофоном внутренней связи:

- Елена Львовна, будьте добры, нам два кофе и печенье.

Редактор расслабленно осел в кресле, глубоко вздохнул и принялся потирать кончиками пальцев чуть тронутые сединой виски:

- Устаю страшно, Март, - пожаловался он. - Работы с каждым годом становится все больше и больше... А свободного времени – все меньше и меньше.

Я понимающе кивнул и немного расслабился. Шеф сегодня явно был настроен на установление дружеского контакта. Значит, каких-то неприятностей ждать не придется. Ну, а возможная командировка в какую-нибудь Тмутаракань... Что ж, на то она и работа, чтобы состоять не только из простых и приятных заданий. Интересно, куда на этот раз собираться?

- Чем ты сейчас занят? – поинтересовался Алексей Иванович, закончив массаж висков. – С материалами ко дню учителя уже полностью разобрался?

“Давай полетим к звездам!”

- Сто лет назад, - я снисходительно ухмыльнулся в ответ.
– Все уже давным-давно сдано и готово к печати.

- Вот и хорошо, - на полных губах Алексея Ивановича появилась мягкая улыбка. – Собираюсь поручить тебе одно очень интересное и перспективное заданьице...

Он некоторое время изучающе смотрел на меня, видимо, стараясь оценить реакцию на предложение “интересно и перспективно” поработать. Однако мое лицо оставалось совершенно бесстрастным. Как каменное изваяние с острова Пасхи. Я лишь подвинул к себе блокнот, демонстрируя готовность записывать ценные указания руководства по предстоящей трудовой деятельности.

- Тут вот какие дела, Март, - Аджубеев чуть расслабил узел на тонком в некрупный горошек галстук. – В октябре нынешнего года наши космонавты должны полететь на Луну...

- Ух, ты! – Я не смог сдержать восхищения. – И что, высаживаться на Луну тоже будут?

- Будут, - кивнул Аджубеев. – Высадятся и проведут научные исследования...

- Здорово!

- Да, здорово, - согласился Алексей Иванович. – Первая высадка человека на Луну... Эх, разве еще лет десять назад мы могли мечтать о таком, а, Март?

- Десять лет назад все это казалось фантастикой, Алексей Иванович, - поддакнул я. – Помню, как в восьмом

“Давай полетим к звездам!”

классе мы ходили в планетарий и в телескоп пытались рассмотреть наш первый спутник...

Открылась дверь. Елена Львовна внесла поднос с двумя чашками и большой тарелкой с печеньем. По кабинету тут же распространились манящие запахи свежеприготовленного кофе. Одна из чашек была поставлена передо мной, а вторая заняла место на столе перед Алексеем Ивановичем. Тарелку с печеньем Елена Львовна, точно оценив расстояние, расположила на равном удалении от меня и Аджубеева.

- И вот эта фантастика становится реальностью, - Аджубеев сделал маленький глоток кофе и продолжил:

- Наши космонавты летят на Луну в конце октября. Пока еще не ясно, кто именно войдет в состав экипажей, но... Но для нашей задачи это не особенно и важно.

Он снова отпил кофе. Я последовал его примеру, расположился повольготнее и потянулся за печеньем.

- Хочу поручить тебе работу, связанную с предстоящим космическим стартом, - сообщил Алексей Иванович. – Ты как?

- Так у нас же о космосе пишут Коновалин и Пилипенко? - удивленно вскинув брови, напомнил я. – У них опыт, они в теме, а я...

- А ты что, собираешься всю жизнь писать о проблемах школьников и студентов? – Аджубеев снисходительно ухмыльнулся. – “Не расстанусь с комсомолом – буду вечно молодым”? Так, да?

“Давай полетим к звездам!”

Я почувствовал, что краснею. В последние полгода тематика моих публикаций действительно начала казаться мне какой-то слишком уж детской. Юношеские проблемы, о которых с удовольствием писал еще год или два назад, сделались почти в одночасье мелкими и пустяковыми. Как-то поделился своими мыслями с Ингой, и она сделала однозначный вывод: “Ты перерос школьную и студенческую тему, Март. Нужно искать новое направление работы”.

- Пора тебе, Март, выходить на новый уровень, - главный редактор словно прочел мои мысли. – Михаил Николаевич Пилипенко через два месяца уходит на пенсию. Место обозревателя по научной и космической тематике становится вакантным. Вот я и решил двинуть тебя по космической линии.

Он бросил на меня внимательный взгляд:

- Ну, ты как?

- Космос - тема, конечно, интересная, - я опустил глаза, - но...

- Что “но”? – Крупный нос Алексея Ивановича недовольно наморщился. – Боишься, что не потянешь?

- Боюсь, Алексей Иванович, - со вздохом признался я. – Я же никогда не писал о космосе и космонавтах...

- Ну, до ракетного старта Сергея Анокина и орбитального полета Юрия Гагарова о пилотируемой космонавтике вообще никто не писал, - парировал Аджубеев со смешком. – Разве что

“Давай полетим к звездам!”

писатели-фантасты... Но ведь не боги же горшки обжигают, правда?

Я машинально кивнул.

- Вот и замечательно, - Алексей Иванович довольно заулыбался. – Значит, ты согласен?

- Угу, - покорно склонил голову я. – Но мне придется существенно пополнить багаж своих космических знаний.

- Пополнишь, - с легкостью отмахнулся Аджубеев. – Научно-популярной литературы – горы, а в запасе до дня старта наших ребят на Луну у тебя еще почти полтора месяца.

Он задумчиво потер ладонью гладко выбритый подбородок.

- Теперь о главном, Март.

“О, Господи, - запаниковал я. – Это была только преамбула! Что, еще будут какие-нибудь сюрпризы?”

- Как ты знаешь, - Аджубеев отодвинул в сторону пустую чашку и сложил руки на столе, - в нашей стране вплоть до самого последнего времени не принято было слишком уж открыто писать о космонавтике. Секретность, безопасность... Ну, ты сам понимаешь. Так вот...

Он сделал секундную паузу, словно собирался с духом, чтобы переступить какой-то невидимый порог.

- Есть мнение на самом верху, - Алексей Иванович направил указательный палец в потолок, - что перед высадкой космонавтов на Луну мы должны раскрыть миру некоторые

“Давай полетим к звездам!”

наши тайны. И более подробно написать о тех людях, которые готовят космические старты.

- Понимаю, - кивнул я и с легкой издевкой добавил:

- О простых тружениках космонавтики. О скромных конструкторах, инженерах и рабочих, которые своим самоотверженным трудом...

- Уймись, Луганцев, - нос шефа снова неодобрительно сморщился. – Что за неуместная ирония?

- Алексей Иванович, - я развел руками, - Пилипенко с Коновалиным едва ли не в каждой статье пишут о работниках космодрома и космических предприятий!

- Пишут, - согласился Аджубеев. – Но на сей раз решено написать не о них. Решено назвать фамилии капитанов нашей космической отрасли. Главных конструкторов космических фирм и предприятий.

- Ого! – Я присвистнул. – Тех самых, секретных?

- Да, тех самых, - подтвердил Аджубеев. – Тех, фамилии которых мы все эти годы скрывали от излишне любопытных глаз и ушей.

- А в чем будет состоять мое задание? – Я решил круто взять быка за рога.

- Ты как раз и должен будешь первым назвать миру фамилии наших главных конструкторов, - сказал Алексей Иванович. – Взять у каждого из них интервью.

Он чуть помедлил, собираясь с мыслями, и произнес:

“Давай полетим к звездам!”

- Но есть одна загвоздка...

На его высоком с заметными залысинами лбу пролегли глубокие прямые морщины.

- ЦК партии, - с нажимом начал Аджубеев, - хотел бы, чтобы фамилии наших выдающихся конструкторов стали известны всему миру. Но... Но эти люди по-прежнему остаются секретносителями, как выражаются ребята из Комитета госбезопасности. Поэтому ЦК партии не хотел бы, чтобы о каждом из наших конструкторов было сказано слишком много. Понимаешь? Достаточно будет краткой информации. Родился, учился, женился...

- М-м-м, а о чем же я с ними тогда буду говорить? – Я не смог скрыть недоумения.

- О космической технике, разумеется, - заулыбался Алексей Иванович. – Ты подготовишь цикл интервью, в которых представишь читателям наших космических руководителей и подробно распишешь все их славные дела. Каждое интервью должно быть размером примерно на одну газетную полосу...

- Извините, Алексей Иванович, - я вздохнул, – но мне все равно кажется, что у Коновалина или Пилипенко этот материал получился бы лучше... Они давно, как говорится, “в теме”. А я пока не могу отличить “Восток” от какого-нибудь “Севера” или “Лунника”.

“Давай полетим к звездам!”

- Это как раз и хорошо! – Аджубеев снова растянул губы в улыбке. – Я и хочу, чтобы ты написал о нашей космической технике с позиций человека, который совершенно с ней не знаком. То есть просто, ясно и доступно.

Он задумчиво пожевал губами и продолжил:

- Видишь ли, Март... Наши “старики” – Пилипенко и Коновалин – пишут о космонавтике правильно, умно и... немного скучно. А мне бы хотелось, чтобы ты бросил свежий взгляд на космическую программу. И заодно представил бы читателю главных творцов наших достижений в исследовании космоса.

- Угу, - закивал я. – Значит, мне нужно взять несколько интервью у главных конструкторов и повести разговор так, чтобы больше говорить не об их биографиях, а о той технике, которую они создают.

- Именно так, - подтвердил Алексей Иванович. Он пододвинул к себе тонкую папку с угла письменного стола, достал из нее лист бумаги и протянул его мне:

- Это твоя шпаргалка.

- Что? – не понял я.

- Здесь указаны фамилии людей, с которыми ты должен по очереди побеседовать и адреса предприятий, на которых ты можешь их найти. Прочитай, пожалуйста.

Я поднялся со стула, взял из его рук лист, углубился в чтение.

“Давай полетим к звездам!”

Королевин Сергей Павлович.

Михеев Василий Павлович.

Глуховцев Валентин Петрович.

Бушунин Константин Давыдович.

Филов Вячеслав Михайлович.

Северцев Гай Ильич.

Мозжоров Юрий Александрович.

Всего семь фамилий. И напротив каждой – контактные телефоны и адреса их “космических фирм”.

- Эту бумагу можешь оставить себе, - сказал Аджубеев. – Но на всякий случай, имей в виду: список остается все еще секретным. Так что трепаться о полученном задании и называть кому-то из друзей и знакомых эти фамилии я тебе очень не советую. Ясно?

- Так точно, товарищ главный редактор, - я шутливо вытянулся в струнку и выпятил подбородок:

- Разрешите приступить к работе?

Аджубеев окинул меня веселым взглядом, хохотнул и попросил:

- Ты уж, будь добр, постарайся, ладно? Люди, о которых нужно написать, достойны того, чтобы о них было написано хорошо.

- Конечно, - я пожал плечами. – Постараюсь, Алексей Иванович.

- Вот и отлично. Шагай работать.

“Давай полетим к звездам!”

Я вышел в приемную и плотно прикрыл дверь в кабинет. Сложил вчетверо лист с фамилиями главных космических конструкторов и сунул его во внутренний карман пиджака. А потом приосанился и продекламировал:

- Говорит редактор наш:

“Вот возьми на карандаш -

В прошлом школа, малыши.

Ты про космос напиши!”

- Чего? - Елена Львовна испуганно воззрилась на меня.

- Экспромт на злобу дня, - пояснил я. - Поэтический.

- Стихоплет, - с беззлой иронией констатировала секретарша и с королевским величием указала пальцем на дверь в коридор:

- Марш, на рабочее место, Луганцев!

Чеслав Волянецкий и другие - 1

(рабочие записи)

“ПАДАЛ ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ”

Когда я по крутому спуску выехал из Лимели на шоссе и повернул налево, позади “форда” обнаружился громадный бензовоз.

В Лимели я оказался случайно. Всю последнюю декаду сентября провел на западном побережье Соединенных Штатов,

“Давай полетим к звездам!”

где вместе с профессором Карлом Леманом занимался анализом перспектив американской лунной программы. Когда работа была закончена, пришло время возвращаться в Вашингтон. Решительно отверг услуги авиакомпаний “Дельта” и “Транс-Ворлд Эрлайнз”, которые радостными улыбками сногшибательной красоты стюардесс с рекламных плакатов зазывали в полет. За пять лет резидентства в этом мире мне до смерти надоели ревушие самолеты и многолюдные аэропорты. Я устал от душераздирающих воплей сирен и бешеного визжания колес полицейских машин, от будоражащего сердце перезвона медных колокольчиков на несущихся по трассам красных пожарных автомобилей. С души воротило от змеиного шелеста шин, непрекращающегося рокота раздраженных моторов, грохота нервно дергающихся отбойных молотков, от постоянного гула голосов сотен и тысяч людей на улицах, в супермаркетах и в офисах, от пронзительных свистков, которыми швейцары многочисленных гостиниц в Нью-Йорке вызывают желтые в черную “шашечку” такси. Захотелось немного отдохнуть от шума и суеты человеческих масс, увидеть Америку не с высоты полета, а “в живую”: прокатиться по ее дорогам, посмотреть города и природу, пообщаться с обычными американцами. Мой желудок жаждал бургеров “Вилороги” и жареного картофеля “Мескит”. Я хотел пить самое дешевое пиво “Бакгорн” техасской пивоварни “Одинокая звезда” и курить сигареты “Лаки страйк”.

“Давай полетим к звездам!”

Меня расслабил Фриско. Сан-Франциско разительно отличается от всех американских городов, в которых я бывал. Он лежит на холмах, и весь какой-то солнечный, белый, пропитанный свежим дыханием Тихого океана. Днем я и Леман копались в документации американской программы полета к Луне. А ближе к вечеру я брал напрокат очередную колымагу и отправлялся неторопливо колесить по улицам. Когда-то, - в моем родном мире, - здесь, в Сан-Франциско, жило семейство Воля-Волянецких.

Мой далекий предок, молодой новгородский купец Георгий Волин в начале семнадцатого века, - в смутные времена, - был схвачен татарами где-то на юге Подмосковья. Гнали пленника в Крым. Быть бы моему предку рабом на галерах, если бы уже на Украине, в Диком поле, не отбил его отряд вольных казаков. Георгий стал называться Воля, забросил купеческие дела и примкнул к освободителям. Вскоро обзавелся семьей, позже - осел в Киеве.

В 1812 году потомок Георгия и мой прадед Петр Воля участвовал в Отечественной войне. Красавец-гусар влюбился в польскую княжну Марию Волянецкую. Женился. Супружеская чета взяла себе двойную фамилию – Воля-Волянецкие.

В 1824 году Петр Воля-Волянецкий примкнул к декабристам. После разгрома восстания 14 декабря 1825 года не стал дожидаться ареста, а с женой и двумя малолетними

“Давай полетим к звездам!”

детьми бежал сначала в Европу, а потом перебрался в Америку. Поселился на западе континента, в Сан-Франциско.

В 1883 году мой отец Сергей Воля-Волянецкий отправился с торговой миссией в Санкт-Петербург – хотел, чтобы между Россией и Америкой завязались более тесные экономические связи. В российской столице познакомился с графиней Ириной Ростовцевой, предложил ей руку и сердце и получил согласие. Остался в России, стал одним из крупнейших промышленников на северо-западе страны.

Я родился в 1890 году в родовом имении Ростовцевых в Сосновом Бору. При крещении получил имя Святослав, но в гражданской метрике был записан как Чеслав – отец дал мне имя моего американского деда. Сюда же, в метрику – за дополнительную плату чиновнику-регистратору – было внесено и мое второе имя: Сэмюэль. Папа был без ума от книг Сэмюэля Клеменса, творившего под псевдонимом Марк Твен.

В 1913 году я окончил Санкт-Петербургский университет по кафедре “Механика”. Увлёкся воздухоплаванием и авиацией еще на студенческой скамье, и в 1914 году прошел обучение в Рижской школе летчиков. По окончании был направлен на офицерские курсы, стал военным пилотом.

Когда мне исполнилось двадцать четыре, я попал в поле зрения местной группы миростроителей. Что их во мне – молодом офицере-сорвиголове – привлекло, до сих пор не знаю. *Vixi et quem dederat cursum fortuna peregi* – и прожил

“Давай полетим к звездам!”

жизнь, и прошел путь, который предназначала мне судьба. Участвовал в строительстве восьмидесяти девяти миров включая нынешний. Если пересчитать мой возраст в абсолютные годы, то мне сейчас 7912 лет.

Перед очередной экспедицией на новую Землю у нас, миростроителей, принято очищать сознание от ненужных воспоминаний, знаний и эмоций. Ты сам решаешь, что взять с собой из прошлого в следующую командировку. Как правило, “за бортом” остаются второстепенные переживания, рутинные события, ненужные сведения – весь этот хлам хранится в твоём персональном мыслефайле и может быть тобой затребован при необходимости. А в новый мир берешь только самое необходимое и важное для тебя, в том числе и знания. В багаже знаний весомую часть составляет латинский язык – цивилизации Средиземноморья стали основой прогресса во многих созданных нами мирах. Кроме того, в годы моей молодости, еще в родном мире, я усердно штудировал латынь в гимназии. Поэтому латинские выражения и пословицы сами собой иногда всплывают в сознании. *Volens nolens* – хочешь, не хочешь.

Так уж получилось, что за время моих скитаний по разным мирам и работы миростроителем, я никогда не бывал на западном побережье Америки. И сейчас здесь, в Сан-Франциско, старался отыскать хоть какие-то следы моих американских предков. Скиталец и “безродный космополит”

“Давай полетим к звездам!”

Волянецкий искал свой дом — уютный, теплый и родной. Дом, в который бы всегда хотелось вернуться... Тщетно, это был совершенно иной мир, и Воля-Волянецкие, может быть, и живущие в нем, наверное, никогда не жили во Фриско. И, тем не менее, я ездил по городским улицам, губкой впитывая энергию этого большого и красивого города.

Сан-Франциско расположен на полуострове, и ему вечно не хватает места. Сначала город разрастался в юго-западном направлении, вдоль маленькой зеленой долины. Потом постепенно стал перемещаться на склоны окружающих ее холмов. Улицы карабкались вверх, становясь все круче и круче, появились фуникулеры и кабельные трамваи.

Я выехал на ровную, как стрела центральную улицу — “Маркит Стрит”, которая широкой лентой прорезала весь город. Свернул на бульвар Твин Пикс. Близнецы — это довольно высокие и удивительно похожие друг на друга пики-холмы, расположенные в самом центре Фриско. Дорога вверх вилась, как ползущая серая змея. Отсюда город открылся полностью, во всей своей урбанистической и одновременно какой-то хрупкой красе. Тут, на верхотуре, я и принял окончательное решение — все, баста, отдыхаю. События в мире не требовали немедленного возвращения ни в Нью-Йорк, ни в американскую столицу, поэтому известный общественный деятель, футуролог и прогнозист, “пи-эс-ди” - доктор философии Чеслав Сэмюэль Волянецкий решил взять отпуск примерно на

“Давай полетим к звездам!”

недельку. Я очень хотел отдохнуть от этого мира. И пусть мир отдохнет от меня.

На маленькой улочке недалеко от Телеграфного холма со знаменитой вышкой Коит Тауэр на вершине я отыскал небольшой магазинчик одежды для туристов, в котором приобрел полный комплект дорожной “униформы” и переоделся. Критически осмотрел себя в большом зеркале. Кожаные ботинки на высокой шнуровке, джинсы и джинсовая куртка, рубашка в крупную клетку и широкополая “ковбойская” шляпа хорошо гармонировали с моей внешностью. Округлое, чуть удлиненное лицо. Темно-каштановые волосы, черные брови над карими глазами, довольно крупный нос, острые стрелки усов и полноватые губы. Не хватает только широкого пояса с кобурой и торчащей из нее рукоятью “кольта” - и перед вами типичный киношный шериф. Хоть сейчас на съемочную площадку.

Арендовал белый кабриолет – длинный “Форд Ранч-вагон” выпуска 1964 года, колеса с белоснежной окантовкой, откидная складывающаяся крыша, – и неторопливо выехал из Сан-Франциско на междугородное шоссе. Как пелось в популярной уже лет двадцать песне “See The U.S.A. in Your Chevrolet” - “Я хочу увидеть Соединенные Штаты из своего “шевроле”. За тем исключением, что в моем распоряжении имелся не капризный “шевроле”, а добрый и надежный “форд”.

“Давай полетим к звездам!”

А еще я решил, что в каждом из штатов, через которые придется проезжать, буду покупать какой-нибудь подарок для Марго — что-нибудь с местным колоритом: картины, статуэтки, сувениры. Чтобы к возвращению в Вашингтон в машине был мешок подарков для любимой женщины.

С запада на восток, перебираясь через горы Сьерры-Невады, Калифорнию пересекает пять главных трансамериканских трасс. Сначала я отправился по дороге от Сакраменто до Карзон-Сити, потом взял еще южнее.

К концу дня я въехал в какой-то городишко на самой границе штата и решил здесь заночевать. Сначала посмотрел совершенно безумный ковбойский боевик в драйв-ин-кинотеатре – на большом экране, не выходя из машины, потребляя купленные в фастфуде “Сабвей” длинные “сэндвич-субмарины” и овощные салаты, запивая кока-колой. Потом отыскал небольшой мотель. Умылся с дороги и завалился спать.

Утром, после легкой зарядки, съел завтрак в кафе около мотеля – сочный бекон с яичницей и черный кофе без сахара. Достал из саквояжа карту и карандашом прорисовал линию будущего трансамериканского маршрута, припоминая заодно шуточные и рекламные прозвища штатов, по дорогам которых собирался прокатиться по пути на восток. Виноградная Калифорния – “американская Италия” Аризона – страна очарования Нью-Мексико – кусочек “говяжьего штата” Техас –

“Давай полетим к звездам!”

“земля ищущих легкой наживы” Оклахома – поле чудес Арканзас – штат “свиной и мамалыги” Теннесси – чуть-чуть конопляной Кентукки – “мать всех штатов и родина первых президентов” Виргиния – и, наконец, Округ Колумбия, Вашингтон – “управленческое сердце” Северной Америки. Заправив бак “форда” под завязку, выехал на шоссе.

Кабриолет я вел на скорости около тридцати миль в час. Часто останавливался и фотографировал уникалом попадавшиеся по пути всяческие интересные и достопримечательности.

Утром третьего дня путешествия я прикинул по карте, что знаменитое Вандертауэрское ущелье находится не так уж далеко от трансамериканской трассы. Чтобы попасть к нему, нужно было всего-то сделать стомильный крюк вправо.

Я давно хотел взглянуть на это чудо природы. Поэтому свернул с оживленной трассы на дорогу, ведущую к Вандертауэру. По моим прикидкам до ущелья я должен был добраться примерно к полудню.

Дорога, по которой я ехал, оказалась почти пустой. Минут за двадцать езды мне навстречу попались только школьный автобус, дребезжащий “Шевроле-Бискейн” и ржаво-металлической окраски мотоцикл “Индиан” с боковой коляской. Еще реже мой тихоходный кабриолет обгоняли попутные машины. Вандертауэр очень привлекательное место для туристов, но добираться до него гораздо проще не по

“Давай полетим к звездам!”

маршруту, которым двигался я, а по Северной трассе, идущей напрямик от Лос-Анджелеса к Чикаго. Мой вариант поездки к ущелью был похож на попытку почесать правой рукой левое ухо. Но если ты в отпуске – левое ухо можно чесать чем угодно.

Около Лимели я оказался примерно в половине двенадцатого. Шоссе было проложено мимо поселения, и у меня не было ни желания, ни повода, чтобы заезжать в стоящий чуть на возвышенности небольшой городок.

Но человек предполагает, а судьба располагает. Дорога огибала Лимели справа. После поворота посреди шоссе неожиданно обнаружился знак “дорожные работы”. Я затормозил. Большой плакат рядом со стрелкой извещал, что впереди ведется ремонт, и водителям предлагалось совершить объезд через Лимели. Метрах в ста от знака виднелись перегородившие шоссе экскаватор и два грузовика. Странно, но людей вокруг них не было видно. Пожав плечами, я свернул к городку.

Лимели был мал и настолько стандартен, что глазу в нем совершенно не за что было зацепиться. Жилые одно- и двухэтажные дома, построенные в стиле “нео-гасиенда” – с арками и затененными стенами. Три-четыре административных здания, десяток магазинчиков и кафе. Центральная площадь с мэрией, церковью и местным представительством какого-то банка. Обычный набор зданий городка из американской глубинки. Единственной достопримечательностью оказался

“Давай полетим к звездам!”

билборд около маленького городского парка. С плоскости хищно скалился Никита Сергеевич Хрущев. Ниже, чуть наискось, шла красного цвета надпись: “Нет, товарищ Хрущев! Это мы вас похороним!” Юмористы, однако...

Глазея по сторонам, я, умудрился проскочить нужный поворот, и минут десять плутал по почти безлюдным улочкам среди ухоженных коттеджиков, пока не нашел нужный выезд из Лимели на Вандертауэрскую дорогу. Вот тут, съехав с возвышенности и вырулив на шоссе, я и увидел в зеркальце заднего обзора огромную тушу бензовоза.

Готов дать голову на отсечение, что десяток секунд назад, когда “форд” только выворачивал с улицы на окраине городка, и я бросил взгляд на шоссе справа, на нем ничего не было.

Бензовоз стоял со стороны ремонтируемого участка дороги. Покрутив головой, я не обнаружил с этой стороны шоссе никаких дорожных знаков, извещавших бы водителей автомобилей о том, что впереди, с той стороны Лимели, ведутся дорожные работы.

Это было странно. Больше никаких съездов с дороги к Лимели до ремонтируемого участка не было. Водители встречных машин неминуемо бы проскочили по дороге до самого участка ремонта и вынуждены были бы возвращаться обратно. Скорее всего, и бензовоз, стоявший на обочине, подъехал к месту стоянки не со стороны ремонтируемого

“Давай полетим к звездам!”

участка дороги, а двигался мне навстречу, а потом вынужден был развернуться в противоположную сторону.

Я пожал плечами и нажал на педаль акселератора, заставив недовольно взвизгнуть мою колымагу. Глубоко вдохнул свежий воздух, рванувшийся мне в лицо, и выбросил из головы и странность с расположением предупреждающих знаков, и возникший из ниоткуда бензовоз на обочине. Впереди меня ожидало еще около часа пути и красоты ущелья Вандертауэра.

Бензовоз напомнил о себе минут через пять. Я машинально взглянул в зеркальце заднего обзора и обнаружил, что огромная машина движется следом за мной на расстоянии трехсот - трехсот пятидесяти метров.

“Наверное, бензовоз все-таки изначально двигался в том же направлении, что и мой кабриолет, - решил я. – Водитель, видимо, после объезда через Лимели, просто решил немного отдохнуть на обочине дороги”.

Для чего ему потребовалось заезжать на ремонтируемый участок и там разворачиваться, оставалось, однако, неясным. Впрочем, у водителя могли быть какие-то свои виды на придорожный отдых.

Я снова выбросил из головы бензовоз и сосредоточил взгляд на дороге, по-прежнему пустой до самого горизонта.

Так мы и ехали еще с полчаса: я – впереди, бензовоз – на прежнем расстоянии сзади. Иногда я бросал взгляды в

“Давай полетим к звездам!”

зеркальце заднего обзора и неизменно обнаруживал идущую позади машину. Ее огромная кабина, выкрашенная снизу в синий цвет, а сверху в красный, была хорошо заметна на фоне нежно-голубого неба.

К полудню солнышко стало ощутимо припекать. Не останавливая машины, я стянул с плеч дорожную куртку и расстегнул рубашку еще на две пуговицы. Нахлобучил на голову ковбойскую шляпу с широкими полями, которой запасся еще во Фриско, и нацепил на нос солнцезащитные очки. Глянул на себя в зеркало и рассмеялся: я стал похож на кота Базилио, который решил поиграть в Джеймса Бонда.

Степь слева и справа от дороги постепенно сменилась грядами зеленых холмов. Теперь дорога либо петляла между ними, либо взбиралась на очередную встречную возвышенность, чтобы тут же устремиться вниз. После выезда из Лимели мне так и не попалось ни одной встречной машины. Пару раз слева от дороги промелькнули какие-то постройки, похожие на заброшенные бензозаправки.

Включил радио и покрутил цилиндрик настройки. Вопреки очевидности, обозреватель погоды на радио КЛИФ – “только хиты всех времен и всегда хорошие новости” – прорицал проливной дождь, который может смениться снежным бураном, так что будьте осторожны на дорогах, мои дорогие. Я рассмеялся, и нашел выпуск новостей какой-то западно-американской радиокompании.

“Давай полетим к звездам!”

- Президент Линдон Джонсон по результатам опросов общественного мнения опережает кандидата от республиканской партии Ричарда Никсона, - бодрой скороговоркой вещал голос диктора. – После партийного съезда в августе Никсон добавил к своему рейтингу два с половиной процента, но за Линдона Джонсона по-прежнему готовы проголосовать пятьдесят три процента опрошенных избирателей.

- Все верно, - вслух прокомментировал я. – По базисному сценарию в ноябре Линдон должен быть переизбран на второй срок...

- Посол Советского Союза в США Добрынов опроверг появившиеся в печати ряда европейских стран сообщения о том, что в ближайшие трое суток СССР отправит на Луну пилотируемую экспедицию.

- Угу, - поддакнул я. – Советский Союз собирается это сделать в конце октября.

Позади рассерженным зверем взревел клаксон. Я вздрогнул и глянул в зеркальце заднего обзора. Пока я вертел рукоятку настройки радиоприемника и слушал новости, огромный бензовоз сократил расстояние, и теперь шел за моим кабриолетом на расстоянии полсотни метров, явно готовясь к обгону. Пришлось принять чуть правее, и несколько секунд спустя гигантская машина со свистом и грохотом пронеслась мимо меня. В лицо ударило плотной смесью горячего воздуха,

“Давай полетим к звездам!”

пыли и выхлопных газов. Толстые шины железного монстра издавали чавкающий звук, словно громадная пасть с толстыми губами поспешно хватала, чмокая, втягивала в себя и пережевывала асфальт. Машина свирепым басом еще раз рыкнула на меня, и, уйдя вперед по шоссе метров на тридцать, резко перестроилась в правый ряд. Взревев, - наверное, на прощание, - бензовоз стал постепенно удаляться.

Я выругался сквозь зубы, придерживая руль левой рукой, правой достал из кармана джинсов носовой платок и тщательно протер лицо. На белоснежном квадратике платка остался серый налет грязи. Что же, в путешествии кабриолетом по американским дорогам есть и свои прелести, и свои недостатки.

Дорога продолжала петлять среди холмов, которые становились все выше и выше. Еще минут десять неторопливой езды, и после очередного поворота мне открылась величественная панорама Вандертауэрского ущелья. Земля была разрублена гигантским двадцати километровым топищем на глубину около двухсот с лишним метров. Каменистые стены почти отвесно уходили вниз.

Я проехал еще метров триста, притормозил на обочине, вылез из машины и огляделся. Слева над шоссе возвышался высокий и длинный холм. Справа дорогу от ущелья отделяла металлическая цепь, подвешенная на бетонных столбиках

“Давай полетим к звездам!”

вдоль трассы. Далее шла полоска каменистого грунта шириной не более десятка шагов. А за ней начиналось бездна.

Я переступил через металлическую цепь и осторожно подошел к краю пропасти. Заглянул вниз. Отвесные стены ущелья постепенно становились более пологими, сходясь все ближе и ближе. С высоты были хорошо видны причудливые башенки острых камней, выступающие из стен, ступенчатые пирамидки на склонах, изгибающиеся края огромных глыб, похожие на крепостные стены. На дне виднелись сотни и тысячи крупных и мелких камней. Солнце стояло почти в зените, тени были едва заметны, и с края ущелья дно Вандертауэра было похоже на пустынный город, усыпанный кирпично-коричневой пылью.

Я немного полюбовался этой мрачной красотой и решил вернуться к машине. Обернулся и остолбенел – впереди по дороге, примерно в полукилометре от моего “форда”, стоял давешний бензовоз.

За красно-синей кабиной трехосного тягача располагалась длинная серебристая цистерна. Еще одна такая же цистерна толстой тушей покоилась на прицепе, трехосном, как и сам бензовоз. С расстояния пяти сотен метров бензовоз казался новенькой игрушкой, забытой кем-то на краю ущелья.

Я удивленно присвистнул и во все глаза уставился на огромную машину. Всего несколько минут назад на дороге ее не было. После поворота, когда я стал тормозить, чтобы

“Давай полетим к звездам!”

остановиться и полюбоваться скалами Вандертауэра, глазам открылось прямое, как стрела, шоссе, уходящее вдоль края пропасти к линии горизонта. И на этом шоссе, на всей его видимой глазу части, не было ни одной машины. А уж огромный бензовоз я бы наверняка заметил.

- Значит, он свалился с Луны, - констатировал я и зашагал к “форду”. Запрыгнул в машину и осторожно двинулся с места – словно, боялся спугнуть огромный автомобиль, стоявший впереди на шоссе.

Я отъехал метров двести от места стоянки, когда из выхлопной трубы, торчавшей с левой стороны кабины грузовика, вырвалось сизо-черное облако дыма. Мгновение спустя донесся рык заработавшего мотора. Огромный автомобиль тоже выехал с обочины на шоссе.

“Форд” двигался со скоростью около шестидесяти километров в час, а сцепка бензовоза и цистерны едва ползла по асфальту. Не прошло и минуты, как я догнал громадное чудовище, изрыгающее в пространство темно-серый шлейф дыма.

Я слегка нажал на педаль газа, немного повернул руль и выглянул из-за бензовоза. Встречная полоса на всем протяжении была пуста. Теперь уже резко прибавив газу, я стал перестраиваться влево.

“Давай полетим к звездам!”

Металлическое чудище впереди трубно взревело клаксоном и тоже переместило свою тушу влево, блокируя дорогу.

- По-моему, парень за рулем этой штуки слегка чокнутый,
- пробормотал я и посигналил.

Бензовоз раздраженно взревел, выбросил в воздух плотное облако вонючего дыма и резко рванул вперед, постоянно увеличивая скорость.

- Водители, будьте взаимно вежливы на дороге, - я задумчиво почесал пальцем левый висок. – Кто-то, кажется, категорически против того, чтобы его обгоняли...

Бензовоз теперь шел со скоростью около шестидесяти километров в час, по-прежнему держась середины дорожной полосы. Я отстал метров на сто, чтобы ветер успевал развеять выхлопные газы, вырывающиеся из чрева этого автомобильного монстра. В принципе, я никуда не спешил, и клинический идиот за рулем идущей впереди огромной машины мог тешить себя мыслью, что он первый парень на этой пустынной автотрассе, и никто не смеет его обогнать. Живут же такие дебилы...

Я уже почти свыкся с ролью “второго номера” на этом участке дороги, и даже принялся разглядывать мрачные пейзажи ущелья, которые открывались взгляду справа. Во всем нужно видеть не только плохое, но и хорошее. Если бы я обогнал этого кретина в бензовозе, то вряд ли бы сейчас имел

“Давай полетим к звездам!”

возможность любоваться красотами Вандертауэра и предаваться размышлениям о природе водительского идиотизма.

Мощный рев клаксона за спиной вывел меня из состояния легкой задумчивости. Я взглянул в зеркальце заднего обзора и едва не подпрыгнул в кресле. К моему “форду” почти вплотную приблизился еще один бензовоз – точная копия того, что шел по трассе в ста метрах впереди. Такая же выкрашенная в красный и синий цвета кабина. Огромные колеса с такой же яростью подминают под себя разогретое солнцем полотно асфальта. И так же бесцеремонно, как и его собрат, этот близнец занял все пространство дороги, но уже сзади моей машины.

- А этот откуда взялся? – Я растерянно оглянулся. Зеркальце заднего обзора не соврало – меня догонял еще один бензовоз. – Я же хорошо помню, дорога сзади была пустой...

Металлическая громада неслась прямо на меня с приличной скоростью – километров семьдесят в час не меньше. Очевидно, за рулем был еще один клинический идиот. Может быть, брат-близнец того, который сидел за рулем идущей впереди машины.

Чтобы уйти от столкновения, я был вынужден увеличить газ, и стал приближаться к переднему бензовозу, непрерывно сигналив. Но это чудовище и не думало сдавать вправо. Напротив,

“Давай полетим к звездам!”

пыхнув в пространство отработанным газом, он тоже увеличил скорость.

Я оказался заперт между двумя огромными машинами на безлюдной трассе, идущей вдоль глубокого ущелья.

- Какого же черта вам надо, ребята? – Я заскрипел зубами.

Кажется, меня загнали в ловушку. Но кто? И зачем? Кому помешал публицист и политолог Чеслав Сэмюэль Волянецкий, сорока лет отроду, - по местному времени, конечно, - не женатый, беспартийный, не состоящий даже в профсоюзах?

Мы продолжали нестись по дороге на приличной скорости.

Задний бензовоз неожиданно вильнул вправо, открывая дорогу для обгона кому-то, кто шел по трассе за ним. Минуту спустя из-за красно-синей кабины металлического монстра действительно показался капот легковой машины.

“Форд”, который обогнал задний бензовоз, был копией моего автомобиля – белого цвета, открытый. Постепенно он нагонял меня, двигаясь по левой части дороги.

- Что за хрень... - Уже совершенно не доверяя зеркалам, я оглянулся.

На водителе за рулем машины была такая же ковбойская шляпа, как и на моей голове. Одет в такую же рубашку в крупную клетку. Серая куртка – копия моей – расстегнута.

“Форд” правнялся со мной. Теперь обе машины шли бок о бок.

“Давай полетим к звездам!”

Человек за рулем медленно повернул голову в мою сторону, и я смог хорошо рассмотреть его лицо.

Это было лицо манекена.

Его сделали очень похожим на меня. Прямой нос с небольшой горбинкой, высокий лоб, чуть выступающие за линию округлого лица скулы. Но кожа – мертвенно-белая, с зеленоватым оттенком. Темные брови и усы были похожи на куски пакли, торопливо приклеенные над глазами и под носом. Глаза отливали чернотой – словно кто-то налил в них маслянисто поблескивающую краску.

Несколько секунд “форд”-двойник ехал бок о бок с моей машиной. Потом постепенно стал уходить вперед. Передний бензовоз принял вправо, открывая трассу моему искусственному близнецу. Странно, но при этом голова манекена оставалась повернутой вправо почти на девяносто градусов. Как будто он забыл вернуть ее в первоначальное положение.

Мягкий толчок в спину заставил меня отвлечься от уходящего вперед “форда”. Я взглянул в боковое зеркальце и охнул. Туша бензовоза уперлась бампером в левую часть багажника и, постепенно наращивая скорость, толкала меня вперед. Мою машину ощутимо заносило вправо, в сторону ущелья.

Я представил, что сейчас должно произойти. Еще десяток-полтора секунд и бензовоз сбросит меня с шоссе.

“Давай полетим к звездам!”

“Форд” ударится правым боком в ограждающую трассу металлическую цепь, снесет несколько бетонных столбиков и, искореженный и разбитый, будет вышвырнут на камни Вандертауэра.

У меня не было ни единого шанса спастись.

“Ах” - “Ангел-хранитель” - сработал автоматически. Моя машина резко взвилась вверх, приподнявшись на подушке антиграва на высоту около пяти метров над шоссе.

Водитель заднего бензовоза не ожидал такого маневра от жертвы, обреченной на неминуемую гибель. Огромная машина продолжала напирать вперед с нарастающей скоростью, двигаясь в сторону пропасти. Когда водитель сообразил, что моего “форда” нет перед бампером его автомобиля, было уже слишком поздно. Дико взвизгнули тормоза. Но по инерции тяжелая машина продолжала стремительное движение вперед.

С лязгом и грохотом кабина ударила в торцевую часть цистерны переднего бензовоза. Заскрипел, корежась, металл. Лопнуло выдавленное стекло. Скорость заднего бензовоза была еще так велика, что кабину смяло за пару секунд, словно она была склеена из бумаги. Бензовоз скользнул этим металлическим месивом по торцу цистерны передней машины. Заваливаясь вправо, перелетел через цепь ограждения, сбивая бетонные столбики. Цистерна, которая была у него на прицепе, продолжала двигаться в том же направлении, к ущелью, по

“Давай полетим к звездам!”

инерции подталкивая к краю пропасти опрокинувшийся на бок тягач. Облако пыли взметнулось на обочине дороги, закрывая мне обзор. Но мгновение спустя из облака вновь показался искореженный нос гигантской машины. В мгновение ока останки бензовоза – смятый остов кабины и две серебристые цистерны - пересекли линию обрыва и, круто развернувшись уже в полете гигантскими колесами вверх, нырнули в бездну.

Сейчас раздастся грохот взрыва, огненные языки пламени и клубы черного дыма взметнутся к небу...

Секунда, вторая, третья... Из ущелья не доносилось ни звука.

- Обычный режим, - скомандовал я “хранителю”. – И стоп.

“Форд” плавно опустился на дорогу.

Я выбрался из машины и осмотрелся. “Форд-двойник” и передний бензовоз стремительно неслись вперед по шоссе, словно бы и не заметив катастрофы со второй машиной. А, может быть, и впрямь не заметили...

Я приблизился к краю ущелья и осторожно заглянул вниз.

Каменистый склон до самого дна был покрыт чем-то белым, что отдаленно напоминало снег. Белая субстанция ровным ковром накрыла острия каменных “башенок”, причудливых “пирамид”, извилистых “крепостных стен”. И никаких следов рухнувшего вниз бензовоза и двух цистерн.

“Давай полетим к звездам!”

Кажется, насчет снега комментатор погоды на радио КЛИФ все-таки оказался прав...

Я наклонился, взял с земли небольшой камешек и, размахнувшись, бросил его вниз, в самый центр снежного поля. Камень описал дугу и бесшумно канул в белое покрывало. Но в том месте, где он упал, возникло движение, что-то всполошено завозилось под “снегом”, завертелось, извиваясь, как клубок запутавшихся в простынях змей. Не успел я опомниться, как белая субстанция взвилась в воздух, устремилась вверх, к небу. Я испуганно отпрянул от обрыва и сделал несколько шагов назад.

Мгновение спустя белое нечто показалось над краем ущелья...

Сказочно красивое зрелище. Мириады снежинок, маленьких белых мотыльков, белоснежных спиралек улетали ввысь, ускоряясь, играя в солнечных лучах, купаясь в пронизанном жарой воздухе. Сначала над землей возвышался огромный, шевелящийся столб, потом его основание ушло вверх, подобралось, закручиваясь вокруг продольной оси, и втянулось в белое облако, очертаниями напоминающее шар. Рябь прошла по его поверхности. Кривые линии сложились в окружности, что-то бешено и совершенно бесшумно завертелось там, в вышине. Белая масса рванулась к центру, уплотняясь. Яркая звезда точкой вспыхнула внутри белесой пелены. И все исчезло...

“Давай полетим к звездам!”

Я огляделся. Солнце, голубое небо, зев ущелья. Мой “форд” со слегка помятым багажником. Шоссе уходило вдаль, к горизонту, и на нем не было видно ни одной машины. Двойник моего автомобиля и громадина бензовоза растаяли в нагретом солнечными лучами воздухе, словно их никогда и не было. Volam pedis ostedere – удрали с такой скоростью, что только пятки сверкнули.

Алексей Леонтьев и все, все, все - 2

ШАГАЕМ В НЕБО

Память человеческая - избирательна. Есть дни, которые похожи один на другой и идут друг за другом плотной чередой. Пройдет несколько дней - неделя, начинаешь припоминать, чем занимался в такой-то день такого-то числа - и с удивлением обнаруживаешь, что ничего не можешь вспомнить. Был день - и нет его. Ничего в памяти не осталось, ни плохого, ни хорошего.

А есть дни, которые помнишь всю жизнь. Помнишь до мельчайших деталей, до секунды.

Для меня одним из таких дней стал день моего второго космического старта - 22 октября 1968 года.

Запуск нашего корабля был назначен почти на шесть часов утра. По установившемуся еще с гагаровского старта распорядку, экипаж должен занять места в корабле ровно за

“Давай полетим к звездам!”

два часа до старта. Поэтому генерал Маканин поднял меня и Олега около часу ночи.

Не знаю, как спал Макарин, но я за шесть часов отдыха просыпался несколько раз. Кошмары, конечно, не снились, но общее ощущение тревоги – “предстартовый мандраж” - было. Понятно почему: нам предстояла не поездка к теще на блины.

Я быстренько умылся, надел полетный комбинезон и спустился на первый этаж гостиницы. В холе уже успели вывесить длинную – в три склеенных листа ватмана – стенгазету, посвященную предстоящему старту. Заметки, тексты, какие-то телеграммы. И, конечно, фотографии членов экипажа. Я вздохнул. Никогда не отличался фотогеничностью. Вот и это фото... Среди рыжевато-русых волос обширные залысины, нос курносый, “картошкой”. Невыразительные серые глаза смотрят куда-то в даль. Ну, и повышенная степень лопухости очень уж заметна. Впрочем, что на фотографию пенять, если сам объект фотосъемки ни лицом, ни ростом не вышел? Совсем не героический вид у космонавта Леонтьева. Нет, не героический... А вот Олежка Макарин, наоборот, смотрелся орлом. Кудрявый чуб донского казака, лицо волевое, решительное. Во взгляде черных глаз прочитывались целеустремленность и уверенность в себе.

Тексты в стенгазете прочесть не успел. Со второго этажа спустился Макарин в сопровождении толпы медиков в белых халатах. Возглавлял процессию главное светило

“Давай полетим к звездам!”

отечественной космической медицины – генерал-майор Козенко. Меня и Олега взяли под белы ручки и развели по кабинетам на предполетный медосмотр. “Последняя пытка” как любят шутить коллеги из отряда космонавтов.

Володьку Шаталина и Вовика Бугрина - дублирующий экипаж - проверяли одновременно с нами. А ну, как я или Олежка за время после вчерашнего вечернего медосмотра успели заработать пролежни на гостиничных койках? Или вывихнуть ушную раковину в ванной? Или, например, не понравится генералу Козенко цвет моей мочи и - одним росчерком пера! - летят на Луну не Леонтьев с Макариным, а Володька Шаталин с его тезкой Бугриным. И ничего не попишешь, никому не пожалуешься. Хоть раппорт на имя генерала Маканина пиши, хоть главному конструктору Михееву в ножки кланяйся. Бесполезно. Медицина - она и есть медицина. Ее слово перед полетом решающее.

Но, слава Богу, со здоровьем у нас с Олежкой все было тип-топ. Как, кстати, и у Шаталина с Бугриным. Бодрые, здоровые, веселые. Готовые выполнить любое задание Родины.

Потом был завтрак. Высокие стаканы с апельсиновым соком, пара безалкогольных тостов за успех предстоящего большого дела, за то, чтобы через пару недель собраться за этим же столом... Олег, когда услышал последний тост, который произнес замминистра Тюфяков, тихо фыркнул и легонько

“Давай полетим к звездам!”

толкнул меня локтем в бок. Ну, а когда уже садились в автобус, чтобы ехать на старт, шепнул:

- Тюфяков не понял, какую чепуху смолол. Как мы с ним можем встретиться через пару недель за этим же столом? Да только если не сможем на Луну сесть! А в противном случае, сидеть нам, Лешка, в карантине как минимум три недели. Там уж, ручаюсь, не будет ни этого стола, ни самого замминистра Тюфякова.

На стартовую площадку мы ехали не спеша. Солнце еще только угадывалось где-то за горизонтом. Зато звезды были щедро рассыпаны на бархатистом ночном небе. Ночи в конце октября здесь, на космодроме, уже прохладные. Чувствовалось, что еще чуть-чуть - и задуют холодные ветра, пригонят на Байконур серо-сизые дождевые и снежные тучи...

Я закрыл глаза, откинулся на спинку высокого кресла и попытался расслабиться. Да и вздремнуть не мешало бы. Работа предстояла ответственная и серьезная.

Автобус легонько покачивало, и я вправду задремал.

...Страх, холодный липкий ужас поднимался из черной бездны.

Это случилось летом сорок второго, когда лавина фашистской агрессии докатилась до моего родного города – Ворошиловграда. Докатилась и на несколько дней замерла, остановленная нашими войсками на берегах маленькой речушки Лугань, делившей город на жилую и заводскую части.

“Давай полетим к звездам!”

Большая часть города оказалась “под немцем”, а на территории паровозостроительного завода за рекой закрепились советские войска. Фронт замер. Лишь иногда вспыхивали короткие перестрелки.

Мы, - я, мама, мои братья и сестры, - прятались от шальных пуль и разрывов снарядов в подвале во дворе. Мне тогда едва стукнуло двенадцать. Я был еще наивный мальчишка, пионер, который всей душой ненавидел фашистов. Пока мама занималась младшими детьми, я со старшим братом Петькой управлялся с остальными делами по хозяйству. Иногда по очереди выбирались наружу: набрать воды из колодца на всю нашу ораву, нарвать зелени в огороде. Да и просто так было интересно осмотреться. Хотелось увидеть, как наши будут громить фрицев и вышибут их из города. В том, что это случится буквально на днях, я нисколько не сомневался.

Во время одной из таких вылазок я и попался.

Замешкался в огороде, собирая лук и капусту, и не заметил, как к дому подкатил мотоцикл с двумя немцами: один был за рулем, второй с пулеметом сидел в коляске. Стрекот мотоциклетного двигателя был совершенно неразличим на фоне отдаленного уханья пушек. Ворота во двор взрывной волной свалило еще неделю назад, и фрицы въехали на наше подворье прямо с улицы.

Держа в руках кусок мешковины, в которую сложил несколько луковиц и качан капусты, я приоткрыл калитку из

“Давай полетим к звездам!”

огорода во двор и нос к носу столкнулся с высоким белокурым немцем. Фашист в пилотке набекрень, одетый в перепоясанную португеей черную униформу и высокие до блеска начищенные сапоги, стоял и скалился, поигрывая вороненым пистолетом. Наверное, он заметил меня, еще когда я шел по огороду к калитке.

- Хальт! – скомандовал немец, и дуло пистолета немедленно нацелилось мне в грудь. Тогда я еще не знал, что пистолет такого образца называется “вальтер”.

- Яйка унд млеко? – Фашист кивнул в сторону свернутой мешковины в моих руках. – Показать!

Я осторожно опустил ношу к ногам, развернул ткань, не отводя взгляда от хищного зрачка дула. Был жаркий день, но мне вдруг стало холодно. Мороз прошелся по коже, ледяной ветер пробежал под ворот рубашки, скользнул по плечам на спину. Ноги сделались ватными.

Фашист носком сапога развернул мешковину и брезгливо поморщился. Раздраженно наподдал ногой качан капусты, и снова в упор уставился на меня. Выпятив нижнюю губу, несколько секунд молча разглядывал. Потом отступил на шаг назад, и, качнув дулом пистолета к земле и снова вверх, приказал:

- Сесть – встать!

Я широко открытыми глазами смотрел на немца. Тело судорогой свело от страха.

“Давай полетим к звездам!”

- Думкопф! Сесть – встать! – рявкнул фашист. Дуло “вальтера” снова качнулось вниз-вверх и уставилось на меня.

Только сейчас я сообразил, чего добивается немец. Присел на корточки, встал.

- Шнель, русише швайн! – зарычал немец. – Бистро!

Я быстрее сел и встал, потом еще и еще раз...

- Сесть – встать! Сесть – встать! – командовал белокурый, скалясь и поигрывая пистолетом.

Я запыхался и уже начал уставать.

- Ротзнасе! Соп-ляк! – презрительно сплюнул на землю немец, и обернувшись к сидевшему в коляске пулеметчику, по слогам произнес:

- Ру-си-ше Вань-ка – встань-ка!

Фриц в мотоциклетной коляске громко загоготал. Наверное, парочка уже не один раз так забавлялась...

Немец пятерней толкнул меня к забору, а сам сделал пару шагов к стене дома.

“Сейчас будет стрелять!” – я похолодел.

Но немец положил “вальтер” на деревянный столик, который стоял около дома, расстегнул ширинку и принялся мочиться на стену, иногда косо поглядывая в мою сторону.

А я во все глаза смотрел на пистолет, который лежал на столешнице всего в трех шагах. Если сейчас броситься вперед, схватить пистолет и выстрелить в эту скалящуюся фашистскую морду...

“Давай полетим к звездам!”

Но тело словно одеревенело. Я не мог пошевелиться и только во все глаза смотрел на оружие.

Помочившись, фриц неторопливо застегнулся, взял “вальтер” со стола и повернулся ко мне.

“Вот и все, - сердце рухнуло вниз. – Сейчас он выстрелит!”

Немец действительно поднял пистолет на уровень лица, прищурил левый глаз.

- Пух! Пух! – он дважды дернул дулом кверху и захохотал.

Фриц еще раз окинул меня взглядом, скалясь, сунул “вальтер” в кобуру и пошел к мотоциклу. Уселся в седло, газанул, выворачивая руль. Развернувшись во дворе, мотоцикл выехал на улицу.

Я стоял, ни жив, ни мертв. Потом принялся торопливо собирать с земли лук и капусту.

Маме и Петьке я, конечно, ничего не рассказал. Сел на ящики из-под картошки в самом уголке погреба и долго сидел, закрыв глаза и опираясь спиной на холодную кирпичную стену.

“Я струсил! – мысли терзали душу. – Я повел себя не как пионер! Трус, трус, трус!”

Ведь мог же, мог схватить пистолет со стола и выстрелить в этого гогочущего фашиста! Так бы сделал настоящий советский пионер. А я струсил!

Я был двенадцатилетним мальчишкой, и мысли у меня были мальчишеские, наивные...

“Давай полетим к звездам!”

Но с тех пор часто, особенно когда предстояло сделать что-то серьезное или опасное, мне снился черный зрачок направленного на меня “вальтера” и хохочущий белокурый немец. И сердце снова душил ужас...

...Вот и сейчас. Холеный, улыбающийся фашист снова целился в меня...

Я вскинулся, открыл глаза, осмотрелся. В салоне автобуса многие подремывали. Макарин сидел, прислонившись виском к холодному стеклу, и задумчиво смотрел в ночную степь за окном.

Тыльной стороной ладони смахнул холодные капли выступившего на лбу пота. Кошмар из военного прошлого сделался моим проклятьем. Каждый раз, когда мне угрожала опасность, гогочущий белокурый фриц с “Вальтером” являлся из подсознания, топя разум и сердце в ледяной стуже ужаса. Это было не видение, нет, - лишь секундное, меньше – мгновенное ощущение неодолимой жути, неотвратимой беды и смерти. С годами я научился его превозмогать. Но душевная травма, полученная в лихолетье войны, была по-прежнему со мной. Если бы медики, следящие за здоровьем космических экипажей, узнали о моих психологических проблемах, я был бы немедленно отстранен от полета, от космоса, да и от любой опасной работы. Потому что никто не может гарантировать, что когда-нибудь страх не окажется сильнее меня. С первого дня пребывания в отряде космонавтов я жил под двойным

“Давай полетим к звездам!”

душевным грузом: со “старым” страхом и под страхом быть уличенным в страхе.

Вскоре колонна машин свернула к монтажно-испытательному корпусу на второй площадке - тому самому, в котором когда-то готовили к старту Юру Гагарова и всех остальных наших ребят-космонавтов.

На “двойке” мы надели полетные скафандры “Сокол”. Неуклюже шагая в космической “спецодежде”, прошли через анфиладу комнат, в которой проводится проверка скафандров и систем жизнеобеспечения, в монтажный зал испытательного корпуса. Входные ворота зала были открыты настежь, и за ними толпились провожающие: местные “технари”, командированные на Байконур ученые и специалисты, фото- и киножурналисты. Чуть впереди толпы выстроились в ряд члены государственной комиссии, а еще на шаг ближе к распахнутым воротам испытательного корпуса одиноко стоял у штанги с микрофоном председатель госкомиссии генерал-майор Керимбаев.

- Готовься, Олег, - со смешком шепнул Макарину, - сейчас нас с тобой будут снимать. Для телевидения и для истории.

Макарин весело фыркнул, но все же подобрался и слегка расправил плечи.

- Старайся шагать со мной в ногу, - подсказал я.

- Слушаюсь, товарищ старшина, - улыбка поползла по пухлым губам бортинженера.

“Давай полетим к звездам!”

- Р-разговорчики в строю! - шутливо рыкнул в ответ. - Ну, пошли!

Не строевым, но четким шагом мы вышли из ворот испытательного корпуса и остановились напротив шеренги членов госкомиссии. Глаза слепили лучи прожекторов и юпитеров, жужжали кино- и телекамеры, там и сям яркими бликами вспыхивали фотовспышки.

- Товарищ председатель Государственной комиссии, - я вскинул ладонь к гермошлему скафандра, - экипаж ракетно-космического комплекса “Знамя-5” - “Лунник-5” к полету готов. Командир комплекса полковник Леонтьев.

Керимбаев едва слышно нервно кашлянул и с легким кавказским акцентом произнес:

- Желаю вам успешного выполнения задания Родины и благополучного возвращения на родную Землю.

Он поочередно обнял меня и Олега, а затем сделал шаг в сторону:

- Прошу садиться в автобус, товарищи космонавты. Пора ехать на старт.

Нас мгновенно окружили люди, десятки рук потянулись к нам.

- Товарищи, товарищи! - Генерал от медицины Олег Козенко выступил из-за наших спин и широко раскинул руки. - Никаких контактов с экипажем! Слышите? Никаких! Люди идут в космический полет, а вы!...

“Давай полетим к звездам!”

Толпа замерла вокруг нас, сомкнув плотное кольцо. Замешательство длилось всего несколько секунд. Потом кто-то из задних рядов зычным голосом крикнул:

- Экипажу космонавтов - ура!

И тут же десятки и сотни голосов подхватили:

- Ура! Слава! Успеха вам, ребята!

Олег вскинул над головой поднятые в приветствии руки.

- Спасибо, товарищи! Спасибо! - Я тоже пару раз взмахнул рукой, и стал подниматься по ступенькам в салон автобуса.

Из окна автобуса мачты лунного стартового комплекса и застывшая на старте огромная ракета с надписью крупными красными буквами “Ленин” на белоснежном борту были видны, как на ладони. К ним мы теперь и направлялись.

Едва автобус вырулил от “двойки” на автотрассу, кто-то из работников испытательной бригады, разместившихся в салоне за нашими креслами, откашлялся и вполголоса запел:

- Заправлены в планшеты космические карты...

Это традиция - перед каждым пуском петь в салоне едущего на стартовую позицию автобуса эту песню на слова Владимира Войновича.

- ...И штурман уточняет в последний раз маршрут, - подключился к общему хору сидевший рядом со мной Макарин. Я вздохнул и тоже принялся подпевать - традиция есть традиция:

“Давай полетим к звездам!”

- Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом – у нас еще в запасе четырнадцать минут...

Н-да... Маршрут наш хорошо известен и без штурмана, заранее введен в бортовые вычислительные машины, времени до старта еще более двух часов, а вот насчет закурим... Позавчера в гостиничном номере генерал Маканин поймал второй дублирующий экипаж - Валеру Быкова и Колю Руковина - за попыткой выкурить сигарету. Одну на двоих. Скандал был - мама дорогая! Маканин пообещал ребятам все кары небесные, начиная от отстранения от подготовки к полетам и кончая немедленным увольнением из отряда космонавтов. Строгий у нас генерал.

На стартовой позиции митингов, рукоплесканий и восторженных выкриков уже не было. Весь персонал, готовивший ракету и корабль к запуску, был заранее эвакуирован за пятнадцатикилометровую зону безопасности, очерченную окружностью вокруг стартовых сооружений. “Ленин” - ракета, конечно, надежная и проверенная, но... Береженого, как говорится, и Бог бережет.

Пожав еще десяток-другой рук, простившись с Шаталиным, Бугриным и генералом Маканиным, мы на скоростном лифте поднялись к вершине ракеты. Уже почти рассвело, и вид на окрестности с верхней площадки обслуживания открывался замечательный. Хорошо были видны все стартовые комплексы - и “гагаровский”, и запасной

“Давай полетим к звездам!”

старт на 31-й площадке, и даже технические башни на “протоновском пяточке”. Далекю на юге можно было различить и красные фонарики на телевизионной вышке Ленинска - города, в котором живут семьи испытателей космической техники.

Эх, жаль, что нет времени, нет под рукой карандаша и бумаги! Сделать бы сейчас зарисовку, а потом, уже после полета, написать пейзаж в красках!

Рисовать я люблю. С курсантских времен оформлял стенгазеты, и в отряде космонавтов за мной общественная нагрузка – выпуск газеты “Нептун”. А для себя, по вечерам часто рисую эскизы, пишу картины – отдыхаю и расслабляюсь после дня напряженных тренировок.

Долго любоваться окрестностями нам не дали - пригласили внутрь “Знамени”. Мы по очереди - сначала Макарин, а затем я, - разместились в полетных креслах. Сверху, из отверстия входного люка, техники дружно пожелали нам “ни пуха, ни пера” и получили в ответ традиционное “к черту”. Крышка люка над нашими головами закрылась. Наступила тишина.

- Вздремнуть, что ли? - Макарин зевнул и шутливо подмигнул:

- Лешка, я совершенно не выспался. Давай покомарим пару часиков, а?

“Давай полетим к звездам!”

Но поспать нам, разумеется, не дали. Почти одновременно включились едва ли не все радиoliniи и следующие полтора часа и я, и Олег вертелись в рабочих креслах так, как ни одной белке в колесе и не снилось. Проверка аппаратуры корабля, уточнение действий экипажа на первых витках, сообщения наземных служб о готовности бортовых систем к полету... Обычная предстартовая суэта. А мне еще пришлось для радио и телевидения зачитать, глядя прямо в объектив нависавшей над нашими головами телекамеры, текст предстартового заявления командира экипажа. Как же можно лететь в космос, не заверив партию и правительство, весь советский народ в том, что задание Родины мы обязательно выполним? Ну, я и заверил.

Едва закончил говорить, что-то пронзительно громко щелкнуло в динамике, и совершенно бесцветный голос сообщил:

- На связи с экипажем корабля Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев.

Я повернул голову к Олегу и подмигнул: ни слова, мол, лишнего, мы в прямом радио- и телевизионном эфире. Пошел предстартовый “официоз”.

- Здравствуйте, товарищи, - сказали динамики бодрым голосом Никиты Сергеевича. – Готовы к полету?

- Так точно, готовы, товарищ Первый секретарь ЦК КПСС,
- немедля не секунды доложил я. Четким голосом доложил,

“Давай полетим к звездам!”

по-военному. Разве что руку в перчатке не вскинул к козырьку гермошлема.

- Готовы стартовать, Никита Сергеевич, - куда менее официально отозвался Олег.

- Мы будем следить за вашим полетом очень внимательно, - сказал Хрущев. – Вот сейчас стоим с товарищами на смотровой площадке и очень за вас волнуемся. Вы уж не подведите нашу советскую Родину, дорогие товарищи. Работайте в космосе так, как должны работать настоящие коммунисты.

- Никита Сергеевич, мы сделаем все, чтобы оправдать ваше высокое доверие, доверие партии и правительства, - еще раз поклялся я, стараясь, чтобы голос звучал как можно увереннее.

- Все будет хорошо, Никита Сергеевич, - Олег внес свою лепту в традиционный ритуал социалистических обязательств. – Мы уверены, что полет пройдет, как по маслу!

- Желаю вам успеха, товарищи, - голос Первого секретаря чуть дрогнул. А ведь и вправду волнуется Никита Сергеевич! Да и как же ему не волноваться? Наш полет – это еще одно свидетельство превосходства социализма над капитализмом. Свидетельство того, что мы, - Советский Союз, социалистические страны, - идем к коммунизму, как любит часто повторять в своих речах Хрущев, семимильными шагами.

“Давай полетим к звездам!”

Как только Никиту Сергеевича отключили от связи с нами, вал тестов и проверок накатил с новой силой и только минут за десять до момента запуска двигателей, когда уже стало ясно, что все системы в порядке и ракетно-космический комплекс готов к полету, накал нашего общения с Землей несколько спал. Теперь можно было чуть-чуть расслабиться и передохнуть.

- “Флаг–один”, “Флаг–два”, - в наушниках прорезался голос космонавта Женьки Хлунова, - как самочувствие?

“Флаги” - это наш с Олегом позывной. Я – “Флаг-один”, а Макарин соответственно – “Флаг-два”.

- Самочувствие нормальное, “Вымпел-один”, - я припомнил позывной Хлунова. - Как мы смотримся на ваших экранах?

- Замечательно смотрите. Изображение очень хорошее.

- Не зря позавчера телеобъектив ваткой со спиртом протирал, - пошутил я. – Жаль только, что протирать пришлось без закуски.

- Может быть, вам музыку включить? - спросил Женька. - А то, я смотрю, “Флаг-два” что-то загрустил...

- “Флаг-два” спит, - Олег сидел в кресле с закрытыми глазами. - Но во сне он совсем не против послушать что-нибудь увеселительное и легкое. Развлекательное, одним словом.

“Давай полетим к звездам!”

Не прошло и минуты, как в эфире проявился звонкий голос Эдуарда Хиля:

- У леса на опушке жила зима в избушке...

Пока радио транслировало веселую песенку про потолок ледяной и дверь скрипучую, наземные службы на время забыли о существовании нашего экипажа. Музыкальная программа перед запуском относилась к сфере психологической поддержки космонавтов. Если на борту нет чрезвычайных ситуаций, то на это время все вопросы отступали на второй план.

Но едва Хиль закончил песню, все возвратилось на круги своя. Вместо Женьки Хлунова в эфире появился сам главный конструктор Василий Павлович Михеев с весьма оригинальным вопросом:

- На связи “двадцать пятый”. Как настроение, орлы?

- Как учили, - ответил я стандартной дежурной фразой. -

Настроение боевое. Готовимся к штурму заоблачных высот.

- Самая малость осталась, - со смешком заметил Макарин. - Получить стартовое ускорение в нижнюю часть могучего тела ракеты.

- Молодцы, - Михеев раскатисто захохотал, оценив юмор Олега. - Ребята из стартовой команды говорят, что наша лошадка готова везти вас без помех до самой Луны.

- Это хорошо. Нам бы еще не забыть забрать с лунной поверхности одного блондина-первопроходца, - улыбнулся

“Давай полетим к звездам!”

Макарин, бросив веселый взгляд в мою сторону. - Я, Василий Палыч, пометочку себе в бортжурнале сделал на этот счет.

Я посмотрел на часы. До момента старта оставалось меньше двух минут. Скорей бы уже!

- Алексей, - голос главного конструктора стал серьезным, - ты там на поверхности нашей соседки особенно не геройствуй, ясно? Лучше повременить, чем расквасить нос на первом же шаге.

- Буду работать максимально осторожно, Василий Палыч, - заверил я. - Уверен, что все пройдет нормально.

- Олег, - Михеев переключился на Макарина, - твоя основная задача - стыковка. Главное, не торопись. Когда Алексей начнет переход из “Лунника” в “Знамя”, будешь его страховать, но из бытового отсека - чтобы не ногой. И не забудь закрепить фалом.

- Ясно, Василий Палыч, - кивнул Макарин.

Со стороны посмотреть, Олег - сама осторожность. Самый послушный ученик главного. Но я больше, чем уверен, что - не дай Бог, конечно, - если вдруг какая-нибудь неприятность случится около Луны или на ее поверхности, Макарин моментально забудет все советы об осторожности и умеренном риске и полезет меня выручать. Не очертя голову, но однозначно полезет.

- Тридцать секунд до старта, - в разговор вклинился оператор стартовой службы. - Все бортовые системы - в норме.

“Давай полетим к звездам!”

- Вот так-то, братцы, - было слышно, что Михеев от волнения даже закашлялся. - Вот мы и добрались с вами до отправного момента... Алексей, Олег, желаю вам успешного полета.

- Спасибо, Василий Палыч, - едва ли не в один голос произнесли мы.

- Двадцать секунд до старта, - бесстрастно прозвучал голос оператора.

Господи, это же какие нервы нужно иметь, чтобы говорить таким ровным и совершенно спокойным голосом! Я представляю, какие скачки моих пульса и сердцебиений выписывают сейчас самописцы в регистрационном блоке у медиков. Джомолунгмы и Эвересты эмоций!

- По-моему, - сказал Макарин слегка осипшим от волнения голосом, - я забыл выключить утюг в гостиничном номере...

- Десять секунд до старта. Пошел обратный отсчет времени... Семь, шесть, пять, четыре, три, два, один... Зажигание!

И тишина... Только легкое потрескивание помех в эфире...

- Что-то не так? - полувопросительно прошептал Олег и повернул голову в мою сторону. - Сбой пошел?

- Не зна... - я не успел договорить. Откуда-то издали донесся нарастающий шум.

“Давай полетим к звездам!”

- Предварительная! - прозвучал в наушниках по-прежнему бесстрастный голос.

Я подмигнул Макарину: мол, все нормально, двигатели первой ступени выходят на предварительный режим тяги.

- Ребята, - это снова Михеев, - рядом со мной Сергей Павлович...

Королевин! Успел все-таки из Москвы к самому старту! Позавчера, прямо с Госкомиссии его вызвали в ЦК партии, а сегодня на правительственном самолете вместе с самим Хрущевым он прилетел проводить нас в полет. И теперь появился в бункере управления.

Олег довольно улыбнулся и поднял вверх большой палец правой руки. Старая наша примета: если Королевин провожает на старте, полет пройдет нормально.

- Промежуточная! - этому роботу с человеческим голосом совершенно не было дела до наших примет. Он четко и со знанием дела отслеживал растущую тягу двигателей.

- Привет, орелики, - над космодромом прозвучал голос, который я никогда не спутаю ни с чьим. Голос человека, который провожал в небесные дали Сергея Анокина, Петю Долгова и Юрку Гагарова, меня с Пашей Беляниным, - да и всех остальных наших ребят и девчат. - Как общий настрой?

В этом голосе было столько веселой уверенности, что сомнения и опасения, скованность и страх сразу отошли куда-то на задний план. Захотелось смеяться и петь. И я

“Давай полетим к звездам!”

прокричал сквозь нарастающий рокот далеких ракетных моторов:

- Настрой боевой, Сергей Палыч!

- Главная! - сообщил оператор. Это означало, что все двигатели вышли на режим номинальной тяги, и ракета сейчас на мгновение застыла над стартовым столом.

- Подъем! - оператор теперь почти кричал. Что и у тебя нервы все-таки не стальные, дружище? Так-то...

Легкая вибрация. Задрожали стенки корабля, затрясся пульт управления, мелкой дрожью отозвались подлокотники кресел. Ракета чуть качнулась из стороны в сторону. И сразу же сильный толчок в спину откуда-то снизу. Словно пришла в движение сцепка из нескольких железнодорожных вагонов.

- Желаю вам успешного полета! - эта фраза Королевина тоже уже стала традицией. Нашей доброй и надежной приметой.

- Поехали! – заорали мы в один голос то единственное слово, которым стартующему экипажу и положено отвечать на старте.

Еще один сильный толчок в спину и рокот перешел в мощный раскатистый гул. Все вокруг вибрировало так, что задержать взгляд на каком-то предмете было просто невозможно.

- Лешка, мы пошли! - восторженно проорал Макарин мне едва ли не в самое ухо. - Пошли, слышишь?

“Давай полетим к звездам!”

Еще бы не слышать! Грохотало так, что у команды стартовиков даже в подземном бункере, наверное, уши заложило. Я молча улыбнулся Олегу в ответ. Попробуй-ка тут “не пойти”, если за спиной заработали двенадцать сверхмощных ракетных моторов...

- Десять секунд, - оператор снова превратился в бесчувственного робота. - Полет нормальный.

- Принято, полет нормальный, - отозвался я.

На удивление, мой голос прозвучал совершенно спокойно. Неужели со стороны я сейчас тоже кажусь кому-нибудь бесстрастной механической куклой? Вот ведь забавно, если это так! На самом деле сердце колотится как бешеное!

- Чувствуется постепенное нарастание перегрузки, - сказал Олег. Сказал тоже уже обычным голосом, без особых эмоций.

Перегрузка, по моим ощущениям, потихоньку подбиралась к двум единицам. Почувствовал, как кожа на лбу словно бы потекла к затылку. Будто кто-то положил на щеки ладони и начал медленно растягивать лицо от переносицы к ушам, одновременно чуть вдавливая голову в кресло-ложемент. Ниже, на груди и животе, развалилась невидимая и тяжелая туша.

Появилось ощущение, что ракета немного заваливается вбок, влево по ходу движения. Скорее всего, это была иллюзия.

“Давай полетим к звездам!”

Но, может быть, вестибулярный аппарат и не врал. “Ленин” - настолько мощный носитель и в нем столько взрывоопасного топлива, что для безопасности стартового стола ракету требуется после взлета как можно быстрее отвести подальше от космодрома. Чтобы в случае аварии ничего из дорогостоящего наземного “железа” не пострадало. Ракет у нас много, а стартовых комплексов для полета к Луне - всего два.

- Тридцать секунд, все нормально, - сказал в наушниках “робот”-оператор. - Давление в камерах сгорания устойчивое.

Это хорошо, что устойчивое. Тянут, тащат нас на своем горбу двенадцать ракетных “лошадок” на первой ступени. Восемь по периметру ракеты и четыре в центре. Спаренные друг с другом: если вдруг, не дай Бог, один из ракетных моторов остановится, на противоположной стороне выпуклого днища ракеты моментально выключится “зеркальный” двигатель - чтобы ракета в полете не начала “косить” и сбиваться с тяги. Если при взлете отключится парочка ракетных движков на первой ступени – ничего страшного не произойдет. Тяги остальных десяти хватит, чтобы продолжать тащить наш космический комплекс по расчетной траектории до запуска второй ступени. При испытаниях лунной ракеты в беспилотных и пилотируемых полетах отказов не было ни разу. Потому что все технологии старта и полета были отработаны при наземных испытаниях на ракетном стенде где-то под Воронежем.

“Давай полетим к звездам!”

На сто тринадцатой секунде эстафету у первой ступени должна принять вторая с восемью ракетными двигателями, затем - третья с кислородно-водородным двигателем. Этого вполне хватит, чтобы мы оказались на околоземной круговой орбите.

- Пятьдесят секунд полета. Параметры по тангажу, рысканию и крену близки к расчетным, - проинформировала Земля.

Это значит, что летим мы строго по полетной программе, scrupulously выдерживая все угловые режимы и скорости движения на участке выведения на космическую орбиту.

- Самочувствие экипажа нормальное, - прохрипел я в микрофон. При усилении перегрузки свыше двух единиц голос начинает меняться. – Тряска практически исчезла.

Вибрация конструкции “Ленина” действительно почти сошла на нет. Чего не скажешь о перегрузочке. Легонькая такая перегрузочка в четыре единицы. Сущяя ведь мелочь, а как приятно! Чувствуешь себя черепахой, на панцире которой случайно остановился грузовик.

Олег теперь помалкивал. Ему, как и мне, не очень-то хотелось шевелить языком, который стал в четыре раза тяжелее.

- Шестьдесят секунд. Полет нормальный.

“Давай полетим к звездам!”

Как там в стихах? “Вот он прошел половину пути, нужно еще половину пройти”. Идем себе потихонечку, шлепаем ботинками по небесным ступенечкам. Неторопливо и уверенно.

- Семьдесят секунд, полет... - голос оператора вдруг прервался.

Пауза. Длинная такая пауза...

А потом - почти крик:

- Падение оборотов турбины четвертого двигателя!

Отключение!

Ах, ты так твою и растак! Неужели авария?! Черт, накаркал на свою голову!

- Аварийное отключение восьмого двигателя!

Заработала “зеркальная” система контроля работы двигателей. Бортовой компьютер вырубил противоположный сдохшей “четверке” совершенно исправный восьмой ракетный мотор.

- Подготовить к работе систему аварийного спасения!

Старт по команде “Вектор”!

Несмотря на перегрузку кровь, казалось, волной хлынула к лицу, а сердце провалилось куда-то вниз, к ногам. Неужели все действительно так плохо? Неужели сейчас будет команда на включение аварийной системы, и пороховые ускорители поведут корабль в сторону от разваливающейся на части ракеты? Вот тебе и слетали на Луну...

“Давай полетим к звездам!”

- Всем спокойствие! - властный и мощный голос Королевина ворвался в эфирное пространство. - Полет по плану! “Вектор” только после моей команды!

- Принято, - раздался в наушниках чей-то облегченный вздох.

- На борту все в порядке, - кося глазом в сторону замершего в кресле непривычно бледного Олега, произнес я. - Работаем по программе.

- Так держать, орелики, - в голосе Королевина снова прорезались веселые нотки. - Идем вперед и не отступаем. Так ведь?

- Так точно, - выдохнул в болтающийся у самых губ микрофон.

Королевику я верю. Он чувствует ситуацию куда тоньше, чем сотня самых опытных “технарей” из подземного бункера управления. Первый Главный Конструктор - он всегда главный. На какую должность в управленческих структурах или в правительстве его не назначь.

- Девяносто секунд, - бесстрастный оператор снова вышел в эфир. - Общие параметры полета ракеты-носителя в пределах нормы.

Ага, вот так! Если перевести это сообщение на нормальный человеческий язык, то оно означает, что система управления ракеты справилась с аварией четвертого и

“Давай полетим к звездам!”

вынужденным отключением восьмого двигателей. Справилась, умница, и теперь уверенно ведет нас к околоземной орбите.

- Сто секунд, полет нормальный, - это прозвучало уже почти как бальзам на душу.

И вдруг, почти сразу:

- Возрастание температуры в районе вокруг четвертого двигателя!

Так... Если говорить “по-человечески”, “возрастание температуры” - это пожар.

Я принялся лихорадочно соображать, что могло случиться. Четвертый двигатель отключили, но разрушительный процесс в его турбине, видимо, так и не остановился. Скорее всего, лопнул трубопровод окислителя или горючего, и произошло возгорание.

- Система пожаротушения включена! – бедняга-оператор совсем потерял остатки спокойствия.

- Досрочный запуск второй ступени по моей команде! - это снова Королевин.

Ай да Королевин! Вот где голова! До штатного разделения ступеней осталось всего несколько секунд, но наш главный хочет досрочно отделить аварийную первую ступень, чтобы продолжить полет на второй ступени. А недобор скорости и высоты мы, даст Бог, потом компенсируем.

На пульте передо мной зажегся голубоватым светом маленький экранчик. Начала работать установленная в нижнем

“Давай полетим к звездам!”

торце второй ступени телекамера, которая должна показать нам момент разделения ракетных ступеней. На экранчике проявилось только серое однотонное пятно - изображение верхней части первой ступени.

- Три, два, один, - скороговоркой, но совершенно четко и спокойно произнес Королевин. - Запуск!

Сильный толчок в спину. По периметру экранчика на пульте полыхнул яркий отсвет - начали работу восемь ракетных моторов на второй ступени.

- Есть разделение ступеней! - сообщил оператор. - Все двигатели на нормальном режиме!

Я взглянул на маленькие круглые часы на пульте управления. Сто одиннадцатая секунда полета. До штатного разделения нам не хватило всего трех секунд.

- Леша, смотри на картинку! - В голосе Макарина смесь восторга и ужаса.

На экранчике было видно, как первая ступень заваливается вправо и вверх. Мелькнул белоснежный бок, черно-белые квадратики конической юбки двигательного отсека. На клетчатой юбке у основания первой ступени образовался широкий разрыв, из которого прорывались рыжевато-малиновые сполохи.

- Наблюдаем пожар на отходящей ступени, - прокомментировал я. - Видны рваные повреждения обшивки в районе между четвертым и пятым двигателями.

“Давай полетим к звездам!”

- Изображение от телекамеры принимаем, - подтвердил оператор. Он снова говорил спокойным и уверенным тоном. - Удаление комплекса от первой ступени - триста метров.

На таком расстоянии даже взрыв горячей первой ступени был нам уже не страшен. С каждой секундой мы уходили от нее все дальше и дальше.

- На борту порядок, - сообщил я и для пущей убедительности поднял едва ли не к самому объективу нависшей над нами телекамеры руку с отогнутым большим пальцем. - Полет продолжается!

- “Флаг-1”, “Флаг-2”, - прозвучал в эфире голос Михеева. Если Василий Павлович вспомнил о наших позывных, значит, ситуация нормализовалась окончательно. Михеев всегда переходит на официальный язык, если волнения уже позади. - Все в порядке! Дальше работаем по программе полета!

- Вас понял, “двадцать пятый”, - я тоже перешел на полетный слэнг. - Работаем по программе!

Мартын Луганцев и его собеседники - 2

(записки журналиста)

КАК ДОБРАТЬСЯ ДО ЛУНЫ И ВЕРНУТЬСЯ ОБРАТНО

На станции метро “Сокол” мы вышли примерно в час пополудни. До назначенного времени встречи с номером один

“Давай полетим к звездам!”

из аджубеевского списка – Генеральным директором Всесоюзного комитета по космическим исследованиям Сергеем Павловичем Королевиным - оставалось еще около полутора часов, и поэтому можно было не спешить. Купили мороженое в киоске около гастронома и неторопливо пошли вдоль Ленинградского проспекта. Инга периодически прилипала носом к большим стеклянным витринам магазинов, в которых стояли стройные пластмассовые девицы в пальто и платьях отечественного покроя, но внутрь не рвалась: одеваться она предпочитает у “личной портнихи” - тети Шуры, которая живет где-то в Медведково.

- Не понимаю, как можно носить такое пальто, - Инга возмущенно наморщила носик, кивая в сторону одной из витрин. – Гляди, какая уродливая линия плеча! А талия! Нет, Март, ты видишь эту талию? Это же кошмар!

- Я вижу только твою талию, кошка, - потянул ее к себе и чмокнул в щечку. – Других талий для меня не существует!

- Врун! – она отстранилась и легонько шлепнула меня ладошкой по губам. – А на Ленку Егорову кто на вечеринке в прошлое воскресенье пялился? Я все видела, Луганцев!

- Ну, дорогая... - я сделал вид, что растерялся. – Сравнение в итоге оказалось не в пользу мадемуазель Егоровой...

- Смотри мне! – Инга шутливо пригрозила пальцем. – Чтобы впредь никаких Егоровых, ясно?

“Давай полетим к звездам!”

Мы пересекли улицу Алабяна и подошли к трамвайному кольцу.

- Нам нужен трамвай двадцать восьмого маршрута, - сказал я. – Он доезжает почти до самой проходной комитета.

- Жаль, что у тебя только один пропуск, - Инга вздохнула. – Было бы интересно взглянуть на этого загадочного Королевина. О нем ходит столько слухов...

- Ну, теперь он перестанет быть таким уж загадочным, - усмехнулся я. – Некому Мартыну Луганцеву поручено приоткрыть завесу тайны и явить миру нашего конструкторского гения...

- Мартик, ты не очень-то задавайся, - Инга щелкнула меня пальчиком по носу. – В Москве о Королевине знают почти все, кому интересна космонавтика. Режим секретности в отношении наших ученых уже давно существует только на бумаге.

- Ты права, - согласился я. – А в зарубежье опубликованы не только статьи о Королевине и его вполне сносные фотографии, но даже вышли две или три книги о нем.

Подкатил трамвай. Мы загрузились внутрь красно-желтого вагона, и трамвайчик резво побежал вдоль Волоколамского шоссе. Справа мелькнул учебный корпус Московского авиационного института, потянулась вереница жилых многоэтажных домов. Затем трамвай повернул влево, прогрохотал колесами по небольшому мостику над железной дорогой и нырнул в зелень парковой зоны.

“Давай полетим к звездам!”

- Ты хоть представляешь, куда идти? – спросила Инга.

- Примерно, - я улыбнулся:

- “А в переулке забор дощатый,

Дом в три окна и серый газон...

Остановите, вагоновожатый,

Остановите сейчас вагон”.

- Гумилев, - угадала Инга.

Потрепанный, еще довоенного издания томик стихов Николая Степановича постоянно лежал у меня на рабочем столе. Когда отчаянно “не писалось”, а было нужно накропать очередной опус в газетный номер, я наугад открывал гумилевский сборник и читал. Иногда помогало. Нужные слова всплывали из ниоткуда и постепенно складывались в статью. Мишка Соколов язвительно хихикал: “Поэзия как детонатор журналистского творчества! Ну, ты даешь, Луганцев!”

- Солнце, мне пора выходить, - я поцеловал Ингу в ушко.

– Вечером ходим в киношку?

- Лучше погуляем. Ты мне позвонишь?

- Угу, - я кивнул. – Как только закончу разговор с Королевиным.

Мы простились, и на следующей остановке я вышел из трамвая.

...С Ингой я познакомился в мае нынешнего года на Выставке достижений народного хозяйства. В павильоне “Образование” тогда открылся фестиваль педагогической

“Давай полетим к звездам!”

книги. Замглавред “Советских Известий” Сергей Сергеевич Фролов поручил написать статью об очередных успехах советских педагогов и погнал меня на ВДНХ подсобрать информацию.

Я самым добросовестным образом битых три часа внимал вдохновенным рассказам лучших представителей племени Сухомлинских и Макаренко, пока в перерыве между осмотрами книжных экспозиций и лекциями не удалось незаметно выскользнуть из павильона. Бегло просмотрел записи, материала для статьи набралось достаточно.

Возвращаться сразу в редакцию не хотелось. Решил прогуляться по территории ВДНХ, а заодно и перекусить в какой-нибудь кафешке – с завтрака во рту не было и хлебной крошки.

Посетителей в рабочий день на Выставке было немного. Навстречу попало несколько вольношатающихся туристов и парочка экскурсий: одна откуда-то из Узбекистана, - судя по тубетейкам едва ли не на всех черноволосых головах, - и одна из зарубежья, если судить по шортам на мужчинах и коротеньким юбкам женщин.

Книжный фестиваль в павильоне “Образование” прошел “на ногах”, спина и ступни требовали “перекура”. У фонтана “Дружба народов” я заозирался в поисках лавочек. И увидел ее...

“Давай полетим к звездам!”

Девушка стояла боком ко мне. Высокая, длинноногая, с ладной фигурой и небольшими грудями. Одета в светло-желтый сарафанчик и такого же цвета босоножки. Длинные волосы цвета спелого льна перехвачены гребешком-зажимом на затылке и аккуратным “конским хвостиком” струятся вниз вдоль удивительно ровной спины. Через плечо переброшен ремешок небольшой сумочки кремового цвета.

Она задумчиво рассматривала струйки воды, которые, описав дугу в воздухе, падали в фонтан примерно в метре от нее. Мелкие капельки повисали в воздухе и в солнечных лучах играли всеми цветами радуги. Казалось, что свет исходил от самой фигурки девушки и ласковыми, теплыми волнами лился в окружающее пространство. Выставочный павильон за фонтаном представлялся сказочным дворцом, устремившим шпиль в голубой купол небес.

“Настоящая принцесса, - теплая волна коснулась моего сердца. – Земное Солнышко!”

Девушка расстегнула сумочку и достала портативный фотоаппарат – “ФЭД”, кажется. Длинные пальчики принялись колдовать с настройкой выдержки и дальности.

Никогда не знаколюсь “на улице”. Считаю это не совсем приличным и не хочу выглядеть в глазах девушек банальным уличным приставалой. К тому же, с женским полом у меня вообще достаточно сложные отношения. Я больше

“Давай полетим к звездам!”

люблю свободу и романтику. А женщины, которые встречались на моем жизненном пути, все как одна были сторонницами семейного практицизма с обязательными печатями в паспорте. Поэтому отношения с подругами раньше или позже приходили в состояние взаимного критического противоречия.

Но в этой девушке у фонтана было столько света, нежности и одновременно какой-то домашности, что я в одно мгновение пересмотрел свои воззрения на уличные знакомства.

- Девушка, хотите, сфотографирую вас у фонтана?

Ее хрупкие плечики вздрогнули, она стремительно повернулась ко мне. Пшеничные ресницы взлетели вверх. Я мог бы дать голову на отсечение, что в зеленовато-голубых глазах мелькнуло безмерное удивление. Словно она ожидала увидеть кого угодно, но только не меня.

- Хотите, я вас сфотографирую? – повторил и похвастал, вворачивая комплемент:

- Получится настоящее произведение фотоискусства!

Она улыбнулась. Я всегда считал выражение “солнечная улыбка” литературным штампом, но в тот момент понял, что есть штампы, от которых вовсе не стоит избавляться. Улыбка девушки и в самом деле оказалась мягкой, доверчивой, доброй и – да, да! – именно солнечной, теплой и лучистой, словно весь свет небесного светила вдруг снизошел на землю и сконцентрировался на ее лице.

“Давай полетим к звездам!”

- А вы сумеете? – Смех прозвучал веселым звоном колокольчика.

- Конечно, сумею! Я иногда фотографирую, чтобы проиллюстрировать свои статьи. Вполне профессионально получается.

- Вы журналист? – Она окинула меня заинтересованным взглядом.

- Работаю в газете, - кивнул я.

- Наверное, какая-нибудь заводская многотиражка? – с легкой поддевкой предположила она. В глазах играли шаловливые искры. – А вы в ней и главный редактор, и журналист, и фотокор?

- Обижаете, - я достал из кармана редакционное удостоверение:

- Журналист “Советских Известий”.

Конечно, с моей стороны этот жест был явным мальчишеством и дешевым фанфаронством, но я вложил в него хорошую порцию юмора – шаркнул туфлей по асфальту и энергично кивнул головой:

- К вашим услугам!

Она приняла правила затейной игры, взяла из моих рук удостоверение, раскрыла его и прочитала:

- Луганцев Мартын Андреевич.

- Ваш покорный слуга! – продолжил гримасничать я.

“Давай полетим к звездам!”

Она вернула мне редакционное удостоверение и протянула ладонь:

- Инга Лаукайте.

Наверное, она рассчитывала на простое рукопожатие, но я подхватил пальцами ее ладошку, поднес к губам и поцеловал.

- Старомодно, фамильярно, но чрезвычайно приятно, - она рассмеялась. Заглянула мне в лицо и, картинно нахмутив светло-русые бровки, строгим голосом сказала:

- Сейчас оценим ваш профессионализм, Мартын Андреевич...

- Можно просто Мартын, - поспешно вставил я. – Или даже Март!

- Ладно, Март из мая, - ее глаза смеялись. – Держите фотоаппарат. Попробуйте выбрать правильный ракурс и освещение для съемки. Кстати, имейте в виду: я – фотохудожник!

- В самом деле? – опешил я. Так-с, ухажер Луганцев, кажется, тебя сейчас посадят в лужу.

- Сомневаетесь? - Теперь Инга изобразила на лице легкую обиду. – Удостоверения у меня с собой нет, но можете поверить на слово: годовичные курсы фотомастерства и три года очень неплохой практики! Итак, вы готовы к ристалищу, рыцарь?

- Слушаюсь и повинуюсь, принцесса! – Я почувствовал себя на седьмом небе.

“Давай полетим к звездам!”

Мы еще долго дурачились около фонтана, фотографируя друг друга. Инга приняла на себя роль строгого мастера, а я – неловкого и неопытного подмастерья.

А потом пригласил ее пообедать. Мы побродили по аллеям ВДНХ и, в конце концов, нашли уютное кафе.

Инга родилась в Латвии. Во время войны ее родители участвовали в антифашистском подполье, попали в руки гестаповцев и были расстреляны. Четырехмесячную девочку чудом - за несколько часов до ареста матери - успела забрать к себе мамина сестра.

После освобождения Прибалтики советскими войсками, Инга восемь лет жила у тетки в Риге. Но в августе пятидесятого госбезопасность разглядела в скромном библиотекаре из городской библиотеки матерого “врага народа”. Тетка получила четвертак и сгинула где-то в колымских зонах. Первоклассницу Ингу отдали в детский дом. В пятнадцать лет перед ней раскрыло двери фабричное училище – советское государство решило, что из юной Лаукайте выйдет хорошая швея-закройщица. Государство ошиблось. На швею Инга действительно выучилась и даже отработала положенные три года после распределения на фабрике, где шили нижнее белье. Но потом круто изменила свою судьбу. Инга Лаукайте поступила в Рижский университет на факультет математики.

“Давай полетим к звездам!”

- Почему именно математики? – удивился я. Как-то не вязались в одно целое интегралы и производные с обликом этой веселой и жизнерадостной девушки.

- Она мне с детства нравилась. В математике, Март, есть и своя строгость, и однозначность, и даже свои чувства...

- Чувства в математике? – Я скептически покачал головой. У меня, законченного гуманитария, с алгеброй, тригонометрией и геометрией всегда были напряженные отношения. – А как вы стали фотохудожником?

- Очень просто, - она повела плечиками. – Однажды купила старенькую фотокамеру. Увлеклась съемками. Потом окончила курсы... Как-то отдала несколько снимков в женский журнал. Их напечатали. Меня приняли на работу фотокорреспондентом. На полставки – днем я училась.

- А потом?

- Я окончила университет, меня распределили сюда, в Подмосковье. Год я проработала учителем математики в Пушкино. А теперь школу объединяют с другой школой, и придется искать новую работу...

- Слушайте, Инга, - я хлопнул себя ладонью по лбу. – Да у нас же в газете есть вакансия фотокора! А если...

Мы еще долго гуляли по Москве, потом я поехал провожать ее в Пушкино. Утром встретились снова, и она отдала мне толстый пакет со своими работами. На следующий день пакет оказался на столе у замглавреда. Сергей Сергеевич

“Давай полетим к звездам!”

внимательно просмотрел фотографии, уставился на меня рачьими, почти бесцветными глазами и осведомился:

- Значит, протезируешь даму сердца, Луганцев?

- При чем тут дама сердца, Сергеич? – моментально вспыхнул я. – Фотоснимки же – класснейшие!

Замглав добродушно хихикнул в седые усы и потер ладонью лысину:

- Ну, насчет дамы сердца – это так, к слову... А фотографии действительно хороши. Мастерские. Ладно, тащи на собеседование свою девицу!

Так Инга стала работать в “Советских Известиях”.

То, что происходит обычно между симпатизирующими друг другу мужчиной и женщиной, случилось у нас к концу второй недели знакомства. Мы ходили в кино на вечерний сеанс. Фильм был двухсерийный, и в десять вечера совершенно уже невозможно было ехать на вокзал, а потом еще трястись в электричке “к черту на кулички” - до Пушкина. Я живу на улице имени Восьмого марта, недалеко от станции метро “Аэропорт”. Краснея, бледнея и заикаясь, предложил Инге переночевать в моей квартире.

- Коварный ты мужчина, Луганцев, - сказала она, пристально разглядывая меня. – Умеешь поставить девушку в безвыходное положение.

“Давай полетим к звездам!”

- Ты только не подумай... - совсем стусевавшись, начал оправдываться я, но она решительно взяла меня под руку, поцеловала в щеку, и вздохнула:

- Пойдем уж, рыцарь...

Я живу один в трехкомнатной квартире. Отец и мама у меня геологи, месяцами не бывают дома. Конечно же, предложил Инге жить у меня.

- А что подумают твои соседи? – поинтересовалась она. – И потом... Слухами земля полнится. На работе комсомольцев Луганцева и Лаукайте обвинят в аморальном поведении.

- Плевать я хотел на слухи, комсомол и аморальное поведение... - начал заводиться я, но она положила мне теплую ладошку на руку и сказала:

- Ездить каждый день на работу из Пушкино и обратно, конечно, не удобно. Поэтому сниму себе квартиру в Москве.

Я понял, что иначе не будет. Во всяком случае, пока.

Она действительно, сняла себе комнату в коммунальной квартире около станции метро “Динамо”, совсем недалеко от моего дома. Конечно, мы встречались ежедневно – и на работе, и вне работы. Два или три раза в неделю она оставалась ночевать у меня. Субботы и воскресенья, за редким исключением, мы проводили вместе – гуляли по Москве, ходили в театры и музеи.

На работе все как-то сразу, без сплетен и сусюканья за спиной, уяснили, что “Инга – девушка нашего Мартика, и у них

“Давай полетим к звездам!”

все очень серьезно”. Даже Мишка Соколов, известный показным ретроградством и любивший поморализировать по поводу отношений между мужчиной и женщиной, изрек:

- Наконец-то, ты остепенишься, Луганцев. А то, понимаешь, одни юбки на уме...

- Убью, - я шутливо погрозил ему кулаком.

...Вопреки моим ожиданиям никакого “забора дощатого” в полутемном переулке не оказалось. От остановки к большим высоким воротам проходной Всесоюзного комитета по космическим исследованиям вела широкая асфальтовая дорога.

На посту охраны лейтенант с голубыми петлицами на кителе долго изучал мой паспорт и служебное удостоверение, и только потом достал из ящика рабочего стола заранее выписанную на меня карточку разового пропуска.

- Пойдете прямо, никуда не сворачивая, - пояснил бесцветным голосом. – Примерно через двести метров будет главный административный корпус. Вам в левое крыло и на второй этаж.

За воротами сверхсекретного Комитета по космосу асфальтовая дорога нырнула в густой коридор из кустов и деревьев, надежно закрывавший от глаз все, что было слева и справа. До самого входа в главный административный корпус никаких боковых ответвлений не обнаружилось.

“Давай полетим к звездам!”

На втором этаже административного здания я отыскал обитые кожей двери с надписью “Приемная”. За дверью оказалась большая светлая комната с секретарским столом и несколькими мягкими диванами. За столом разбирала бумаги светловолосая женщина-секретарь. В левой от входа стене была еще одна плотно закрытая дверь. На двери висела красная табличка с золотистой окантовкой и надписью такими же золотистыми буквами “Генеральный директор Всесоюзного комитета по космическим исследованиям”. Фамилии владельца кабинета на табличке не было – может быть, тоже в целях секретности.

С одного из диванов поднялся высокий молодой мужчина в строгом синем костюме.

- Мартын Луганцев, корреспондент “Советских Известий”? – цепкий взгляд скользнул по моему лицу.

- Да, у меня назначена встреча с Сергеем Павловичем Королевиным. На половину третьего.

- Знаю, - мужчина кивнул. – Сергей Павлович ждет вас, проходите.

Он сделал шаг вправо и распахнул дверь, ведущую в кабинет Королевина.

Кабинет Генерального директора ВККИ оказался небольшим, чуть побольше приемной. Два огромных окна, за которыми шелестели листвой высокие зеленые клены, стены заставленные шкафами с книгами, и рабочий стол в правом

“Давай полетим к звездам!”

углу комнаты. На столе – лампа “медуза” на длинной ножке, несколько папок с бумагами и вертикальная рамка с какой-то фотографией.

Из кресла за столом навстречу мне поднялся хозяин кабинета.

Когда я готовился к этой беседе, смог отыскать только два изображения Королевина – оба в английском “Спейсфлайте”. Фотографии были сделаны во время “космических” митингов на Красной площади, когда чествовали кого-то из наших прославленных космонавтов. На одном фото Королевин был в широкополой шляпе, и его лицо было плохо видно. А другая фотография была немного смазана, изображение не сфокусировано, и разглядеть на фото можно было только общие черты лица.

Генеральный директор ВККИ Сергей Павлович Королевин оказался плотным человеком среднего роста. Круглое лицо, высокий лоб. Темно-русые волосы с едва заметной сединой. Строгий и внимательный взгляд карих глаз. Одет был в серый летний костюм, без галстука, воротник на светло-голубой рубашке расстегнут.

- Товарищ Луганцев? – Он улыбнулся и протянул руку. – Рад с вами познакомиться.

Рукопожатие было некрепким, но и не безвольным.

- Здравствуйте, Сергей Павлович. Мне поручили подготовить статью...

“Давай полетим к звездам!”

- Я знаю, - он остановил меня жестом. – Алексей Иванович звонил сегодня утром. Мы с товарищем Аджубеевым давние знакомые. На высшем, так сказать, уровне.

В его темных глазах блеснула веселая искорка.

- Присаживайтесь, - он махнул рукой в сторону стульев около рабочего стола. – От чаю не откажитесь?

- Не откажусь, - я бы, конечно, предпочел кофе, но со своим уставом в чужой монастырь не ходят.

- Вот и замечательно, - Королевин кивнул и, щелкнув тумблером, произнес в селектор:

- Зинуля, нам два чая.

Он вернулся в кресло за столом и несколько секунд молча изучал меня, пока я немного суетливо доставал из сумки ручку и блокнот.

- С чего начнем?

- Сергей Павлович, мне нужно, чтобы вы рассказали о себе...

У Королевина очень необычная улыбка. Плотные губы, не разжимаясь, растягиваются широко, чуть приподнимаясь краешками кверху. Крупное круглое лицо Сергея Павловича начинает лучиться какой-то особой добротой и умиротворенностью. Но длится это всего лишь мгновение. Затем его лицо застывает, и тень забот и глубокой усталости снова обозначается на высоком крутом лбу.

“Давай полетим к звездам!”

- О себе... - он задумался. – Родился в Житомире. Отец был учителем, умер рано... Мама жива, сейчас живет здесь, в Москве. После окончания школы учился в Киевском политехе, затем перевелся в Бауманку. Диплом защищал у Алексея Николаевича Туполина, нашего известного авиаконструктора. В двадцатые годы увлекался планеризмом. И планеры конструировал, и сам летал.

Он чуть помедлил, собираясь с мыслями, и продолжил:

- Потом загорелся идеей поставить на планер ракетный мотор. Начал изучать реактивное движение. Нас собралось тогда человек двадцать молодых инженеров, которые хотели заниматься ракетной техникой. Сконструировали и запустили несколько небольших экспериментальных ракет. Потом по инициативе замнаркома Тухачевского был создан Реактивный научно-исследовательский институт, и мы стали его сотрудниками...

Он замолчал.

- А потом был тридцать восьмой год, - на лице Королевина появилась горькая ухмылка. – Партия вплотную занялась врагами народа... Один из сотрудников нашего РНИИ написал донос, и я оказался среди вредителей. Пятьдесят восьмая статья... Расстрельная... Правда, расстрел заменили десятью годами лагерей. Два года мыл золото на Колыме.

Дверь кабинета распахнулась, и светловолосая немногословная Зинуля внесла поднос с двумя чашками

“Давай полетим к звездам!”

ароматного чая. Когда чашки заняли свое место на столе передо мной и Королевиным, Сергей Павлович продолжил:

- Потом меня перевели работать в “шарашку”, к Туполину – он тоже был арестован в конце тридцатых и получил срок. Кстати, по его заявке в адрес Лаврентия Берия меня и вытащили с Колымы. Вовремя вспомнил Андрей Николаевич своего бывшего дипломника... Туполин тогда работал над бомбардировщиком АНТ-58. Еще через два года я был направлен в Казань, под начало моего давнего знакомого Валентина Петровича Глуховцева. Режим там был строже, чем в “шарашке” у Туполина. Ко мне даже был приставлен персональный конвоир. Работа от зари до зари, постоянные шмоны, стукачи... Я был уверен, что рано или поздно нас всех, как говорится, выведут к стенке и шлепнут без некролога. Но пронесло. Летом 1944 года меня досрочно освободили.

Он отхлебнул чай.

- Вы уже в те годы начали заниматься ракетной техникой?

- Еще нет, - Королевин покачал головой. – Ракетами вплотную мы стали заниматься только весной 1945 года. Тогда нас, группу инженеров, командировали в Германию – искать остатки ракеты “Фау-2” Вернера фон Брауха. А потом руководство нашей страны поставило задачу: в кратчайшие сроки создать аналог немецкой ракеты. Вот с тех пор я и стал окончательно на ракетную стезю. За прошедшие два десятка

“Давай полетим к звездам!”

лет было очень много разных работ в области ракетной и космической техники. О многих вы уже слышали в сообщениях ТАСС, но большинство все еще остаются секретными.

- Ну, в секретную область углубляться не будем, - поспешно заверил я. – Давайте поговорим о вещах, которым в ближайшее время предстоит стать несекретными. Сергей Павлович, расскажите, как родилась наша лунная пилотируемая программа.

Королевин допил чай, отодвинул в сторону чашку, расслабленно откинулся в кресле и неторопливо принялся рассказывать:

- После запуска первого искусственного спутника всем стало ясно, что уже не за горами полет человека на космическую орбиту. Зимой 1959 года вышло постановление Советского правительства о создании Всесоюзного комитета по космическим исследованиям. Возглавить его на специальном заседании Политбюро ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев предложил мне...

Я скоротписью строчил в блокноте, стараясь не упустить ни слова. Королевин говорил хорошо, связно. С небольшими правками могла получиться готовая статья.

- Америка очень нервно восприняла наши космические успехи. Видимо, полет Юрия Алексеевича Гагарова оказался той последней каплей, которая переполнила чашу терпения и сдержанности американской администрации. Всего через

“Давай полетим к звездам!”

полтора месяца после орбитального полета Юрия Гагарова, 25 мая 1961 года, президент США Джон Кеннеди выступил с обращением к стране, в котором заявил о намерении осуществить высадку американского космонавта на лунную поверхность к концу десятилетия. Мы же не собирались “отдавать” Луну американцам. С лета 1961 года и началось практическое создание ракеты, которую потом назовут “Ленин”.

В течение следующего часа Королевин очень обстоятельно и подробно рассказывал мне о предстоящей экспедиции на Луну. Я с усердием пишущего диктанта прилежного школьника, почти дословно заносил сказанное им в рабочий блокнот. Говорил Сергей Павлович живо, увлеченно и очень понятно, без технических подробностей, излишних для неподготовленного читателя.

Как рассказал Королевин, лунная ракета “Ленин” состоит из пяти ступеней. Первые три используются для выведения ракетно-космического комплекса “Знамя”-“Лунник” на орбиту вокруг Земли. Четвертая ступень разгоняет его к Луне. Пятая тормозит около Луны и переводит корабль “Лунник” на посадочную траекторию. Космический корабль “Знамя” с Олегом Макариным останется “дежурить” на окололунной орбите, а посадочный корабль “Лунник”, пилотируемый Алексеем Леонтьевым, должен прилуниться. После посадки Леонтьев выйдет на лунную поверхность, установит государственный флаг, возьмет образцы грунта и снова

“Давай полетим к звездам!”

стартует в космос. На орбите он вернется в корабль “Знамя” и вместе с Макариным отправится домой, на Землю.

- Вся лунная экспедиция от момента старта ракеты-носителя с космодрома Байконур и до посадки спускаемого аппарата в северной части Казахстана займет около двух недель, - завершил рассказ Королевин.

- Ну, вот, пожалуй, и все, Сергей Павлович, - я закрыл блокнот. – Материала для первой статьи более чем достаточно. Я не утомил вас расспросами?

Королевин посмотрел на часы:

- Мы беседовали всего около полутора часов. У меня не так часто бывают журналисты, чтобы я очень уж уставал от таких бесед. Тем более, как я слышал, перед вами поставлена задача представить меня и моих коллег-конструкторов общественности... Очень рад знакомству с вами, товарищ Луганцев. Будем работать и в дальнейшем.

- Хотелось бы, Сергей Павлович, - я понял, что пора закругляться и сунул блокнот с ручкой в сумку. – Надеюсь, что мне удастся побывать и на космодроме.

- Ну, с эти проблем не будет, - Королевин взмахнул рукой, поднялся из кресла и вышел из-за стола. – С нашего ведомственного аэродрома на Байконур ежедневно летает самолет. Соберетесь лететь – позвоните в мою приемную, Зинуле. Она для вас забронирует место.

- Спасибо, Сергей Павлович! До свидания!

“Давай полетим к звездам!”

- До свидания, товарищ Луганцев.

Он крепко пожал мою руку, и я вышел из кабинета.

Зинуля из-за секретарского стола скользнула по мне безразличным взглядом, а мужчина в строгом синем костюме, казалось, дремал на мягком диване и даже не открыл глаз.

Я вышел из административного корпуса и зашагал к воротам.

- Сам директор – ну и ну! –

Рассказал мне про Луну,

Про наш будущий полет

До космических высот, - скороговоркой пробормотал под нос, нырнув в зеленый коридор. “Вирус мелкого стихоплетства”, как выражается Инга, иногда поражает меня в самые неожиданные моменты.

Мысли все еще вертелись вокруг только что завершившейся беседы. Пожалуй, интервью получилось. Королевин оказался интересным собеседником и очень подробно ответил на все вопросы. Теперь оставалось только расшифровать сделанные скорописью записи, творчески преобразовать их в связный текст, перепечатав начисто на пишущей машинке. Может быть, что-то нужно будет подсократить, расставить кое-какие акценты – и можно отдавать работу на визу Аджубееву.

Мысленно нарисовал портрет Королевина в рабочем кабинете. Так я поступаю всегда после каждого интервью.

“Давай полетим к звездам!”

Воображаемая “картинка” очень помогает писать: словно снова видишь перед собой собеседника, можешь всегда выделить какую-то черту его характера, подчеркнуть что-то из внешности, обратить внимание на любой предмет в окружающем пространстве.

Королевин – очень целеустремленный и властный человек. Настоящий лидер. Умный, знающий, требовательный. И вместе с тем – романтик и мечтатель. Редкое сочетание душевных качеств.

Но одновременно он и очень прост в общении. Нет величия, зазнайства, самолюбования. Простой Генеральный директор. И речь у него простая... Слово “первый” произносит очень смешно, вставляя между слогами мягкий знак – “перьвый”.

Кабинет у него без изысков и помпезности. Простой рабочий кабинет простого Генерального директора. Самый обычный письменный стол, шкафы с книгами, лампа “медуза” на ножке.

Что еще? Значок на лацкане пиджака с изображением улыбающегося Гагарова в скафандре. Станный, кстати, значок... Подпись под изображением какая-то необычная. Гагаров расписывается очень четко и ясно, без всяких завитушек, петель и прочей стильной ерунды. Буквы “О” и “В” в конце его подписи всегда имели законченное начертание и читались очень легко.

“Давай полетим к звездам!”

А подпись на значке, который носил Королевин, была совершенно иной. После буквы “Р” не было букв “О” и “В”, а шла какая-то короткая волнистая линия, которая заканчивалась отдельной острой черточкой.

“Наверное, так, - с волнистой линией в “хвостике”, - Юрий Гагаров расписывался раньше, - решил я. – А потом стал подписываться с четким начертанием всех букв в фамилии”.

Чеслав Волянецкий и другие - 2

(рабочие записи)

ПАПА КАРЛО И ДОН КАРЛЕОНЕ

Карлос Дониля невысокого роста, полноват и рыл. Короткие темные волосы с уже обозначившейся сединой на висках аккуратно причесаны на косой пробор, но даже тщательно выполненная прическа не в силах скрыть их кучерявости и непокорности. Черные, демонически поблескивающие глаза смотрят на меня внимательно и пытливо. Вокруг глаз заметна паутинка мелких морщинок. Минувшим летом Карлос отпраздновал сорокапятилетие. По местному времени, конечно.

Мы расположились около гостевого столика в рабочем кабинете Дониля. Мягкие кресла, горячий кофе и вазочка с печеньем – все располагает к доверительной беседе. За окнами

“Давай полетим к звездам!”

шумят машины: Ленинский проспект в Москве один из самых оживленных. Офис Карлоса замаскирован под обычную трехкомнатную квартиру, принадлежащую гражданину Андрею Константиновичу Круглякову – именно эти фамилия, имя и отчество значатся в советском паспорте Дониля.

- Значит, ты утверждаешь, что буквально за секунды этот упавший в пропасть бензовоз превратился в снег?

- В белый порошок, - уточняю я. – Который внешне был очень похож на снег. Извини, химический анализ сделать не успел.

Карлос молча проглатывает мою колкость и задумчиво барабанит пальцами по столешнице.

- Я бы принял твой рассказ за глупую шутку, - Дониля отпивает кофе из чашки и недовольно плямкает губами:

- Ты не находишь, что кофе немного горьковат?

- Кофе как кофе, - пожимаю плечами и возвращаюсь к теме разговора:

- Ты бы принял мой рассказ за шутку, если бы не что?..

- Нет, я все-таки добавлю сахара, - Карлос берет сахарницу и колдует над чашкой.

Сейчас Дониля пребывает в расслабленном и благодушном состоянии. Когда шеф находится в этом состоянии, мы, местные резиденты и кураторы, за глаза именуем его Папой Карло. Если же Карлос зол и раздражен, - что, впрочем, случается с ним крайне редко, - прозвище

“Давай полетим к звездам!”

добродушного столяра из сказки о Буратино плавно трансформируется в бандитско-мафиозное имя Дон Карлеоне.

Карлос завершает манипуляции с кофе, отпивает глоток, довольно причмокивает губами и продолжает:

- Признаться, поначалу, я все же решил, что ты нас разыгрываешь... Уж слишком твой рассказ отдавал чертовщинкой. Дешевым розыгрышем.

Он лукаво щурится.

- Но потом я посмотрел записи со спутника слежения и видеоотчет твоего “ангела-хранителя”. И пришел к выводу, что ты говоришь правду. В словах человека можно усомниться, но “ах” врать не умеет.

- Ну, да, самое время мне заделаться шутником, - саркастически замечаю я. – Как раз за полмесяца до главного события всей нашей программы!

- Не злись, - умиротворяюще произносит Карлос и обезоруживающе улыбается. – Слишком уж невероятно все, что с тобой случилось...

- Да я не злюсь... Просто накануне советской высадки на Луну мне не до шуток! Уж можешь поверить!

- Верю, Чеслав, - кивает Дониля. – Что я, не вижу? У тебя сейчас самый напряг...

- Ты уже доложил Совету Главных о случае со мной?

- В тот же день, - он кивает и снова смакует кофе. – Главные стали на уши. Все как один! Королевин надавал мне

“Давай полетим к звездам!”

кучу поручений. Но толку пока ноль – мы по-прежнему не знаем, кто тебя атаковал трое суток назад. Кстати, у тебя самого есть какие-нибудь версии?

- Сплошная фантастика, - я отмахиваюсь. – Ты прав: все происшедшее слишком уж невероятно...

- И все же твои версии?

- Хорошо, - вздыхаю я. - Версия номер один: мы столкнулись с проявлением какой-то местной технологии, которая нам не известна.

- Это при нашем-то глобальном контроле всего и вся в этом мире? – Карлос скептически фыркает. – Чеслав, можешь мне поверить: ни одна страна не разрабатывает способов обращения бензовозов в летающий белый порошок!

- А какого-нибудь чудака-профессора ты полностью исключаешь? Сидит где-нибудь на отшибе, в Альпах или в Тибете, гений-одиночка и тихонько кропает научные открытия...

- Чеслав, можно я позвоню Жану Марэ? - Донилья хохочет. – Скажу, что ты готов написать сценарий очередного фильма о Фантомасе!

Он долго смеется. Наверное, представляет меня в обнимку с Луи Дефюнесом в роли комиссара Жу. Отпив кофе, уже серьезно замечает:

- Хорошо, допустим, что какую-то сказочную технологию в одиночку придумать действительно можно. Но чтобы ее реализовать, нужна промышленность, нужны заказы заводам и

“Давай полетим к звездам!”

предприятиям. Многомиллионные или даже многомиллиардные. Чеслав, мы бы ущучили этого чудака-профессора еще на стадии закупки материалов для его чудо-опытов.

- Ну, тогда не знаю, - развожу руками. – Тогда остается совсем уж экзотика: инопланетяне, параллельные миры, пришельцы из будущего. Стругацкие, Лем и Хайнлайн в одном флаконе.

Какое-то время мы молча пьем кофе. Карлос пользуется “буржуйским” дезодорантом “Олд Спайс” – по мнению моего носа, чрезмерно, - и запах мужской косметики перебивает кофейный аромат. Делаю парочку глотков и отставляю в сторону чашку. Разбавленная “вечная свежесть” да и только!

- Я отдал обе записи – со спутника, и с твоего “хранителя” - на анализ нашим экспертам, - после паузы сообщает Карлос, совершенно не заметив моего кофейного демарша. – Результат пока нулевой. Бензовоз действительно рассыпался в белую пыль за доли секунды. Второй бензовоз и белый “форд” тоже обратились в порошок и растаяли в воздухе. Наша поисковая бригада прочесала весь район происшествия. Никаких новых следов или каких-то аномалий. Обычная дорога, обычное ущелье, обычные камни вокруг.

Донилья снова замолкает. Задумчиво помешивает ложечкой остатки кофе в чашке.

“Давай полетим к звездам!”

- И самое главное... Непонятно, что это было: какая-то невероятная случайность или целенаправленное нападение именно на тебя?

Он вопрошающе смотрит на меня, словно и в самом деле надеется услышать какой-то вразумительный ответ.

- Не знаю, - пожимаю плечами. – У меня нет никаких гипотез. На “хвост” я никому не наступал. Обычная работа, строго по нашему плану. Напряженная, но в целом скука и рутина. И вдруг такое...

- Ладно, - Донилья допивает кофе одним глотком и отставляет чашку. – “Хранитель” всегда с тобой?

- Обижаешь, шеф? – скажусь я. – Помнится, инструкцию ты лично вбивал в мою непутевую башку еще во время первой стажировки на базе.

– Знаю я вас, сорвиголов... - ворчит Карлос. – Ты и Милентьев всегда выкидываете самые невероятные коленца! Не случайно вы так любите работать в паре, ох, не случайно!

Жора Милентьев курирует мою резидентскую деятельность. Человек он крайне осторожный и всегда уравнивает меня в нашем рабочем тандеме. Но я не хочу спорить с Донильей: начальству со стороны всегда виднее.

- Может я и сорвиголова, но никогда не был идиотом.

- Ладно, ладно, не обижайся, - примирительно улыбается Донилья. – И вот что... Совет Главных принял положительное

“Давай полетим к звездам!”

решение по Мартыну Луганцеву и Инге Лаукайте. Исполнителем я рекомендовал тебя. Совет согласился.

- Здрасьте – пожалуйста! Еще и эта канитель на мою голову! И это во время выполнения первой лунной? Финальная часть работы в самом разгаре, а здесь...

- Волянецкий, ты не кипятишься, ладно? – Карлос досадливо морщится. За добродушным ликом Папы Карло замаячила тень жесткого администратора Дона Карлеоне. – Исполнение назначено на конец ноября. Это уже после полета Леонтьева и Макарина.

Я покорно вздыхаю:

- Ладно уж... Как мне получить их досье?

- Тебе передаст их Милентьев... Кстати, об этой барышне, Инге Лаукайте. Мы так и не нашли некоторых документов для ее личного дела. В биографии значится, что она – воспитанница детского дома в Риге. Но в архиве детского дома документов на Ингу Лаукайте не обнаружилось.

- Где-нибудь затерялись, наверное, - пожимаю плечами. – Был бы человек, а бумажка – это только бумажка!

- Да? – Карлос озабоченно выпячивает нижнюю губу. – Но ты на всякий случай присмотришь к ней повнимательней. Как последняя контрольная инстанция. Я тоже, конечно, еще посмотрю...

Донилья пару секунд задумчиво глядит на меня и говорит:

“Давай полетим к звездам!”

- Знаешь, а я все-таки закреплю за тобой парочку “шмелей”. Полетают следом, посмотрят, поохраняют.

- Надеюсь, они будут работать в невидимом режиме? – шутливо скажешь.

- Ну, я же не сорвиголова! – хохочет Карлос.

Мартын Луганцев и его собеседники - 3

(записки журналиста)

ГЛАВНАЯ РАКЕТА СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

- Значит, вы хотите, чтобы я рассказал об устройстве нашей ракеты?

Мы не спеша идем с Василием Павловичем Михеевым вдоль “главного проспекта” предприятия, на котором создавалась большая часть нашей космической техники – от первого спутника и корабля “Восток” до лунного орбитального корабля “Знамя” и могучей ракеты-носителя Н-1 “Ленин”. Слева от нас расположились аккуратные трехэтажные здания конструкторских подразделений, справа – длинные серые, без единого окна корпуса заводских цехов.

Вчера я убил почти весь день, чтобы договориться с Михеевым о встрече. Секретарь в приемной на все звонки холодным и бесстрастным голосом сообщала, что Василий Павлович занят, у него совещание, когда совещание окончится

“Давай полетим к звездам!”

– неизвестно, но после его окончания Михеев сразу же уезжает в министерство. На это ледяное сердце на том конце телефонного провода совершенно не действовали увещевания и объяснения, и я уже совсем было отчаялся добиться встречи с Главным конструктором нашей лунной ракеты.

Выручила меня Инга. Она с полчаса молча наблюдала за жалкими потугами прорвать секретарскую блокаду, сидя на диване в моей гостиной, попивая кофе и уплетая песочное печенье. А потом смилостивилась, сладко, как-то по-кошачьи, - как умеет делать только она, - потянулась и сказала, бросив на меня игривый взгляд:

- Да, Луганцев... Придется тебя выручать. Ты сколько в газете работаешь? Уже три года? И за это время не научился правильному общению с секретарями больших начальников?

- Это не секретарь, - я хмуро кивнул в сторону телефона.

– Это какая-то мегера! Блокада!

- Любую секретарскую блокаду можно преодолеть, - наставительно произнесла Инга. – При личном общении хватило бы обычной шоколадки...

- Ну, это я и без тебя знаю, милая моя советчица, - огрызнулся раздраженно. - Но чтобы вручить шоколадку этой бабе-яге, нужно сначала проникнуть на территорию режимного предприятия, на котором она соизволит работать. А чтобы получить пропуск на секретный завод, я должен сначала

“Давай полетим к звездам!”

договориться с этой мадам о времени посещения ее босса. Замкнутый круг, золотце.

- Замкнутые круги нужно размыкать, - настойчиво гнула Инга. – Знаешь такую поговорку – “Клин клином вышибают”?

- К чему ты клонишь? – недовольно буркнул я. – Мне нужно устроиться на работу секретарем к Михееву, чтобы взять у него интервью?

- Это не обязательно, - повела плечиком Инга и поучающе изрекла:

- Против секретаря большого начальника есть очень эффективное и неоднократно проверенное средство - секретарь еще большего начальства. Ну-ка, продиктуй номер телефона приемной твоего недостижимого Михеева...

Она одним пальчиком набрала шестизначный номер. Несколько секунд шел вызов, пока на том конце сети не сняли телефонную трубку.

- Здравствуйте, - голос Инги зазвучал как-то по особенному звонко и строго. – Вас беспокоят из приемной члена ЦК КПСС Алексея Ивановича Аджубеева. Алексей Иванович просил соединить его с академиком Михеевым.

Пауза длиной несколько секунд. Потом Инга протянула мне телефонную трубку и прошептала:

- Держи, дело сделано.

- Алло, - из динамика доносится хриловатый басок академика. – Михеев слушает.

“Давай полетим к звездам!”

- Василий Павлович? – ладонь, судорожно сжимавшая телефонную трубку, вспотела от напряжения. – Моя фамилия Луганцев, я звоню по поручению главного редактора газеты “Советские Известия” товарища Аджубеева.

- Да, да, я знаю, - торопливой скороговоркой сообщил собеседник. – Алексей Иванович уже звонил вчера и просил, чтобы я вас принял. Это по поводу интервью?

- Да, - облегченно выдохнул. Ай да шеф! Сделать за меня такой кусок работы – и молчок! Узнаю его стиль: максимально благоприятствовать подчиненным, но и спрашивать потом строго. – Василий Павлович, я хотел бы встретиться с вами на днях, чтобы поговорить...

- Завтра в десять утра вас устроит? – вопросительно пророкотал академик.

- Устроит, Василий Павлович, - с радостью согласился я.
– Куда мне подойти?

- Приезжайте к нам на завод в Подлипки. Дорогу знаете?

- Знаю, Василий Павлович!

- Вот и замечательно, пропуск на ваше имя будет заказан,
- он чуть помедлил и продолжил:

- И вот что, товарищ Луганцев... У нас здесь предстартовая запарка. Это значит, что без помех побеседовать в кабинете нам вряд ли позволят. Как вы посмотрите, если мы прогуляемся по территории предприятия и на ходу поговорим обо всех вопросах, которые вас интересуют?

“Давай полетим к звездам!”

- Отлично, Василий Павлович!

- Тогда давайте ровно в десять встретимся в моей приемной в административном корпусе. Дорогу вам покажут на проходной.

- Инга, - трубка легла на телефонный рычаг, - я у тебя в долгу. Поцелуйчик хочешь?

- Мелковато мыслите, спецкор Луганцев, - Инга весело фыркнула. – Маловато будет!

- Пять поцелуев! – я резко взвинтил предложение.

- ...И совместный культпоход в театр в субботу, - хитро улыбнувшись, закончила Инга.

...На следующий день ровно в десять утра я уже маячил в приемной у Михеева. На удивление, оказался единственным посетителем.

“Непробиваемая” секретарь была дамой в возрасте около сорока. Строгий серый деловой костюм, волосы безупречной “шишечкой” сколоты на затылке, взгляд сосредоточенный. Типичная зубастенькая канцелярская крыска.

Чуть в стороне от письменного стола секретаря, на стене висел большой портрет Юрия Гагарова. Космонавт, одетый в оранжевый скафандр и белый гермошлем с алой надписью “СССР”, улыбался с холста знаменитой, “гагаровской” улыбкой. В правом углу картины шла размашистая подпись Юрия Алексеевича. Четко читалось “Гагар”, а дальше буквы

“Давай полетим к звездам!”

превращались в волнистую линию. Странная подпись. Кажется, обычно Гагаров расписывается иначе.

С детства терпеть не могу никаких тайн. Если есть тайна – я должен ее обязательно раскрыть. За странной подписью Гагарова на портрете была какая-то тайна. Мелкая, малюсенькая, микроскопическая, но она впилась в мое сознание с той же бесцеремонностью, с которой мелкий гвоздик из подошвы ботинка впивается в пятку: вроде бы и не больно, но все время ощущаешь неудобство при ходьбе.

Василий Павлович не заставил себя долго ждать, и уже через пять минут мы отправились в прогулку по территории предприятия.

- Особо вдаваться в конструктивные особенности лунной ракеты-носителя я не буду, - начал Михеев. - Те читатели вашей газеты, которые захотят более подробно узнать об этом, пусть полистают популярные научные и технические журналы. “Наука и жизнь”, “Земля и Вселенная”, “Техника – молодежи”... В октябрьских номерах будет сразу несколько больших публикаций. Ну, а в общих чертах, – пожалуйста.

Академик был одет в темно-синий плащ, на голове модная светло-коричневая шляпа. Рослый, широкоплечий, осанистый.

- Хорошо, Василий Павлович, - я достал из сумки ручку и блокнот, чтобы по ходу беседы делать заметки для будущей

“Давай полетим к звездам!”

статьи. На ходу скорописью писать не будешь, так что придется больше запоминать услышанное, а уже потом кропать черновик интервью. Так сказать, “по мотивам”. – Для начала немного расскажите о себе...

- О себе, - его губы растянулись в иронической улыбке. – Да вы знаете, мне особо и рассказывать-то нечего... Прямая дорожка со школьной скамьи в космонавтику...

- И все-таки, Василий Павлович, - с мягкой настойчивостью попросил я. – Расскажите вкратце о вашем пути в ракетную технику.

Молчание, конечно, - золото, но журналисту гонорар на нем не заработать.

Михеев вздохнул, помолчал, собираясь с мыслями, и приступил к рассказу:

- Родился в революционном семнадцатом году. После окончания школы поступил на работу слесарем в Центральный аэрогидродинамический институт. Потом учился в Московском авиационном... Институт закончил в год начала Великой Отечественной войны. На фронт не был призван из-за болезни... Работал в конструкторском бюро у Болховитина, разрабатывал ракетный истребитель. Ну, а с сорок пятого года работаю вместе с Сергеем Павловичем Королевиным. Сначала был его заместителем, а с шестьдесят второго – Главный конструктор нашего КБ. Вот, собственно, и все...

Он замолчал и вопросительно покосился на меня:

“Давай полетим к звездам!”

- Маловато?

- Не густо, - со вздохом согласился я. – Может, о чем-то расскажите подробнее?

- Даже не знаю, что вам еще сказать, - Михеев растерянно пожал плечами. – Э... Ну, вот еще пометьте: в шестьдесят шестом году стал академиком. Лауреат Ленинской премии... Мартын Андреевич, давайте перейдем лучше к ракетным делам.

- Хорошо, - я пролистал блокнот – на отдельных страничках мной загодя были написаны вопросы, - Василий Павлович, когда родилась идея создания лунной ракеты?

Он задумывается всего на секунду:

- Разработку ракеты для пилотируемых межпланетных полетов мы начали еще в конце пятидесятых. То есть почти десять лет назад. Тогда рассматривались разные экзотические проекты...

Михеев постепенно втянулся в рассказ. Рассказывал увлеченно, словно еще раз переживая события минувших лет. Я узнал о том, что “Ленин” - самая высокая из существующих советских ракет-носителей – сто пять метров, почти как телебашня. Узнал, что первые три ступени ракеты расположены последовательно, друг над другом и имеют конусообразную форму. Что на них установлены связки мощных жидкостных ракетных двигателей. На первой ступени “Ленина” - двенадцать двигателей конструкции Валентина Петровича Глуховцева,

“Давай полетим к звездам!”

работающих на керосине и кислороде, - восемь по периметру ракеты и четыре – вокруг центра под днищем топливного бака. Вторая ступень оснащена восемью небольшими двигателями конструктора Николая Дмитриевича Кузнецовского, которые тоже кислородно-керосиновые. А вот на третьей ступени лунного носителя стоит всего один двигатель, но работает он на кислороде и водороде.

Порыв осеннего ветра раз за разом бросал в лицо опавшую листву. Но Михеев, увлекшись, казалось, даже не замечал этого. Лишь единожды поправил едва не слетевшую шляпу и продолжил рассказ. В этом было что-то символическое – мы шагали против ветра, а главный конструктор советской лунной ракеты рассказывал о трудностях, которые вставали на пути разработчиков и конструкторов космической техники, о том, как искали и находили выход из самых, казалось бы, безвыходных положений, решали самые неразрешимые проектные задачи.

“Хорошо, хоть дождя сегодня нет, - подумал я. – Как там у моего любимого Гумилева?

Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь...”

“Давай полетим к звездам!”

- Василий Павлович! – от заводских цехов к нам торопился, почти бежал невысокого роста толстячок в распахнутой короткой куртке.

- Что случилось, Андрей Ильич? – Михеев остановился.

- Телеграмма от смежников! – лицо толстяка порозовело от быстрой ходьбы и волнения. – Харьковчане не могут нам отгрузить запасной комплект РП-316-бис!

- Они что там, в хозяйстве Рязанцева белены объелись? – недовольно взрыкнул Михеев. – В чем причина?

- Говорят, что не готова техническая документация, - собеседник академика выудил из кармана носовой платок и принялся вытирать выступивший на лице пот. – Я трижды им сегодня звонил – они ни в какую!

- Хороший сюрприз за две недели до старта, - Михеев едва не заскрипел зубами от раздражения. – Вот что, Андрей Ильич... Ну-ка, загляни ко мне в кабинет часика через полтора. Боюсь, что без тяжелой артиллерии нам с Харьковом не справиться. Придется снова звонить Королевинову...

- Понял, Василий Павлович! – толстяк закивал и удалился в сторону заводских цехов.

- Вот вам наглядный пример нашей кооперации, - с горечью заметил Михеев. – Столько лет работаем в одной связке, в общей космической программе, а все равно: у каждого производственника – своя вотчина, свое маленькое царство. И если бы не авторитет и напористость Сергея Павловича

“Давай полетим к звездам!”

Королевина – рыдала бы советская космонавтика горькими слезами!

Некоторое время мы шагали молча, мысли Михеева витали где-то далеко от журналиста Луганцева и его вопросов. Даже как-то неловко было напоминать о своем присутствии. Наконец, академик спохватился:

- Да, а на чем мы остановились?

- Вы рассказали о транспортировке ракеты на космодром, - подсказал я. – А как уже собранного “Ленина” доставляют на стартовую позицию?

- Из монтажно-испытательного комплекса вывозим ракету в горизонтальном положении на специальной платформе, которую по рельсам тянут четыре спаренных тепловоза. А потом, уже на старте, с помощью подъемников ракета-носитель переводится в вертикальное положение. Для “Ленина” потребовалось строительство двух стартовых площадок – основной и запасной.

- И последний вопрос, Василий Павлович... - я пролистал несколько страниц в блокноте.

Мы остановились у начала моста над железной дорогой, разделяющей космическое предприятие на две отдельные территории. Под мостом прогрохотала электричка со стороны Мытищ до станции “Подлипки – Дачные”. Мост обшит высокими металлическими листами, выкрашенными в темно-зеленый цвет. Секретность на фирме на высоком уровне, пассажиры

“Давай полетим к звездам!”

электричек не должны видеть то, что завтра улетит в космос, обеспечивая очередную победу нашей космонавтики. Мост, кстати, на предприятии называют “Михеевским” – идея связать две части предприятия проходящим над железной дорогой мостом принадлежит именно Василию Павловичу.

Шаловливый ветер распахнул плащ академика. На лацкане пиджака сразу же бросился в глаза довольно крупный металлический значок с изображением Юрия Гагарова в полетном скафандре, ниже вязью шла подпись. Такой же значок я уже видел у Королевина. С такой же необычной подписью Гагарова.

- Как родилась идея назвать ракету в честь Владимира Ильича Ленина?

- Это заводской подарок к столетию Владимира Ильича, - с легкой иронией и усмешкой, но охотно пояснил Михеев. – Как в таких случаях и водится, инициатором стала партийная организация нашего предприятия. Мы посоветовались в горкоме КПСС, потом обратились в Политбюро ЦК партии. Никита Сергеевич Хрущев с энтузиазмом воспринял предложение заводчан. Ракета надежная, современная, - да просто красивая, в конце-то концов. Разве может быть более весомый подарок к предстоящему юбилею Ленина?

Академик посмотрел на часы, явно давая мне понять, что время беседы истекло. Мы тепло простились, Михеев

“Давай полетим к звездам!”

зашагал по мосту на вторую территорию, а я заторопился на железнодорожную платформу.

Уже в полупустом в это время дня вагоне электрички я вновь достал блокнот из сумки и начал приводить записи в порядок. Да, по сравнению с материалом по итогам встречи с Королевиным, который я вчера оставил в приемной Аджубеева, интервью с Михеевым обещает быть много меньшим по объему. Что не слишком хорошо – материалы одной тематической серии, как учили меня старшие коллеги, должны быть соразмерны по своим габаритам.

Гм, может добавить к материалу личное восприятие академика Михеева? Ну, там умный, знающий, преданный своему делу – весь тот воз эпитетов, который обычно используется собратями по перу в хвалебно-сусальных статьях. Или более детально описать его внешность, привычки, одежду?

Вот, кстати, одежда. Что она может сказать о человеке? Шляпа – как шляпа. Самая обычная шляпа. Простенький плащ без всяких модных изысков. Темно-серый и далеко не новый костюм. Еще этот значок с изображением Гагарова... Значок со странной подписью первого космонавта...

Я вернулся в редакцию, перекусил в столовой и сел за пишущую машинку. Электрическое чудо “Ятрань” была у меня и Мишки Соколова одна на двоих. Но нам ее хватало. Михаил обычно сам не удосуживался печатать свои опусы, писал от

“Давай полетим к звездам!”

руки и сдавал тексты в машбюро. Делать так же у меня при всем моем желании не получалось: я с детства пишу как курица лапой.

Ингу послали куда-то на очередной слет ветеранов войны и труда, и обычного нашего послеобеденного чаепития сегодня не предполагалось.

Я вставил лист чистой бумаги в машинку и раскрыл блокнот с заметками. Мысленно прикинул структуру будущей статьи об академике Михееве.

И в этот момент телефон на столе разразился соловьиной трелью. Я снял трубку.

- Луганцев? – звонила Елена Львовна из приемной Аджубеева. – Тебя срочно просят зайти в первый отдел.

- Угу, понял, - я положил трубку.

Это что еще за новости? Первый отдел у нас в газете – да, наверное, и во всех других учреждениях советской страны, - был глазом “карающего меча партии” - Комитета государственной безопасности. Я терялся в догадках, что могло понадобиться от меня ведомству на Лубянке. Может, вызов как-то связан с моим заданием? Где-то затронул секреты, о которых мне не полагалось знать? Под ребрами неприятно заныло.

Я запер кабинет и спустился на второй этаж. Комната первого отдела находилась в самом конце коридора. Обычно в ней сидел маленький сухонький старичок – седой, в аккуратном

“Давай полетим к звездам!”

костюмчике и всегда тщательно выглаженной рубашке. Как у нас говорили, он был лично знаком еще с Дзержинским.

Я постучал в деревянную дверь, на которой даже не было таблички, повернул ручку и заглянул внутрь:

- Разрешите?

- Проходите, товарищ Луганцев! – голос у ветерана ЧК-НКВД-МГБ был сиплый, словно простуженный.

Я перешагнул порог и оказался в длинном кабинете, чем-то напоминавшем монастырскую келью. Наверное, своей полной безликостью и аскетизмом. Стены были выкрашены в светло-желтый цвет, вдоль них стояли металлические шкафы с наглухо закрытыми дверцами.

В глубине комнаты размещался письменный стол и два или три стула. Старичок-чекист стоял у стола едва ли не на вытяжку, а на его обычном рабочем месте расположился коренастый черноволосый мужчина средних лет, одетый в темно-синий пиджак, белоснежную рубашку и модный галстук в крупную скошенную полоску. Он внимательно рассматривал меня черными маслянистыми глазами.

- Проходите, Мартын Андреевич, - с елеинной улыбкой на устах повторил ветеран органов. – Присаживайтесь!

Он жестом указал на стулья около стола.

Я уселся, смиренно положив руки на колени.

“Давай полетим к звездам!”

- Егор Кузьмич, - мужчина за столом повернул голову к старичку-чекисту, - оставьте нас наедине с товарищем Луганцевым.

Голос у сидевшего за столом оказался негромким и мягким, но во властных интонациях чувствовалась бетонная твердость.

- Конечно, конечно, - старичок пришел в движение, засуетился и едва ли не бегом удалился в коридор.

- Меня зовут Павел Петрович, - представился черноволосый мужчина. – Фамилия – Синицкий. Я – полковник государственной безопасности.

У меня внутри почему-то похолодело. Словно подул ледяной ветер из не такого уж далекого прошлого.

- Очень приятно, - я кивнул и тоже представился:

- Мартын Андреевич Луганцев, журналист газеты “Советские Известия”.

- Знаю, - на устах полковника Синицкого появилась едва заметная улыбка. – Я читал ваше досье, Мартын Андреевич.

Мне не хватило воздуха. Сердце, кажется, перестало биться. Досье?!

- Не буду занимать ваше время длительной беседой, - он по-прежнему смотрел мне в лицо, ни на мгновение не отводя взгляда, – и сразу перейду к делу.

Павел Петрович постучал ладонью по картонной папке, которая лежала перед ним на столе, и сказал:

“Давай полетим к звездам!”

- Мы в курсе того задания, которое дал вам товарищ Аджубеев. Давно уже пора рассекретить некоторых наших выдающихся ученых и конструкторов. Публикации о них в “Советских Известиях” пойдут только на пользу делу. И на благо нашей Родины.

Он помолчал и продолжил:

- Тем не менее, мы хотели бы получать еще до публикации тексты ваших статей, Мартын Андреевич. Вы не против, надеюсь, сдавать один экземпляр сюда, в первый отдел?

- Нет, конечно, - я кивнул. Словно гора упала с плеч. Если дело только в этом...

- Вот и замечательно, - лицо Павла Петровича расцвело улыбкой. – Итого с вас семь статей о наших выдающихся ученых в области космонавтики.

Он откинулся на спинку стула и окинул меня взглядом.

- Ну, и еще одно маленькое порученьце. Я попрошу вас написать восьмую статью.

- Еще о ком-то из ученых? – Я закашлялся. Почему-то запершило в горле.

- Нет, нет, - Синицкий рассмеялся. – Статья будет о человеке, которого вы хорошо знаете.

- О ком же? – Я удивленно поднял брови.

- Я попрошу вас написать статью об... - он помедлил мгновение и быстро произнес:

“Давай полетим к звездам!”

- Об Инге Яновне Лаукайте.

- Об Инге? – Воздух застрял у меня в горле. – Но... Но почему?!

- Суший пустяк, Мартын Андреевич, - Павел Петрович снова рассмеялся. – Вы же знаете, что родители Инги Яновны были подпольщиками и героически погибли в годы оккупации? Мы ведем повторную проверку этого дела. И для этой проверки необходим материал об их дочери.

- Но что я могу написать? – Я смотрел на него расширившимися глазами. – Мы с Ингой близкие друзья...

- Я знаю, - Синицкий поднял ладонь, останавливая меня. – Вы очень близкие друзья!

Он сделал ударение на слове “очень”.

Я почувствовал, что краснею.

- Но я не предлагаю вам, - продолжал Павел Петрович уже совершенно бесцеремонно, - писать о ваших интимных отношениях. Нам интересно иное: взгляды Инги Яновны на мир, на политику, на советскую действительность...

Так вот чего он хочет!

- Знаете, - я решительно потрянул головой. – У меня, наверное, не получится написать такую статью для вас...

- Получится, Мартын Андреевич, - его улыбка сделалась еще шире, и он резко повысив голос, вдруг заговорил с нарастающей экспрессией:

“Давай полетим к звездам!”

- Вы ведь советский журналист! И должны крепкой трудовой рукой формировать общественное мнение. Вам должны быть чужды все эти интеллигентские изгибы и повороты, зигзаги и шатания. Есть прямая идеологическая линия партии – и ничего иного быть не может! Мы должны защитить наше общество от коварных попыток внешних и внутренних врагов столкнуть его в кювет, завести в тупик, идейно обескровить!

Синицкий замолчал, сделал глубокий вдох. Прищурившись, скользнул по моему лицу взглядом, и, снова заулыбавшись, тихо добавил:

– И потом, Мартын Андреевич... Вы хотите по-прежнему жить в Москве и работать в “Советских Известиях”, не так ли? И наверняка хотите, чтобы Инга Яновна тоже работала с вами?

У меня внутри все оборвалось. Кошмар из прошлого сидел за письменным столом и мило мне улыбался.

- Идите, Мартын Андреевич, - с той же дружеской улыбкой на устах, повелительным тоном произнес полковник Синицкий. – К концу ноября я жду от вас статью об Инге Яновне Лаукайте.

Не простившись, я на негнущихся ногах прошел к двери и вышел из кабинета...

...Вечером я встретился с Ингой в парке на Пушкинском бульваре, и рассказал ей о встрече с Михеевым. Мол, все прошло как по нотам.

“Давай полетим к звездам!”

Но Инга чутко уловила мое настроение и пристально заглянула мне в лицо.

- Ты темнишь, Мартик?

Я почувствовал озноб. Сказать ей о разговоре с Синицким или не стоит? О том, что я фактически получил задание написать донос на нее?

Липкий страх поднимался откуда-то из глубины души. А если Инга не поймет? Обидется? Уйдет?

Зачем ей вообще знать об этом? Не лучше ли мне держать язык за зубами?

- Март, – Инга взяла меня за руку, – у тебя что-то все-таки не так?

Я вздохнул и принял решение.

- Ха, не так, - криво усмехнулся, опуская взгляд. – Чертовщина какая-то получается, вот что!

- Да что случилось-то? – Инга испуганно округлила глаза.

- Ничего не случилось, - рухнул на лавочку рядом с ней.

Нужно было срочно сменить тему разговора, и я сказал:

– Просто в приемной Михеева висит портрет Гагарова со странной подписью!

- Какой подписью? – заинтересованно вскинула бровки Инга.

- Гагаров изображен в космическом скафандре. В углу портрета - наискось его подпись: четкое “Гагар” и вместо окончания “-ов” необычный волнистый росчерк. И на пиджаках

“Давай полетим к звездам!”

у Королевина и Михеева – значки с изображением Гагарова и такой же подписью.

- Ну, и что? – хмыкнула Инга. – Из-за такого пустяка...

- Нигде не встречал такой подписи Гагарова, - горячо перебил я. – Вот смотри.

Уходить, уходить, бежать от этого Синицкого! От гадкого воспоминания, от неприятного осадка на душе.

Открыл рабочий блокнот, вытащил из внутреннего кармана куртки ручку и на чистом белом листе вывел: “Гагаров”.

- Вот так подписывается Юрий Алексеевич. А вот такая подпись на портретах и на значках наших космических руководителей.

Я написал “Гагар” и дальше нарисовал линию с четырьмя волнами.

- Ах, это маленькая космическая загадка, - в глазах Инги блеснуло веселье. – Репортер Луганцев напал на след людей, подделывающих подписи великого Гагарова!

Я ступешался, и уж было снова собрался сменить тему, но Инга вдруг совершенно серьезно сказала:

- А что, частный сыщик Луганцев, давай завтра отправимся в “Ленинку” и попробуем найти хоть что-нибудь с такой гагаровской подписью? Думаю, что в библиотечных фолиантах и фотоальбомах образцов подписи Гагарова предостаточно.

“Давай полетим к звездам!”

Алексей Леонтьев и все, все, все - 3

ПЕРВАЯ КОРРЕКЦИЯ

Ровно через сутки, после старта с Земли, мы включили двигатели разгонного блока и отправились в полет к Луне. Вся операция прошла без замечаний.

С каждой секундой мы уходили все дальше и дальше от земного шара и все ближе и ближе становились к “тетушке Селене” - так я мысленно называл Луну. Земная гравитация не перестала действовать на ракетно-космический комплекс. Родная планета пыталась нас удержать изо всех сил. Скорость, которую набрали “Знамя” и “Лунник” после старта с околоземной орбиты, падала с увеличением расстояния от Земли. Голубой шар за “кормой” тормозил нас. Но сил немедленно вернуть нас обратно у него уже не хватало. Где-то впереди на траектории нас ждала точка, в которой Луна властно предъявит свои права. Линия траектории начнет выгибаться в сторону желто-коричневого шара. Ракетно-космический комплекс снова будет постепенно ускоряться. Чтобы выйти на окололунную орбиту, нам придется даже чуть притормозить.

После отказа двигателя во время старта и пожара на первой ступени ракеты никаких неполадок в полете больше не

“Давай полетим к звездам!”

наблюдалось. Все бортовые системы работали без замечаний. “Как хорошо смазанные часики”, - так выразился Олег.

Я уже привык к тому, что все идет “тип-топ” и немного расслабился. Старался поменьше двигаться, побольше отдыхать, не делать резких движений – все, как и рекомендовала нам Земля. У Олега привыкание к невесомости прошло быстро и безболезненно. Наверное, его организм и в самом деле “помнил”, что год назад Макарину довелось в космическом полете прожить в условиях отсутствия веса более восемнадцати суток. Помнил и знал, как реагировать.

А вот меня к концу вторых суток экспедиции “догнало”. Даже небольшая рвота была.

“Морскую болезнь” в полете вызывает не сама невесомость, а передвижение человека внутри космического корабля. Во время полета на “Восходе-2” с Павлом Беляниным для меня этой проблемы не существовало: из-за ограниченного пространства в корабле мы сидели почти вплотную друг к другу. Когда на втором витке я вышел в открытый космос, вестибулярный аппарат тоже не протестовал. Видимо, мой организм просто не воспринял невесомость как фактор длительного воздействия и прекрасно справился с ней как с “разовым возмущением”.

Но в нынешнем полете все оказалось иначе. Внутренние отсеки корабля “Знамя” по объему больше, чем маленькая кабина на “Восходе-2”. В них можно плавать и достаточно

“Давай полетим к звездам!”

свободно передвигаться. Чем я и поспешил заняться уже в первые сутки нашей экспедиции. Расплата за “пространственную свободу” пришла к середине второго дня полета.

Медики на Земле, конечно, всполошились. В центр управления приехал едва ли не весь Институт медико-биологических проблем в полном составе. Даже сам генерал-академик Козенко прискакал. И начались двухчасовые расспросы... Врачи почему-то были уверены, что я от них что-то скрываю, не договариваю.

- Пытать его надо, злодея, - шутил Олег по ходу моей беседы с Землей. – На дыбе вздернуть охламона, чтобы сознался!

Наконец, медицинский “допрос” закончился, и мне рекомендовали принять несколько таблеток. И еще, конечно же, не делать в течение следующих суток-двух резких движений. И, разумеется, поддерживать “стабильную ориентацию тела в пространстве”, как выразился один шибко умный из врачей. Всего лишь...

И вот, когда я был в таком обездвиженном и полуразобранном состоянии, неприятность и подкатила. Как комок к горлу при тошноте.

Вообще-то штатно и первая, и вторая коррекция при полете к Луне выполняются в автоматическом режиме. Земля вычисляет требуемые параметры орбиты и посылает их на

“Давай полетим к звездам!”

космический корабль. Ну, а уж наша электронно-вычислительная машина проводит окончательный анализ и выдает команду на включение двигателя ракетного блока “Д”. Все просто и предельно ясно. Сотни раз опробовано на Земле и уже несколько раз во время полетов наших ребят к Луне. Штатная и рутинная операция.

Перед проведением коррекции мы заняли рабочие места в креслах-ложементах в спускаемом аппарате. Индикаторы на пульте горели зелеными и желтыми огоньками – значит, все нормально, бортовые системы в норме.

Я и в самом деле старался поменьше двигаться. В горле засел плотный и неприятный комок. Все время подташнивало. Черт, никогда не думал, что невесомость подкинет мне такой вот сюрприз. И это несмотря на все тренировки, на все изнуряющие вращения в креслах и в тренажерах, в которых тебя вертят по всем трем осям вращения сразу!

А самым обидным было то, что я, военный летчик, раскис, а Олег, гражданский инженер, напротив, держался бодро и выглядел, как молодой зеленый огурчик на ухоженной грядке! Во время утренней телевизионной пресс-конференции он демонстрировал такие замысловатые кувырочки в невесомости, от которых у меня темнело в глазах. Хорошо, что телекамера в это время была у меня в руках и телезрители так и не увидели моего синюшного и перекошенного лица.

“Давай полетим к звездам!”

- Лешка, - сказал после окончания сеанса связи Олег, - ты так побледнел, что я даже испугался: вот, думаю, сейчас командир отключится прямо во время телеэфира и позор будет на весь мир!

- А вот не дожدهшься, - я беззлобно огрызнулся. – Просто от одного взгляда на твою воздушную акробатику мне чуть дурно не стало.

- Извини, - Олег виновато развел руками. – Но ты же знаешь, что весь этот цирк был заранее расписан еще на Земле.

Тут он прав. Все эти прямые выходы в телеэфир были заранее жестко оговорены еще перед стартом. Что и в какой последовательности делать, что и в каком ракурсе показывать. Пропаганда – она и в космосе пропаганда.

Перед началом коррекции сначала все шло, как по маслу. Прошли подготовительные команды. Вот-вот должны включиться двигатели ракетного блока “Д” и чуть подправить траекторию полета.

Стрелка скачет по цифрам часов. Тик-так, тик-так. Сейчас, сейчас...

Прислушался. Никаких звуков. Никаких колебаний корпуса корабля. Индикатор включения двигателя на пульте управления корабля показывал режим “отключено”. Все по-прежнему.

- “Флаги”, - включилась Земля, - команды на борт выданы. Доложите обстановку.

“Давай полетим к звездам!”

- Включения двигателей не произошло, “Заря”, - проинформировал я. – Летим в прежнем режиме.

Пауза. Очень нехорошая пауза. Я просто физически ощутил, как тревожно напряглись сейчас сотни людей там, на Земле, за десятки тысяч километров от летящей прочь от голубой планеты точки нашего ракетно-космического комплекса.

- Сейчас поищем причину, - сообщил бесстрастным голосом оператор. – “Флаги”, прошу ничего не предпринимать и ждать результатов анализа.

- Принято, - подтвердил приказ Земли. – Будем ждать.

- Хреновастенко получается, Алексей, - Макарин зашевелился в кресле. – Вляпались мы, да?

- Поживем – увидим, - я вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб. Мало проблем с моей вестибуляркой, так еще и техника забарахлила. Полный комплект удовольствий.

Если сейчас Земля не сможет установить причину “молчания” двигателя, то наше путешествие на Луну... Как бы это помягче выразиться? Тю-тю наша экспедиции. Накрывается программа полета медным тазиком.

Без коррекции траектории ракетно-космический комплекс пролетит мимо Луны. Затеряться на просторах Солнечной системы нам, к счастью, все-таки не светит – слишком мала скорость “Знамени” и “Лунника”, чтобы совсем уйти из сферы притяжения Земли. Но наша орбита окажется

“Давай полетим к звездам!”

очень вытянутой. Мы пролетим над Луной, опишем петлю в космосе и снова пойдём к Земле. С посадкой тоже могут быть неприятности, если не удастся провести коррекцию траектории и на обратном пути. Спускаемый аппарат либо просто нырнет в земную атмосферу по крутой траектории, либо срикошетит и снова уйдёт на космическую орбиту. В первом случае нас погубят перегрузки и перегрев корабля. А по второму варианту мы имеем все шансы умереть от недостатка воздуха, воды или еды. В общем, перед вами имеется широкое поле альтернатив, товарищи Леонтьев и Макарин. Выбирайте.

- Скорее всего, причина отказа не в двигателе, - принялся размышлять вслух Макарин. – Блок “Д” мы ведь уже включали для разгона до требуемой скорости. Может быть, шалит что-то в системе управления?

- Хрен редьки не слаще, - констатировал я. – Если накрылся не двигатель на ракетном блоке, а система управлением кораблем... Понимаешь, что это значит?

- Понимаю, - кивнул Олег. – У нас с тобой будет самый комфортабельный и самый дорогостоящий гроб. Летящий к тому же со второй космической скоростью.

Время тянулось ужасно медленно. Прошло целых пятнадцать минут ожидания и, наконец, канал связи ожил.

- “Флаги”, на связи “Гранит”, - прозвучал в эфире знакомый голос. Володька Шаталин, мой дублер. Заранее, еще до старта, договорились, что в сложные моменты полета связь

“Давай полетим к звездам!”

с нами будет держать именно он. – Мы нашли причину отказа двигателя. Из-за сбоя в бортовом компьютере не включилась система ориентации комплекса.

Вот теперь все становится на свои места. Если корабль сориентирован неправильно, система управления ни за что не включит двигатель. Уменьшка машинка.

- Леша, - Шаталин от волнения забыл мой позывной, - руководство приняло решение вручную сориентировать комплекс и включить двигатель. Начинаем работать.

И мы начали работать. Макарин достал из-под пилотских кресел бортовые журналы с инструкциями. Я знаю все операции управления кораблем на память – зря, что ли, нас полтора года дрессировали на тренажерах в Звездном городке? Но все-таки лучше перестраховаться по этим “шпаргалкам”, как называет книги с документацией Олег.

И завертелось колесо... Чтобы удержать под контролем желудок, я старался двигаться медленно и как можно более плавно. И все-таки пару раз был момент, когда комок тошноты вплотную подкатывал к горлу. Тогда я на несколько минут замирал, стараясь зафиксировать взгляд на какой-нибудь одной точке. Эта “методика” отработана мной еще на Земле, давно, и пару раз действительно спасала меня от рвоты после обильных возлияний на дружеских вечеринках. А этих возлияний стало ох как много после полета на “Восходе”. Что поделаешь – без “выпить и закусить” не обходится ни один

“Давай полетим к звездам!”

визит в государственные и партийные органы: у партийно-хозяйственных вождей просто какое-то маниакальное желание “чокнуться” за столом с космонавтом.

Олежка с одного взгляда уловил мое состояние и в самые критические моменты быстренько заменял меня, выполняя необходимую операторскую работу. В Центре управления полетом на Земле, по-моему, даже не заметили подмены.

Через полтора часа интенсивного радиообмена, взаимных препирательств и пары-тройки откровенных выражений в адрес составителей полетных инструкций я, наконец, одну за другой ввел команды в систему управления с пульта в спускаемом аппарате. Комплекс послушно направил датчики – глаза на Фомальгаут, Сириус и Альтаир. А затем уже движок в кормовой части комплекса длинно и размеренно чихнул в пространство струями раскаленного газа. Все. Коррекция была выполнена.

Я устало откинулся в кресле, замер, наслаждаясь легкостью тела. Что же это за планида такая? После запуска – отказ двигателя и пожар. Сейчас – сбой компьютера и моя “морская” болячка. Ни в одном полете до нашего еще не было такой цепочки неприятностей. Это же какого космического бога я прогневал?

“Давай полетим к звездам!”

- Ну, теперь можно и перекусить, - Олег полез в укладку с продуктами. Достал две тубы с мясным пюре и соком, а мне протянул несколько упаковок с таблетками.

- Это что? – наморщил нос я.

- Пилюли от “морской болезни”, - смущенно кашлянув, пояснил Макарин. – Те, что тебе врачи прописали...

- Вот пусть они сами их и глотают, - сунул таблетки в карман летного комбинезона. – А я, пожалуй, тоже чего-нибудь перекушу.

- Что, полегчало? – Олег не скрывал радости.

- Ага, вылечился полностью. Работа, друг мой, - это лучший лекарь!

Олег понимающе кивнул.

...Через пару часов симптомы вестибулярного расстройства действительно пропали. Макарин задремал в пилотском кресле. А я перебрался в бытовой отсек, притушил освещение, и расположился на мягком диванчике у округлой стены. За иллюминатором висел серпик Луны, заметно выросший за минувшие сутки полета.

Космос, Луна... Конечно, в детстве я и мечтать не мог о космических полетах. Тогда, в тридцатые и сороковые, и слова такого не было – космонавтика.

А вот о полетах в небо – мечтал.

Как рождаются мечты? Хорошо помню лето сорок второго. Немцы рвутся в мой родной Ворошиловград.

“Давай полетим к звездам!”

Советские войска держатся из последних сил. Военной техники у наших отчаянно не хватает. Фашистская авиация прочно господствует в воздухе. Бомбы как горох сыпятся на город. Пятерка фрицев, отбомбившись, разворачивается, чтобы уйти на аэродром. Уверенные в своей силе, наглые... Я сижу на корточках у стены дома, смотрю, слезы на глазах. Обида, ненависть, бессилие... И вдруг из-за облаков в буквальном смысле вываливается краснозвездный истребитель и сходу стремительно идет в атаку. Один против пятерки немцев! Фрицы поздно заметили наш самолет, растерялись... Трассы пуль потянулись к фашистским стервятникам. Один из самолетов с крестами на крыльях дернулся, кувыркнулся и круто пошел вниз. “Ястребок” развернулся по широкой петле и снова атаковал врага. Немцы попытались перестроиться для обороны, но не успели. Еще один самолет потянул к земле черный дымный хвост. Фрицы испугались, рассыпались в стороны и драпанули... Вот в тот день и решил – вырасту и обязательно стану летчиком.

В детстве я никогда не отличался примерным поведением. Бегал с уроков, дрался отчаянно, летом яблоки тряс с соседских деревьев – вкуснее они там были, чем в нашем собственном саду, что ли? Но учеба... Учеба – дело святое. Нравилась математика и физика. Ну, и конечно, рисование. Хотя зубрилой никогда не был, но как-то само собой

“Давай полетим к звездам!”

получилось окончить школу только с отличными и хорошими оценками. А двойку “за поведение” в аттестат не ставят.

В семье нас было девять детей. Мама очень хотела, чтобы я после школы пошел учиться в медицинский институт и стал врачом. Но я для себя тогда уже все решил твердо и однозначно: только в авиацию, только летать. Когда сказал дома, мать заплакала, а отец крепко обнял меня и сказал: “Ну, давай, Лешка. Летай!”

В Ворошиловграде было авиационное училище, но там готовили штурманов для бомбардировочной авиации. А я хотел быть летчиком-истребителем, летать на больших скоростях – так, чтобы дух захватывало. Поэтому отправился в соседнюю Харьковскую область и поступил в Чугуевское авиационное училище летчиков.

Учиться было сложно, но интересно. Есть люди, которым трудно привыкнуть к небу, к полетам. А я как-то сразу прижился в авиации. Датой моего воздушного крещения стало 27 января 1949 года – первый полет на самолете в сопровождении пилота-инструктора. Ну, а в самостоятельный полет я отправился через три с половиной месяца – 15 мая...

Боялся ли? Конечно, боялся. До колик в животе. Перед взлетом решил сосредоточиться, закрыл глаза...

Липкий, гадкий ужас. Белокурый фриц в черной униформе целится в меня из пистолета.

“Давай полетим к звездам!”

“Врешь, сволочь, не испугаюсь, - зло скриплю зубами. – Наша возьмет!”

Открыл глаза – и вперед. Отлетал на “отлично”.

Окончил училище с красным дипломом. Командование предложило остаться в авиационной “альма-матер” инструктором. На вооружение стала поступать уже новая техника, реактивная. Стране остро нужны были пилоты. А пилотов нужно было учить.

Летал – как заведенный. Взлет – посадка, взлет – посадка... Наверное, сотни три вчерашних пацанов с моей помощью стали называть себя летчиками.

А, в общем, конечно, рутина. Скучно. Каждый день одно и то же: взлет – посадка, взлет – посадка...

Разве что в пятьдесят восьмом, весной... Во время одного из полетов на учебном “МИГе” ни с того, ни с сего загорелся движок. Мамочка родная, как пришлось покорячиться, чтобы выйти на аэродром! Сел. Вылезли с курсантом из дымящейся машины, стоим, смотрим друг на друга и хохочем. Живы! Никогда не злоупотреблял, но вечером в тот день водочки накушался немерено...

Через год направил рапорт с просьбой перевести в летно-испытательную часть. Пресытился взлетами и посадками, что ли? Теперь хотелось не просто летать. Хотелось подняться еще выше в небо, испытывать новые типы

“Давай полетим к звездам!”

крылатых машин. Как любят писать журналисты, “небо манило недостижимыми высотами”.

Рапорт удовлетворили с первой попытки. Прибыл к новому месту службы. Начал проходить переподготовку, изучать материальную часть самолетов. Но полетать на этой технике так и не успел. В октябре меня вызвали в штаб части и предложили пройти медицинскую комиссию. Попал в авиационный госпиталь и... Стал кандидатом в космонавты!

Мне не посчастливилось попасть в группу пилотов для космических кораблей “Восток”. Отбирали самых щупленьких наших ребят, самых низкорослых. “Восток” – не Кремлевский Дворец съездов, в нем особо не развернешься. А нужно еще установить катапультируемое кресло с космонавтом. Поэтому и брали “малышей” – Гагарова, Титовского, Нелюбина.... Жаль, конечно, что не удалось полететь в космос в числе самых первых. Но и меня судьба не обидела. Как-то в конструкторском бюро у Василия Павловича Михеева я увидел чертежи “Восхода”. Многоместного корабля со шлюзовой камерой для выхода в космос. И, как говорится, заболел... Моей рабочей одеждой стал космический скафандр. Точнее, его прототип. Ведь многие технические решения отрабатывались, что называется, “по ходу пьесы”. Я на себе испытывал некоторые модификации скафандра. В специальной герметичной камере меня “поднимали” на разные высоты, выдерживали несколько часов. Держался.

“Давай полетим к звездам!”

Потом был полет. Вышел из корабля в открытый космос. Страшно было, конечно...

...Леденящий страх. В меня целится фашист. “Струсишь, Лешка?” “Врешь, гад!”

Оттолкнулся от края шлюза, пошел в свободный полет. В динамиках скафандра звенящий от возбуждения голос Паши Белянина, командира “Восхода-2”:

- Земля, я – “Алмаз”! Человек вышел в космическое пространство!

Потом были несколько минут сковывающего тело и душу ужаса, когда настало время возвращаться в корабль. Скафандр раздуло внутренним давлением, и плечи никак не хотели помещаться в проеме люка. Пришлось стравить воздух – операция, которая никакой программой полета не предусматривалась из-за ее чрезвычайной опасности. И только тогда я смог вернуться в “Восход” - нестандартно, ногами вперед, “по покойнице”, как выразился потом, уже при разборе полета на Земле, генерал Маканин.

А затем был восемнадцатый виток, когда отказала система ориентации корабля, и не включился тормозной двигатель. Полтора часа ожидания смерти, пока “Восход” еще раз облетал Землю: запасы воздуха, воды и пищи были рассчитаны максимум на трое суток. Задержка на орбите несла нам медленную и мучительную смерть.

“Давай полетим к звездам!”

Паша Белянин вручную все-таки смог сориентировать корабль, двигатель включился, и мы приземлились – в нерасчетном районе, в глухой тайге где-то под Пермью. Мороз был градусов пятнадцать, ледяной ветер... Нас нашли только через сутки.

Земное житье-бытье...

Однажды, года полтора назад, позвонил Василий Павлович Михеев и попросил срочно приехать в конструкторское бюро. Когда я вошел в его кабинет, Михеев молча развернул на столе лист ватмана, внимательно посмотрел на меня и сказал:

- Алексей, я хочу, чтобы ты стал пилотом вот этой маленькой штучки.

Взглянул на лист. Шарик, два конуса, силовая рама с четырьмя стойками-“ногами”. Я сразу понял, что это такое.

Лунный корабль...

И снова начались тренировки, тренировки, и еще раз тренировки... Олежка шутил, что макет корабля “Знамя” в Звездном городке стал нашим вторым домом. Каждый день начинался одинаково. Мы надевали скафандры и занимали места в тренажере.

И пошло-поехало... Команда следует за командой, инструкторы ни на минуту не дают нам расслабиться. Взрыв ракеты на старте, потеря ориентации корабля, авария системы управления во время стыковки...

“Давай полетим к звездам!”

И вот летим. Макарин дрыхнет в спускаемом аппарате. Земля где-то за “кормой” корабля, “тетушка Селена” подмигивает в окошко...

Так сбываются человеческие мечты...

Чеслав Волянецкий и другие - 3

(рабочие записи)

“ВСЕ СТРАНЬШЕ И СТРАНЬШЕ”

- Позавчера стартовал “Сервейор–8”.

- Знаю. Ну, и что?

Солнечные зайчики прыгают по стеклам машин. Ветер закручивает в шальном танце оранжево-желтые лоскутки опавшей листвы. Белые облачка плывут в ясно-голубом небе. Купол Капитолия над крышами домов. Город Вашингтон. Федеральный округ Колумбия. Соединенные Штаты Америки.

Мы расположились за столиком около огромного окна на третьем этаже небольшого рестораника. Жора Милентьев заказал себе легкий завтрак. Я сегодня уже завтракал, и поэтому ограничился большим бокалом светлого “Миллера” - низкокалорийного пива, которое появилось в продаже минувшей осенью.

Время ленча еще не наступило, и ресторан практически пуст. Две девчонки, по возрасту еще школьницы, о чем-то

“Давай полетим к звездам!”

весело чирикают у стойки бара, потроша пакетик с попкорном и запивая безалкогольным “Пепсолом”. Трое “рэднэков” – работяг в фирменных синих комбинезонах с загорелыми до красноты шеями – за столиком в центре зала молчаливо и сосредоточенно поглощают бифштексы с картофелем фри. В дальнем углу некий угрюмый субъект в длинном плаще цедит из горла бутылки пиво “Хай Лайф” и листает последний номер “Вашингтон пост”. Бармен протирает стаканы, рассматривая результаты своей работы на свет.

- Жора, в базисном сценарии полета “Сервейора-8” нет, - напоминаю я.

- В нашем базисном сценарии много чего нет, - Милентьев шевелит плечами. - Например, полет Джерри Кобб на “Меркурии” – чистой воды импровизация. Так сказать, отработка технологий. Да что я тебе говорю? Ты же лучше меня об этом знаешь, дорогой товарищ резидент!

- Полет Кобб все-таки инициировали мы, дорогой товарищ куратор! – в тон ему парирую я. - А полет “Сервейора” – нет.

У Милентьева сегодня несколько встреч с представителями местных деловых кругов. Безупречность Жоркиного темно-серого костюма подчеркивается дорогим галстуком с бриллиантовой брошью и девственно-белоснежной рубашкой. После очередного изменения внешности Милентьев стал настоящим альбиносом:

“Давай полетим к звездам!”

аккуратно уложенные белые с желтизной волосы, такого же цвета брови и щеточка усов под прямым носом настоящего арийца. “Белокурая бестия”, живое воплощение мечты сгинувшего едва ли не четверть века назад нацистского фюрера.

На его фоне я выгляжу бедным родственником, который случайно застукал богатого братца в ресторанчике и твердо намерен подоить его на несколько сот баксов. Двухдневная щетина на щеках, круги под глазами – то ли от хронического пьянства, то ли от постоянного недосыпа. Хмурый, настороженный взгляд, кончики усов, опущенные ниже линии рта. Мой неприглядный образ дополняют небрежная прическа в виде стога сена, слегка закрывающая уши, нечищенные туфли со сбитыми каблуками, потертые джинсы и толстый свитер подозрительно-грязного серого цвета. По виду я – то ли спивающийся представитель богемы, то ли битый жизнью местный пролетарий.

- Гм... А что говорят ребята из ведомства Вернера фон Брауха? – легкая тень задумчивости обозначается на Жоркином лбу едва заметной морщинкой над белесыми бровями. - Ты с ними контактил?

- Конечно. Стал бы я тебя дергать без предварительной разведки в курятнике Вернера!

- Ну, и...?

“Давай полетим к звездам!”

- Ну, и ничего. Полный туман, - делаю глоток из бокала. Пиво приятно холодит язык. - Даже фон Браух толком объяснить не может, кто конкретно инициировал дополнение к программе “Сервейор”. Которая благополучно завершилась седьмым пуском в январе нынешнего года.

Смазливенькая девчушка-официантка принесла Милентьеву его заказ – высокий стакан с апельсиновым соком, гренки и поджаренные немецкие сосиски.

- Вот как? – Жорка придвигает тарелку и приступает к трапезе. - И что никаких следов инициатора вообще не прослеживается?

- Почему же, следы есть. Очень странные следы...

- Чеслав, хорош темнить! – Милентьев недовольно морщится. - Ты ведешь себя как смущенная школьница на первом любовном свидании. “Дорогой, у меня есть одна маленькая штучка!” Давай уж выкладывай все и сразу!

- Пошляк ты, однако, товарищ куратор, - весело рычу я. - Хорошо, выкладываю...

Отхлебнув пива, начинаю:

- В мае нынешнего года Конгресс США рассматривал вопрос о дальнейшем финансировании программы “Аполлон”. Ты же знаешь, как нервно в США относятся к успехам русских... Вопрос о финансировании лунной программы был плановым, его забили в повестку дня еще в марте. Этот вопрос спокойно прожевала в конце апреля палата представителей.

“Давай полетим к звездам!”

Незначительная критика со стороны оппозиции, несколько предложений по корректировке национальной космической программы. В общем, все, как обычно. Вопрос плавно перетек в Сенат. А вот тут начались сюрпризы.

Милентьев сосредоточенно жует завтрак, но я знаю, что он весь внимание. За годы совместной работы и я, и Жорка уже хорошо изучили привычки друг друга.

- На майском заседании в Сенате слово неожиданно попросил сенатор Адамс от штата Невада, - продолжаю я. - Заметь, сенатор Адамс никогда ранее по вопросам космонавтики не выступал. За все десять лет сенаторского стажа – ни разу. А в тот день он поднялся на трибуну и произнес страстную речь в поддержку космической программы Америки.

- Гм, а что странного? – брови Милентьева удивленно изгибаются. – Космонавтика – это сегодня очень популярная тема. Так почему бы американскому сенатору не высказаться по этому поводу? Тем более что на носу, - в ноябре, между прочим, - частичные перевыборы сената и выборы президента. Политика, Чеслав, политика... Чтобы понравиться избирателю, политик всегда будет говорить то, что избиратель хочет. Избиратели в Штатах сейчас очень хотят, чтобы Америка, наконец, догнала Советы в космосе. А может быть, даже и смогла бы их опередить. В частности, в высадке на Луну.

- Жора, ты произносишь азбучные истины. Это все понятно. Речь Адамса вполне вписывалась бы в традиционную

“Давай полетим к звездам!”

схему заигрывания сенатора со своими избирателями, если бы не одно “но”. Под конец страстного спича Адамс вдруг ни с того, ни с сего предложил одну, но очень конкретную вещь. Продолжить программу “Сервейор” еще двумя запусками. И, разумеется, выделить на это дополнительное финансирование.

- Да? И что ответил Конгресс?

- Большинством голосов предложение сенатора Адамса было поддержано.

- Любопытно... - Милентьев некоторое время молча терзает сосиску в тарелке ножом и вилкой. Отправляет в рот небольшой кусочек колбасы и, наконец, задает вопрос:

- А как среагировали “отцы” американской космической программы? Те, которые не из наших...

- Все были в легком недоумении. Кстати, в кладовке у НАСА нашлось ровно два неиспользованных “Сервейора”. Резервные аппараты, которые были готовы к запуску, но после завершению программы их никто уже не собирался использовать. Просто было незачем. Научная программа выполнена полностью за семь предшествующих пусков.

- Погоди, Чеслав... Давай разбираться. “Сервейор” – это американская программа посадки на Луну автоматического аппарата...

- ...А также передачи фотоснимков с поверхности Луны и взятия проб лунного грунта для анализа, - подхватываю я. -

“Давай полетим к звездам!”

Анализ выполняется непосредственно на Луне, космический аппарат не возвращается на Землю.

- Может быть, возникла дополнительная необходимость в новых исследованиях? И кто-то просто предложил Адамсу озвучить идею на заседании Конгресса?

- Можешь мне поверить, как по специалисту по космонавтике: никакие дополнительные исследования больше не планировались. Все считали результаты, полученные в семи полетах аппаратов “Сервейор” вполне достаточными.

- Так... А может американцы что-то такое нашли на Луне?
– Милентьев задумчиво вертит вилку в руках. - Что-нибудь аномальное, что потребовало дополнительных исследований?

- Ага, нашли... - ухмыляюсь в ответ. - Инопланетный артефакт. Бочонок пива с Тау Кита. Жора, Штаты пока ничего интересного на Луне не нашли. Я имею в виду ничего, что оправдывало бы полет и высадку на лунную поверхность еще двух космических аппаратов.

- Н-да... Тогда получается, что вся эта затея с дополнительными пусками – чистой воды политическая авантюра. И лишняя трата денег.

- Неужели ты и впрямь веришь, что в Штатах кто-то может решиться на трату нескольких миллионов долларов на космическую авантюру? – не могу сдержать саркастической улыбки. – Организовать два дополнительных полета только

“Давай полетим к звездам!”

потому, что сенатору Адамсу вдруг приспичило потрафить избирателям?

- Я не настолько наивен, Чеслав, - хмуро парирует Милентьев. – Но какая-то цель во всех этих действиях должна быть. Если мы с тобой не видим этой цели, – значит, просто не там ее ищем.

- Я тоже так думаю. Поэтому, и решил прояснить обстановку. Еще в начале июня начал наводить справки, чем могло быть мотивировано неожиданное предложение Адамса. И кем инициировано.

- Ты думаешь, предложение было кем-то инициировано? – Милентьев делает глоток из стакана с апельсиновым соком. - А что, сам Адамс не мог додуматься? Просто проснулся однажды утром и решил внести посильный вклад в освоение человечеством космического пространства.

- Шутишь? В семьдесят восемь лет прожженный американский политикан вдруг решил подумать об исследовании космоса... Адамс – на редкость неприятный тип. Резкий, циничный, себялюбивый.

- А старческий маразм ты полностью исключаешь? – Жорка сверлит меня взглядом. - Может быть, он просто спятил на старости лет, а?

- У меня была и такая версия. Для ее проверки я даже напросился на интервью к господину сенатору. В год выборов политики особенно любят светиться в прессе и давать

“Давай полетим к звездам!”

пространные интервью. Но, увы. Шестнадцатого июня сего года сенатор Алекс Адамс скоростижно скончался в своей квартире в Вашингтоне.

- Ах, да... Припоминаю, были летом похороны какого-то сенатора. Теперь уже напрямую его ни о чем не спросишь...

- Разве что заняться спиритизмом и вызвать душу усопшего. Но это не по моей части. Я попытался узнать больше о последних месяцах жизни Адамса. Особенно интересовал период с начала апреля по конец мая. То есть те несколько недель, которые предшествовали его неожиданному спичу в Конгрессе.

- Что-нибудь накопал? – Милентьев допивает сок, отодвигает стакан и аккуратно вытирает губы салфеткой.

- Абсолютно ничего, - отрицательно качая головой. - Ничего, что имело бы отношение к мирному исследованию космоса. Зато сенатор очень часто и очень много встречался с ребятами из Пентагона и Центрального разведывательного управления...

- Пентагон и ЦРУ как-то не вяжутся с лунными миссиями “Сервейоров”, - хмуря белесые брови, замечает Милентьев. – Вот если бы речь шла о каком-нибудь спутнике-фоторазведчике, тогда да, тогда стоило бы порыться в этом направлении.

- Я тоже так подумал, - подтверждаю кивком. - И ошибся. Успокоился, когда не нашел контактов Адамса с кем-нибудь,

“Давай полетим к звездам!”

кто был бы заинтересован в запуске двух дополнительных “Сервейоров”.

Я тогда и в самом деле посчитал выступление сенатора и решение Конгресса случайностью. Мало ли какие флуктуации могут быть в базисном сценарии? В конце концов, мы ведь имеем дело с живыми людьми, а не с куклами на веревочках... И ни один наш расчет не может предсказать нюансы поведения всех объектов, способных повлиять на окончательное решение и общий ход событий. Импровизации возможны и даже допустимы.

- Но тебя все-таки что-то смущало? – пронцательно замечает Милентьев, словно угадав ход моей мысли.

- К моему стыду, совершенно ничего, - признаюсь откровенно. – Работы и так выше крыши. Я и думать забыл о дополнительных “Сервейорах”. Был уверен, что пуски если и состоятся, то очень не скоро. Может быть, где-нибудь ближе к середине будущего года. И так я думал до начала октября. А потом в прессе промелькнуло сообщение, что на космодроме имени Кеннеди готовятся к запуску два космических аппарата серии “Сервейор”. Маленькая такая заметочка в “Нью-Йорк таймс”. На девятой странице.

- Гм, ну и что? – Милентьев удивленно тарашится на меня.

- Жорка, да ты что, не понимаешь? – сегодняшним утром мой собеседник что-то не отличается обычно присущей ему

“Давай полетим к звездам!”

остротой ума, и это постепенно начинает выводить из себя. - Межпланетные пуски, – а особенно, к Луне, - Штаты всегда готовили с помпой, с широкой оглаской. Очередной шаг в космос, новый полет во Вселенную! Десятки, если не сотни статей, комментариев и репортажей в прессе. Телесюжеты и радиопередачи. А сейчас – все будто воды в рот набрали. Полная тишина. Только маленькая заметка, и только в одной газете.

- Действительно, это выглядит странно... - соглашается Милентьев.

- А дальше еще интереснее. Я попытался навести справки о будущих полетах “Сервейоров”. И натолкнулся на совершенно глухую стену молчания и незнания. В структурах НАСА никто ничего не мог сказать определенно. Да, полеты намечены на середину октября. Но подготовкой этих полетов почему-то занимаются не обычные бригады монтажников, а какой-то специальный отряд, который прибыл неизвестно откуда прямо на космодром во Флориде. Мне туманно намекнули, что это Пентагон отработывает участие своих специалистов в подготовке межпланетных космических аппаратов.

- Пентагон и Луна? – Милентьев кривит лицо в иронической улыбке. - Чеслав, это же бред... Они что, и в самом деле решили строить военную базу на Луне?

“Давай полетим к звездам!”

- Может быть, и военную базу, - беспомощно развожу руками.

- Так ты предполагаешь, - Жорка задумчиво щурит глаза, проигнорировав мои сомнения: он любитель четкости и конкретики, - что “Сервейоры” должны разведать районы на Луне для размещения будущей лунной базы?

- Я как раз этого не предполагаю, - снова уйду от однозначного ответа. - Откровенно говоря, просто ничего не знаю, Жора. Впервые за годы работы резидентом не могу найти никакого выхода на нужный источник информации. Все скрыто и неясно. Полная и беспросветная темнота, поверь.

- Но что-то же ты накопал, так? – Милентьев недоверчиво косится на меня. Он уже привык за годы совместной работы, что в любой ситуации у меня в рукаве спрятана козырная карта. Которая, при необходимости, в нужный момент и решает судьбу всей игры.

- Что-то... Первоначально запуск “Сервейора-8” был запланирован на пятнадцатое октября. Но седьмого его перенесли на двадцать седьмое октября. В прессу комментарии не давались, но по каналам Вернера фон Брауха я узнал, что запуск перенесли из-за неисправности двигателя на второй ступени ракеты-носителя. Якобы из-за неисправности двигателя, - подчеркиваю я.

“Давай полетим к звездам!”

- Что, у тебя есть какие-то основания сомневаться? – Жорка устремляет на меня пыливый взгляд серо-стальных глаз.

- Жора, седьмого октября в Москве состоялось заседание Политбюро. Хрущев и его команда приняли решение осуществить пуск корабля “Знамя” к Луне двадцать второго октября. Ровно через пять часов после окончания заседания Политбюро запуск “Сервейора” тоже был перенесен.

- Ты думаешь... - начинает Милентьев, но я не даю ему закончить:

- Уверен, что запуск восьмого “Сервейора” как-то связан с полетом комплекса “Знамя”–“Лунник”.

- Наблюдение или даже активное противодействие советской лунной экспедиции? – Жорка задумчиво потирает ладонью гладко выбритый подбородок.

Некоторое время он безмолвствует, а потом изрекает:

- Чепуха, Чеслав. Такие решения должны приниматься на самом высоком уровне. Мы бы обязательно обнаружили хоть какие-то их следы в Вашингтоне, в Лэнгли или в Пентагоне. Но ничего подобного нет. Могу тебя в этом заверить, как куратор всей программы.

- Вот в этом вся странность ситуации. Тишина и никаких следов. Правительством США здесь и не пахнет. Во всяком случае, не пахнет на высшем и официальном уровне. Второй слой местной бюрократии я еще не анализировал.

“Давай полетим к звездам!”

- Заговор за спиной президента и Конгресса? – Милентьев морщится, как будто только что сунул в рот таблетку анальгина. - Чеслав, это фантастика. Пентагон, ЦРУ, ФБР не задействованы. Это могу тебе гарантировать совершенно точно. А у всех остальных структур руки коротки для осуществления такого политического проекта. Если в пусках “Сервейеров” нет науки, как ты утверждаешь, здесь обязательно должна отыскаться хотя бы политика...

- И, тем не менее, это заговор, - со вздохом возражаю я. - Заговор за спиной у Джонсона, палаты представителей и сената.

Милентьев молча смотрит на меня, ожидая продолжения.

- Десять дней назад я послал “шмеля” на стартовую площадку космодрома имени Кеннеди, с которой предполагался запуск “Сервейора”. Запрограммировал его на скрытый сбор информации. Доклад – один раз в сутки, направленным кодированным сигналом через наш спутник связи.

- Так... И все это без доклада, - Жорка хмурит белесые брови. - Какого хрена нам докладывать куратору, да? Мы же резиденты. Ребята самостоятельные. Опытные.

- Жора, я просто знаю степень твоей загруженности, - сходу отметаю укор. – О чем докладывать? Простой сбор информации в режиме “невидимка”. Рутина.

“Давай полетим к звездам!”

- Ладно, официальный пистон я тебе потом вставлю, - добродушно обещает Жорка. - Если будет за что... Что выяснил твой “шмель”?

- По сути - ничего. Подготовку к запуску действительно вела какая-то спецбригада. Сто тридцать семь человек. Девяносто восемь мужчин и тридцать девять женщин, возраст - от двадцати пяти до шестидесяти лет. Никто из них в наших картотеках не числится. Ни визуально, ни поименно. Поведение всех – нормальное, стандартное. Никаких отклонений, никаких инцидентов, никаких подозрительных разговоров. Тема бесед – работа, отдых, выпивка, вечеринки... Совершенно обычные люди. До странности обычные.

- А что сам космический аппарат?

- “Шмель” его тоже просканировал. Перед самым запуском, когда уже ничего нельзя было дополнительно поставить на борт космического аппарата. Обычный “Сервейор”. Полный аналог седьмой машины, которая полетела на Луну в январе нынешнего года. Близнец.

- Так... - лицо Милентьева мрачнеет. - И какие выводы?

- Выводов нет, - качаю головой. - Выводов нет, поскольку начались события. Через девять секунд после завершения сканирования связь со “шмелем” прервалась.

- Что, какая-то поломка? А Шилов уверял, что его аппаратура полностью надежна...

“Давай полетим к звездам!”

- Я немедленно послал второго “шмеля” в район старта. Он отследил сам запуск и попытался найти первого “шмеля”. Сам понимаешь, такая авария – это уже чрезвычайное происшествие. Если “шмель” попадет в руки местным ребятам...

- Это ты мне говоришь? – саркастически хмыкает Милентьев. По инструкциям за секретность отвечают именно кураторы. Их обязанность “зачищать окружающее пространство” от всех следов наших технологий.

Жорка сейчас похож на здорового белобрысого кота, который обнаружил, что на его территорию вторгся непрошенный гость.

- Ах, ну да, - я улыбаюсь. - Извини, заболтался. Нервы.

- Ладно, проехали, - отмахивается Милентьев. - Что нашел твой второй “шмель”?

- “Черный ящик” первого “шмеля”.

Некоторое время я с легким злорадством смотрю в округлившиеся глаза моего друга и куратора.

- Ну, ни хрена себе! – наконец, сипло выдавливает Милентьев по-русски.

Еще дня три назад я бы мог вполне разделить ту степень удивления, которую испытывает сейчас Жорка. “Шмели” – очень надежная исследовательская аппаратура. Они не на секунду не прекращали функционировать и выжили, например, во время атомных бомбардировок американцами Хиросимы и

“Давай полетим к звездам!”

Нагасаки. Но за прошедшие три дня я уже как-то свыкся с тем простым фактом, что и на нашу старуху нашлась проруха. Поэтому совершенно спокойно продолжаю:

- Я приказал “шмелю” считать содержимое найденного “черного ящика”. После завершения сканирования ракеты и “Сервейора”, первый “шмель” подвергся интенсивному лазерному удару...

- Что?! – Глаза Жорки сейчас только чуть-чуть уступают в диаметре блюдцу, на котором ему подавали гренки. - Его кто-то обнаружил?!

- Вот именно, Жора, - сообщаю с грустной улыбкой. - Нашего суперзащищенного и невидимого для всех мыслимых излучений “шмеля” кто-то обнаружил и спокойненько расстрелял из лазерной пушки. Как в тире... “Шмель” получил очень серьезные повреждения и принял решение самоуничтожиться, выбросив “черный ящик”.

- Япона мать... - лицо Милентьева удивленно вытянулось. - Слушай, Чеслав, а может быть, это все-таки кто-то из наших? Мог же кто-то держать под охраной стартовую площадку с “Сервейором”? А ты просто влез в охраняемую зону со своим “шмелем”...

- Жора, ты соображаешь, что говоришь? – морщу нос я. - Кто-то из наших проводит операцию, не поставив в известность ни тебя, куратора, ни меня, резидента? В принципе невозможно! Но я все-таки навел справки в центре. Центр, естественно,

“Давай полетим к звездам!”

ничего не проводил, ни в чем не участвовал и ничего не знает. Я позвонил Донилье. Папа Карло сказал, что Совет Главных не собирался, вопрос не рассматривался.

- Гм, вот как... - Жорка озадаченно выпячивает нижнюю губу. - Ты хочешь сказать, что у кого-то из местных появились технологии лазерной защиты?

- И заодно технологии обнаружения полностью защищенного “шмеля”? – иронически улыбаюсь. - Нет, я так не считаю. Такие технологии, если бы они имелись в любой стране этого мира, уже давным-давно попали бы в поле нашего зрения.

- Тогда у меня есть только две возможные гипотезы, хоть как-то объясняющие происшедшее... - он нервно облизывает губы:

- Первая – “шмель” спятил, вообразил, что его атакуют и покончил жизнь самоубийством. В этом случае мы должны поджарить Шилова и всю его команду на медленном огне.

- Я уже говорил с Шиловым. Он клянется и божится, что компьютер “шмеля” не может спятить.

- Вторая гипотеза, - Милентьев по-прежнему невидящими глазами буравит пространство где-то над моей головой, – нападение все-таки было.

- Тогда нападавший был не из наших, - заключаю я. – Чужак. Не наш, но с набором высоких технологий.

“Давай полетим к звездам!”

Улыбаюсь и начинаю насвистывать “Purple People Eater” - “Пурпуровый людоед”, - популярная некогда песенка о кровожадных пришельцах из космоса. Лучший звуковой фон для наших теперешних размышлений.

Жорка опускает на меня задумчивый взгляд, и некоторое время молчит, потом машет рукой:

- А, понятно... Ты имеешь в виду каких-нибудь “параллельных”... Параллельные миры, в которых тоже могут найтись любители строить иные вселенные. Но цели их не совпадают с нашими. Все бы хорошо, но... Бритва Оккама: не нужно измышлять гипотез сверх необходимости!

- Ты готов предложить иное объяснение? – отбиваю атаку. – Давай, с удовольствием послушаю! Ignoranti, quem portum petat, nullus ventus secundus est – нет попутного ветра для того, кто не знает, к какому порту причалить!

Жорка некоторое время молчит и размышляет. Потом пожимает плечами и спрашивает:

- Может быть, это все-таки местные? Какая-нибудь экспериментальная лазерная станция Пентагона... Какой-нибудь случайный залп...

Отрицательно трясую головой:

- Первое, что я сделал, когда получил информацию со второго “шмеля”, дал ему задание провести комплексную проверку всего пространственного района вокруг стартовой площадки, с которой стартовал “Сервейор”. “Шмель” ничего не

“Давай полетим к звездам!”

обнаружил. Стартовый комплекс никто не охранял. Ни пентагоновцы, ни гипотетические чужаки.

- Что естественно... - Милентьев расслабленно откидывается на спинку стула. - Значит, гипотезу о внешнем воздействии на “шмель” следует написать на листочке бумаги, затем мелко его разорвать, опустить в мусорную корзину и сжечь в крематории вместе с самой корзиной. А команде Шилова нужно выписывать пиндюлей за качество подготовки автоматов к работе. Если у нас “шмели” начнут сходить с ума...

- С Шиловым ты потом разберешься, - останавливаю его.

- Давай лучше вернемся к нашему барашку.

- “Сервейор”, как я понимаю, улетел, - изрекает Жорка. - И сейчас летит к Луне совершенно с непонятной нам целью.

- Угу... Оставим пока его в покое. Есть еще кое-что крайне интересное.

Милентьев опасливо косится на меня. Сегодня я преподношу ему сюрприз за сюрпризом. И все неприятные.

- После старта “Сервейора” мне пришло в голову переориентировать второго “шмеля” на наблюдение за спецбригадой обслуживания. Очень хотелось узнать, куда ребята направятся после старта и где будут подводить итоги почти месячной командировки во Флориду.

- Ага, это ты молодец, - хвалит Жорка. - Ну, и что?

- Полный облом. За десять минут до старта “Сервейора” спецбригада передала все управление официальному центру

“Давай полетим к звездам!”

управления полетом и убыла со стартовой площадки. “Шмель” пока оставался в зоне запуска, наблюдал старт “Сервейора” и его полет на орбиту. Когда я убедился, что ракета-носитель доставила космический аппарат в космос, отдал “шмелю” приказ сменить объект наблюдения. Но, увы... Спецбригады уже и след простыл.

- То есть? – брови Милентьева снова удивленно изгибаются.

- За двадцать пять минут сто тридцать семь разновозрастных мальчиков и девочек резво собрали вещи, сели в “Боинг” в ближайшем аэропорту и убыли в неизвестном направлении, - поясняю с улыбкой.

- Э... Это как?

- Был заказан спецрейс. Заранее заказан, Жора. Сразу после взлета самолета, он исчез из зоны видимости радаров. Авиадиспетчер сначала поднял тревогу, но тут ему позвонил очень высокий чин из Пентагона и сказал, что паниковать не следует. Проводится, мол, совершенно секретная операция.

- Вот как... Все-таки из кустов с малиной показались ушки Пентагона...

- Вот это я и хочу сейчас установить. Поэтому резиденту Волянецкому нужно разрешение куратора Милентьева на проведение кое-каких изысканий среди столпов вашингтонской бюрократии...

“Давай полетим к звездам!”

- Конечно, конечно, - Жорка кивает. – Кстати, в последние дни загадки стали возникать не только у тебя. Вот полюбуйся.

Он ныряет рукой во внутренний карман пиджака, достает обычный почтовый конверт, а из него – фотографию. Фото ложится передо мной на стол.

- Получено с орбитальной базы службой наблюдения, - поясняет Милентьев. – Во время планового сканирования комплекса “Знамя”-“Лунник”. Постоянно они Леонтьева и Макарина не ведут. Но три раза в течение каждого часа дистанционно щупают. На всякий случай.

Я рассматриваю снимок. Вытянутую бутылку ракетно-космического комплекса венчает закругленная “пробка” - космический корабль “Знамя”. Чуть в стороне, выше и впереди, висит ослепительно белый шар. Соотношу его размеры со “Знаменем”. Если я не ошибаюсь с оценкой расстояния и перспективы, то размеры шара невелики – что-то около метра в диаметре.

- Неопознанный летающий объект, - отодвигаю фото к Милентьеву. – Глюк аппаратуры, скорее всего.

- Версия проверена и уже не рассматривается, - Жорка качает головой. – Сканеры работали без сбоев. Этот кругляш исчез примерно через полторы секунды после того, как мы его нащупали. Даже приблизительно прозондировать его не успели. А через полчаса на “Знамени” случился сбой в

“Давай полетим к звездам!”

компьютерной системе. Не включилась автоматическая ориентация комплекса.

- Ты думаешь... - я осекся.

- Не знаю, что и думать, - на лбу Милентьева обозначились вертикальные складки. – Может, это случайное совпадение. А может и нет... Тут еще этот твой “Сервейор”!

- Не вижу связи между американским зондом и этим... шаром.

- Как знать, как знать...

Он задумчиво пробарабанил пальцами по столу и обронил устало:

- Собирай дополнительную информацию, Чеслав.

Мартын Луганцев и его собеседники - 4

(записки журналиста)

“А ВМЕСТО СЕРДЦА – ПЛАМЕННЫЙ МОТОР!”

- И это все? – Инга недовольно морщит носик. – Это статья об академике Глуховцеве? Вся и целиком?

- Да, это статья об академике Глуховцеве, - киваю. Я лежу на диване в гостиной, заложив руки за голову, и рассматриваю монотонную белизну потолка.

Настроение – хуже некуда...

Никак не могу прийти в себя после разговора с Синицким.

“Давай полетим к звездам!”

Что же это получается? Я фактически дал свое согласие улыбчивому Павлу Петровичу писать доносы на Ингу. На мою Ингу. На мою любимую женщину.

Трус. Тряпка. Полное ничтожество.

Чувствую себя, как человек, которого ни с того ни с сего с головой макнули в выгребную яму...

В довершение к этому сегодня после вычитки академик Валентин Петрович Глуховцев вернул мне согласованное для публикации интервью. Объемистый материал на целую газетную полосу превратился в пять страничек печатного текста через полтора интервала.

- Март, Аджубеев тебя по головке не погладит. Он разделает твою статью в пух и прах, - сочувственно вздыхает Инга. Она сидит в глубоком кресле за журнальным столиком и вертит в руках те самые пять листочков текста, которые сегодня утром доставил курьер с фирмы Глуховцева. С личной запиской от самого академика – мол, материал окончательный и правкам и корректировке не подлежит. – Это же халтура, а не интервью! Огрызок какой-то! Для заводской многотиражки – может быть, и прокатит. Но не для всесоюзных “Советских Известий”!

- Я этот огрызок и не читал толком, - признаюсь с горечью. – Взглянул на его объем, и у меня сразу пропало всякое желание вообще это читать!

“Давай полетим к звездам!”

- Может, все-таки попробовать как-то дополнить текст? – Инга задумчиво теревит пальцами локоны светлых волос. – Вставить что-нибудь, расширить некоторые абзацы...

- После записки Глуховцева с категорическим требованием опубликовать именно такой текст? – я скептически фыркаю.

- А давай вот как поступим, - говорит Инга после минутного раздумья. – Ты отдашь Аджубееву завтра утром два варианта статьи: этот, с глуховцевской правкой, и свой вариант, полный. И пусть уж Алексей Иванович решит, какой из них пускать в печать.

- У меня нет первоначального варианта статьи, - я сажусь на диване и сокрушенно развожу руками. – Перед вычиткой помощник Глуховцева отобрал у меня все три напечатанных экземпляра. И даже заставил выдрать и забрал странички с пометками из рабочего блокнота. Секретность, понимаешь ли!

- Хорошо, давай попробуем восстановить большой материал из этого ошметка, - предлагает Инга.

- Не хочу читать и править этот опус, - раздраженно огрызаюсь я. – Вообще не желаю к нему прикасаться. Противно, понимаешь?

- Понимаю, - Инга кладет теплую ладошку мне на руку. – Ну, хорошо, давай я буду читать текст в голос, а ты будешь меня останавливать и вносить поправки.

“Давай полетим к звездам!”

- Давай, - соглашаюсь вяло. Соглашаюсь не потому, что мне хочется исправить продукт “письмотворчества” глуховцевских помощников, а только потому, что не хочу обидеть отказом Ингу.

Она терпеть не может, когда я впадаю в депрессию и, как Инга говорит, становлюсь похожим на “спящую медузу”. Слава Богу, что рефлексирую по поводу неудач я крайне редко. “Хвост всегда нужно держать пистолетом!” - вот мой жизненный принцип.

- А потом мы вместе напишем окончательный текст. Ты прелесть! - тянусь к ней, чтобы поцеловать в персиково-нежную щечку, но Инга ловко уворачивается и шутливо грозит пальчиком:

- До конца работы – никаких поцелуев. Даже не надейся!

Я вздыхаю и снова растягиваюсь на диване:

- Ладно, поехали...

Инга, кашлянув, принимается за чтение:

- “А вместо сердца – пламенный мотор!”. Заголовок такой... И подзаголовок: “Беседа с главным конструктором ракетных двигателей Валентином Петровичем Глуховцевым”.

Она замолкает, недовольно надувает губки и сообщает:

- Заголовок, согласись, трафаретный. Литературным штампом пахнет... Сам придумал или...

“Давай полетим к звездам!”

- Или, конечно. Их вариант. Фирменно-глуховцевский. Глуховцевско-фабричный. Но предлагаю его таким и оставить. Дабы не дразнить гусей с первой же строчки.

- Как скажешь, - Инга пожимает плечами и продолжает чтение:

- “Академик Академии наук СССР, Главный конструктор большинства советских ракетных двигателей Валентин Петрович Глуховцев – фигура в ракетостроении и космонавтике известная. Для специалистов космической отрасли в рекомендациях и представлениях он не нуждается. Не будет преувеличением сказать, что почти в каждом космическом пуске есть немалая доля творческого вклада академика Глуховцева и его сотрудников”. Гм, не очень ли скромно?

Инга иронически хмыкает. Она органически не переносит хвастовства. Даже на бумаге.

- Так все и есть, - констатирую я. – Глуховцев действительно настоящий корифей ракетного двигателестроения. На его двигателях летает большинство наших космических и боевых ракет. Исаин, Кузнецовский, Люльков даже отчасти с ним сравниться не могут. А для самого Глуховцева ракетные двигатели – основа всего космического аппарата. Знаешь, какая у него любимая поговорка? “С хорошим двигателем даже забор взлетит”.

Инга недовольно поводит бровями и продолжает чтение:

“Давай полетим к звездам!”

- “Среди коллег Валентин Петрович слывет человеком обаятельным, умным и очень скромным. Его авторитет у сотрудников конструкторского бюро беспрекословен”. Что, и это правда?

- Как тебе сказать... Перед поездкой к Глуховцеву я разговаривал с нашим Михаил Николаевичем... С Пилипенко, нашим спецкором... Он Глуховцева знает, как облупленного: уже больше десяти лет пишет о космонавтике. Знаешь, что он сказал о Валентине Петровиче? Глуховцев в общении с окружающими людьми почти всегда надменно-высокомерен. Пилипенко не припомнит случая, когда бы наш академик по-хорошему рассмеялся или хотя бы улыбнулся.

- А твои личные впечатления о Глуховцеве?

- Очень корректный и сдержанный человек. Не подвержен резким перепадам эмоций. Пилипенко утверждает, что никто и никогда не слышал, чтобы Валентин Петрович кого-то отругал или устроил разнос. Даже в самых критических ситуациях он, как говорится, застегнут на все пуговицы.

- А внешне он как? – Инга заинтересованно вскидывает взгляд. – Как одевается?

- Седовласый, стройный, двигается очень неторопливо, - припоминаю я. – Мягкий голос, какой-то очень уж спокойный, обволакивающий. У него явный талант о самых интересных вещах рассказывать обыденно и без лишних эмоций.

- Одежда? – напоминает Инга.

“Давай полетим к звездам!”

- Глуховцев был одет в безупречно отглаженную темно-коричневую тройку. Белая рубашка с накрахмаленным воротником, темный галстук. И на лацкане пиджака такой же значок со странной подписью Гагарова, как у Королевина и Михеева...

Инга и снова углубляется в чтение:

- “Ракетными двигателями Валентин Петрович Глуховцев стал заниматься значительно раньше корифеев ракетной техники Цандерова и Королевина”.

- Вот здесь стоп, - прерываю Ингу. – Есть дополнительные подробности. Глуховцев слишком многое опустил в окончательном варианте интервью.

- Например? – Инга целится карандашом в текст статьи, готовясь вносить поправки.

Морщу лоб, припоминая.

- Валентин Петрович родился в Херсоне. Работал на заводе слесарем. Ракетной техникой увлекся еще в юношеские годы. Представляешь, в пятнадцать лет он уже переписывался с самим Циолковским, а в шестнадцать – написал первую научную работу!

- Вундеркинд, - с уважением произносит Инга, делая пометки в тексте.

- После окончания университета Глуховцеву поручают разработку ракетных двигателей в Газодинамической лаборатории, - продолжаю я. – Затем он возглавляет отдел в

“Давай полетим к звездам!”

Реактивном научно-исследовательском институте Наркомата Обороны. А в марте тридцать восьмого его репрессируют...

- Конечно, по доносу коллег и товарищей? – криво усмехается Инга. – Кто-то позавидовал успехам?

- Нашелся такой подонок, - киваю в ответ. – Глуховцев получает восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Сидит в Лефортово, а потом его переводят в Астрахань. Валентин Петрович занимается конструированием ракетных двигателей для самолетов. Знаешь, как он подписывал свои приказы в астраханской “шарашке”? “Главный конструктор заключенный номер 5134 Глуховцев”. В сорок четвертом его досрочно освобождают, а в следующем году он уже в Германии – собирает остатки немецкой “Фау”. С этого времени Глуховцев становится первым лицом нашего ракетного двигателестроения. Записала?

- Да, - Инга отложила карандаш и снова принялась за чтение:

- “Мы встретились с академиком Глуховцевым в демонстрационном зале на предприятии, которое он возглавляет”...

- Он сам выбрал место, - вклиниваюсь я. – Зал – музей их фирмы. Там выставлены почти все разработки. Кроме самых уж секретных.

Инга делает в тексте пометки, кивает и продолжает:

“Давай полетим к звездам!”

- “Валентин Петрович, ракетно-космический комплекс “Знамя-5” – “Лунник-5” летит к Луне. Выведение комплекса на орбиту было обеспечено вашими двигателями...”

- Стоп. Следующий кусок текста сохраняем, как есть. Там описан очень деликатный момент в отношениях Королевина и Глуховцева, и нам лучше в “глуховцевском” варианте ничего не менять...

- А в чем суть? – взгляд Инги скользит по тексту. – Ах, вот оно что... Королевин хотел, чтобы Валентин Петрович сделал для “Ленина” большие кислородно-керосиновые двигатели. А Глуховцев был против... В итоге ЦК партии все же обязал Глуховцева сделать большие двигатели.

- Не совсем так. Глуховцев и сам понимал, что на лунную ракету нужны очень мощные двигатели. Его конструкторское бюро уже разрабатывало не только кислородно-керосиновые движки, но и ракетные моторы на высококипящих компонентах топлива. Знаешь, что сказал мне Глуховцев по этому поводу? “Может быть, кому-то из ретроградов нравится езда на лошадях. Но лично я предпочитаю автомобиль”.

Инга задумчиво хмурит брови:

- Гм, довольно язвительно сказано, не находишь? И ты хочешь вписать эти слова в текст интервью? А Королевин не обидится? Глуховцев ведь именно его считает ретроградом.

“Давай полетим к звездам!”

- Проблемы великих – пусть решают великие, - философски замечаю я. – Глуховцев говорил именно так, как будет написано в моем варианте статьи. Читай дальше.

Далее Глуховцев пускается в подробные и занудные рассуждения о ракетных топливах. Даже в исполнении чудного голоса любимой девушки слушать это нормальному человеку совершенно невозможно. Минут через пять ловлю себя на том, что постепенно перехожу в состояние легкой дремы. Героически возвращаюсь к бодрствованию, и отчаянно борюсь с накатывающими атаками Морфея.

Наконец, Инга завершает чтение. Мы оба некоторое время молчим.

- Очень интересное интервью может выйти в газете за твоей подписью, Март, - наконец, нарушает молчание Инга. – Хороший пример для студентов журфака: как можно много говорить и в итоге совершенно ничего не сказать.

- Все записано так, как говорил Глуховцев. Плюс еще редактора его референтов, - замечаю с легким раздражением.

- Я тебя ни в чем не обвиняю. Просто Глуховцев наговорил тебе с три короба, но главного так и не сказал.

- Глуховцев – тот еще гусь лапчатый! - констатирую с сарказмом. – Он и его референты постарались обойти все острые углы.

- Может быть, может быть, - с задумчивой рассеянностью произносит Инга. - Но почему Глуховцев убрал из текста

“Давай полетим к звездам!”

практически все подробности, которые касались его жизни? Да и о заслугах сказано слишком уж обще...

- Скромничает, - усмехнувшись, говорю я. – Скромный академик, Герой Соцтруда и лауреат целой кучи премий. Застенчивый гений – вот кто наш Валентин Петрович!

- Не-а, - Инга подпирает подбородок кулачком. – Гениальности и способностей организовать работу у него, конечно, не отнимешь. Но такое желание замолчать свои заслуги, скорее, свидетельствует о какой-то глубокой психологической травме.

Она снова замолкает, а потом говорит:

- Март, а ведь Глуховцев до сих пор переживает, что его заставили сделать большие двигатели для лунной ракеты. Растоптали его мнение. Причем, публично.

- Не думаю, - трясу головой. - Он же наверняка за эту работу получит еще одну государственную премию, а может и вторую звезду Героя!

- Награды – наградами, - отмахивается Инга. – Но ты пойми: его ведь перед всем миром унизили, грубо не посчитались с авторитетом, заставили выполнить приказ. Он его отлично выполнил – ракета летает. С одной стороны Глуховцев и рад этому, но с другой стороны успешные старты лучше всяких красноречивых доказательств говорят о том, что он все же был неправ в споре с Королевиным.

“Давай полетим к звездам!”

- Для написания статьи мне эти психологические нюансы вряд ли сгодятся, - я пожимаю плечами.

Какое-то время мы сидим молча. Потом припоминаю:

- Да, и кстати... У Глуховцева на стене музейного зала висит портрет Гагарова в скафандре. Такой же, какой был у Королева, Михеева и у самого Глуховцева на значках...

- И на нем есть подпись Гагарова?

- Конечно. Такая же странная. “Гагар” с волнами вместо четкого “Гагаров”.

- Чертовщина какая-то! – в сердцах произносит Инга.

В прошлое воскресенье мы весь день просидели в читальном зале Ленинки и перелопатили целую гору литературы по космонавтике. Результат поиска оказался нулевым. Ни в одной книге, ни в одном журнале или газете мы так и не нашли загадочного автографа космонавта Гагарова.

- Между прочим, после окончания беседы я спросил у Глуховцева, что это за странная подпись на портрете Гагарова.

- И что он ответил?

- Он мельком взглянул на портрет и пожал плечами: “Подпись как подпись”. Я не стал приставать с расспросами. Да и чтобы я у него еще спросил?

- Это точно. Расписывался ведь Гагаров, а не Глуховцев.

- Но это еще не все. Попрощавшись с Глуховцевым, я пошел к выходу из зала. И нос к носу столкнулся с Лешкой Банниковым. Он учился со мной в одной школе, жил в соседнем

“Давай полетим к звездам!”

дворе. А после школы поступил в Бауманку. Теперь работает на фирме Глуховцева инженером. Постояли, поговорили, вспомнили общих знакомых. Уже собирались разойтись, а я возьми и спроси: “Алексей, а вот этот портрет Гагарова здесь давно висит?” И показываю на тот самый гагаровский портрет на стене зала. Лешка бросил взгляд на стену, потом как-то странно на меня взглянул и говорит: “А ты все такой же шутник, Март”. Повернулся и пошел. Как будто даже обиделся. Знаешь, у меня сложилось впечатление, что Лешка никакого портрета Гагарова на стене не увидел. Странно, правда?

Инга некоторое время изучающе смотрит на меня, а потом спрашивает:

- Слушай, Луганцев, а ты не того? – Она вертит пальчиком у виска. – Ты уверен, что все эти портреты тебе не привиделись?

- Я не сумасшедший, Солнышко. Я видел портреты Гагарова и эту странную подпись так же ясно, как сейчас вижу тебя.

- Интересно, интересно... - Инга морщит лоб. – Март, а с кем у тебя следующее интервью?

- С профессором Бушуниным, главным конструктором корабля “Знамя”. Между прочим, интервью на Байконуре. Придется на пару дней слетать в нашу космическую гавань.

“Давай полетим к звездам!”

- Я дам тебе свой фотоаппарат, - сообщает Инга. – Если где-то увидишь портрет Гагарова со странной подписью, сделаешь пару кадров.

- Если будет возможность фотографировать, - замечаю я. – Секретность еще никто не отменял.

- А во-вторых, - продолжает Инга, не заметив моего возражения, - нам нужно под любым предлогом встретиться с Гагаровым. И спросить: где, когда и почему он так подписывал свои портреты.

- Миссис Шерлок Холмс железной хваткой взялась за дело, - обнимаю ее за плечи. – Можно один поцелуйчик? Хотя бы в щечку...

- Ну, разве что в щечку... - говорит она рассеяно и вдруг резко отстраняется:

- Март, а ты знаешь, что могут означать эти волны после начальной подписи “Гагар”?

- Что?

- Буквы, конечно, - фыркает Инга. – Как “О” и “В” в подписи “Гагаров”. Только в нашем случае они могут означать...

Она задумается на мгновение, а потом говорит:

- Это могут быть, например, буквы “И” и “Н”.

Инга, чуть помедлив, осторожно, - словно пробуя получившееся слово на вкус, произносит:

- Га-га-рин... Гагарин...

“Давай полетим к звездам!”

Алексей Леонтьев и все, все, все - 4

“ЗДРАВСТВУЙ, ТЕТУШКА СЕЛЕНА!”

На пятые сутки космического полета связка “Знамя-5”–“Лунник-5” достигла окрестностей Луны. Теперь нам предстояло выйти на круговую орбиту и стать спутником Селены.

Теоретически маневр по выходу космического корабля на окололунную орбиту не сложен: нужно развернуть корабль кормой вперед по направлению полета и на пару-другую минут включить двигатель. И все, летай вокруг Луны, сколько хочешь.

Но на практике маневрирование – очень рискованная операция. Если двигатель ракетного блока “Д”, которому программой полета предписано затормозить комплекс, отработает слишком мало времени, то “Знамя” и “Лунник” уйдут на очень вытянутую эллиптическую орбиту вокруг Луны, сначала приближаясь к ней, а затем удаляясь. Высадка на лунную поверхность будет сорвана. Мы станем пленниками космоса. И еще большой вопрос: хватит ли у нас топлива, чтобы вырваться из плена и вернуться домой.

Если же ракетный двигатель не удастся вовремя выключить, и он проработает очень долго, то комплекс затормозится настолько сильно, что вместо выхода на

“Давай полетим к звездам!”

околорунную орбиту шмякнется на поверхность Луны. “Знамя” и “Лунник” врежутся в лунную поверхность с огромной скоростью, породив на Луне еще один метеоритный кратер.

Сложность еще и в том, что включение двигателя блока “Д” выполняется над обратной стороной Луны, когда связь с Землей невозможна – Луна “затеняет” собой корабль. Конечно, автоматическая станция “Луна-30”, которая уже несколько месяцев вертится вокруг Селены, могла бы стать ретранслятором радио- и телесигналов, но буквально за день до нашего старта руководители полета решили использовать ее только для обеспечения связи во время посадки “Лунника” на Луну. Высадка космонавта на Луну и старт с нее считалась операциями на порядок более сложными, чем околорунное торможение, и космического робота решили поберечь для решения более весомых задач. Мол, хватит корабельной автоматики. Да и Леонтьев с Макариным – опытные космонавты, сами управятся.

Наземный Центр управления полетом рассчитал время и оптимальные координаты для запуска двигателя ракетного блока “Д”. Результаты расчетов передали нам. Баллистические службы на Земле вычислили момент, когда ракетно-космический комплекс должен появиться из-за лунной “спиной” после торможения. Если все пройдет по плану, то полученный из космоса радиосигнал будет означать, что маневр выполнен, “Знамя” и “Лунник” перешли на

“Давай полетим к звездам!”

окололунную орбиту. Если же нет... Наши останки и обломки космических кораблей будут искать где-то среди лунных катеров на невидимой с Земли стороне Луны.

В два часа пополудни 27 октября на связь с нами вышел Владимир Шаталин.

- Ребята, - сказал он, - вам сейчас нужно выполнить совсем небольшой маневрик...

- Да, да, - я засмеялся в ответ. – Спасибо, что напомнил, Володя. А то мы совсем о нем забыли!

- Я так вообще еще толком не проснулся, - Макарин громко зевнул.

- Надо было дать тебе с собой будильник, - поддержал шутку Шаталин. – Начнем работу?

- Мы готовы.

- Данные на борт переданы. Двигатель блока “Д” готов к включению.

Олег прошелся внимательным взглядом по светящимся огонькам бортовой индикации на пульте и сказал:

- Подтверждаю готовность, “Заря”. Все в норме.

- До расчетного момента потери связи с вами примерно одна минута, - сообщил Шаталин.

- Поняли, Володя, - подтвердил я, - осталась одна минута до нашего ухода за Луну.

- Все будет хорошо, - немного напряженно произнес Шаталин.

“Давай полетим к звездам!”

- Нисколько не сомневаюсь, - сказал я ободряюще. – Все у нас получится.

- Вы там, на Земле, особенно не волнуйтесь, - успокоил Макарин. Он тоже уловил беспокойство в голосе Володьки. – Ждите наших позывных с другой стороны лунного глобуса...

- Вот и замечательно, а мы пока перекурим, - вклинился в разговор дублер Олега Вовик Бугрин. – Да и перекусить бы не мешало. Я с утра ничего не ел.

Космический комплекс начал огибать Луну, и голоса Шаталина и Бугрина сначала стали постепенно тонуть в усиливающихся радиопомехах, а потом и вовсе пропали.

- Ну-с, товарищ бортинженер, - я повернулся к Олегу, - начинаем работу!

...Когда на пульте загорелось табло “Двигатель включен”, мы еще несколько томительно долгих секунд ничего не чувствовали и по-прежнему неподвижно сидели в креслах-ложементах, вслушиваясь в тишину.

- Ну, и... - шепотом произнес Олег. – Приехали мы, Лешка, да?

- Не каркай, - осадил я и кивнул в сторону пульта с индикацией:

– Пока ничего не ясно. Табло горит, а двигатель молчит.

И тут корабль слегка вздрогнул, словно испуганно встрепенулся после сна. Дернулся еще раз, уже сильнее. Мы

“Давай полетим к звездам!”

почувствовали нарастающую вибрацию, а потом из-за спины донесся приглушенный рокот.

- Я думаю, что это все-таки не лунный гром, - побелевшие от волнения губы Олега сложились в улыбку.

- Заработал наш моторчик, Олежка! - я показал большой палец.

Поток горячего газа рвался из сопла ракетного блока “Д” позади ракетно-космического комплекса, постепенно рассеиваясь в пространстве. Длинный факел огня был похож на светящийся оранжево-малиновый клинок, который острием вонзился в черное тело космоса.

“Знамя” и “Лунник” сбрасывали скорость. Появилась перегрузка – не та, которая тяжелой ладонью вдавливают во время старта в пилотские ложементы, а легкая, почти незаметная. Всего лишь десятые доли от веса наших тел на Земле. Но и этого хватило, чтобы незакрепленный Олегом на зажимах боржурнал улетел куда-то за наши спины, к днищу спускаемого аппарата.

Двигатель автоматически выключился через двести девяносто две секунды после запуска. Я взглянул на индикатор. Скорость корабля снизилась до восьмисот сорока двух метров в секунду.

- Попали в самое “яблочко”, - я облегченно вздохнул. – Олежка, мы на окололунной орбите!

“Давай полетим к звездам!”

- Сколько у нас еще времени до начала сеанса связи с Землей? – Макарин взглянул на часы. – Ага, двадцать минут есть. Лешка, айда в бытовой отсек. Улыбнемся в иллюминатор нашей новой подружке!

- Сейчас немного подправлю ориентацию, - я взялся за ручки управления комплексом, - чтобы сделать обзор получше. А ты пока подготовь фотоаппаратуру.

Повинуясь командам, корабль пришел в движение, и медленно повернулся по часовой стрелке на несколько градусов. Теперь Луна была хорошо видна в иллюминаторах бытового отсека.

Меня поразил вид Луны. С Земли “тетушка Селена” выглядела ярко-желтой с голубоватыми пятнами лунных морей. А здесь, вблизи, всего в полутора сотнях километров от лунной поверхности, Луна за стеклом иллюминатора предстала перед глазами совершенно иной – светло-серой с коричнево-черными вкраплениями кратеров и впадин. Конечно, из рассказов друзей–космонавтов, летавших к Луне раньше, я знал, что будет такое изменение цвета. Видел фильмы и фотографии, на которых Луна уже выглядела иначе, чем та планета, которую мы привыкли видеть со дна атмосферного океана на Земле. Но все-таки реальные цвета и краски оказались намного ярче и контрастнее, чем их образы на фото- и киноплёнках. Я в который раз пожалел, что у меня нет красок

“Давай полетим к звездам!”

и мольберта, чтобы запечатлеть на холсте открывшееся нам новое лицо Луны.

- Мне кажется, что Луна чем-то напоминает застывший гипс, - сказал Олег, словно угадав мои мысли.

- Скорее уж пемзу, - я прищурился, вглядываясь в пейзаж за стеклом иллюминатора. – Смотри, как резко разделены черное небо и серая поверхность Луны. Очень четко виден край лунного диска.

- Это потому, что здесь нет атмосферы, - пояснил Макарин. – Поэтому и предметы, и их тени имеют очень резкие очертания.

Лунная поверхность внизу была усеяна кратерами. Они были огромными – размером в сотни и даже тысячи километров. Внутри этих громадных “дыр” или рядом с ними располагались кратеры поменьше, имевшие в диаметре всего несколько километров или даже несколько сотен метров. Их в свою очередь покрывала плотная сетка совсем небольших окружностей – размером всего несколько метров.

“А если опуститься еще ниже, - подумал я, - то можно увидеть метровые, сантиметровые и миллиметровые кратеры... Планета кратеров. Планета миллионов кратеров”.

Кратеры были рассеяны по лунной поверхности без всякой системы и порядка. Они пересекались своими краями друг с другом и располагались друг на друге, порождая сотни и тысячи выемок, ям и ломаных линий. Вся эта картина

“Давай полетим к звездам!”

вселенского хаоса дополнялась крутыми и протяженными горными цепями и отдельно торчащими над поверхностью пиками каменных вершин.

- Какое восхитительное в своей уродливости пространство, - тихо произнес Олег. – Красивый и мертвый мир...

- Видишь вон ту горную цепь? Ну, которая изгибается в форме буквы “С”... И рядом почти ровная поверхность. Как будто слой высохшей глины...

- Скорее всего, это поле застывшей вулканической лавы, - предположил Макарин. – Видимо, один из метеоритов так сильно ударил в лунную поверхность, что кора оказалась пробитой и снизу хлынула магма.

- Гм... Мне кажется, что это мог быть и обычный вулкан...

- Вот завтра сядешь на Луну и сам все проверишь! – весело фыркнул Олег.

- Ты представляешь, какая это древность? Большинство кратеров образовались миллионы и миллиарды лет назад, когда на Земле еще не было человека...

- Вполне возможно, что тогда на нашей планете еще не было даже динозавров... Слушай, Лешка, вот бы полазить по всему этому великолепию в альпинистском снаряжении, а?

- Может когда-нибудь и полазим. Королевин обещал лет через десять отгрохать здесь целую космическую базу. Человек этак на тридцать.

“Давай полетим к звездам!”

- Смотри, что это за свечение над горизонтом? - Макарин указал в левую нижнюю часть распластавшегося за иллюминатором огромного лунного диска. – Неужели извержение вулкана? Быть такого не может...

Я повернул голову в ту сторону, куда указывал Олег. Над горизонтом поднималось неясное и чуть размытое свечение.

- Кажется, я знаю, что это, - я улыбнулся. – Это же Земля, Олечка. Наша Земля!

- То есть? – Макарин слегка опешил. – Это что, восход Земли?

- Ну, конечно, - кивнул я. – Сейчас мы увидим нашу Землю глазами лунных жителей.

- С ума сойти, - Олег потянулся за фотокамерой. – Ну, я сейчас такие кадры сделаю!

Сначала над горизонтом мы увидели только легкое белесое свечение, с каждой секундой становившееся все ярче и ярче. Потом над резкой серой линией лунного горизонта появилась сияющая точка, быстро превратившаяся в тонкий нежно-белый диск. Еще мгновение спустя диск изогнулся и начал постепенно расти, расползаясь над поверхностью Луны все шире и шире.

Прошло несколько минут – и мы уже любовались медленно выплывавшим из-за серого тела Селены лазурно-белым шаром родной планеты. Среди круговерти

“Давай полетим к звездам!”

похожего на ослепительный снег облачного покрова стали проступать светло-коричневые пятна материков.

- Лешка, смотри Африка!

- А Европу ты видишь? – ткнул пальцем в стекло иллюминатора. - Да вот же, вот! Италия как сапог!

Наверное, со стороны, мы были похожи на восторженных мальчишек, впервые в жизни оказавшихся в огромном магазине, полки которого так и ломаются от игрушек...

Мы так засмотрелись на красоты Луны и Земли, что пропустили сеанс связи. “Знамя” и “Лунник” уже вышли из зоны невидимости, бортовая автоматика нашего комплекса стала посылать в центр управления полетом обычную рабочую телеметрию, а мы молчали. На Земле началась паника: что с экипажем? Строились самые невероятные предположения и догадки. Космонавты заснули, потеряли сознание, погибли...

Когда мы, наконец, вспомнили о программе полета и вышли на связь, “втык” от руководства получили хороший.

...Во второй половине дня Володька Шаталин вызвал нас по закрытому каналу связи.

- Есть мнение, - Шаталин смущенно кашлянул, - что экипаж должен выступить с инициативой: дать лунному кораблю дополнительное собственное имя. Предложено выбрать одно из трех наименований – Отечество, Отчизна, Родина.

- Нужно, так выберем, - Олег безразлично пожал плечами.

“Давай полетим к звездам!”

- Пусть будет “Родина”, - предложил я. – Самое короткое.
Олег, ты не возражаешь?

- Годится, - Макарин зевнул, прикрыв рот ладонью. –
“Лунник-5”-“Родина”.

Чеслав Волянецкий и другие - 4

(рабочие записи)

УЛЫБКА ЧЕШИРСКОГО КОТА

Дама трется спиной о серебристое тело шеста, пребывая в образе то ли ловкой змейки, то ли вьющейся лозы винограда. Ее телодвижения, имитирующие страсть, в сочетании с высокими каблуками туфель, зелеными узкими трусикам и почти незаметными кружочками ткани вместо бюстгалтера, должны надежно направить мысли посетителей ресторана в эротическое русло.

Салютуя всем человеческим порокам, мадам на сцене выбрасывает левую ногу высоко вверх, отделяется от шеста, и дважды самым немислимым образом совершает два полных оборота на правой ноге. Зал реагирует на замысловатый кульбит жиденькими аплодисментами.

Слегка подзадоренная реакцией общественности дама начинает судорожно трясти тазом, одновременно совершая мелко-колебательные движения грудями. Телодвижения

“Давай полетим к звездам!”

напоминают безвкусную смесь утренней гимнастики и танца живота, но собравшимся нравится и зал разражается еще одной порцией оваций.

Ободренная аплодисментами, женщина делает несколько резких движений головой из стороны в сторону, раскидывая по оголенным плечам густые завитые волосы. Уму непостижимо, каким образом при таких резких изменениях скоростей и ускорений килограммы грима на ее лице сохраняют некое единство с кожей и не разлетаются во все стороны жалкими обломками разорванной перегрузками маски. Тело дамы закамуфлировано под стиль “вечные восемнадцать”, но уже обозначившиеся валики жировых отложений выше талии, дряблая сеточка начинающегося целлюлита на бедрах и мелкие серебристые бисеринки пота на висках предательски сообщают, что танцующая мадам минимум в два раза старше.

Под занавес номера дама замирает в позе полной сексуальной готовности, и зал, наконец, воздает должное ветерану эротической сцены. Шквал аплодисментов выбрасывает на подмости даже корзину с цветами. Впрочем, если судить по кислой и замучено-заученной улыбке сценической мадам, корзина с цветами вполне может оказаться частью реквизита, финальной составляющей завершившегося выступления.

Сцена пустеет, и присутствующая в зале публика переключает внимание на ближние цели – разнокалиберных и

“Давай полетим к звездам!”

разномастных подруг, выпивку и еду. Над столами повисает какофония легкого хихиканья, невнятного бормотания и всеобщего приглушенного чавканья.

На пике периода всеобщего потребления пищевых продуктов и алкогольных напитков в дверях заведения общественного питания появляется Жорка Миленцев. Сегодня он облачился в темно-зеленый поношенный пиджак, клетчатую ковбойку и темные брюки. Мелкий клерк или торговый агент забежал поужинать в третьеразрядный ресторанчик. Я, напротив, одет, как современный лондонский денди – костюм-тройка, до блеска начищенные туфли, сияющая белизной рубашка, галстук с золотой заколкой. Кончик механического карандаша “Скрипто” торчит из нагрудного кармана. На запястье часы от “Бьюлова” на хромированном пружинном браслете “Спайдел”. Шеф мелких клерков снизошел до общения с подчиненным за деловым ужином.

Несколько портит начальнический образ большой пакет, из которого торчит длинная коробка со сборной моделью “фармана”. Я купил ее по пути в магазине на Гарден-стрит. Последние три сотни лет у меня появилось хобби – коллекционирую модели аэропланов времен Первой мировой войны. Впрочем, у офисных работников тоже могут быть маленькие увлечения.

- Привет! – Жорка останавливается рядом со столиком, за которым я его дожидаюсь. – Ты как насчет пива?

“Давай полетим к звездам!”

Я молча киваю. Жорка отправляется к стойке бара, делает заказ и через пару минут гибкая, как лоза девица в белоснежном передничке приносит нам две больших кружки желто-золотистой жидкости и тарелочку с солеными орехами.

- Какие новости? – Милентьев отхлебывает пиво.

- Два дня назад американцы потеряли связь с “Сервейором”.

- Знаю, это было во всех выпусках новостей, - тонко подкальывает Жорка.

- ...А сегодня НАСА обнаружила его на окололунной орбите, - заканчиваю я.

- Что за бред? – Милентьев скептически фыркает. – Как станция могла самостоятельно долететь до Луны? На лунной трассе нужно сделать как минимум одну коррекцию траектории. Плюс включить маршевый двигатель на торможение...

- Тем не менее, это факт: “Сервейор-8” сейчас болтается где-то около Луны. Думаю, что вся эта история с потерей станции, а потом ее обнаружением – блеф американцев. Кто-то в Штатах затеял масштабную политическую игру в космосе.

- Что тебе удалось накопать в Вашингтоне?

- Ad cogitandum et agendum homo natus est – человек рожден, чтобы мыслить и действовать. Я многое успел сделать за три дня, которые прошли после нашей встречи. Но вынужден тебя разочаровать... Я вышел на контакт с высоким чином из Пентагона, звонившим диспетчеру аэропорта после

“Давай полетим к звездам!”

исчезновения “Боинга” со спецкомандой – той самой, которая готовила к запуску “Сервейор”. Теперь я через день играю с пентагоновцем в гольф в загородном элитном клубе. Вчера перед игрой мы поболтали с ним о всякой чепухе... Высокий чин из Пентагона не имеет ни малейшего представления о секретной бригаде космических монтажников. Он не звонил диспетчеру. Кто-то просто воспользовался его именем.

- Но ведь “Боинг” не мог раствориться в воздухе! – Жоркины белесые брови возмущенно топорщатся. – Где-то же он приземлился!

- Он нигде не приземлялся, - качаю головой. – Растаял в воздухе, как улыбка чеширского кота. По моему запросу все наблюдательные пункты – в том числе, кстати, и военные, - дали отрицательный ответ. Самолет никто не видел. После взлета из аэропорта в Майами он исчез. На высоте примерно один километр.

- В аэропорту должны были сохраниться регистрационные данные воздушного судна...

- В аэропорту, - киваю я, – регистрационные номера действительно имеются.

Отпиваю пиво из кружки. Парадокс: в третьесортном заведении оказалось очень неплохое пиво. Чудеса иногда случаются и в этом мире.

- Ну, и что? – торопит Жорка. – Ты навел справки?

“Давай полетим к звездам!”

- Самолет с таким регистрационным номером приписан к каирской авиакомпании.

- Вот уже есть какая-то зацепка, - с удовлетворением констатирует Милентьев. – Теперь мы сможем...

- Мы не сможем, - прерываю решительно. – Лайнер с таким номером летает на линии Каир-Исламабад. В день, когда из Майами улетала спецбригада “Сервейора”, самолет как раз был в очередном рейсе.

Жорка отхлебывает пиво и нервно барабанит пальцами по столу:

- Как там, у Льюиса Кэрролла? Все страньше и страньше... Самолет-двойник, так?

- Угу, - соглашаюсь я. – Жора, всю эту кутерьму с заменой персонала по обслуживанию лунной станции и с использованием подставного самолета можно организовать только при очень серьезной поддержке властей. Либо какой-то мощной группы во властных структурах. Официально же правительство США ни в чем подобном не участвует.

- Значит, ты все-таки предполагаешь масштабный заговор? За спиной у Джонсона и Конгресса... - Жоркино лицо мрачнеет. – Хорошо, допустим. Допустим, что и сам запуск “Сервейора” как-то связан с полетом “Лунника” и “Знамени”. Кстати, Чеслав, а как прореагировали на запуск русские?

- Я связался с нашими ребятами в Москве. Хрущев и Политбюро еще не в курсе. А КГБ уже насторожился. Сегодня

“Давай полетим к звездам!”

утром Андропов собрал по вопросу о запуске “Сервейора” узкое совещание: сам Андропов, два его зама и четыре начальника профильных отделов.

- В проницательности Юрию Владимировичу не откажешь, - с легкой иронической усмешкой замечает Жорка. - И о чем они там говорили?

- Тоже предположили, что запуск американской лунной станции как-то связан с полетом Леонтьева и Макарина.

Милентьев молча попивает пиво и размышляет. А потом спрашивает:

- Ты сам что думаешь?

- Я тоже думаю, что такая связь есть. Поэтому уже неделю мотаюсь по стране, пытаюсь понять, кто двигает фигуры в этой комбинации.

- Угу... Что же, давай подумаем, - белесые брови Милентьева сдвигаются к переносице и становятся похожими на расплющенную латинскую букву “V”. Высшая стадия озабоченности и задумчивости. - Поразмышляем, кто и какими фигурами вздумал играть на нашей шахматной доске.

- Давай подумаем, - киваю я. - Одна голова – хорошо, а две – уже собутыльники... Как ты насчет еще пары бокальчиков?

- Не против, - соглашается Жорка. - Хорошее пиво.

Отправляюсь к стойке и, не дожидаясь услуг официантки-лозы, приношу еще два бокала пива и тарелку с

“Давай полетим к звездам!”

орехами. За время моего отсутствия на сцене появилась группа молодых людей. Стены ресторанчика вздрагивают от удара первой волны грохочущей музыки. Я морщусь. Ничего не имею против современных исполнителей и творческого эксперимента, но зачем же так громко? Достаяю из внутреннего кармана пиджака коробочку уникома и устанавливаю звуковой барьер в пределах нашего столика. Музыкальные децибелы редуцируются до звукового уровня, при котором можно нормально продолжить беседу.

- Итак, что мы имеем? – спрашивает Жорка, как только я завершаю эволюции с уникомом. - Допустим, что полет “Сервейора” связан со стартом “Знамени” и “Лунника”. Можно ожидать каких-то действий со стороны хозяев “Сервейора”? Его настоящих хозяев, я имею в виду. Тех, кто задумал этот запуск и реально его контролирует.

- Действие может выражаться либо в активной, либо в пассивной форме, - я отправляю в рот несколько орехов и запиваю пивом.

- Теоретизируешь? – с иронией интересуется Милентьев.

- Конкретизирую. В данном случае пассивная форма действия – это наблюдение за “Знаменем” и “Лунником”. Активная – создание помех при посадке Леонтьева на Луну.

- Согласен, - секунду поразмыслив, кивает Жорка. - Остановимся пока на первом варианте. Пассивное действие. Наблюдение. Космический шпионаж. И сразу возникает вопрос:

“Давай полетим к звездам!”

зачем? Что, кто-то в Америке сомневается, что Леонтьев будет высаживаться на Луну? Они что, подозревают какой-то фарс?

- Эта версия не склеивается, Жора. Есть много иных способов уличить русских в подлоге, если Москва решилась бы имитировать высадку космонавта на Луну. Перехват и анализ радиосигналов с “Лунника” дал бы американцам однозначный ответ, осуществлена ли высадка космонавта на самом деле или была только ее имитация. Чтобы получить ответ, вовсе не нужно запускать “Сервейор” следом за русским кораблем.

- Звучит убедительно, - Жорка складывает руки на груди, откидывается на спинку стула и устремляет задумчивый взгляд в потолок. - Какие еще у тебя есть аргументы против варианта пассивного действия?

- Гм... Какие еще... - я тоже некоторое время задумчиво шарю взглядом по потолку. - Космический аппарат “Сервейор” не слишком годится на роль шпиона. Для этих целей больше подошел бы один из американских разведывательных спутников. Или, например, станция “Лунар орбитер”. В прошлом году пять таких космических аппаратов выполнили подробную съемку Луны с очень высоким разрешением. Такая станция вполне могла бы понаблюдать с окологлуной орбиты за высадкой Леонтьева.

- Может быть, у американцев под рукой не было готовых к полету фоторазведчиков или “Орбитеров”? - Жорка

“Давай полетим к звездам!”

переводит взгляд с потолочных балок на меня. - Вот и решили послать “Сервейор”. С какой-нибудь улучшенной оптикой.

- Не получается, - трясусь головой. - Я уже проверил. У американцев в стадии готовности к полету находятся три спутника-фоторазведчика. И есть законсервированный на всякий случай аппарат класса “Лунар Орбитер”. Это раз. А во-вторых, сканирование “Сервейора” “шмелем” перед стартом показало, что на аппарате стоит стандартный набор оптики. Такой же, какой был и на “Сервейоре-7”. Эта оптика может обеспечить получение панорамы лунной поверхности, но не более того.

- Будем считать, что ты меня убедил, - Милентьев тянется за новой порцией орехов. - Пассивную версию отводим в сторону. По крайней мере, пока. И так, активные действия...

Начинаю анализировать. Есть только два варианта: либо дистанционно, либо непосредственно. Дистанционно – это наведение радиопомех. Но создание помех ничего не дает. Конечно, наведенные с “Сервейора” радиопомехи могут ухудшить связь “Знамени” и “Лунника” с Землей. Или вообще сделать ее невозможной. Однако в целом это не решает главной задачи – активно помешать высадке космонавта на Луну. Леонтьев вполне способен осуществить высадку и без непосредственной связи с Землей. И что в результате? Высадка все равно состоится, а за Америкой останется сомнительная слава страны, которая вставляла палки в колеса.

“Давай полетим к звездам!”

Пресса и Конгресс скушают инициаторов операции с потрохами.

- Ну, и главное: аппаратура на “Сервейоре” не приспособлена для постановки радиопомех, - заключаю я.

- Значит, у нас остается на рассмотрении всего лишь одна версия, - делает вывод Жорка, – непосредственное воздействие на “Знамя” и “Лунник”. То есть, таран.

Он иронически ухмыляется:

- Пираты, пиастры, абордаж... Как в детском приключенческом фильме. С той лишь разницей, что действие будет происходить не в водах Карибского моря, а в окологалактическом пространстве.

- Космическая атака – это пока наиболее вероятная версия.

- Хорошо, допустим, - снова соглашается Милентьев, поразмыслив. - Чеслав, а когда лучше всего атаковать лунный корабль?

- Я уже думал над этим. Всю вчерашнюю ночь, пока на машине добирался от Майами до Вашингтона...

“Знамя” и “Лунник” можно атаковать на лунной орбите до высадки. Таранить “Лунник” во время посадки или во время пребывания на Луне. И, наконец, атаковать ракетный комплекс уже после старта с Луны и стыковки. Первый вариант можно отбросить: “Сервейор” должен вначале выстроить орбиту для сближения с ракетно-космическим комплексом. Это очень

“Давай полетим к звездам!”

непросто. Американский аппарат уже не успеет пойти на таран. Высадка Леонтьева начнется раньше.

Можно рассмотреть и такой вариант: “Сервейор” атакует во время посадки. Или после высадки на Луну, когда Леонтьев будет разгуливать по лунной поверхности. Но это тоже маловероятно. “Сервейор” нужно очень точно наводить, чтобы попасть в “Лунник” на этапе спуска на Луну. Оборудования для такого наведения на американской станции нет.

Делаю паузу, ожидая вопросов и возражений, но Милентьев молча смакует пиво и размышляет.

- Эти же доводы приходят на ум и при рассмотрении варианта с атакой во время пребывания Леонтьева на Луне, - продолжаю, не дождавшись Жоркиных замечаний.

Нет никакого смысла целиться в стоящий на Луне “Лунник-5”: даже если удастся его поразить, у русских в запасе на Луне уже есть резервный корабль “Лунник-3”. Поэтому в случае гибели пятого “Лунника” у Леонтьева есть шансы улететь на третьем.

- Еще не факт, что он останется жив после попадания “Сервейора” в “Лунник”, - наконец, хмуро замечает Жорка.

- Не факт, - соглашаюсь я, - но вероятность его спасения очень высока. К тому же, большую часть времени своего пребывания на Луне Леонтьев вовсе не намерен сидеть внутри корабля. Да и о чем тут вообще говорить, Жора? “Сервейор”

“Давай полетим к звездам!”

просто невозможно навести с такой точностью, чтобы он поразил “Лунник” на лунной поверхности!

- Ладно, соглашусь, - Милентьев кивает, делает глоток пива и ставит кружку на стол:

- Остается только один вариант. Атака ракетного комплекса на лунной орбите уже после старта “Лунника” с Луны.

Этот вариант атаки хорош еще и тем, что удар наносится сразу по двум состыкованным кораблям – и по “Знамени”, и по “Луннику”. У Леонтьева и Макарина просто не будет шансов выжить. Стопроцентная вероятность гибели если не в результате самого столкновения, то после разгерметизации кораблей. Кстати, и навести “Сервейор” на цель в этом случае гораздо проще. Ведь орбита для стыковки выбирается заранее.

- Опять же допустим... - Милентьев сплетает руки на груди и принимается слегка раскачиваться на стуле. - Но как эта гипотетическая группа заговорщиков собирается наводить “Сервейор” на цель?

- Думаю, что сразу после старта “Лунника” с Луны управление “Сервейором” попытаются перехватить на одной из станций наблюдения за полетом. Их у американцев девять. Расположены они в разных уголках земного шара: в Африке, в Азии, в Европе.

- Такой перехват управления со станции наблюдения технически возможен?

“Давай полетим к звездам!”

- Запросто. Нужно проникнуть на станцию и знать коды доступа к аппаратуре.

- Неужели у американцев нет никаких защитных средств?
– Жорка недовольно морщится.

- Есть, конечно. Но будем полагать, что заговорщики их обойдут. Или даже вообще отключат. Иначе операция по захвату “Сервейора” теряет всякий смысл.

- Чеслав, откровенно говоря, я вообще не вижу в захвате станции и таране в космосе никакого смысла, - раздраженно бросает Милентьев. – Смотри, что получается. Высадка Леонтьева на Луну уже состоялась. Советский Союз первым доставил человека на лунную поверхность. Политический эффект получен. Зачем Америке теперь гадить?

- Штатам в целом незачем. Но если есть заговор... Если кому-то нужно сравить Советский Союз и Соединенные Штаты, лучшего способа не найти.

Мы погружаемся в дебри практической политологии. После столкновения “Сервейора” с русским кораблем СССР сразу же обвинит США в агрессии. Намеренное убийство космонавтов на лунной орбите да еще после первой высадки человека на Луну – это не шутка! Стопроцентный повод для войны. Конфликт почти сразу же перерастет в ядерный. Учитывая темперамент и эмоциональность Хрущева, в такой перспективе можно не сомневаться.

“Давай полетим к звездам!”

Но, с другой стороны, зачем Америке сейчас ядерная война? Штатам хватает одного Вьетнама, в котором они завязли по самое горло. Кроме того, для развязывания масштабной войны нужно провести подготовку вооруженных сил. Но никаких данных о какой-то особой активности американских военных структур нет.

Жорка делает вывод, что мы имеем дело с заговорщиками, которые, скорее всего, не связаны ни с правительством, ни с Конгрессом. Может быть, составной частью плана как раз и есть неготовность Америки к войне. Тогда это неамериканская группа заговорщиков. Либо ее интересы в корне расходятся с интересами американской политической элиты. Для чего провоцировать войну между СССР и США? Для взятия власти внутри самих Штатов? Хорошо, допустим. Но Америка будет застигнута практически врасплох советским возмездием после атаки “Сервейора” на лунный корабль, США превратятся в выжженную радиоактивную пустыню. Кому нужна власть на ядерном пепелище?

- А если перехват замыслила Москва? – я вклиниваюсь с вопросом в Жоркины размышления вслух. - Хрущев на старости лет выжил из ума и решил, наконец, действительно показать Штатам “кузькину мать”? Тогда атака захваченным “Сервейором” собственного космического корабля – всего лишь провокация, создание повода для агрессии.

“Давай полетим к звездам!”

Милентьев несколько секунд думает. Потом говорит:

- Не вытанцовывается, Чеслав. Хрущев относится к космонавтике как к любимому детищу. Для него полет Леонтьева на Луну – это повод еще раз заявить о грядущей победе коммунизма.

- Хорошо, я пока оставляю в покое Никиту Сергеевича. А как насчет заговорщиков за его спиной? Кто там сейчас номер два и номер три в Политбюро?

Жорка снова впадает в хмурое оцепенение.

- В Политбюро постепенно складывается некий оппозиционный Никите триумвират. Брежнев, Сулов и Андропов. Но надежного выхода на руководство Вооруженными Силами СССР у них нет. И не замечено никакой предвоенной активности советских армейских структур. Даже очень скрытую подготовку к конфликту мы бы отследили стопроцентно... Кстати, сегодня утром ТАСС разразился довольно воинственным заявлением по “Сервейору-8”. Москва обвиняет Вашингтон в шпионаже и попытке срыва советской космической программы.

Мы снова принимаемся за рассуждения. Если это не американские и не русские заговорщики, то остается предположить только наличие некой третьей силы, которая хотела бы столкнуть в военном конфликте СССР и США. Допустим, кому-то в Европе не нравится присутствие Штатов на европейском континенте... Но кому не нравятся Штаты?

“Давай полетим к звездам!”

Демилитаризированной объединенной Германии? Шарлю де Голлю во Франции? Великобритании? Многим не нравятся. Но если начнется большая войнушка, вся Европа окажется в эпицентре битвы. Какой уж тут передел сфер мирового влияния? Им бы просто выжить...

- Если в интриге замешан Китай? – начинаю конструировать еще одну версию заговора. - Председатель Мао решил столкнуть двух “бумажных тигров” – СССР и США. И по их трупам шагнуть к мировому господству.

- Вариант интересный, но... - Милентьев потирает пальцем переносицу. - Но силенок у китайского председателя пока не хватает. В стране второй год свирепствует “культурная революция”. По указанию Мао хунвейбины разгромили практически все структуры управления армией. Нет, Китай сейчас не сможет воспользоваться ситуацией мирового безвластия.

- Исламский мир, Индия?

- Чеслав, мы можем пока только гадать, - Жорка устало откидывается на спинку стула. - В центре нет никаких данных о том, что кто-то планирует спровоцировать войну между СССР и США.

- Тем не менее, кто-то явно пытается это сделать, Жора.

- Это только наша с тобой гипотеза. Не более, - Милентьев качает головой.

“Давай полетим к звездам!”

Он молча барабанит по столу пальцами. И, наконец, сообщает:

- Я немедленно поставлю в известность центр о твоих изысканиях по “Сервейору”. Думаю, что руководство даст “добро” на проведение контроперации...

- Нужно точно определить, какая из девяти станций слежения будет захвачена заговорщиками. Думаю, что их операция начнется только перед стартом Леонтьева с Луны. То есть 30 или 31 октября. Нужен глобальный контроль над обстановкой.

Излагаю план действий. Во-первых, следует усилить наблюдение с орбиты за интересующими нас районами на Земле. Во-вторых, направить “шмелей” ко всем девяти станциям для скрытого наблюдения. После получения сигнала о захвате одной из станций, немедленно перебросить в тот район оперативную группу и отбить станцию. Захватить максимально большее количество “языков”, чтобы потом с абсолютной точностью установить заказчиков провокации.

Милентьев снова сама задумчивость. Наконец, морщины озабоченности на лбу разглаживаются:

- Гм... Правильно мыслите, товарищ резидент.

- Служу Космосу, господин куратор! – фыркаю я. – Кстати, Жора, у меня есть одна личная просьбочка...

- Какая?

“Давай полетим к звездам!”

- Хочу быть в составе оперативной группы. Той, которая пойдет брать “языков” на захваченной станции.

- Решил погеройствовать? Боевой конь застоялся в американском стойле?

- Нет, просто хочу плотно упасть “на хвост” тем, кто попытается превратить “Сервейор” в летающую торпеду.

- Ладно, - Жорка машет рукой. – Считаю, что ты в составе группы.

Мы синхронно встаем из-за столика. Милентьев кивает на прощание и выходит из зала. Я иду к стойке, покупаю упаковку жвачки и расплачиваюсь “сэндвичами” – пригоршней десяти- и двадцати пяти центовых медных, покрытых мельхиором монет. С учетом обязательных пятнадцати процентов чаевых.

Милентьев окидывает взглядом зал рестораника, наш столик и с иронической улыбкой замечает:

- Смешно... Мы решаем мировые проблемы под пиво и рок-музыку...

Мартын Луганцев и его собеседники - 5

(записки журналиста)

“ЗНАМЯ” НАД ЛУНОЙ

На космодром я прилетел специальным рейсом, который один раз в сутки отправляется с ведомственного аэродрома

“Давай полетим к звездам!”

фирмы Василия Павловича Михеева. Вылетели из Подмосковья мы ровно в восемь утра и примерно через четыре часа полета были уже на месте. В салоне самолета свободных мест практически не было, но поскольку я пришел на посадку загодя, то без проблем выбрал себе удобное местечко около иллюминатора почти в самом хвосте пассажирского салона.

После взлета пассажиры начали интенсивно общаться, рассказывая друг другу анекдоты и разные занимательные истории, перекидывались в картишки. Кое-кто полез в свои командировочные баулы, и в салоне самолета запахло бутербродами, свежей колбасой, теплыми пирогами и прочей снедью. Ясное дело, что закуска не потребляется без выпивки. Время от времени до моего слуха доносились позвякивание стаканов и фляг, негромкие, в полголоса тосты.

Я участия в общем командировочном веселье не принимал, поскольку совершенно не знал никого из присутствующих, а навязывать свое общество посчитал неуместным. Поэтому достал из сумки теплый свитер, накинул его на плечи прямо поверх куртки, и устроившись в кресле поудобнее, задремал. Чтобы добраться до аэродрома на фирме Михеева, пришлось встать до рассвета, и я не выспался. Поэтому сон не заставил себя долго ждать. Так и продремал все четыре часа полета, лишь изредка вскидываясь от особо шумных тостов и возгласов в салоне.

“Давай полетим к звездам!”

После посадки в аэропорту Крайний я на автобусе добрался до Ленинска, отыскал гостиницу “Россия”, где было забронировано место, и поселился в одноместном номере на первом этаже. Из номера немедля набрал здешний телефон Бушунина, чтобы договориться о встрече. Видимо, звезды как-то особенно благоприятствовали мне в тот день: Константин Давидович оказался в рабочем кабинете и согласился на встречу завтра утром. Он подробнейшим образом объяснил мне, как добраться на вторую стартовую площадку и как разыскать на ней монтажно-испытательный корпус.

Вторая половина дня выдалась полностью свободной. Я по межгороду поболтал с Ингой и отправился осматривать город.

Ленинск – это город–новостройка, город – строительная площадка. Стандартные коробки пяти- и девятиэтажных домов соседствуют с огороженными заборами пустырями, на которых возводятся новые дома, школы и магазины. Только у Сыр-Дарьи тянутся длинные ряды старого жилья, еще пятидесятых годов, - типовые одноэтажные коттеджи из дерева.

Перекусил в кафе “Снежинка”, и немного побродил по еще немногочисленным и коротеньким городским улицам. Инга снабдила меня в дорогу своей портативной фотокамерой, и самые замечательные городские достопримечательности, на

“Давай полетим к звездам!”

всякий случай по-шпионски озираясь, я отщелкал на фотопленку. Вопреки ожиданиям, фотосъемку никто не прерывал, и я сделал вывод, что городская жизнь Ленинска давно уже не относится к числу строго охраняемых государственных секретов.

Вечером сходил от нечего делать на “Кавказскую пленницу”, которая шла в местном кинотеатре “Сатурн”, вернулся в номер, завалился на кровать и принялся за чтение какого-то отечественного опуса “про сыщиков” из МУРа. Опус был написан так талантливо, что уже минут через десять чтения у меня обнаружилась неодолимая тяга ко сну.

...Ночью приснилась комната первого отдела в здании нашей редакции. За письменным столом восседал Павел Петрович Синицкий и молча буравил меня взглядом маслянисто-черных глаз. Улыбнулся добродушно, шутливо погрозил пальцем и напомнил:

- За вами должок, Мартын Андреевич. Статья об Инге Яновне Лаукайте!

Проснулся в холодном поту.

Почему я не решился сразу рассказать Инге о задании кагэбэшника? Может быть, она меня поняла бы и простила...

А теперь уже поздно...

Мерзавец и предатель!

Я заскрипел зубами и с головой укрылся одеялом.

“Давай полетим к звездам!”

...Утром едва не проспал рабочий поезд, который именуется на Байконуре смешным словом “мотовоз” и на котором по утрам военные и гражданские специалисты едут из Ленинска работать на стартовые площадки, расположенные в глубине казахстанской степи. “Мотовоз” оказался обычным поездом из нескольких купейных пассажирских вагонов, которые тянул новенький маневровый тепловоз. В купе пассажиры размещались по шесть-восемь человек, было душно и тесно. Я всю дорогу до “двойки” простоял в коридоре у раскрытого окна, созерцая открывавшиеся взгляду степные пейзажи.

Монтажно-испытательный корпус 1А я нашел на второй площадке без особого труда – он расположен в непосредственной близости от пассажирской платформы, к которой подкатил наш мотовоз. Прошел через командно-пропускные пункты и попал в большой и хорошо освещенный монтажный зал. Первый же встреченный работник на вопрос, как найти доктора наук Бушунина, молча указал мне на Константина Давидовича, уже поджидавшего меня у стапеля, на котором стоял резервный корабль “Знамя”.

Бушунин оказался человеком самой заурядной внешности. Среднего роста, худощавый, немного сутулый. На голове почти не осталось волос, лишь на висках сохранилась поредевшая, местами уже совершенно седая растительность. Острый внимательный взгляд глубоко посаженных глаз,

“Давай полетим к звездам!”

широкое скуластое лицо и заостренный подбородок предавали его облику что-то мефистофельское. Судя по взгляду, которым он окинул меня, профессор Бушунин был не в восторге от предстоящей беседы с журналистом.

- Здравствуйте, Константин Давидович, - я постарался, чтобы приветствие прозвучало как можно более доброжелательно. – Март Луганцев, журналист из “Советских Известий”. Мы договаривались с вами о встрече.

- Доброе утро, - бесцветным ровным голосом откликнулся он. - Извините, у меня не слишком много времени – вот-вот должно начаться заседание государственной комиссии,

Конструктор выглядел уставшим и чем-то озабоченным. На высоком лбу пролегли глубокие морщины, под глазами обозначились синие круги:

– Поэтому давайте не будем затягивать надолго нашу беседу... Что касается моей биографии – она ведь вам тоже нужна для статьи, не так ли? – зайдете потом в сто двадцать третью комнату. Это наша канцелярия. Я оставил для вас подробнейшее описание моего жизненного пути.

Последнюю фразу он произнес с плохо скрываемым сарказмом, еще раз давая понять, что не в восторге от нашей встречи.

Бушунин был одет в темно-серый костюм и коричневую “водолазку” с плотно облегающим воротом. На лацкане пиджака обнаружился золотистый квадратик значка с

“Давай полетим к звездам!”

изображением улыбающегося Гагарова и непонятной подписью “Гагар” с волнами, которую Инга прочитала как “Гагарин”. Ингин фотоаппарат предусмотрительно болтался у меня на шее и я тут же незаметно запечатлел на фотопленку как образ самого главного конструктора “Знамени”, так и квадратный значок на его груди. Под потолком зала, гудя электродвигателем, полз по рельсам мостовой кран, и щелчок фотокамеры оказался неслышным.

Что же, если времени у нас мало, будем без длинных предисловий брать быка за рога.

- Константин Давидович, - я открыл рабочий блокнот с заготовленными заранее вопросами и приготовился записывать, - как родилась идея сконструировать лунный пилотируемый корабль?

- О, наша дорожка к этому кораблю оказалась очень длинной, - губы Бушунина сложились в улыбку. На его усталом лице и улыбка показалась какой-то вымученной. - Сама идея корабля стала вызревать к началу шестьдесят второго года. Тогда уже стало ясно, что на одноместном “Востоке” далеко не уедешь. Точнее, не улетишь...

Я скорописью делал пометки в блокноте, стараясь не прерывать Бушунина. Рассказывая мне историю создания космического корабля “Знамя”, Константин Давидович что называется “разговорился”. С увлеченными своим делом людьми такое бывает часто: у человека плохое настроение, а

“Давай полетим к звездам!”

начнешь говорить с ним на интересную для него тему – и видишь, что глаза зажглись, лицо порозовело и проблемы отошли на второй план.

- Константин Давидович, расскажите об устройстве лунного орбитального корабля “Знамя”, – от истории проекта полета к Луне я довольно резко поворачиваю к чисто техническим вопросам. Что поделаешь: советский читатель должен знать, как устроены лучшие образцы самой передовой в мире техники.

- Я ждал этого вопроса и неспроста предложил вам встретиться именно около стапеля с резервным кораблем, - Бушунин хитро улыбнулся. – Лучше один раз увидеть наше “железо” в натуре, чем посмотреть десяток чертежей в кабинете.

Он достал из кармана пиджака заточенный карандаш и указал им в сторону космического корабля:

- Начнем по порядку, сверху вниз. Вот там, в носовой части корабля находится стыковочное устройство. Оно позволит состыковаться с “Лунником” после старта с Луны...

- Как называется шарообразный отсек, на который сверху крепится стыковочный узел?

- Это бытовой отсек. Две полусферы соединены между собой небольшой проставкой в форме усеченного конуса. Внутри отсека находятся приборы для научных исследований, запас воды и пищевых продуктов для космонавтов, небольшой

“Давай полетим к звездам!”

диванчик для отдыха... Бытовой отсек используется и как шлюз во время выхода космонавтов из корабля в космическое пространство. Кстати, на Земле, экипаж попадает внутрь корабля тоже через этот отсек. Это непростая операция, поскольку космонавты одеты в скафандры “Сокол”....

Бушунин указал карандашом в центральную часть космического корабля:

- Вот это - спускаемый аппарат. Он имеет форму автомобильной фары. Спуск фарообразного корабля становится управляемым, перегрузки при посадке значительно уменьшаются...

Карандаш-указка скользнул вниз:

- Есть отсеки, в которые космонавты не имеют доступа во время полета. Под днищем спускаемого аппарата находится приборно-агрегатный отсек, который, как видите, имеет цилиндрическую форму с расширяющейся конической “юбкой”. Эта “юбка” – энергетический отсек.

Бушунин украдкой взглянул на часы. Все понятно. Время беседы истекает.

- Еще пара вопросов, Константин Давидович. На Западе сейчас много спекулятивных публикаций о надежности нашей космической техники. Скажите честно, вы уверены, что “Знамя” – это надежный корабль?

- Конечно! – Бушунин улыбнулся. – Три беспилотных пуска, четыре пилотируемых полета – и ни одной серьезной

“Давай полетим к звездам!”

аварийной ситуации! Поэтому можете аршинными буквами написать в своей газете: “Корабль “Знамя” – это очень надежный корабль”.

Он на секунду замолчал, а потом постучал костяшками пальцев по деревянным перилам ограждения вокруг стапеля:

- А вот это – на всякий случай. Чтобы не сплзнуть...

К концу нашей беседы настроение Константина Давидовича заметно улучшилось. И я решился на откровенно провокационный вопрос:

- Константин Давидович, а Гагарин тоже тренировался для полета на этом корабле?

- Конечно, - кивнул профессор, снова деликатно взглянув на часы. - Юрий Алексеевич тоже участвовал в подготовке к полетам на “Знамени”. Насколько мне известно, он готовится к полету в составе третьей лунной экспедиции.

“А ведь Бушунин даже не заметил подмены фамилии, - мгновенно сообразил я. – Не заметил, что я заменил Гагарова на Гагарина. Гм, или он просто не расслышал моего вопроса, или этот Гагарин действительно существует!”

...В Москву я вернулся вечером на следующий день. Добрался с аэродрома домой и сразу позвонил Инге. Мое сокровище еще добросовестно трудилось в редакции.

- Как дела у частной сыщицы миссис Ватсон? – с ходу поинтересовался я.

“Давай полетим к звездам!”

- А это вы, Холмс... - Инга сразу приняла правила игры. – Я вчера была в Звездном городке. Вместе с делегацией хлопкоробов из Узбекистана.

- Молодец, - похвалил я. – И как успехи?

- Успехи неоспоримы. Когда осматривали музей Звездного городка, я подошла к гиду – там был какой-то очень моложавый и самоуверенный подполковник, - нарисовала на листе подпись “Гагар” и “ин” четырьмя волнами и спросила прямо в лоб: “Так расписывается Гагаров?” Подполковник внимательно изучил мои каракули и молча подвел меня к стенду, посвященному первому орбитальному полету. Там россыпью лежали открытки и книги с подписью Гагарова. “Как видите, девушка, - он широким жестом обвел экспонаты, - Юрий Алексеевич подписывается совершенно иначе”.

- Ну, если даже музейный работник говорит... - начал я, но Инга прервала меня на половине слова:

- Это еще не все, Шерлок. Когда мы с узбекской делегацией вышли из музея, знаешь, кто нам встретился на аллейке Звездного городка? Угадай из трех раз!

- Неужели Гагаров?

- Отдаю дань вашей проницательности, сэр! – Инга расхохоталась. – Он самый! Шел куда-то вместе с космонавтом Андрияном Николиным. Ну, я и рванула им навстречу. “Юрий Алексеевич, кричу, можно автограф?” И сую ему блокнот и шариковую ручку. “Разве можно отказать такой симпатичной

“Давай полетим к звездам!”

девушке?” – говорит Гагаров и расписывается в блокноте. Тут я и говорю: “Юрий Алексеевич, а вот так вы никогда не расписывались?” И тычу ему страничку с моими каракулями “Гагарин”. Он поглядел и фыркнул: “Нет, милая барышня. Это точно не моя подпись. Так я никогда не подписывался. Подделка!”

- Отлично, Инг! С меня сто поцелуев...

- И ужин в кафе “Вечерняя Москва” с шампанским и мороженым!

- Это само собой! Сегодня же!

- А как твои успехи?

- Ты как всегда видишь на три аршина под землей, - я ввернул витиеватый комплимент. - У Бушунина на пиджаке оказался значок с подписью “Гагарин”!

- Ты смог его сфотографировать?

- Обижаете, миссис Ватсон! Конечно! Дело в шляпе!

- Тогда быстренько проявляй пленку и в семь вечера жду тебя около “Вечерней Москвы”. С цветами и готовыми фотографиями!

- Слушаю и повинуюсь, принцесса!

Алексей Леонтьев и все, все, все - 5

ПРОМЕНАД В ОТКРЫТОМ КОСМОСЕ

Операции по выходу в космос и расстыковке кораблей мы начали ровно в полдень 30 октября.

“Давай полетим к звездам!”

Еще раз проверили скафандры: я внимательно осмотрел “Кречет”, Макарин – долго копался внутри “Орлана”, вылез, молча кивнул. Все, вроде бы, в полном порядке. Ну, а там посмотрим...

Перед облачением в космические доспехи решили перекусить. Съели по трубе украинского борща, какую-то коврижку с сыром и напоследок чокнулись упаковками со смородиновым соком.

- За удачу, командир! – произнес Макарин и отхлебнул сока. – Лешка, страшно хочу выпить с тобой завтра утром по рюмашке коньячку!

- Где же ты возьмешь здесь рюмашки и коньячок? – ухмыльнулся я. – Фантастика...

- Ну, рюмашки да еще в невесомости – это, может и фантастика, а вот коньячок, - Олег заговорщицки подмигнул, - могу тебя заверить, - это реальность!

- Та-ак, бортинженер Макарин, - я шутливо свел к переносице брови, - и откуда у нас на борту контрабанда?

- Пока ты спал я на Землю в гастроном сбегал, - засмеялся Олег. – А если честно, то Михеев презентовал маленькую фляжечку. Перед самым стартом подошел и шепнул, чтобы я заглянул в карман под ложементом. Когда сели в корабль, полез рукой за кресло и нащупал небольшую металлическую емкость. Ну, а уже на орбите достал ее, приоткрыл, понюхал – коньяк!

“Давай полетим к звездам!”

- И молчал, стервец! – я погрозил пальцем. – Нет бы по пять капель для аппетита...

- Так ведь повода не было, - Макарин развел руками. – Да и потом с твоей “морской болезнью” только о коньяке и думать было...

- Ладно, - махнул рукой. – Вернусь с Луны, – отметим. А сейчас давай займемся нашими костюмчиками... Пора одеваться и выходить на сцену.

Сначала одевался Макарин. Открыл крышку-дверцу на “спине” скафандра, ловко изогнулся и ногами вперед нырнул внутрь “Орлана”. Опустил ноги в “штанины”. Просунул левую руку и голову. И, наконец, правой рукой потянул за собой крышку-дверцу. Еще около минуты он возился внутри, просовывая в рукав правую руку. Подвигал плечами, пошевелил ногами, немного пораскачивался торсом вперед-назад. Поднял кулак с оттопыренным большим пальцем – готов, мол.

Как только Олег загерметизировался в скафандре, процедуру одевания начал и я. Оказалось, что при отсутствии гравитации надевать полужесткий скафандр даже легче и проще, чем на Земле. Полтора центнера веса “Кречета” совершенно не ощущаются в невесомости.

Мы почти не разговаривали, обменивались лишь короткими фразами. Настрой деловой. Шуточки-прибауточки в сторону: мысли – только о том, чтобы правильно и точно

“Давай полетим к звездам!”

выполнить каждую операцию. Я поймал себя на том, что почти забыл, где нахожусь. Показалось, что работаем на очередной тренировке.

Не хочу врать, не знаю, как у Макарина, но у меня полного спокойствия все равно не было. Чувствовал, что кровь слегка прилила к щекам, что на лбу появилась испарина. Да, это мой второй выход в космос... Но ведь только второй! И тогда, в первый раз, я выходил почти дома, над Землей. А сейчас бело-голубой шарик родной планеты висит где-то вдали среди золотистых головок звезд, а рядом только чужая и совершенно безжизненная Луна...

- Леш, - голос Олега в наушниках прозвучал хриловато, - давай присядем на дорожку...

Кое-как расположились на выступах оборудования в бытовом отсеке.

- Ты там с селенитками не связись, - Макарин попытался шутить. – Помни о моральном облике советского космонавта!

- Передам им привет от тебя, - буркнул в ответ. Шутить не хотелось. Стучало в висках - подскочил пульс. Волнуюсь. Так, ну-ка, возьмем себя в руки...

- “Заря”, я – “Флаг–один”, - сказал в микрофон, закрепленный почти у самых губ. - Начинаем выход в космос.

Олег подплыл к пульту управления и принялся медленно стравливать воздух из отсека за борт корабля.

Я передвинулся к запорному штурвалу люка.

“Давай полетим к звездам!”

- “Заря”, давление на нуле, открываю люк, - сообщил наземному оператору. Кто там сейчас на связи? Ах, да! Пашка Поповец, наш известный шутник и хохмач.

- Принято, открывается люк, - голос Пашкин, но никакого намека на веселость. Серьезность момента проняла и Павла. Волнуется космонавт и дважды Герой Советского Союза Поповец. Переживает.

Разрядим обстановочку.

- Не могу найти ключи, - пошутил я. – Кажется, оставил их в гостинице в кармане пиджака.

В эфире пауза. Веселое Пашкино фыркание. Ага, дошло. Улыбнулся.

- Понял тебя, “Флаг-один”, - Поповец едва сдерживал смех. – Высылаю ключи почтовым голубем!

Так-то лучше...

Несколько раз повернул запорный штурвальчик люка против часовой стрелки. Плавно потянул крышку на себя.

Внутри отсека ворвался яркий поток солнечного света. Икрлистыми звездочками закружились в лучах мелкие пылинки. Как корабль перед стартом не чистили, а пыль все равно осталась...

Я высунул голову в открытый люк.

Черная бездна. Звезд почти не видно – над “носом” корабля висит огненный шар Солнца. А прямо у меня над

“Давай полетим к звездам!”

головой нависает испещренный кратерами и рытвинами светло-серый потолок - Луна.

...Мурашки по коже. Сердце испуганно охнуло. Гогочущий фашист целит из “Вальтера”. “Не струшу!”...

Двинулся вперед, высунулся из люка по плечи.

- Я – “Флаг–один”, выхожу из корабля, - придерживаясь обеими руками за кромки люка, протиснулся наружу. Люк широкий, но и скафандр “толстоват”.

Отыскал глазами закрепленную на бытовом отсеке телекамеру и помахал рукой. Все хорошо, Земля. Космонавт Леонтьев справился с волнением, и чувствует себя отлично. Как на прогулке по Александровскому парку около Кремля.

Осмотрелся. “Знамя” и серебристая панель обтекателя, закрывающего лунный корабль и ракетный блок “Д”, казалось, сияли в солнечных лучах: не просто отражали солнечный свет, а будто сами изнутри светились. Эх, мне бы сейчас бумагу и карандаш!

Ракетно-космический комплекс похож на коротенький поезд. Сначала идет орбитальный корабль “Знамя”: шар бытового отсека, фарообразный спускаемый аппарат, цилиндр приборно-агрегатного модуля, усеченный конус энергетического блока – набор соединенных друг с другом геометрических “фигур”. Далее расположен обрезанный конус переходной “юбки”, плавно перетекающий в цилиндрический “стакан” большого переходника. Внутри “стакана”, как в гараже

“Давай полетим к звездам!”

спрятан мой лунный корабль – “Лунник”. Венчает всю конструкцию ракетно-космического комплекса маневровый “паровозик” - бочкообразный ракетный блок “Д” с раструбом маршевого двигателя.

Я принялся перебирать руками по скобам и медленно перемещаться вдоль бытового отсека к спускаемому аппарату. По проложенной между отсеками “лесенке” добрался до приборного отсека. Потом “промаршировал” по скобам ракетного блока “Д” до входного люка в лунный корабль.

Когда работаешь в открытом космосе, совершенно забываешь и об опасности, и о том, где ты находишься. Думаешь о совершенно конкретных вещах: здесь нужно ухватиться за скобу, тут лучше закрепиться фалом, а вон там вообще придется перевернуться вверх ногами. Вылетает из головы, что ты сейчас абсолютно незащищен. Если мельчайший метеорит “прошьет” скафандр – смерть наступит за секунды или в лучшем случае минуты. Ты просто не успеешь вернуться в герметичный объем отсеков “Знамени”. Если оторвешься от корабля, уйдешь в свободный полет, - тоже гибель. Скафандр не имеет двигателей, чтобы ты мог прилететь обратно к ракетно-космическому комплексу. Пять или шесть часов мучительного ожидания смерти в парении над Луной – и удушье, тепловые потоки, космическая радиация гарантированно тебя прикончат.

“Давай полетим к звездам!”

Все эти мысли гонишь прочь из головы. Малюсенькая букашечка в снежно-белом скафандре ползет вдоль веретена сцепленных в “ракетный поезд” космических “вагончиков”. Ей нет дела до окружающей бездны, до мириад галактик, звезд и планет. Букашечке нужна всего лишь малость: переместиться из пункта А в пункт Б, из бытового отсека “Знамени” в посадочный корабль.

- “Заря”, я – “Флаг–один”. Добрался до люка “Лунника”, - сообщил в микрофон. Глянул на часы. Хороший результат: восемь метров я прошел за пятнадцать минут. Спринтер Леонтьев готов к космической олимпиаде.

- Поняли, “Флаг”, - отозвался Поповец. – Вытирай ноги и заходи!

Я не мог сдержать улыбки. Молодец, Пашка! Одна вовремя сказанная шутка дороже десяти казенных слов.

Ногами вперед осторожно нырнул внутрь “Лунника”. Доказано: в невесомости в любое помещение удобнее входить именно ногами вперед.

Кабина была освещена. Первое, что бросилось в глаза – бумажный плакат, закрепленный над пультом – “Добро пожаловать, Алексей!”. Маленький подарок от ребят-монтажников с Байконура. Казалось бы мелочь, а приятно.

Устроился в кабине. Прижал и загерметизировал входной люк. Включил наддув кабины воздухом. Когда воздушной

“Давай полетим к звездам!”

смеси стало достаточно для дыхания, я открыл иллюминатор гермошлема и бодро отрапортовал:

- Переход в “Лунник” закончил, приступаю к проверке бортовых систем.

Пять минут на отдых – расслабился, даже глаза прикрыл. Земля не беспокоила. Поняли, что после такой эмоциональной встряски – перехода из корабля в корабль – мне нужен хотя бы крошечный перекур.

А потом опять пошло и поехало...

Следующие пару часов трудился, как вол. Земля выдавала тестовые команды, а я самым тщательным образом их выполнял. В конце концов, консилиум управленцев и конструкторов в Центре управления полетом дал “добро” на высадку. “Передавай привет Луне, Леша!”

...Расстыковка “Знамени” и “Лунника”... Сработали пиропатроны, отделяющие верхнюю часть оболочки ракетного блока “Д” от нижней. Внизу круглого иллюминатора, который находился прямо передо мной, по стеклу коротко полыхнули желто-малиновые вспышки. Мгновением позже пружинные толкатели на корме “Знамени” распрямились, выталкивая “Лунник” из верхней части оболочки. По направляющим, похожим на лыжи, лунный посадочный корабль “выехал” в космическое пространство.

Мне показалось, что невидимый гигантский нож рассек ракетно-космический комплекс перпендикулярно его оси на две

“Давай полетим к звездам!”

части – космический корабль “Знамя” и “Лунник” с ракетным блоком “Д”. Посадочный корабль словно вылетел на свет из длинного темного туннеля. Будто распахнулись створки огромных ворот в пространстве над головой, и в них ворвался ослепляющий солнечный свет. Полетели прочь от корабля металлические рельсы–направляющие, кружась на фоне звездного неба серебристыми стрелками.

Макарин включил двигатели в носовой части “Знамени”. Космический корабль вздрогнул и стал уходить в сторону, удаляясь от “Лунника”. В ярком свете солнечных лучей я отчетливо увидел его округлую корму и удлиненные сопла двигателей. От кормы отделилась и медленно поплыла над лунной поверхностью коническо-цилиндрическая “юбка” уже ненужного переходника.

Четыре стойки–“ноги” посадочного устройства “Лунника” раскрылись в рабочее положение. “Ноги” были не видны из моего иллюминатора. Поэтому Олег развернул “Знамя” и приблизился к лунному кораблю со стороны кормы. Я защелкал тумблерами на пульте, и “Лунник” принялся вращаться вокруг продольной оси, словно закружился в танце.

- “А поворотись-ка, сынку”, - услышал я в динамиках бодрый голос Олежки. – Хорош гусь!

“Знамя” завис на расстоянии примерно метров двадцать пять – тридцать от меня, и Макарин в иллюминатор видел и посадочное “шасси”, и весь лунный корабль в целом:

“Давай полетим к звездам!”

- Леша, с “ногами” у “Лунника” полный порядок. Все четыре раскрыты в рабочее положение. Знаешь, на что сейчас похож твой корабль? На четырехногого паука, который сидит верхом на цилиндрическом стакане!

- А “Знамя” похож на большую бутылку! – я выглянул в иллюминатор. – Большая зеленая бутылочка!

- Какие-то у вас странные ассоциации возникают, коллеги, - раздался в наушниках веселый смешок Володьки Шаталина.

Два часа Земля милостиво выделила нам на отдых. Мы могли переговариваться и друг с другом, и с центром управления полетом. Настроение было замечательное, веселое. Много шутили и смеялись. Но, - убейте меня, - я совершенно не могу вспомнить, о чем же мы тогда говорили! Шутил, улыбался, болтал с Олегом и с Землей, но мысли были уже совсем о другом. О том, что мне предстояло сделать в ближайшие часы.

Ровно в девять вечера по московскому времени мы начали посадочные операции.

Чеслав Волянецкий и другие - 5

(рабочие записи)

“ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ”

Уником взрывается переливчатой трелью на грани ночи и утра. Я вскидываюсь со сна и в поисках вопящей коробочки

“Давай полетим к звездам!”

лихорадочно шарю рукой по столику около кровати. Ага, вот он, родимый. Большим пальцем нажимаю клавишу соединения, одновременно бросая короткий взгляд на засветившийся маленький экранчик. Милентьев. В такую-то рань...

- Привет, Чеслав, - в голосе Жорки смесь возбуждения и тревоги. – Спутник только что зафиксировал сигнал вызова со “шмеля”.

- Откуда? – мгновенно сбрасываю остатки сна, сажусь на кровати и опускаю ноги на пол.

- Египет. Станция слежения Абу-Кали. Это примерно две с половиной сотни километров к юго-западу от Каира.

- Знаю, - говорю негромко, стараясь окончательно не разбудить Марго. – Что там? Проникновение?

- Хуже. Полный захват станции. Кажется, даже с человеческими жертвами. “Шмель” передает хорошую картинку, а мы ведем запись. Так что сам все увидишь.

- Намек понял, - ухмыляюсь я. – Сейчас буду.

- Особенно можешь не торопиться, - милостиво разрешает Милентьев. – События как раз в процессе развития, и пока там, в Абу-Кали, не установится хотя бы относительная ясность в ситуации, мы все равно туда нос не сунем.

- Ладно, до скорого, - отключаю уником.

- Чес, который час? – сонным голосом интересуется Марго. Она все-таки проснулась.

Бросаю короткий взгляд на экранчик уникома:

“Давай полетим к звездам!”

- Половина пятого. Радость моя, мне нужно уехать, а ты спи.

- Иди к черту, - заявляет Марго, сладко потягиваясь. – Марш умываться, а я пока приготовлю тебе завтрак.

Холодный душ окончательно возвращает меня из вселенной Морфея в мир реальности. Побрившись, чувствую себя полностью в форме. Еще больше готовность к грядущим героическим свершениям усиливает завтрак, который Марго смогла организовать всего за десять-пятнадцать минут. Овсянка, гренки и стакан яблочного сока – это как раз то, что мне сейчас нужно. Сама Марго не спеша пьет кофе, сидя на табурете за столом.

- Кофе в такую рань, - укоризненно качаю головой. – Ты же не заснешь.

- Я не собираюсь больше спать, - Марго зябко кутается в голубой махровый халатик. Окно в сад приоткрыто и оттуда тянет утренней свежестью. – Не могу спать во время всех этих твоих дел. Особенно ночных.

- Спасибо, милая, - целую ее в розовую, нежно-теплую сонную щечку и сажусь за стол.

Марго... Маргарита Аугуста Норнберг... Рыжевато-русые волосы всегда аккуратно острижены до основания плеч. Слегка удлиненное лицо. Малахитово-зеленые озерца глаз. Вокруг чуть вздернутого носика на нежно-розовой коже едва заметны золотистые точки веснушек. Гибкая фигура и легкая

“Давай полетим к звездам!”

угловатость плеч. Тонкие красивые руки, длинные пальцы сплетены в замочек и уложены на коленях. На стройных ножках мягкие домашние тапочки. Моя любимая женщина...

За те пять лет, что мы вместе, Марго ни разу не устроила “допрос с пристрастием” по поводу моей работы. Конечно, по началу ее шокировал уником и прочие технические “прибамбасы”, но потом она привыкла и убедила себя, что это новые секретные разработки специально для сотрудников спецслужб. Соответственно и моя работа воспринималась ею, как государственная служба в каком-то страшно засекреченном ведомстве. Я не стал ее разубеждать.

- Какие у тебя планы на сегодня? – спрашиваю, неторопливо поедая овсянку.

- Как обычно, пойду на работу, - Марго пожимает плечами. – Сегодня будем обсчитывать циклы для одной любопытной звездочки в созвездии Цефея.

Марго руководит вычислительным отделом в Радиоастрономической лаборатории имени Альберта Эйнштейна. Обнаружение и обработка различных сигналов из космоса. В том числе и тех, которые могут принадлежать внеземным цивилизациям. Мы и познакомились с ней на почве интереса к проблемам поиска космического разума. В университетской библиотеке нам понадобился новый номер “Нейчур” со статьей о переменных звездах, обнаруженных в зоне галактического центра. Я скромно отрекомендовался

“Давай полетим к звездам!”

тайным посланником инопланетных цивилизаций. Марго сказала, что готова уступить “Нейчур”, если я немедленно прокачу ее на “летающей тарелке”. Я согласился. “Полет” на “форде” по улицам Вашингтона закончился долгим объяснением с полицейским инспектором, а потом плавно перетек в ужин в одном из симпатичных ресторанчиков на берегу Потомака.

- Ты вернешься к ужину?

- Видишь ли, дорогая...

- Ясно, - Марго вздыхает. – Значит, опять командировка...

- Совсем недалеко и совершенно не опасно, - убеждаю ее, растягивая губы в оптимистической улыбке. – Мелкое поручение шефа...

- Которое может обернуться крупными неприятностями, - Марго понимающе ухмыляется. – Ради Бога, Чес, постарайся быть осторожным.

- Конечно, любимая, - пытаюсь придать голосу максимальную убедительность. Получается нелепо и фальшиво.

После завтрака облачаюсь в походный вариант одежды: легкие десантные сапоги на высокой шнуровке, джинсы, теплый свитер и кожаную куртку. Может быть, для климатических условий Египта это не совсем подходящая экипировка, но для холодного утра в Вашингтоне именно то, что нужно.

“Давай полетим к звездам!”

- До свидания, родная, - целую Марго в губки.

- Береги себя, Чес.

В кабинке лифта спускаюсь в гараж. Уником в кармане куртки коротко взвизгивает, выключая систему защиты машины и запуская ее бортовой компьютер. Через пару минут сижу за рулем, ворота гаража автоматически уходят вверх, и я выезжаю на спящую улицу.

По пустынным городским улицам Чевы-Чейса до здания нашего оперативного центра на окраине Вашингтона, добираюсь минут за двадцать-двадцать пять. Останавливаюсь только около ночного магазина, чтобы заказать бутылку шампанского хорошего сорта. Выбираю “Моэт де Шандо” с красно-бело-голубым бантом на горлышке. На открытке с изображением букета роз пишу пару слов для Марго и наш адрес, вручаю все это посыльному. Маленький презент любимой женщине.

Через год или два нам предстоит расстаться. У миростроителей – пилигримов, вечных странников, - не принято брать в новые миры подруг, жен, любимых. Во время перехода чувства и ненужные эмоции стираются, вытравливаются и вырываются с корнем. У нас есть только дело, которому мы служим. Все остальное – излишне. Все остальное откладывается “на потом”, на светлое и счастливое будущее, которое когда-нибудь обязательно наступит.

“Давай полетим к звездам!”

Сердце сжимает тоска. Не хочу расставаться с Марго. Мне очень хочется, чтобы эта женщина всегда была рядом. Я давно уже не пылкий мальчишка и далеко не наивный романтик, за годы странствий у меня были любимые женщины, были счастливые семьи, дети, внуки и даже правнуки. Но чувство к Марго – это нечто совсем иное, светлое, сильное и неодолимое. Это сама Любовь – именно так, с большой буквы.

...Однажды во время командировки на очередную новую Землю я столкнулся со своей прежней любовью.

Уж и не помню зачем, ехал в фирменном “московском” поезде из Донецка в Харьков. Зашел в купе, поздоровался, поставил дорожный кейс на багажную полку, сел, поднял взгляд – и обомлел. Напротив сидела она – моя Саша, Александра Макарьева из мира, в котором жил лет семьсот назад.

Длинные черные ресницы, бездонная глубина двух ясно-голубых озер. Симпатичные веснушки, чуть вздернутый носик. Четко очерченные мягкие губы. Темно-русые волосы до плеч... Сашка, моя Сашка...

Рядом с ней сидел мужчина: средних лет, поджарый, с ранней сединой на аккуратной шевелюре. Правая рука Александры лежала на его колене. На безымянном пальце – кольцо. У мужчины – тоже колечко, но чуть потоньше. Супруги, скорее всего...

“Давай полетим к звездам!”

Поезд тронулся. Я дождался, пока проводник прошелся по купе и собрал билеты у пассажиров. Вышел в тамбур и закурил – в том мире по легенде я был курящим. Уставился в окно на дверях. За стеклом проплывали бесконечные бетонные заборы, изрисованные яркими пятнами граффити.

Сзади тихонько щелкнула дверь.

Я спиной почувствовал, что это она. Бросил короткий взгляд через плечо.

Ее тонкие пальчики извлекли из пачки сигарету.

Я обернулся, достал из кармана зажигалку и дал ей прикурить.

Она благодарно кивнула и окатила меня взглядом голубых озер:

- Мы с вами не знакомы?

- Нет, - заставил себя приподнять брови. – А с чего вы взяли...?

- Вы как-то странно на меня смотрели, - губы чуть тронула улыбка. – Там, в купе. Словно встретили давнюю знакомую и очень удивились встрече.

- Нет-нет, - поспешно сказал я бесцветным голосом. – Мы никогда не встречались.

Еще пару минут мы курили молча. Наверное, ей было неловко за свой вопрос, а я сознательно не хотел начинать беседу. Потом она погасила окурочек в пепельнице, повешенной на оконную решетку входной двери, и ушла внутрь вагона.

“Давай полетим к звездам!”

Что я мог ей сказать? Что в том, прежнем мире, где жил семьсот с гаком лет назад, мы познакомились на русской орбитальной станции, на которой она работала сменным бортинженером? Что знаю ее мельчайшие привычки? Что у нее есть маленькая симпатичная родинка на левой груди? Что мы прожили вместе долгую и счастливую жизнь, у нас были дети, внуки и правнуки? Что я героически погиб в одиночной капсуле над Юпитером, - а на самом деле был эвакуирован миростроителями в иной мир, - когда, уже пребывая в весьма почтенном возрасте, решил во время научной экспедиции пойти в глубокий атмосферный нырок, чтобы “пощекотать полосатика”?

Я вышел в Харькове, а Александра с мужем уехали дальше – в Москву, в Россию, в свою совершенно другую жизнь, в которой не было и не могло быть места для некого Чеслава Сэмюэля Волянецкого.

... Подъехав к офису, паркуюсь на свободном месте внутри двора и поднимаюсь в зал управления.

Милентьев и большая часть ребят из отделов оперативного реагирования расположились за длинным рабочим столом. На большой настенный экран в режиме прямой трансляции идет изображение, которое передает через спутник “шмель” из Абу-Кали. Одноэтажные дома, похожие то ли на бараки, то ли на казармы. Суетливо передвигающиеся люди в военной форме без опознавательных знаков. Огромные

“Давай полетим к звездам!”

плетеные тарелки антенн дальней радиосвязи где-то на заднем плане.

- “Шмель” зафиксировал подготовку к атаке на станцию наблюдения примерно полтора часа назад, - говорит Милентьев и кивает в сторону картинки на экране. - Эти ребята в Абу-Кали действовали очень оперативно. Сейчас станция уже полностью под их контролем. Охрану они просто вырезали. А весь научно-технический персонал согнали в одну из казарм. Никто и пикнуть не успел. Видно, что работают хорошо натасканные профессионалы.

- Серьезные парни, - соглашаюсь я. – Можно посмотреть запись атаки? Хотя бы в ускоренном режиме...

- Конечно, можно, - Жорка жестом подзывает одного из сотрудников оперативного центра:

- Доктор Яо, пожалуйста, организуйте просмотр записи для Волянецкого.

Меня устраивают за монитором в комнате рядом с большим залом. В углу помещения обнаруживается солидных размеров холодильник с запасом самых разных напитков. Я решаю угоститься стаканом апельсинового сока. Маленький довесок к раннему завтраку.

...Три крытых грузовика пылят по дороге, соединяющей станцию в Абу-Кали с небольшим оазисом на краю пустыни. Дорогой пользуются редко, и ветер хорошо постарался, постепенно засыпая ее песком и пылью. “Шмель” переводит

“Давай полетим к звездам!”

картинку в инфракрасную часть спектра и обнаруживает под тентами над кузовами грузовиков размытые красные пятна у бортов. Люди. Останавливаю картинку и считаю. По двадцать красных пятен в каждом кузове, по два пятна в кабинах каждого из грузовиков. Итого получается шестьдесят шесть человек на небольшую станцию в Абу-Кали.

“Шмель” проводит дистанционное сканирование машин. У людей в кузове много металла и взрывчатки. Оружие, боевые автоматы и пистолеты. Автоматы, кажется, АК-47, а пистолеты марки ТТ. Советское оружие у людей в машинах, которые выползли откуда-то из глубин песчаной пустыни. Очень интересно.

Достаю из кармана куртки уником и пробегаюсь пальцами по сенсорам. Секунду спустя к моим услугам разворачиваются панель с клавиатурой и экран, размером с тетрадный лист. Через беспроводную сеть ныряю в поисковик нашей базы данных. Материки и острова информации. Океаны и моря самых разнообразных данных из многих тысяч различных миров. Ага, вот то, что мне нужно. “Станция дальней космической связи НАСА в Абу-Кали, общее количество персонала сорок пять человек, из них охрана и обслуживающий персонал двадцать четыре человека, научные и технические специалисты – двадцать один человек”. Даже если считать всех, а не только охрану, незваные гости из пустыни имеют почти полуторный перевес. Плюс многократный перевес в

“Давай полетим к звездам!”

вооружении. Плюс фактор неожиданности. Н-да, хорошая каша заваривается...

Грузовики останавливаются за песчаными дюнами. Со станции в Абу-Кали они сейчас не видны. Четкие команды выметают прибывших из кузовов автомобилей. Построение в два ряда. Один из тех, кто ехал в кабине неторопливо прохаживается перед строем. Наверняка постановка боевой задачи.

Так и есть. Не прошло и минуты, как строй рассыпается на три колонны. Одна из колонн уходит на север, перекрывая путь к Абу-Кали с этого направления. Вторая колонна блокирует южные подступы к станции. И, наконец, третья колонна... Эти рассыпаются цепью и начинают движение в сторону Абу-Кали. Их сейчас отделяет от станции примерно полкилометра.

...Смена картинки на экране монитора. Прошло около получаса. “Шмель” висит над местностью на высоте около одного километра и прекрасно все видит сверху. Северная и южная колонны замкнули кольцо окружения. Центральная колонна, развернувшись в цепь, залегла среди песчаных дюн. От сетчатого ограждения вокруг станции ее отделяет не более ста метров. Двадцать человек в маскировочных костюмах, практически не отличимых от цвета пустыни, сосредоточились напротив центрального въезда в Абу-Кали.

“Давай полетим к звездам!”

“Шмель” в инфракрасном режиме фокусирует “глаза” на контрольно-пропускном пункте станции. Небольшой домик у ворот. Один человек снаружи и два внутри. Часовой и два оператора системы охраны.

По команде шесть юрких фигур начинают движение к станции. Передвигаются ползком, очень осторожно.

Изображение на мониторе закручивается спиралью. “Шмель” идет на снижение и резко меняет точку наблюдения.

...Часовой изнемогает от жары и скуки. В невидимом режиме “шмель” висит всего в нескольких метрах от стоящего около ворот станции человека. Мне хорошо видны и капли пота на лбу под округлой панамой, и остекленевшие в полудреме глаза. Автоматическая винтовка болтается на переброшенном через плечо ремне.

Абсолютно бессмысленное занятие – охранять станцию дальней космической связи. Кому и зачем может понадобиться огороженная зона среди бескрайнего моря расплавленного песка? Здесь нет ничего, кроме аппаратуры для управления космическими объектами. Тарелки антенн, два или три компьютера для оперативной обработки данных, полдюжину основательно помятых на здешних дорогах автомобилей. Кто позарится на это “хозяйство”?

Часовой чертыхается и делает несколько шагов вдоль проволочного забора. Хорошо, что над воротами станции есть

“Давай полетим к звездам!”

хотя бы козырек, защищающий от солнца. Иначе простоять два часа под обжигающими лучами было бы просто невозможно.

Что-то зашуршало шагах в десяти от стоящего на посту человека. Завозилось среди песка. Змея, наверное. Посмотреть, что ли?

Несколько осторожных шагов вдоль забора. Все внимание сосредоточено на том месте, где только что было движение. Рука нащупывает ствол винтовки и тянет вверх. На всякий случай.

Но часовой не успевает взять винтовку в руки. За его спиной, прямо с того места, по которому он только что прошел, молниеносно поднимается высокая и ловкая фигура. Короткий взмах руки и лезвие ножа вонзается под левую лопатку часового. Нападавший подхватывает начинающее сползать вниз тело.

Еще пять фигур поднимаются из песка. Стремительный рывок к воротам на станцию. Не останавливаясь ни на мгновение, нападающие распахивают дверь контрольно-пропускного пункта и оказываются внутри. “Шмель” летит следом, едва ли не касаясь затылка последнего из пятерки.

Короткий коридор, в комнате отдыха пусто. Первый из нападающих распахивает дверь в пультовую. Один из дежурных успевает повернуть голову. Испуганный вскрик, приглушенные хлопки выстрелов. Оба оператора валятся на

“Давай полетим к звездам!”

пол у пульта системы охраны. Аккуратные контрольные выстрелы в голову.

Один из шестерки нападавших несколькими движениями переключает тумблеры на пульте системы охраны. Достает из кармана куртки портативную рацию и сообщает в эфир:

- Мы на месте. Система охраны под контролем. Потерь нет.

Говорит по-английски. Судя по выговору, уроженец Техаса. Или очень умелый имитатор.

Рация что-то неразборчиво квакает в ответ.

Теперь система охраны станции контролируется нападающими. Но есть еще четыре часовых на вышках по периметру обнесенной проволочным забором охраняемой зоны.

“Шмель” вылетает из здания контрольно-пропускного пункта и снова круто набирает высоту. Круговой обзор. Хорошо видны все четыре контрольных поста на вышках. И скрытно подползающие к ним со стороны пустыни ловкие фигуры в песочного цвета форме.

Часовые на вышках откровенно валяют дурака. Один расслабленно курит, поставив на пол автоматическую винтовку. Другой, на половину прикрыв веками глаза, устремил взгляд куда-то в сторону далекого горизонта. Третий украдкой листает журнал с фотографиями, на которых в самых откровенных позах застыли улыбающиеся полуголые девицы.

“Давай полетим к звездам!”

Четвертый часовой вообще спит, усевшись на четвереньки в углу вышки.

Четыре “песчаных демона” поднимаются из песка на расстоянии нескольких метров от основания сторожевых вышек. Три стрелы, практически одновременно вылетают из арбалетов и вонзаются в темнеющие на фоне ясно-голубого неба фигуры. Один из часовых не успевает выдохнуть сигаретный дым из пробитых стрелой легких. Мечты другого прерывает вонзившаяся в горло стрела. Журнал с девицами выскальзывает из обмякших рук третьего.

Четвертый часовой остается в живых на несколько секунд дольше. Его, сидящего на четвереньках, не видно за деревянным ограждением вышки. Поэтому человек в камуфляже у основания вышки, перед тем как поднять арбалет, громко кричит:

- Эй, там, наверху! Хватит спать!

Часовой испуганно вскидывается спросонья и начинает приподниматься. Стела арбалета вонзается ему в правый висок, как только голова оказывается над ограждением вышки.

Мгновение – и четыре фигуры стрелков снова сливаются с песком.

Профессионально работают, ребята. Практически безупречно.

“Давай полетим к звездам!”

“Шмель” снова меняет позицию. В распахнутые ворота станции один за другим проникают нападающие. Стремительно разворачиваются уже на территории станции.

А дальше начинается кровавое побоище. Люди, пришедшие из глубины песков, не знают пощады и не берут пленных. В распахнутые двери казарм летят гранаты. Потом трое или четверо нападающих заходят внутрь и методично добивают всех, кто подает хотя бы малейшие признаки жизни.

В операционном зале станции “демоны из песков” работают более тонко – видимо, просто не хотят повредить аппаратуру слежения и связи. Они сгоняют технический персонал в одну из больших комнат и оставляют его под наблюдением двух часовых с автоматами.

Не проходит и десяти минут с начала нападения на контрольно-пропускной пункт, как станция слежения оказывается под полным контролем пришельцев из пустыни. Трупы с улицы заносят в казармы, тщательно убирают следы перестрелки. В операционном зале за пульта и мониторы садятся новые операторы.

Персонал станции не успел подать сигнал тревоги. Ни в НАСА, ни в администрации США никто и не подозревает, что станция слежения под Каиром была только что захвачена боевиками из неизвестной группировки...

Я выключаю систему просмотра и возвращаюсь в операционный центр. Жора Милентьев, доктор Яо Вэньянь и

“Давай полетим к звездам!”

начальник службы оперативного реагирования Ганс Рутенберг о чем-то тихо разговаривают в углу зала, составив кресла вокруг журнального столика.

- Посмотрел? – Жорка оборачивается ко мне. – Ну, и как впечатления?

- Работают профессионалы, - пожимаю плечами. – Мы никак не могли предотвратить это побоище?

- Никак, - как ножом отрезает Милентьев. – Никто и предположить не мог, что нападающие будут действовать так кроваво...

- Сколько человек там убито?

- По нашим подсчетам не менее двадцати, - Жорка пододвигает к журнальному столику еще одно кресло. – Присаживайся, мы как раз обсуждаем план реагирования на захват.

Сажусь в кресло и сходу пытаюсь вникнуть в торопливые объяснения, которые дает Ганс Рутенберг.

Со стратегической точки зрения никакого плана противодействия группе, которая вмешалась в нормальный ход исторических процессов, у нас по-прежнему нет. Нет хотя бы потому, что мы до сих пор не знаем, кто работает против нас. Я с удивлением узнаю от Яо Вэньяня, что сейчас захватчики общаются между собой на русском языке.

- Неужели за всей этой кутерьмой действительно стоит кто-то из советского Политбюро или КГБ?

“Давай полетим к звездам!”

- Вряд ли, - Яо задумчиво потирает переносицу мизинцем, сдвинув едва ли не на лоб очки-“велосипед”. Высшая степень озабоченности. Даже на высоком лбу, переходящем в лысую, как бильярдный шар, голову пролегли глубокие морщины.— Зачем русским уничтожать собственный корабль?

- Может быть, это очередная попытка сместить Хрущева? – вставляет свой пфенниг тощий, длинный и вечно взлохмаченный Ганс Рутенберг. Жорка шутит, что если сложить вместе Ганса и Яо, а потом разделить на два, получится человек с нормальной внешностью. – Изменение влияния среди членов Политбюро?

- Ценой скандального срыва целой космической программы на глазах у всего мира? – Милентьев скептически морщится. – Побойся Бога, Ганс! Просто кто-то работает под русских.

Я молчу. Какой смысл вступать в разговор, если у меня нет своей версии происходящего?

- Захватчики говорят по-русски очень чисто, без малейшего акцента, - замечает Яо. – Но с добавлением очень эмоциональной ненормативной лексики. Вряд ли они знают, что мы ведем за ними постоянное наблюдение. Поэтому работа на публику практически исключена.

“Давай полетим к звездам!”

- Исполнители акции могут быть набраны из числа русскоязычных, - Милентьев слегка отступает. – Без ведома властей...

- Ты думаешь, что в современном СССР можно набрать семь десятков профессиональных командос без ведома руководства армии или госбезопасности? – настает мой черед сыронизировать. – Не верю!

- Ладно, - Милентьев взмахивает рукой. – Давайте оставим споры о национальной принадлежности захватчиков до финальной части операции. Вот возьмем парочку “языков” и порасспросим... Ганс, давай вернемся к плану контроперации.

Предлагаемый план прост и прямолинеен, как и сам его автор. Ганс предлагает тремя усиленными ротами ребят из нашего оперативного центра скрытно подойти к захваченной станции слежения и контратаковать. Для предотвращения потерь с нашей стороны перед началом операции захватчиков, – а равно и захваченный ими технический персонал, - подвергнуть мощному депрессионно-психологическому удару. Станцию слежения взять под контроль и удерживать до самого завершения околотунных операций космических кораблей “Знамя” и “Лунник”. Нам по силу имитировать успешное управление полетом “Сервейора-8” даже на более высоком уровне, чем неизвестным захватчикам из пустыни. В НАСА будут убеждены, что с космической станцией работает прежний персонал.

“Давай полетим к звездам!”

- Что же, в целом весь замысел неплох, - Жорка внимательно рассматривает схемы операции, представленные Гансом. – Но кое-какие детали нужно уточнить... Что будем делать с захватчиками?

- Заберем с собой для последующей оперативной работы, - Ганс пожимает плечами. – А потом вернем их на родину, немного покопавшись в мозгах...

“Копание в мозгах” по Рутенбергу подразумевает полное мнемосканирование задержанных и затем внесение лакун в их память. Дабы никто и никогда не вспомнил, кто и какие психологические операции с ними проделывал.

- Хорошо, согласен, - Милентьев кивает. – А как заложники? Прежний персонал станции?

- Само нападение скрыть мы уже не в силах, - глубокомысленно замечает Ганс. – Но мы можем создать хорошо мотивированную собственную версию событий.

- Какую версию?

- Станция слежения подверглась атаке исламских экстремистов, - с готовностью сообщает Ганс. – В ходе боя были убиты охранники станции слежения...

- Ага, а технический персонал экстремисты не тронули, - криво усмехаюсь я. – Надо полагать из уважения к науке!

- Технический персонал они просто не успели тронуть, - немедленно поясняет Рутенберг. – К станции стали стягиваться

“Давай полетим к звездам!”

части правительственных войск, и экстремистам ничего не оставалось, как ретироваться.

- Они снова растворились в песках, - даже не пытаюсь скрыть своего скептицизма. – Ганс, все шито белыми нитками!

- Тем не менее, оставим все, как есть, - подводит черту Милентьев. – Времени на разработку другого плана все равно нет. Захватчики со станции слежения уже дважды посылали на “Сервейор” управляющие сигналы. Космический корабль полностью под их контролем.

...Трансконтинентальный перелет. Над Атлантикой наш десантный модуль “Галеон”, имеющий вид серебристого диска, догнал пассажирский “Боинг”. Доктор Яо немедленно снял с нашего корабля режим невидимости. Мы слегка притормаживаем, и пару минут летим рядом с самолетом, выполняющим рейс “Нью-Йорк – Париж”. В иллюминаторах видны бело-розовые пятна лиц пилотов и пассажиров. Завтра все газеты по обе стороны океана выйдут с сообщением о встрече пассажирского самолета с неопознанным летающим объектом над волнами Атлантики. Иногда во время полета в атмосфере мы летаем без режима невидимости. Слухи о “летающих тарелках” косвенно стимулируют интерес людей к космосу и космонавтике.

...Десантный модуль скользит над песками, едва не касаясь днищем барханов. Захваченная станция слежения прямо перед нами. Пара часовых лениво прохаживается у

“Давай полетим к звездам!”

ворот контрольно-пропускного пункта. Но они нас не видят – модуль идет в режиме полной невидимости, его сейчас не может обнаружить ни один местный прибор во всем диапазоне электромагнитных волн.

- Дальность – сто метров, - сообщает Ганс Рутенберг. Он сидит в кресле пилота. – Выполняем зависание.

Модуль замирает над поверхностью пустыни.

- Приступаем к операции, - распоряжается Милентьев.

- Минутная готовность к запуску “крокодила”, - сообщает Ганс.

На крыше десантного модуля лопается мембрана, и веретенообразное тело психоударной установки показывается из шахты запуска. Со стороны ударник действительно похож на поставленного на хвост крокодила.

- Старт!

“Крокодил” мягко отделяется от модуля и по параболической кривой начинает движение к захваченной станции. Он выходит из поля невидимости вокруг десантного модуля, и часовые у КПП сразу замечают его. На экранах несколько секунд видны их растерянные лица. Но система управления “крокодила” сразу же включает поле психологического воздействия, и оба охранника, беспомощно взмахнув руками, сползают на песок. Поспите часок, ребятки.

“Крокодил” приподнимается над поверхностью земли на сотню метров, и, круто спикировав, втыкается носом в

“Давай полетим к звездам!”

песчаный холм, который ветер намел среди асфальтовых дорожек в самом центре захваченной станции. “Хвост” “крокодила” раскрывается гигантским цветком, и над всей станцией появляется радужный купол наведенного психополя.

- Излучение на режиме блокировки, - говорит Ганс. – Десант к работе готов!

- Начинаем, - командует Милентьев. – Группа захвата – вперед!

“Шмель” транслирует на один из экранов вид со стороны на наш десантный модуль. Модуль по-прежнему невидим в оптическом режиме. Ниоткуда, прямо с ясного синего неба, вырастает серебристая лесенка и опорными штырями вонзается в песок. Без суеты, но быстро ребята из группы Рутенберга высыпают на гребень бархана под нами. Стремительно разворачиваются в шеренгу и бегут в сторону КПП. На захваченной станции все сейчас в отключке, но десантная группа работает в полной готовности к внезапному нападению врага.

- Я с Гансом иду на станцию, - Милентьев оборачивается ко мне. – Чеслав, остаешься за старшего.

- Жора, но позволь...

- Не позволю, - жестко обрывает Милентьев, и, смягчившись, добавляет:

- Мы осмотрим зал управления станции, а потом Ганс тебя сменит и займется эвакуацией.

“Давай полетим к звездам!”

Я только вздыхаю. Все правильно. Я – резидент и миростроитель. Мне по должности не положено лично участвовать в оперативных мероприятиях центра. А свои острые желания погеройствовать и развеяться от служебной рутины, господин Волянецкий, засуньте сами знаете в какое место. Правила писаны для всех и на все случаи жизни.

Плюхаюсь в кресло у пульта и переключаю на себя контур управления.

“Шмель” показывает на большом экране Милентьева и Рутенберга, которые из “ниоткуда” появляются на трапе десантного модуля, спускаются вниз и, оставляя на песке две цепочки следов, шагают к станции. Жорка что-то энергично и многословно объясняет Гансу, жестикулируя руками. Ганс изредка вставляет несколько слов, но по большей части молчит и внимает. Начальник и подчиненный. Знакомая картина.

- Дать изображение из зала управления станции слежения, - прошу мозг десантного модуля. – На большой экран, параллельно.

“Картинка” с Милентьевым и Рутенбергом мгновенно съезживается и сползает в левую часть экрана, а в правой появляется новое изображение. Ребята из нашего спецназа внутри станции. Стаскивают к стенам обездвиженные тела “песчаных захватчиков” и разбираются с управляющей аппаратурой. Операция проходит четко и без сюрпризов. Как по маслу.

“Давай полетим к звездам!”

Я уже собираюсь слегка расслабиться в кресле и подремать – ранний подъем дает о себе знать, веки периодически наливаются свинцовой тяжестью. Но не успеваю. Начинаются события.

Резкий толчок справа и сверху. Пол на мгновение уходит из-под ног. Сильный удар снизу. Протяжный металлический скрежет. Громкий хлопок, похожий на выдох гигантского рта.

- Атака... - в голосе бортового компьютера по-прежнему нет эмоций, но явственно слышится прихрипывающее дребезжание. Словно говорит удивленный и испуганный человек. – Лучевая атака. Повреждены секторы В2195, К3972, П9402... Постороннее поле управленческих сигналов, массовое отключение “ангелов-хранителей” персонала...

- Какая еще лучевая атака? – у меня сложилось впечатление, что десантный модуль наклонился вправо градусов на тридцать. – Откуда?!

- Введена в действие программа боевой защиты, - гнусавой скороговоркой дребезжит бортовой комп. – Второй и третий лучевой удар блокированы. К ответному залпу готов.

Жорка Милентьев и Ганс Рутенберг на левой картинке экрана с разинутыми от удивления ртами смотрят в мою сторону. Металлический грохот, с которым край днища модуля ударил по песку, достиг их ушей. Но для их глаз десантный корабль по-прежнему невидим, и они еще не поняли, что происходит.

“Давай полетим к звездам!”

- Показать направление лучевого удара! – фиксирующие ремни кресла оператора превращаются в живых змей и своими телами впиваются мне в пояс и предплечья. – Изображение нападавшего – на экран!

Третье видовое окно раскрывается в мгновение ока. Высоко в небе над станцией слежения висит искрящаяся в ярких солнечных лучах белая точка.

- Увеличить изображение объекта! – команду я.

Точка начинает стремительно приближаться и превращается в белый шар. Поверхность шара гладкая и совершенно однотонная. Ни пятнышка, ни черточки. Ни выступа, ни впадинки. Просто белый шарик в лазурно-голубом небе.

- Какой размер объекта?

- Диаметр шара ровно один метр, - мозг десантного модуля снова говорит нормальным голосом, без дребезжания. Автоматика парировала лучевой удар и начала ремонтные работы в поврежденных секторах.

Экран дважды подряд вспыхивает яркой вспышкой.

- Четвертый и пятый лучевой удары, - констатирует мозг. – Мощность стандартная. Защита включена. Повреждений нет. К ответному залпу готов.

- Отставить залп! – приказываю я. Только лучевой перестрелки с белым шаром мне сейчас и не хватает. – Провести идентификацию объекта!

“Давай полетим к звездам!”

- Объект не идентифицирован, - ответ следует немедленно. Мозг свое дело знает, и, похоже, попытался определить принадлежность шара еще до моего запроса.

Не идентифицирован... Это значит, что шар не наш и не принадлежит ни к одному из почти восьми тысяч обитаемых миров проекта “Гагарин”. Ничего себе!

- Несколько дней назад похожий объект зафиксирован рядом с ракетно-космическим комплексом “Знамя-5”-“Лунник-5” перед коррекцией орбиты, - бесцветно-нудным голосом информирует комп.

Вспоминаю фото, которое Милентьев показывал мне несколько дней назад. Похоже, Жорка был прав: причина сбоя ориентации на “Знамени” - тот маленький белый шарик...

- Сигнал общей тревоги в масштабах системы! – не медля ни секунды, отдаю распоряжение.

Пульт на мгновение вспыхивает россыпью разноцветных огоньков, и в пространство всеми мыслимыми способами уходит аларм-сигнал высшей категории. Очень редкий сигнал. За годы моей работы он звучал в эфире только однажды: когда в системе ЛТР-21-157 началась неконтролируемая реакция ядерного синтеза в протооблаке Юпитера.

- Провести информационную блокаду шара! – до боли в глазах всматриваюсь в белую поверхность небесного агрессора. – Полная запись сигналов!

“Давай полетим к звездам!”

- Выполнено. Шар не излучает информационных сигналов.

Вот как... Наш незванный гость работает полностью автономно. Шарообразный спятивший автомат неизвестной природы...

- Фиксирую лучевые удары по станции. “Шмель”-два уничтожен. “Крокодил” уничтожен. Поле психологического воздействия снято.

Включается динамик системы связи, и я слышу встревоженный голос Милентьева:

- Чеслав, что у тебя происходит?

- Лучевая атака, - сообщаю коротко. – Противник над нами. Белый шар диаметром примерно один метр без идентификационных признаков.

Милентьев и Рутенберг как по команде вскидывают головы и устремляют взгляд к белой точке в небесах.

Изображение шара в правом окне на экране трижды сменяется яркой вспышкой.

- Лучевые удары шесть, семь и восемь. Мощность стандартная.

- Чеслав, ничего не предпринимать! – кричит Милентьев.
– Мы возвращаемся!

Жорка и Ганс бегут в сторону трапа, свисающего со все еще невидимого в оптическом диапазоне модуля.

Но им не суждено добежать...

“Давай полетим к звездам!”

Поле психологического давления, которое наводил расстрелянный шаром “крокодил”, снято. А это значит, что “песчаные” захватчики начинают приходить в себя. Едва ли не первым очнулся один из часовых у ворот базы...

Очередь из “калашникова” полоснула по спинам бегущих Милентьева и Рутенберга. Ганс рухнул мгновенно, а Жорка остановился, удивленно оглянулся назад и только после этого медленно осел на песок. “Ангелы-хранители”, которых вырубил шар, так и не включились.

Мозг модуля реагирует, не ожидая моей команды. Один из его приоритетов, - это защита человеческой жизни. И если существованию человека что-то угрожает, реакция будет немедленной.

Луч направленного психотропного излучения бьет по стрелку у ворот, и тот снова становится безжизненной куклой, распластавшейся на песке.

- Взять раненых на борт! – команду я. – Медицинский отсек – полная готовность к работе!

Белый шар в небесах все так же неподвижен и не подает никаких признаков жизни.

Десантный модуль делает плавный рывок вперед на сотню метров и замирает над лежащими на песке ребятами. В следующее мгновение гибкие щупальца манипуляторов подхватывают Жорку и Ганса и втаскивают внутрь летящего корабля.

“Давай полетим к звездам!”

На правой картинке экрана кипит бой. “Песчаные” очнулись, и увидев наш десант в зале управления, принялись контратаковать. “Песчаных” больше, но наши десантники подготовлены на порядок лучше. У меня нет сомнений, что схватка закончится в нашу пользу, но я решаю не рисковать.

- Старт “крокодилу”-два, - распоряжаюсь я. – Программа – по аналогии с “крокодилом”-один.

Веретенообразное тело отделяется от десантного модуля и свечей уходит в небесную высь. И тут же изображение шара на левой картинке полыхает огненной вспышкой.

- Лучевой удар, - сообщает мозг. – “Крокодил”-два уничтожен.

Горящие ошметки “крокодила” шипящими красно-оранжевыми искрами сыпятся с неба.

Хотелось бы обойтись без войнушки. Но рисковать жизнями наших ребят из десанта я не намерен.

- Ответный лучевой удар! – командую я. – Мощность – в пределах лучевого удара нападавшего!

Пощадим агрессора. Не будем бить “самой большой дубиной” по маленькому беленькому шару.

Новая вспышка на экране.

- Лучевой удар нанесен, - сообщает мозг. – Видимых повреждений цели не наблюдаю.

Я и сам вижу, что белый шар цел и невредим. Лучевой залп для него, похоже, - что для слона дробинка.

“Давай полетим к звездам!”

- Приблизиться к шару, - приказываю я. – На лучевые удары не отвечать!

Изображение станции слежения на левом экране проваливается вниз. Всего за несколько секунд здания казарм и поста наблюдения превращаются в спичечные коробочки в сотнях метров под днищем модуля. Белый шар, напротив, вырастает едва ли не до размеров планеты и теперь закрывает собой весь третий экран.

- Дальность до объекта – два километра, - рапортует мозг. – Информационных сигналов со стороны шара нет ни в одном диапазоне.

Белый небесный агрессор явно не собирается вести с нами переговоры. Третий экран воспроизводит череду ярких вспышек.

- Серия лучевых ударов, - констатирует мозг. – Мощность прежняя, повреждений нет.

- Сближение прекратить, - говорю я. – Режим зависания. Выдать в сторону шара запросный информационный блок.

- Выдано, - в сторону нежданного гостя уходит информационный пакет с хорошо подобранным набором запросов и стимулов. Как утверждают разработчики из группы внешних контактов, он сгодится даже для особо агрессивных инопланетян. Правда, на практике это никто еще не проверял.

- Десантный модуль “Галеон”, на связи база “Планета”, - из динамиков раздается встревоженный голос дежурного с

“Давай полетим к звездам!”

орбитальной космической базы. – Чеслав, что у вас происходит?

- Мы подверглись атаке со стороны неизвестного объекта, - коротко информирую я. – Сейчас мозг выдаст вам всю информацию в ретроспективе.

- Сделано, - тут же откликается мозг десантного модуля.

- Что намерены делать? – спрашивает оператор.

- Пытаюсь войти с объектом в информационный контакт, - отвечаю я. – При отсутствии контакта попробую взять объект в гравитационную ловушку или на борт.

- Действуйте, - одобряет оператор. – “Планета” на постоянной связи.

- Принято. Приступаю к контакту.

В сторону шара уходит второй информационный пакет.

- Реакции нет, - говорит мозг. – Молчание на всех диапазонах.

- Старт “шмелей” три и четыре, - приказываю я. – Подойти к шару с зенита и надира на расстояние сто метров.

Разведчики уходят в полет, и на экране появляются дополнительные картинки – вид объекта сверху и снизу. Ничего примечательного. Все та же белая поверхность без швов и конструктивных элементов. Как же он двигается? А из чего стреляет?

Яркий свет вспыхивает на малых экранах и изображения со “шмелей” исчезают.

“Давай полетим к звездам!”

- Лучевая атака, - комментирует мозг. – “Шмели” три и четыре уничтожены на расстоянии полкилометра до объекта.

- Сбросить третий информационный пакет в сторону шара!

Еще одна попытка войти в контакт. Тщетно.

Справа от меня из пола вырастает еще одно кресло. За спиной со вздохом лопается мембрана люка и секундой спустя в кресло мягко и ловко плюхается доктор Яо.

- Как там ребята?

- Могло бы быть хуже, - отвечает Вэньянь, как всегда невозмутимый. – У Милентьева пробиты легкие, у Ганса клиническая смерть. Реанимируем.

Киваю в сторону шара:

- А этот молчит и стреляет...

- Что будешь делать?

- Гравитационный захват, - командую я.

Конечно, гравиозахват лучше не использовать в пределах земной атмосферы, но у нас нет выхода. Ураган и песчаная буря – это минимум, что произойдет в окрестностях в ближайшие час-два.

- Есть захват, - моментально сообщает мозг. – Подтягиваю объект.

Третий экран с изображением шара снова вспыхивает чередой ярких бликов. Лучевые атаки. Небесный гость вовсе не горит желанием войти в близкий контакт.

“Давай полетим к звездам!”

Шар на экране вдруг покрывается серебристой дымкой, уходит вверх и начинает уменьшаться.

- Разрыв захвата, - бесцветным голосом информирует мозг. – Объект уходит в зенит. Скорость пятьсот километров в час.

- Восстановить захват! – говорю я и зло ухмыляюсь в сторону едва видимой белой точки на третьем экране:

- Бежишь, белобрысенький? Не выйдет!

Новая серия лучевых вспышек на экране. Словно кто-то балуется сварочным аппаратом.

- Захват разорван, - вновь бесстрастно констатирует мозг. – Объект уходит!

- Преследуем, - приказываю я. – Лучевой удар!

- Отставить, “Галеон”, - вмешивается оператор с орбитальной базы. – Чеслав, возвращайтесь к станции слежения и работайте по программе. А шарик мы попытаемся перехватить своими возможностями. Шестерка перехватчиков только что стартовала.

- Понял, - с некоторым сожалением киваю я. Славная могла бы получиться охота. – Преследование прекращаю, ухажу к станции слежения.

Жаль, что погоню прервали. Я уже всерьез настроился надрать задницу этому спятившему автомату неизвестного происхождения.

“Давай полетим к звездам!”

Но дел хватит и на Земле. На станции слежения идет настоящий бой. Мы явно недооценили “песчаных”. Они достаточно быстро очухались и, пользуясь численным превосходством, активно контратакуют. Н-да, только кровопролития мне и не хватает...

- Старт “крокодила”-три, программа прежняя, - теперь, когда белый шар удалился куда-то в космос, можно не опасаться лучевых атак и восстановить психополе.

Десантный модуль исторгает из своего чрева веретено очередного “крокодила”, круто разворачивается и ныряет вниз, к станции слежения.

Мартын Луганцев и его собеседники - 6

(записки журналиста)

**“НАДЕЖНУЮ РАБОТУ ЛУННОГО КОРАБЛЯ
ГАРАНТИРУЮ!”**

- Ну, и как прикажешь это понимать? – судя по голосу Инги, меня ожидало мрачное будущее. Лет десять без права переписки и с конфискацией всего личного имущества. Как минимум.

- Не знаю, мой зайчик, - единственное, что я мог, так это просто развести руками. – Клянусь, что значок у него был!

“Давай полетим к звездам!”

- Угу, - хмуро кивнула Инга. – Был да сплыл! Глазами видел, а на фотографии – ничего нет!

Она взмахнула свежееотпечатанной фотографией Бушунина у меня перед носом:

- Вот что, милый мой! Если ты меня пытаешься разыграть, то горько пожалеешь. Я, как последняя дура, еду в Звездный городок, донимаю расспросами самого Гагарова, а все эти истории с чужой подписью – всего лишь глупый розыгрыш!

- Это не розыгрыш! Я действительно видел приколотый на пиджаке Бушунина значок с изображением Гагарова и с этой непонятной подписью. Но на фотографии, которую сделал твоим фотоаппаратом, значка почему-то нет!

- Бушунин – есть, а значка, видите ли, нет! – возмущение Инги беспредельно. – А может, вообще ничего не было? Никаких Гагаровых с непонятной подписью? Ни у Королевина, ни у Михеева – вообще ни у кого?

- Давай рассуждать логически, - примирительным тоном начал я. – Если это был розыгрыш, разве стал бы я приносить тебе фотографию Бушунина без значка? Нет, конечно. Зачем мне самому себя разоблачать? Я бы просто сказал, что не смог его сфотографировать. Или соврал бы, что в зале МИК 1А запрещено фотографировать. Мог я так сделать?

- Ну, мог, - надув губы, нехотя согласилась Инга.

- Вот видишь. А если я так не сделал, то...

“Давай полетим к звездам!”

- То либо розыгрыш выходит на новый этап, либо тебе это просто привиделось – все эти портреты и значки с подписью неизвестного Гагарина, - сделала вывод Инга. Она “завелась” не на шутку. – Март, а ты случайно не перетрудился? Голова у тебя часом не болит?

- Голова у меня не болит. И я не псих!

- Тогда как ты объяснишь...

- Никак! – жестко отрубил я. – Никак не объясню! Значок у Бушунина я видел, а на фотографии его почему-то нет! И это факт!

- Не ори на меня! – мгновенно взвинулась Инга.

- Я не ору, я убеждаю, - чуть-чуть понизил голос. Вот только с Ингой разругаться из-за чепухи мне не хватало!

- Убедить может только доказательство, - рассудительно сказала Инга. – Я не собираюсь тебе верить, пока собственными глазами не увижу изображение Гагарова с этой непонятной подписью!

- Я не против, моя радость, но как это сделать?

- Когда у тебя назначено следующее интервью?

- Завтра, я встречаюсь с конструктором лунного корабля Вячеславом Филовым.

- Ты возьмешь меня с собой, - решительно и беспелляционно заявила Инга. – В качестве фотокорреспондента!

“Давай полетим к звездам!”

- Хорошо, - незамедлительно согласился я. Даже руки поднял. – С Филовым я еще не условился о месте и времени встречи. Сейчас позвоню и договорюсь, что меня будет сопровождать фотокорреспондент!

- ...Вот он наш корабль во всей красе, - Вячеслав Филлов остановился посреди испытательного зала и указал в левый угол. – Скромный труженик будущих лунных экспедиций!

- Он такой же, как и “Лунник-5”? – живо поинтересовалась Инга. После вчерашней “разборки” со мной она серьезна и деловита. Фотокорреспондент, выполняющий ответственное задание очень авторитетной всесоюзной газеты.

- Один к одному. Именно на этом кораблике космонавты Алексей Леонтьев и Владимир Шаталин репетировали выход на Луну.

Я подмигнул Инге и взглядом показал на грудь Филова. Под белым лабораторным халатом к синему пушистому свитеру был приколот квадратный значок с изображением улыбающегося Гагарова. Такой я уже видел у Михеева и Бушунина, у Королевина и Глуховцева. И странная гагаровская или гагаринская подпись – на своем месте! Инга легонько кивнула, давая понять, что значок ею замечен.

Мы подошли почти вплотную к кораблю. “Лунник” возвышался над усеянным камнями и песком полом - имитаторами лунного грунта – метров на пять и внешне более всего походил на заснувшего гигантского паука.

“Давай полетим к звездам!”

- Вячеслав Михайлович, - сладеньким голоском послушной девочки сказала Инга, – давайте я сделаю несколько ваших фотоснимков на фоне “Лунника”.

- Давайте, давайте, - охотно согласился Филов, достал из кармана джинсов расческу и принялся суетливо подправлять прическу. Волосы у него черные, жесткие, похожие на скрученные пружинки. – Я готов!

Инга несколько раз щелкнула фотокамерой, выбирая разные ракурсы и масштабы съемки. Если значок существует в реальности, а не является плодом наших - теперь уже коллективных – галлюцинаций, он должен очень отчетливо получиться на фотоснимках.

- Вячеслав Михайлович, расскажите об устройстве лунного корабля, - я начал интервью со стандартного вопроса. Расследование – расследованием, а статью о Филлове и “Луннике” Аджубееву на стол вынь да положи.

- Э... - Филов почесал пальцем в затылке. – Ну, начнем, пожалуй, с габаритно-весовых параметров...

Филов говорил, а я добросовестно записывал в рабочем блокноте размеры и вес лунного корабля. Когда я почувствовал, что конструктор постепенно погружается в описание деталей, совершенно не нужных для будущей статьи, “глубокомысленно” вставил:

- “Лунник” чем-то напоминает поставленный на четыре опоры космический корабль “Восток”.

“Давай полетим к звездам!”

- “Восток”? Причем тут “Восток”? – светло-карие глаза Филова удивленно округлились. - “Лунник” и “Восток” – это два принципиально разных по конструкции и назначению космических аппарата!

- С толку сбивает вот этот шарик, - ткнул пальцем в направлении верхней части корабля. – По-моему он очень похож на посадочную капсулу с “Востока”...

- Ну, если и похож, - Филов скептически ухмыльнулся, - то только шарообразной формой. Этот шарик... Это собственно и есть та кабина, в которой космонавт находится при посадке на Луну и при старте с нее...

- Можно заглянуть в кабину космонавта? – хитренько заулыбалась Инга. Миленькая лисичка с фотоаппаратом.

- А почему нет? – Филов пожал плечами. – Вот по этой лесенке поднимайтесь... Только осторожно, не споткнитесь.

- Это та самая лестница? – поинтересовался я. – По которой на Луну сойдет наш космонавт?

- Та самая... Тут выходит и заходит – замечательно выходит! – пошутил Вячеслав Михайлович.

Люк в кабину космонавта имел округлую форму. Я налег на торчащую из его поверхности широкую рукоять, и он медленно открылся внутрь. Рядом легко дышала Инга – тоже сунула голову внутрь лунного корабля.

Она была рядом – теплая, нежная, родная. Моя Инга... Мой светлый лучик...

“Давай полетим к звездам!”

А вокруг нас притаилась темнота, ледяная стужа и опасность. Синицкий Павел Петрович.

Что будет, когда Инга обо всем узнает? Узнает, что я струсил. Повел себя, как последний подонок. Дал согласие писать донос на любимую женщину...

Что же делать? Как теперь жить?

Сделал глубокий вдох, стараясь прогнать неприятные мысли. Трусливый пингвин снова прячется среди камней.

Заходить внутрь кабины я не рискнул. Еще ненароком сломаю что-нибудь, проблем потом не оберешься. Инга, напротив, готова была немедленно нырнуть внутрь “Лунника”, но я вовремя придержал ее за юбку и молча пригрозил пальцем. Она в ответ показала язык, но попытки несанкционированно ступить на борт космического корабля все-таки прекратила.

- Вячеслав Михайлович, как же внутри этой кабины космонавт сможет снять скафандр? – любопытствовала Инга, полуобернувшись к стоящему около трапа конструктору. - Здесь же теснотища – не повернешься! И еще очень душно!

- Ему незачем снимать скафандр, - покачал головой Филев. – В “Кречете” можно находиться более суток. Это универсальный скафандр. В нем даже удобства всякие предусмотрены.

Он весело подмигнул Инге.

“Давай полетим к звездам!”

- А что это там, сверху, на “шарике”? – я показал рукой на верхнюю часть пилотской кабины.

- Дался вам этот шарик... - фыркнул Вячеслав Михайлович. – Там расположены отсек двигателей ориентации с запасами топлива и стыковочное устройство.

- А что находится внизу, под кабиной пилота? – Инга быстренько спустилась вниз по лесенке и заглянула под кормовую часть корабля.

- Под лунной кабиной, внутри рамы посадочного устройства находится ракетный блок, который обеспечивает торможение корабля при посадке с высоты примерно трех километров. Он же используется при старте с Луны и выведении корабля на окологлунную орбиту.

Мы еще некоторое время добросовестно “попытали” Филова, выясняя технические подробности устройства “Лунника”.

- Вячеслав Михайлович, а вот если положить руку на сердце? – “под занавес” нашей беседы спросил я. - Можете гарантировать, что “Лунник” в полете покажет себя достойно?

Фиров улыбнулся чуть снисходительно:

- Можно ваш блокнот и ручку?

Он взял у меня блокнот и шариковую ручку, крупными буквами написал на листе “Успешную работу “Лунника” гарантирую” и размашисто расписался внизу страницы.

...- Ну, и как? Убедилась?

“Давай полетим к звездам!”

Мы сидели в небольшом кафе на полпути от фирмы Михеева до железнодорожной станции, пили кофе с пирожными и обменивались впечатлениями от беседы с конструктором Филовым.

- В чем? – Инга сделала вид, что не понимает, о чем я говорю, и задумчиво наморщила хорошенький лобик.

- В том, что изображения Гагарова с непонятной подписью все же существуют, - напомнил я, принимая ее правила игры. – Ты же не верила? А сегодня увидела собственными глазами!

- То, что я увидела собственными глазами значок на свитере у Филова, - произнесла Инга лукаво улыбнувшись, - вовсе не означает, что этот значок существует на самом деле. Вот проявим фотопленку, напечатаем фотографии – вот тогда и посмотрим, существует эта необычная гагаровская подпись или нам только померещилось.

- Ну, знаешь! – возмущенно выдохнул я. – Ты отрицаешь очевидные вещи!

- Подождем до вечера, - Инга миролюбиво положила ладошку на мой локоть. – Я все же хочу взглянуть на фотографии.

Инга как в воду глядела. На фотографиях, которые мы отпечатали вечером, значка с изображением Гагарова и непонятной подписью “Гагарин” не оказалось. Были фотографии “Лунника” и улыбающегося Вячеслава

“Давай полетим к звездам!”

Михайловича Филова. Но на свитере у конструктора лунного корабля никакого значка не было.

Алексей Леонтьев и все, все, все - 6

“СОПЛОМ Я СЯДУ НА ТВОЮ ЗВЕЗДУ”

...Двигатель ракетного блока “Д” работает очень мощно и, конечно же, совершенно бесшумно. В космосе не бывает звуков: нет воздуха, и нет никакой другой среды, чтобы передать звуковые колебания.

Я практически не ощущаю перегрузки. Но и невесомость, с которой уже успел сжиться за восемь суток космического полета, пропала. Маленькая куколка полосатого тигренка, подвешенная на тонкой резинке к потолку “Лунника”, теперь не болтается бесцельно в воздухе, выписывая замысловатые траектории, а потянулась вниз, к полу моего кораблика, куда ее влечет невидимой рукой проснувшаяся сила гравитации.

Ложемент и кресла для космонавта в “Луннике” нет. Я просто зафиксирован ремнями и стяжками перед иллюминатором и пультами управления. Но никаких неудобств от этой совершенно нелепой для земных условий позы не испытываю. В невесомости и при низкой гравитации такое крепление даже удобно. Можно в любой момент расслабиться и повисеть в пространстве, не боясь упасть или уплыть куда-то в

“Давай полетим к звездам!”

сторону. И с медицинской точки зрения, как шутили ребята-медики на Земле, тоже очень полезно. По крайней мере, пролежней и геморроя мне точно можно не опасаться.

- “Флаг–один”, двигатель работает устойчиво, - сообщает Земля голосом Володи Шаталина. Он снова вышел на связь, сменив Пашу Поповца. Наша старая традиция: дублер отвечает за общение центра управления полетом с экипажем корабля в самые напряженные моменты космического рейса.

- Меня это радует, “Гранит”, - отвечаю, называя Шаталина его полетным позывным.

С позывным Володькина Шаталина связана веселая история, в свое время наделавшая много шума как в отечественной, так и в мировой прессе. В первый полет, еще на “Восходе-6”, Шаталин отправился под позывным “Амур”. В нашем Центре управления полетом и в Звездном работают “очень серьезные люди”, и они всегда считали, что Амур – это только название большой реки где-то там, на востоке необъятной страны по имени Советский Союз. Нашим “очень серьезным людям” и в голову не могло прийти, что у древних римлян был бог любви, который тоже звался Амур. Нет, конечно, где-то и когда-то, кажется, еще в школе, они что-то такое читали об этом самом Амуре. Но потом, с годами, под грузом “очень серьезных космических дел”, из их мозгов совершенно выветрился даже легкий намек на “любовную” составляющую имени Амур.

“Давай полетим к звездам!”

Бедный Володька! Не успел он вернуться из полета, как все юмористы от Бреста и до Дальнего Востока зубоскалили про “амурные похождения” советского космонавта. Где-то в Америке, в Штатах или в Канаде, какой-то мелкий деятель от космонавтики тиснул в бульварной газетенке большущую статью о сексуальных экспериментах на советском корабле “Восход-6”. И пошла писать губерния! Мировую прессу буквально штормило от догадок и предположений на тему “секс в космосе”. Даже на послеполетной пресс-конференции экипажу “Восхода-6” нашими, советскими мастерами пера был задан вопрос с “любовным” подтекстом. Красный, как только что сваренный рак, Володька, потея и заикаясь, вынужден был оправдываться и доказывать представителям прессы, что ничего “такого” не было и в принципе быть не могло.

Конечно, руководство ЦУПа и Звездного городка получило хороший втык в высоких инстанциях за “ослабление идеологической работы при подготовке экипажей космических кораблей и потерю политической бдительности”. Наши начальники во главе с генералом Маканиным озабоченно почесали затылки, и в свой второй полет, на корабле “Знамя-1”, нарушая уже сложившуюся традицию, по которой космонавт получает позывной один раз и навсегда, Шаталин ушел с новым именем – “Гранит”. Весомый позывной, товарищи. Солидный. Серьезный. Это вам, понимаешь ли, не легковесные летающие амурсы с их любовными стрелами! “Амурные”

“Давай полетим к звездам!”

остроты постепенно сошли на нет. Но прозвище “Римский Бог” за Володькой так и осталось.

Сквозь стекло иллюминатора вглядываюсь в лицо Луны за бортом моего кораблика. Лунная поверхность ощутимо замедляет бег. Это значит, что связка “Лунника” и ракетного блока “Д” теряет орбитальную скорость. Мы уже не летим по орбите над Луной, а по параболической кривой начинаем падать на ее поверхность.

С каждой минутой это падение становится все более заметным. Луна за окошком “Лунника” постепенно приближается. Очень необычное зрительное ощущение. Кажется, что Луна растет, распухает, как свежее тесто, раздается вширь. Вот уже скрылась за контуром иллюминатора линия горизонта. Кратеров становится все больше, мелкие становятся крупными, крупные – большими. На лунной поверхности теперь можно различить гораздо больше трещин, выпуклостей и впадин, чем было видно с околотунной орбиты.

В моем послевоенном детстве был случай, когда мы с соседскими пацанами сами сшили из тряпок мяч. В освобожденном от немчуры, раздолбанном снарядами и голодном Ворошиловграде с футбольными мячами было туговато. Тогда мы из всякого тряпья, презрев предлагавшуюся помощь наших сестер и знакомых девчонок, соорудили круглое чудо, и чуть ли не с утра и до самой ночи гоняли его на очищенном от мусора пустыре, в который превратилась

“Давай полетим к звездам!”

спортивная площадка около развалин нашей школы. А потом, потные, перемазанные грязью, с разбитыми локтями и коленками, но счастливые, возвращались домой. И всех счастливей, наверное, был я, потому что нес в руках, прижимая к старой, разодранной майке наш мяч – весь в серой, въевшейся пыли, со шрамами от бесконечных штопок и рваными дырами новых, только что полученных ран.

Почему я вспомнил сейчас об этом? Луна за окошком кораблика была удивительно похожа на тот самодельный мяч из моего мальчишеского прошлого...

“Лунник” движется не по прямой, а по сложной посадочной траектории, периодически поплеывая в пространство огненными стрелами из двигателей ориентации. Ждешь, Луна? Жди, дорогая. Я лечу. Скоро буду. Если техника, конечно, не подведет...

- “Флаг–один”, - снова появляется в эфире Шаталин. Володька сегодня на удивление немногословен. Видимо, Земля решила не мешать мне пустой эфирной трескотней во время посадки. – Корабль в полном порядке. Прошел отметку “десять”.

- Понял, “Заря”, - бодренько откликаюсь, - прошли “десятку”.

“Десятка” - это десять километров над поверхностью Луны. Радиолокатор кораблика измеряет расстояние, а система радиосвязи отправляет полученные данные по трем каналам:

“Давай полетим к звездам!”

напрямую на Землю, на “Знамя” и на автоматическую станцию “Луна-30”. С лунного корабля и летящей по орбите станции информация ретранслируется в ЦУП. Связь сразу по трем каналам нужна для обеспечения надежного управления во время спуска.

- Леша, ты только что побил рекорд Женьки Хлунова, - говорит Шаталин. – Поздравляю!

- Принято, “Заря”. Высылайте ракету со спортивным комиссаром – зафиксировать рекорд, - шучу в ответ. – И не забудьте бутылочку шампанского!

Рекорд Хлунова – это отметка в девять с половиной километров. Именно до этой высоты над лунной поверхностью опустился в предыдущем полете Женька Хлунов на четвертом “Луннике”. Я нахожусь уже ниже. Сейчас на Земле нет человека, который когда-либо имел возможность посмотреть на Луну с такого близкого расстояния.

А смотреть есть на что. Горы, расщелины, холмы, впадины и, конечно же, сотни и тысячи кратеров проплывают под моим кораблем. Не знаю, с чем это связано, но с приближением к поверхности Луны там, внизу, появилось гораздо больше оттенков светло-серого цвета. И еще есть коричневато-бронзовые, и даже зеленоватые участки. Вот хорошо бы было прилуниться, выйти из корабля, а вокруг - зеленая травяная лужайка. Солнышко в зените, желтая россыпь одуванчиков. И лунные кузнечики прыгают...

“Давай полетим к звездам!”

- “Флаг–один”, пройдена отметка “пять”, - напоминает о своем существовании Шаталин. – Все параметры корабля в норме.

И снова пауза. Тихая, глухая и очень тревожная пауза. Длинная, как полярная ночь.

Я хорошо знаю, что означает эта долгая пауза. Именно сейчас все наше космическое руководство, собравшееся в центре управления полетом, принимает окончательное решение по посадке “Лунника”. Королевин, Михеев, Чертков, Маканин, Керимбаев и еще около полусотни управленцев от гражданских и военных инстанций собрались в зале заседаний, заслушали доклады всех служб, обеспечивающих полет, и вот-вот вынесут вердикт. Как там у Шекспира? “Быть или не быть – вот в чем вопрос”. Очень хочется, чтобы “быть”. Очень не хочется возвращаться домой почти от самого порога домика “тетушки Селены”.

- Леша, принято решение на спуск, - мне показалось, или голос Володьки действительно дрогнул? – “Флаг–один”, как понял? Подтверди прием.

- Понял тебя, “Заря”, - говорю я. – Идем на спуск! На борту порядок, самочувствие отличное.

И для пущей убедительности показываю большой палец прямо в черный блестящий глазок телекамеры, которая неотрывно и неусыпно глядит в лицо с первой минуты моего появления в “Луннике”.

“Давай полетим к звездам!”

- Смотришься замечательно, - смеется в ответ Володька.
– Первый парень на деревне!

- ...С поставленной сельсоветом задачей стать первым хлопцем на Луне, - продолжаю его фразу. В наушниках шелестит смех. Видимо, в ЦУПе шутка многим понравилась.

Как-то неловко сейчас чувствовать себя пассажиром на борту “Лунника”. На Земле, в ЦУПе, на наземных измерительных пунктах, народ пыхтит по полной программе, трудится в поте лица. А я здесь лечу себе спокойненько, едва ли не помахивая Луне белым платочком из окошка моей летающей “избушки”.

Лунная поверхность под кораблем движется все быстрее и быстрее. Сейчас как раз тот участок траектории спуска, когда корабль летит наиболее быстро. Посадка совсем уже скоро. Как там поется в старой студенческой песенке? “Соплом я сяду на твою звезду”? Тетушка Селена хоть и не звезда, но все-таки первое небесное тело, на которое должна ступить нога человека.

Справа на пульте замигал круглый желтый глаз лампочки индикатора.

- “Заря”, принимаю пеленг два, - сообщаю на Землю. Это значит, что система управления “Лунника” поймала сигнал с “Лунохода-5”, который уже третьи сутки торчит в расчетной точке на лунной поверхности и ждет - не дождется моего прилета.

“Давай полетим к звездам!”

- Фиксируем пеленг-два, - подтверждает Шаталин.

Так, а где же пеленг-один? Должен быть еще сигнал с “Лунохода-3”. И пеленг–три - с запасного “Лунника-3”, который в законсервированном режиме стоит на Луне уже несколько месяцев. Садиться можно не только по трем пеленгам, но и по двум, и даже по одному. Но... Но лучше все-таки по трем. Один пеленг – хорошо, а три – лучше!

Секунда ползет за секундой. Наконец, на пульте одновременно вспыхивают еще два огонька. У циклопа в глубине пещеры открылась пара дополнительных глаз. Глазастенький ты мой...

- Есть пеленги один и три, - рапортую немедленно.

Автоматика кораблика захватила все три радиоточки на лунной поверхности. Сразу же включились двигатели ориентации корабля, расположенные над потолком кабины. В верхней части иллюминатора несколько раз полыхнули веселые оранжево-зеленые зарницы. “Лунник” чуть-чуть подровнял ориентацию по полученным с поверхности Луны пеленгам.

Внезапный и резкий толчок где-то под днищем корабля. Несколько секунд достаточно сильной вибрации. Но до “пыточной камеры” в Звездном городке – очень далеко. Там действительно зуб не попадал на зуб, а здесь – так себе, легкая дрынчалка. Толчки и вибрация в ощущениях подтверждают

“Давай полетим к звездам!”

информацию с пульта управления “Лунника”: двигатели ракетного блока “Д” выключились.

Вот и все, дорогой товарищ Леонтьев. Теперь или посадка на Луну, или аварийное возвращение на орбиту после включения двигателей самого “Лунника”. Третьего, как говорится, не дано.

Впрочем, почему не дано? Ведь существуют два варианта посадки: удачный, то есть штатный, и... Н-да... Тогда на лунной поверхности появится еще один кратер. Которому впоследствии будет присвоено имя Алексея Леонтьева, как нетрудно догадаться.

...Что-то темное наползает на сердце из мрачной бездны. Хохочущий гестаповец целится в мальчишку из пистолета....

Вдох. Выдох. Спокойно!

А откуда это мысли у меня такие мрачные? Сдрейфил я, что ли? Да нет, вроде бы... Пока все идет нормально. Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить...

Тихонечко начинаю насвистывать “Из-за острова на стрежень, на простор речной волны”... “Нервная энергия всегда должна находить выход”, - учил нас инструктор по парашютным прыжкам Николай Константинович Никитский. Мы, первый отряд советских космонавтов, молодые и еще “необстрелянные” космосом, взлетали на учебном самолете в солнечное апрельское небо над парашютной базой где-то под Энгельсом, весело хохотали, горланили песни, подначивали

“Давай полетим к звездам!”

друг друга – и прыгали, прыгали, прыгали. С разных высот, на любую местность, днем и ночью.

- “Флаг”, приготовиться к разделению, - в голосе Шаталина прорезаются тревожные нотки. – Десять секунд до отделения ракетного блока “Д”.

- Понял, “Заря”, - отвечаю. – Будем отрезать хвост!

В наушниках слышу легкий Володькин смешок. Еще одна шутка принята.

Странное у меня сейчас состояние. Тревожно-веселое. Случиться может все, что угодно. Повлиять на что-либо я практически не в силах. Поэтому остается только один способ контролировать ситуацию – шутить. Шутить, чтобы зубы не стучали.

Снова резкий толчок снизу. Намного сильнее прежнего, даже язык прикусил. Сердце ласточкой ныряет в невидимую бездну.

- Есть разделение, - говорит Шаталин спустя несколько томительно долгих секунд после толчка. – Включение двигателей лунного корабля!

Череда тревожных мгновений. Могут ли секунды ползти медленно, как улитки? Оказывается, могут.

Поглядываю в иллюминатор. Кратеры за окошком ускорили бег.

Новый толчок снизу, но уже не такой резкий, как первые два. Можно сказать, даже нежный. Лунный корабль начинает

“Давай полетим к звездам!”

дрожать. И мгновение спустя я уже слышу приглушенное взрывание ракетного мотора. Это двигатель “Лунника” включился по сигналу бортового посадочного радиолокатора “Планета”.

Звук работы двигателя становится чуть тише и размереннее. Он доносится не снаружи – там, за бортом, по-прежнему почти вакуум, какой там может быть звук? Звуковые колебания передаются снизу по конструкции моего кораблика. Такое впечатление, что все вокруг вдруг стало ворчать. Но не зло, а почти по-дружески, как ворчит на поздно вернувшегося и подвыпившего хозяина любящий и верный дворовой пес.

Сначала тяга посадочного двигателя идет почти на режиме максимума. Кораблик прекращает движение к Луне, слегка заваливается на бок и даже поднимается на несколько десятков метров вверх. На мгновение мелькает перед глазами неровная полоса лунного горизонта. Как серый оскал огромного дракона. Потом тяга двигателя падает до шестидесяти процентов от номинальной. “Лунник” выравнивается и снова начинает приближаться к Луне. Если смотреть со стороны, то мой кораблик только что выполнил что-то, отдаленно похожее на известную фигуру авиационного пилотажа – “петлю Нестерова”. Это предусмотренная программой полета операция. Теперь с уверенностью можно сказать, что ракетный блок “Д” отстал от корабля окончательно

“Давай полетим к звездам!”

и сейчас летит к Луне по баллистической траектории. Наша ящерка сбросила хвост и уже не получит этим огрызком из прошлого по затылку в самый неподходящий момент. Казалось бы мелочь, а все-таки приятно.

- “Флаг–один”, высота две тысячи метров, - информирует Земля. – Переходим на ручное управление.

Я несколько раз щелкаю тумблерами на пульте, нажимаю добрый десяток кнопок, и аккуратно берусь пальцами правой руки за рукоять управления. И только проделав все эти операции, сообщаю:

- Перешел на ручной режим. Как поняли, “Заря”?

- Принято, “Флаг–один”, - отзывается Шаталин. – Идешь на ручняке!

Правильно, Вовик, правильно. Идем на ручняке. Идем не потому, что сдохли основные тормоза или автоматика, а потому, что так написано в программе полета. Наши инженеры посчитали, что космонавт – Леонтьев, Шаталин или Валерка Быков, персоналии не имеют значения, - с посадкой справится все-таки лучше, чем самый умный-разумный робот-автомат. Человек - венец творения, и его сама “должность во Вселенной” обязывает быть умнее киберов.

Но ручное управление кораблем – все-таки иллюзия. Сейчас “Лунник” летит на высоте чуть более полутора километров, и его по-прежнему ведет автоматика. Потому, что вера наших инженеров в способности человека-космонавта –

“Давай полетим к звездам!”

это хорошо. Но вот в высоких инстанциях есть мнение, что автоматика все-таки надежнее. “Не надо возражать, товарищи конструкторы, у нас большой опыт партийной и хозяйственной работы. И с человеческим материалом в отдельности, и с трудовыми массами в целом. Поэтому пусть космонавта подстраховывает работающая автоматика!”.

И автоматика “Лунника” подстраховывает, выдает команды, ободряюще подмигивает лампочками световой сигнализации. Но теперь, после перехода “на ручняк”, у меня есть возможность в любой момент вмешаться в безупречную работу “космического робота” и перехватить управление “Лунником”. После этого в моем распоряжении будет примерно минута времени, чтобы с помощью ручного управления двигателями ориентации и регулирования тяги основного двигателя выполнить зависание корабля, его маневр над лунной поверхностью, окончательно выбрать посадочную площадку и прилуниться. Всего ничего...

При выборе места посадки возможности ограничены пяточком в пятьсот-шестьсот метров. Если на этом пяточке я не найду удобную “полянку” для лунного “пикника”, то придется увеличивать тягу двигателя до ста процентов и быстренько возвращаться на орбиту вокруг Луны. Но я почти абсолютно уверен, что убежать обратно в космос в аварийном режиме не придется. Все-таки не зря “Луноходы” чуть ли не полгода утюжили этот район, составляя самую подробную карту

“Давай полетим к звездам!”

местности. Здесь нет больших кратеров или крупных камней. Везде практически ровная и гладкая поверхность. С учетом лунных реалий, конечно. Тут тоже есть кое-что... Но это так, мелочевка: два или три неглубоких метровых кратера, несколько десятков острых булыжников и россыпи лунной гальки почти повсюду. По мнению наших ученых, идеальное место для первого визита к “тетушке Селене”.

- Ты на высоте тысячи метров, Леша, - говорит Шаталин, позабыв назвать мой радиопозывной. Волнуется товарищ дублер. – Баллистики только что сообщили, что ракетный блок “Д” упал на Луну примерно в пяти километрах от расчетного места твоей посадки.

- Понял, “Заря”, - отвечаю я. – На борту порядок.

“Лунник” продолжает снижаться и одновременно летит над лунной поверхностью. Во все глаза смотрю на проплывающие за окном пейзажи. Не столько люблюсь сменяющимися друг друга видами Луны, сколько пытаюсь заранее оценить степень реальной опасности места будущей посадки. Я с закрытыми глазами могу нарисовать достаточно подробную карту посадочной зоны. Но теорию всегда нужно проверять практикой. А практика сейчас – это тщательное наблюдение за районом предстоящего прилунения.

“Тетушка Селена” значительно меньше Земли, и поэтому при полете над лунной поверхностью горизонт кажется необычно близким. Это затрудняет визуальную оценку высоты

“Давай полетим к звездам!”

полета. Земной опыт довлеет, и создается впечатление, что “Лунник” летит гораздо выше, чем на самом деле.

Лик Луны с высоты около километра напоминает серый мрамор, покрытый грязно-белыми пятнами разной величины. Кратеры похожи на бело-серые оспины на более темном сером фоне. От некоторых из них радиально отходят светлые пылевые лучи, – наверное, следы разлета пыли при ударе метеоритов.

Видимость очень хорошая, бликов на иллюминаторе нет. Солнце сейчас находится где-то у меня за спиной, с противоположной стороны от иллюминатора корабля. Солнечные лучи падают на подстилающую поверхность примерно под углом двадцать градусов.

Кратеры внизу, под “ногами” “Лунника”, похожи на огромные круги с рваными краями. На Земле, рисуя свои картины, я примерно так их и представлял. А вот кратеры, расположенные на некотором удалении от вертикали и ближе к горизонту, выглядят очень необычно. Они больше напоминают овалы разных размеров. Из-за того, что освещение боковое создается впечатление, что внутри этих светлых овалов “вписаны” меньшие по размеру и тоже овальной формы тени. Тени очень четкие, почти черные. Кто-то взял множество разновеликих блюдец, беспорядочно расставил их на лунной поверхности и наполнил очень темной и маслянисто поблескивающей жидкостью.

“Давай полетим к звездам!”

Еще вижу внизу очень много неровностей, состоящих из бесформенных холмиков пыли и мелких камней. Будто сотни и тысячи черепах испуганно замерли в серых панцирях, увидев, как из черноты неба вынырнул, растопыбив четыре металлических ноги, мой кораблик.

- Пятьсот метров, - не дает забыть о себе Володька Шаталин. – Что видишь в окошко, “Флаг–один”?

- Володя, ты не поверишь: вижу Луну, - отделяваюсь шуткой. Совершенно не хочется описывать пейзаж за окном, хотя по инструкции я именно это и должен сейчас делать. Хочется просто смотреть.

Вот за иллюминатором проплывает достаточно большой кратер, метров тридцать в диаметре, не меньше. Он очень хорошо освещен и кажется почти белым на фоне имеющей цвет морской волны лунной поверхности. Вокруг кратера хорошо просматривается пылевой вал округлой формы.

Стенки корабля немного подрагивают. Двигатель размеренно урчит. Словно мурчит приласканный, разнежившийся на руках у хозяина пушистый котик.

Внимательно смотрю на приближающуюся лунную поверхность. Сейчас кораблик словно плывет над ней. Любая неровность на лунной поверхности в лучах солнечного света кажется яркой, почти ослепительно белой. Формы неровностей очень разные. Некоторые похожи на рваные вытянутые облака, некоторые – на причудливо изогнувшихся змей. Корабль летит

“Давай полетим к звездам!”

над Луной, угол отражения неровностями на лунной поверхности солнечных лучей постоянно меняется. Поэтому кажется, что и “облака”, и “змеи” внизу – живые, шевелящиеся.

Вот мелькнул большой кратер, а внутри него несколько маленьких. Еще кратер, в который “вписан” кратер меньшего размера – в большом круге с рваными краями меньший круг. Меньший касается большего, кажется, только в одной точке. Лунные Архимеды и Пифагоры, наверное, немало усилий приложили, создавая такой шедевр.

Ага, вот и внешнее “касание” двух кратеров. Причем один из них даже чуть налез на другой, и границы между ними в месте касания практически нет. А вот тут, рядом, еще два небольших кратерочка. И между ними очень тонкая ленточка границы.

- Двести метров над поверхностью, - сухо сообщает Шаталин. – Вертикальная скорость снижения – десять метров в секунду.

- Понял, “Заря”. Наш поезд прибывает на станцию “Луна”. Уже вижу здание вокзала и ковровые дорожки к вагону.

Володя, кажется, взял себя в руки и больше не волнуется. Ну, и правильно, чего волноваться? Первая высадка на Луну – экая невидаль! Сколько раз отработывали ее на тренажерах, с завязанными глазами совершить можно. А вы, дорогие товарищи, на вертолете в режиме авторотации не приземлялись, нет? Вот где эмоции, вот где острые ощущения!

“Давай полетим к звездам!”

С высоты сотни метров – и на Землю-матушку сесть, ровно, четко сесть, так, чтобы не плюхнуться мешком, а элегантно, красиво. По сравнению с теми нашими тренировками на вертолетах, нынешний спуск к Луне – это так, семечки. Конечно, если не принимать во внимание, что это ПЕРВЫЙ в истории человечества спуск пилотируемого аппарата на поверхность иной планеты. Но об историческом значении полета я сейчас думаю меньше всего. Не время.

- “Флаг–один”, у нас пропала картинка с внутренней телекамеры, - обеспокоено говорит Шаталин. – Леша, проверь питание. Ты там случайно ничего не выключил?

На пульте индикатор телекамеры горит нормальным светом, тумблер в положении “включено”. Значит, повреждение появилось где-то в самой камере. Земля “ослепла” на один глаз и теперь не видит меня. Это неприятно, конечно. Но не смертельно. Ну, не получит советский телезритель изображения моей жизнерадостной рожицы в момент посадки – не велика потеря. Хотя, конечно, для истории...

- У меня нормальная индикация по внутренней телекамере, “Гранит”, - говорю я. – С камерой разберусь после посадки. Внешние камеры работают?

- По внешним замечаний нет. Картинка четкая и хорошая. Даем почти в прямой эфир на Центральное телевидение.

“Давай полетим к звездам!”

Хорошее слово “почти”. В данном случае оно означает, что передачу наши “компетентные товарищи” задерживают минут на пять. И если – не дай Бог! – со мной или с “Лунником” что-то случится, эта “прямая” телепередача на ЦТ будет немедленно прервана. По техническим причинам.

До боли в глазах всматриваюсь в пейзаж за окном. На Луне есть места, буквально испещренные глубокими трещинами и кратерами, а есть ровные и практически бескратерные участки, лишь чуть-чуть иссеченные всякой кратерной и каменной мелочью. На одном из таких ровных участков я и должен посадить “Лунник”. Где-то вон там...

- Сто пятьдесят метров... Леша, ты почти над самой границей посадочной зоны, - голос Шаталина снова буквально звенит от волнения. Опять заволновался мой товарищ и дублер. Я давно подметил: когда сидишь в ЦУПе и контролируешь чью-то работу в космосе, иногда волнуешься и переживаешь больше, чем сами участники космического рейса. Ты – только наблюдатель, и при всем желании помочь тем, кто работает “наверху”, практически ничего изменить не можешь. Разве что совет дать. А вот ребятам, которые работают над Землей, переживать и особо волноваться просто некогда. Работа съедает почти все чувства и ощущения.

Бликующая точка появляется почти точно в месте предполагаемой посадки. Похоже на большой осколок зеркала, который отражает солнечные лучи...

“Давай полетим к звездам!”

- Высота сто метров, скорость снижения восемь.

Что-то яркое поблескивает прямо в том месте, куда “Лунник” ведет автоматика... Ну-ка, ну-ка... Мама дорогая, это же “Луноход”! Но откуда?!

Район будущей высадки определили загодя. Фотосъемка с борта лунных автоматических орбитальных станций дала общую панораму Луны. А уже после облетов Луны пилотируемыми кораблями “Север” и “Знамя” посадочный район выбрали окончательно. Его тщательно обследовали с помощью самоходных аппаратов “Луноход-3” и “Луноход-5”. Сюда же заранее был высажен и резервный корабль “Лунник-3”. Оба “Лунохода” и “Лунник” образовали на поверхности Луны почти равносторонний треугольник, в центре которого находится район высадки. По пеленгам с этих трех аппаратов мой кораблик должен совершить посадку - в центр треугольника. Но сейчас он почему-то снижается не в выбранный район, а идет прямо на один из “Луноходов”!

Начинаю лихорадочно соображать, что могло произойти. Мысли в голове прыгают зайчиками, путаются. Версии, версии, версии...

Ну, что случилось? Скорее всего, произошел сбой бортовой вычислительной машины на “Луннике”. Если пеленг с “Лунохода-5” был принят раньше пеленгов с “Лунохода-3” и “Лунника-3”, компьютер на моем корабле почему-то – а вот почему, черт возьми?! - посчитал принятый сигнал как

“Давай полетим к звездам!”

одновременное прохождение сигналов от всех трех аппаратов. И, конечно же, выдал команду на ориентацию корабля в геометрический центр, расположенный между этими тремя точками. Хорошо, допустим, что так все и было...

Так, а дальше? Бортовая вычислительная машина повела кораблик не в посадочный район, а прямо на “Луноход”. И хотя буквально минутой позже компьютер принял настоящие сигналы от “Лунохода-3” и “Лунника-3”, менять принятое решение он уже не стал. Почему? Потому что, такая смена района посадки после калибровки по трем пеленгам не предусмотрена программой полета. Поэтому сейчас “Лунник” послушно идет строго по радиолучу, прямо на “Луноход-5”. Годится, в качестве объяснения? Пожалуй.

Ладно, детальной аналитикой займемся потом, после посадки. А сейчас нужно что-то делать, иначе и в самом деле сяду “задницей” прямо на наш “лунный трактор”!

Включаюсь в работу. Два щелчка тумблерами, одна нажатая кнопка на пульте, - и управление “Лунником” теперь полностью в моих руках. Наверное, со стороны я сейчас больше всего похож на одетого в скафандр пианиста. Исполняется космическая симфония спуска на ручном управлении. Премьера, товарищи...

Включаются двигатели ориентации на “крыше” корабля. Быстрее, быстрее! Нужно уйти в сторону, иначе корпус

“Давай полетим к звездам!”

“Лунника” при посадке может задеть стоящий на небольшой возвышенности “Луноход”.

- Высота девяносто метров...

Кораблик качнулся влево и яркое пятно “Лунохода” не спеша уплывает из поля зрения.

- Восемьдесят...

Нужна новая площадка для посадки. Куда, куда? А вот сюда попробуем... Что у нас тут? Два довольно больших кратера и несколько очень крупных камней. Откуда?! На карте ничего такого не было.

- Высота семьдесят...

Камни могут попасть под посадочную стойку. И кратеры тоже не подарок. Нет, лучше поискать другое место для посадки. Время и высота еще есть.

- Шестьдесят...

Местность кажется совершенно незнакомой. Ничего не понимаю...

Я ошибся! Нужно было лететь вправо, внутрь посадочного треугольника. Но я растерялся и взял влево. “Лунник” сейчас уже далеко ушел за границу разведанной автоматами зоны. Времени, чтобы исправить ошибку и вернуться к месту предполагаемой посадки, нет даже теоретически. А здесь садиться просто опасно. Что делать?

Так, спокойно! Клин клином... Берем еще левее!

- Высота пятьдесят, Леша!

“Давай полетим к звездам!”

Мама дорогая, до Луны осталось всего полсотни метров!
А что с посадочной площадкой? Тьфу ты, снова не то!

- “Флаг–один”, “Лунник” вышел за пределы посадочного треугольника! – это уже не Шаталин. По голосу не узнаю. Может быть, Жора Шонов?

Вижу, ребята. Корабль опускается в совершенно неизвестном районе...

Ну, и что теперь? Все-таки рискнуть и попробовать сесть? Или уходить вверх?

Решение только за мной. Одно движение пальцев – и аварийный старт. Крушение всех наших надежд. Вся наша космическая программа – соседской Мурке под хвост...

- Сорок метров, “Флаг–один”!

Аварийный взлет? Я еще успеваю уйти...

...Леденящий ужас. Скалится в улыбке проклятый фриц...

А вот дудки! Ни за что! Эта темная норка не для нашей шустрой мышки...

Идем дальше! Ну-ка, что там у нас еще левее...

- Тридцать... “Флаг–один”, как понял? – Володька уже почти кричит.

Есть! Вот она, милая! Ровная площадка и практически без крупных камней. Так, нам сюда!

Круто разворачиваю “Лунник” вокруг продольной оси.

- Двадцать метров... “Флаг”, тебя не слышу!

“Давай полетим к звездам!”

Собираюсь ответить, но невидимая сила сжимает зубы. Ноет шея и каменеет затылок. Судорога, что ли? Только этого мне и не хватает для полного счастья!

Ладно, личные ощущения в сторону. Потом будем анализировать. Если это потом будет, конечно... А сейчас - не отвлекаться!

- Десять! Лешка, на связь!

Подожди, Володя, подожди! Кораблик уже выровнялся и занял строго вертикальное положение. Горячие газы из его сопла ударили в поверхность Луны. Сквозь иллюминатор вижу, как очертания мелких кратеров под “Лунником” утратили резкость, стали постепенно расплываться от огненного дыхания посадочного двигателя. Секундой позже из-под кормы корабля развернувшимся веером брызнули во все стороны сизые пылевые лучи. Это двигатель окончательно сдул с камней и твердого грунта лунную пыль, которая лежала здесь миллионы и миллиарды лет. Пылевое облако понеслось прочь от “Лунника”, словно подгоняемое ветром.

Я стал частью моего корабля. Его сердцем, головой и мозгом. А он стал продолжением меня. Сейчас мы - единое живое существо. Это у меня четыре металлических ноги. Это у меня работающий на надрыве ракетный двигатель. Это мои невидимые пальцы радиолучей ощупывают миллионолетние камни на теле “тетушки Селены”.

“Давай полетим к звездам!”

- Высота пять метров, “Флаг–один”! Алексей, почему молчишь?!

Ком в горле. Сердце колоколом бабахает в уши и рвется наружу из груди. Я еще дышу или уже перестал дышать?

Черное остроконечное тело откуда-то сверху наползает на вспенившуюся пылью лунную поверхность за иллюминатором. Что за хренотень... Хренотень-тень... Ага, это же тень от опорной стойки, от “ноги” “Лунника”. Тень кинжалом втыкается в Луну и постепенно размывается в облаке улетающей из-под корабля пыли.

Бешеная пляска индикаторных светлячков на пультах...

Есть касание! Есть выключение двигателя!

Ощутимый пинок в кормовую часть корабля. Четыре “ноги” “Лунника” стали на поверхность Луны. Покрякивая от напряжения, включились в работу амортизаторы, размещенные в опорных стойках, в боковых подкосах и на опорных “башмаках”. Сейчас они поглощают энергию движения корабля за счет деформации “сотовых” вкладышей, сделанных из тонкой, но очень прочной титановой фольги. Кажется, что даже сквозь гермошлем скафандра я слышу возмущенный скрежет сминаемого металла. Иллюзия, конечно...

Мгновение спустя пол кабины проваливается вниз. Первая мысль: “Неужели яма?!”

“Давай полетим к звездам!”

Но тут же соображаю: нет, это сработали установленные на посадочных стойках четыре небольших твердотопливных ракетных двигателя. Они должны надежно прижать кораблик к лунной поверхности, чтобы не дать ему перевернуться от удара при посадке.

Снова резкий толчок снизу. “Лунник” задрожал всем телом. Кажется, даже покачнулся. И замер.

Я окаменел перед пультом, прислушиваясь. Посмотрел в окно. Перед иллюминатором расстилалась серая пыльная равнина, местами усыпанная небольшими острыми камнями. Больше ничего и никуда не двигалось.

Вот и все. То, к чему мы шли долгие годы, наконец, произошло. Мой кораблик стоял на лунной поверхности. Прочно стоял, всеми четырьмя “лапами”.

И тут на меня накатило...

Я вдруг ощутил страшный холод. Зубы начали выбивать чечетку. Холодные мурашки змеей скользнули по спине, а кончики пальцев превратились в дрожащие ледышки.

Но это ощущение чудовищной холодины продлилось всего несколько мгновений. А потом пришел нестерпимый жар. Кровь волной ударила в голову. Крупные капли пота медленно поползли по лбу, перебрались через брови и нырнули к глазницам, превращая весь окружающий мир в невообразимую смесь теней и света. В ушах тонким зуммером зазвенела тишина.

“Давай полетим к звездам!”

Организм среагировал на невиданную эмоциональную перегрузку последних минут перед посадкой. Выплеснул всю негативную энергию, которую в течение нескольких десятков секунд старался сдержать внутри. Я понимал все это, но сделать что-либо, остановить инстинктивные рефлексии миллионов мельчайших клеток, составляющих тело человека по имени Алексей Леонтьев, не мог. Я был совершенно бессилён.

Не знаю, сколько секунд или минут пробыл среди этого испепеляющего жара. Избавительницей и освободительницей пришла дурманящая и сладкая слабость. Я обвис на лианах привязных ремней и уже почти не стоял на ногах. Сознание странно затуманилось и померкло. Ощутил себя маленькой и беспомощной букашкой внутри туго скрученного ватного одеяла. Удобно, комфортно и удушливо сладко.

Наверное, так могло бы продолжаться миллиард лет. Но в этой удушающей пелене ватного безмолвия родился терзающий мой уставший разум звук. Где-то очень далеко, почти на пределе слышимости, появилось прерывистое жужжание. Пчела залетела в распахнутое окно тенистой веранды и билась об стекло, пытаюсь вернуться в обычный, зелёный и солнечный мир.

Это был единственный раздражитель в ватной вселенной вокруг, и не оставалось ничего другого, как прислушаться.

“Давай полетим к звездам!”

Звук постепенно нарастал. Почудилось, что я стал различать в этом переливчатом жужжании какие-то знакомые интонации...

А потом стена окружавшего меня безмолвия рухнула. Рассыпалась на мелкие, кружащиеся вокруг осколки. И сквозь эту звенящую тучу обломков тишины прорвался встревоженный и громкий голос Володьки Шаталина:

- “Флаг–один”, почему молчишь?! Леша! Алексей!

Несколько раз моргнул глазами. Мир стал обретать обычные цвета и четкость.

Глубокий судорожный вдох. Первый с той уже бесконечно далекой минуты, когда мой кораблик стал растопыренными ногами на каменистое основание Луны.

Облизал пересохшие и растрескавшиеся губы. С невероятным усилием проглотил застрявший в горле плотный комок. Язык шевелился тяжело и неуклюже. Как совковая лопата, нагруженная густо замешанным цементным раствором.

- “Заря”, на связи “Флаг–один”, - хрипло выдохнул из самых глубин легких. - Говорит Море Спокойствия. “Лунник” сел.

“Давай полетим к звездам!”

Чеслав Волянецкий и другие - 6

(рабочие записи)

“АТЫ-БАТЫ ШЛИ ДЕБАТЫ”

Нападение “белого шара” на базу слежения в Египте, - да еще вовремя проведения нашей контроперации, - поставило на уши миростроителей всей Системы.

Мы предполагали, что рано или поздно при реализации нашего проекта столкнемся с иным разумом – инопланетянами, жителями из параллельных миров или какими-нибудь пришельцами из собственного будущего. Когда имеешь дело с практическим строительством пространственно-временных континуумов наивно полагать, что ты самый умный и технологически продвинутый. *Aurículas asini quis non habet*, или, если сказать по нашенски, и на старуху найдется проруха. Теоретически, конечно, чисто теоретически...

Но когда “белый шар” появился в небе над Абу-Кали и атаковал сначала десантную группу, а потом и модуль поддержки, - это был шок. Все-таки мы, люди, наивны и антропоцентричны. Мы живем в мире созданной нами же морали и весьма далеких представлений о реальной жизни. Предположение, что “иновремяне”, которых мы однажды встретим среди бесчисленных миров, могут оказаться не братьями по разуму, а субъектами, действующими с непонятными для нас целями, - может быть, даже врагами, -

“Давай полетим к звездам!”

решительно отвергалось подавляющим большинством миростроителей. Это было бы чудовищно, нелепо, просто невозможно! Разум, способный послать разведчиков или миростроителей в иные вселенные, и значит, хотя бы теоретически способный создавать такие вселенные, полагали многие из нас, не мог быть заражен чувствами неприязни, вражды или ненависти к другому разуму, к другому сообществу живущих среди пространственно-временных континуумов мыслящих существ.

И тем горше было наше разочарование...

Шар, который атаковал “Галеон”, перехватить на околоземной орбите не удалось. Белый круглый призрак просто не появился в космосе. Орбитальная база ни на секунду не оставляла его вне контроля. И, тем не менее, на высоте примерно ста километров от поверхности Земли шар исчез.

Спешно созданные четыре поисковые группы на стандартных рабочих модулях обшарили атмосферу над Египтом, прочесали околоземные орбиты, буквально вылизали за сутки космическое пространство между Землей и Луной – все тщетно. Круглый агрессор словно испарился.

Шесть десятков пленных десантников после восстановления контроля над Абу-Кали попали в наше полное распоряжение. Их немедленно переправили на антарктическую базу, и сектор психологической поддержки в полном составе занялся пленниками.

“Давай полетим к звездам!”

Но и тут нас ждало разочарование. Пленники – все как один, - оказались офицерами Советской Армии из разных регионов СССР. Они находились в очередных отпусках вдали от своих войсковых частей, когда неожиданно с нарочным получили предписание немедленно пребывать в распоряжение некоего военного учебного центра в пригороде Ташкента. В учебном центре их переодели в новую форму, выдали оружие, в течение пары недель тренировали и инструктировали, а затем на трех грузовиках отправили “для выполнения боевой задачи в пустынной местности”. Каким образом три автомобиля с людьми переместились из Узбекистана в Египет, ни один из пленников понятия не имел. Они вообще не знали, что находятся в Африке.

На вопрос, что они собирались делать на станции слежения, “языки” тоже не смогли дать вразумительного ответа. Ясно, что вся эта операция по захвату Абу-Кали была предпринята хозяевами белого шара для установления контроля над “Сервейором-8”. Но для чего? Действительно для диверсии против первой советской лунной экспедиции или все же с какой-то иной целью? На этот вопрос мы не находили ответа.

Ясным, однако, стало другое. Хозяева шара-агрессора до момента потери своей зазомбированной десантной группы старались действовать максимально скрытно, ничем не выдавая своего присутствия. Очевидно, что они хотели

“Давай полетим к звездам!”

остаться незамеченными жителями “местного” мира. И только наше активное вмешательство заставило их задействовать белый шар.

После допросов психологам не оставалось ничего иного, как аккуратно стереть у всех десантников память о бойне на американской станции слежения, заменить ее более реалистичными “воспоминаниями”, и срочно отправить офицеров по домам догуливать отпуска.

Совершенно одинаковые истории, рассказанные шестью десятками людей, убедили наших психологов в том, что мы имеем дело с ложными, специально наведенными “воспоминаниями”. Очевидно, что еще в момент контакта с нарочным, доставившим секретное предписание, офицеры потеряли над собой контроль. Проверка показала, что никакого военного учебного центра в Ташкенте не существует.

Более того, мы проследили следы автомобилей в пустынной местности около Абу-Кали. Следы возникли на песке примерно в семи километрах от американской станции слежения. Три автомобиля с десанниками словно материализовались из ничего прямо посреди пустыни. Или были транспортированы в исходную точку маршрута по воздуху неизвестным воздушным судном.

Как на грех, обострилась и политическая ситуация. Едва “Лунник” сел на Луну, американское агентство “Юнайтед Пресс Интернешнл” распространило информацию о том, что

“Давай полетим к звездам!”

Леонтьеву запрещен выход на Луну из-за серьезных неполадок на посадочном корабле. В прессе, на радио и телевидении начала подниматься волна паники и домыслов. Все это никак не вписывалось в наш базовый сценарий, и могло вызвать самые непрогнозируемые последствия.

Эта проблема была в моей резидентской компетенции. И пришлось срочно обращаться в советское посольство в Соединенных Штатах, чтобы получить разъяснения из первых рук о техническом состоянии “Лунника”. Русский посол Добрынов оказался на высоте и однозначно охарактеризовал информацию ЮПИ как злонамеренную и спланированную провокацию. Количество сплетен в средствах массовой информации резко пошло на убыль.

Вечером 30 октября, - в тот же день, когда произошла бойня на Абу-Кали, -срочно собранный Совет Главных подвел некоторые итоги напряженного дня. Атака на советскую лунную экспедицию была нами отбита, и главный вопрос сейчас звучал так: будут ли пытаться хозяева белого шара и зомбированных десантников наносить второй удар? “Сервейор” и “Знамя” по-прежнему находятся в окололунном пространстве, и агрессоры – за ними с подачи кого-то из мастеров меткого словца закрепилось название “гипнотизеры” - могут попробовать снова атаковать советский космический комплекс. Для удачной атаки вовсе не нужно захватывать станцию дальней космической связи. Это было необходимо для

“Давай полетим к звездам!”

скрытной атаки, которую можно приписать каким-нибудь террористам из земных политических группировок. Но если атаковать напрямую, не заботясь о скрытности, второй удар можно ожидать в любой момент. И не обязательно с помощью американского “Сервейора”. Как мы убедились в Абу-Кали, белый шар может и самостоятельно с легкостью уничтожить любой земной объект.

Василий Павлович Михеев предложил немедля ни минуты взять под контроль все космическое пространство в радиусе примерно трех миллионов километров от Луны. Если шар появится и попытается с помощью “Сервейора-8” или самостоятельно нанести удар по “Знамени” и “Луннику”, мы должны всеми силами остановить угрозу. Вплоть до немедленной ликвидации шара в момент его появления.

Михееву возразил Валентин Петрович Глуховцев. Нет никакого смысла держать под контролем объем космического пространства диаметром двадцать световых секунд. Шар может появиться в любой точке внутри этой зоны. Он может появиться, например, в двух метрах от “Лунника”, нанести разрушающий удар и снова исчезнуть. Еще хуже, если агрессор способен атаковать прямо из гиперпространства – например, каким-то оружием, похожим на дистанционно действующие мины или торпеды.

Предположение Валентина Петровича Глуховцева заставило нас задуматься о том, как реально обеспечить

“Давай полетим к звездам!”

безопасность “Знамени” и “Лунника”. Кто-то предложил просто заключить ракетно-космический комплекс в силовой кокон, экранирующий излучения. Но это предложение было отвергнуто сходу: в этом случае Леонтьев и Макарин лишились бы радиосвязи с Землей.

Долго совещались и жарко спорили, но, в конце концов, родилось, как нам тогда казалось, эффективное решение: окружить лунный ракетно-космический комплекс пятью беспилотными десантными модулями, создав вокруг него защитную “коробочку”. При появлении шара следовало немедленно нанести по нему лучевой удар: ставки были слишком велики, чтобы идти на риск срыва всей лунной программы. Одновременно был взят под контроль и американский “Сервейор-8”. При любой попытке его сближения с “Лунником” и “Знаменем”, автоматический космический аппарат должен быть уничтожен.

Во время посадки “Лунника” на Луну десантные модули вплоть до самой поверхности должны были прикрывать его собой с четырех сторон и сверху. Снизу, со стороны работающих двигателей и лунной поверхности, решили защиту не ставить: казалось маловероятным, что шар начнет атаку от поверхности Селены.

В окололунном пространстве разместили двадцать пять пилотируемых патрульных модулей. Конечно, все модули работали в режиме полной невидимости. Координатором

“Давай полетим к звездам!”

“лунной эскадры” был назначен я – как ответственный за реализацию всего лунного проекта в этом мире.

Немедленно сформировались экипажи, и мы тотчас же отправились на дежурство к Луне. В напарники себе я выбрал Игоря Лосева – моего “крестника”. Пару сотен лет назад – по общему времени, разумеется, - я, почти так же, как когда-то вытащил меня из “нюпоры” Карлос Донилья, - “выдернул” Игоря со товарищи за секунду до катастрофы с борта экспериментального лайнера, который растяпа-диспетчер в сложных метеорологических условиях вместо полосы аэропорта в Индонезии загнал на склон покрытой джунглями горы.

...Шар появился за шесть с половиной минут до расстыковки “Знамени” и “Лунника” на окололунной орбите, всего в двух десятках километров от них. Тотчас же с четырех ближайших десантных модулей мы нанесли по белому призраку мощнейший лучевой удар.

Никакой человек-оператор, никакая созданная людьми система управления не справилась бы с задачей отразить этот удар. Даже теоретически это было невозможно: ни одна управляющая система не способна среагировать на залп летящих со скоростью света частиц. А вот шар смог. Смог вопреки всем законам физики. Когда мы потом анализировали видеозаписи боя, оказалось, что белый агрессор исчез из зоны поражения, нарушив все причинно-следственные связи, за

“Давай полетим к звездам!”

сотые доли секунды до того, как его поверхности должны были коснуться разящие клинки наших лучевых пушек. Конечно, это могло быть случайностью. Иначе следовало признать, что шар может реагировать на события быстрее, чем распространяется скорость света в вакууме.

- Кажется, отбились, - вымученно улыбнулся Игорь Лосев и взглянул на часы. – Три с половиной секунды... Бой длился всего три с половиной секунды.

- Погоди радоваться, - я резко осадил его. – Он может пойти на вторую атаку!

И шар действительно атаковал снова. Атаковал, когда “Лунник” был на высоте всего полутора километров от поверхности Луны.

Мы прикрывали невидимыми десантными модулями корабль с Леонтьевым со всех сторон и сверху. Но шар то ли разгадал наш маневр, то ли каким-то образом видел нас, несмотря на пелену невидимости по всему спектру. И поэтому он появился оттуда, откуда его не ждали. Видеокамеры зафиксировали, что он просто “выделился” из лунного грунта, не оставив на поверхности Луны ни следа своего пребывания, и резко пошел навстречу “Луннику”. Мы, конечно, среагировали так быстро, как только смогли – пара секунд плюс время на получение и обработку сигналов. Снова лучевые пушки ударили залпом по несущемуся навстречу белому шару. И снова он исчез раньше, чем мы смогли нанести ему хоть

“Давай полетим к звездам!”

какой-то вред. Но за мгновение до исчезновения острая рапира какого-то модулированного сигнала ушла от шара в направлении снижающегося “Лунника”. Это не был лучевой удар. Скорее всего, это была какая-то команда перехвата управления космическим кораблем: “Лунник” сразу же стал заваливаться на бок, ощутимо меняя траекторию спуска.

- Он идет прямо на “Луноход”! – Лосев почти кричал. – Корабль сбился с курса!

- Вижу, - сквозь сжатые зубы процедил я. – Заходи снизу, под “Лунник”. Попробуем подхватить Леонтьева около самой поверхности!

Но Леонтьев, молодчина, справился с нештатной ситуацией раньше нас. Он и сам обнаружил, что корабль летит в опасном направлении, перешел на ручное управление “Лунником” и стал искать новое место для посадки.

Мы по-прежнему патрулировали пространство вокруг снижающегося корабля, ожидая нового появления шара. Но агрессор больше не предпринял попыток атаковать. “Лунник” коснулся поверхности Луны, чуть подпрыгнул, утонул в облаке поднявшейся серо-коричневой пыли и замер.

Я отдал приказ продолжать патрулирование, зависнув над районом посадки. Невидимый враг мог решиться на третью атаку в любой момент.

“Давай полетим к звездам!”

Мартын Луганцев и его собеседники - 7

(записки журналиста)

КАК УСТРОЕНЫ КОСМИЧЕСКИЕ СКАФАНДРЫ?

В сорок “с хвостиком” лет Гай Ильич Северцев, лауреат Ленинской и Государственной премий, выглядит лет на десять моложе. Подтянут, строен, спортивен. Аккуратно расчесанные волосы с проблесками седины на висках. Взгляд темных глаз цепок и внимателен.

Мы беседуем в кабинете Северцева. Большая комната с огромными зашторенными окнами. Напротив окон, у стены, четыре стеклянных кокона, в которых застыли модели советских космических скафандров – “Беркут”, “Ястреб”, “Орлан” и “Кречет”. А рядом с моделями скафандров, ближе к углу кабинета, с портрета улыбается Юрий Алексеевич Гагаров. И тут же подпись – “Гагар” с четырьмя волнами в правом углу, над резной рамкой. “Гагарин”, как прочитывает эту подпись Инга.

Инги сегодня со мной нет. Аджубеев дал ей срочное задание, и мое Солнышко сейчас летит на пассажирском самолете в Ленинград – туда сегодня с визитом пребывает премьер-министр Объединенной Германии.

- Значит, вас интересуют наши скафандры? – Северцев изучающе смотрит на меня.

“Давай полетим к звездам!”

- Не только, Гай Ильич, - качаю головой. - Читателей нашей газеты интересуют кроме передовой техники еще и люди, которые эту технику создают.

Он удивленно моргает.

- Откровенно говоря, Гай Ильич, - начинаю пояснять, - мне дали задание написать очерк не столько о ваших разработках, сколько лично о вас. Очерк о конструкторе космических скафандров Северцеве.

- Что же, - он слегка пожимает плечами, - задавайте вопросы. Не скрою, мне будет приятно прочесть о себе в газете. Нас, конструкторов, пресса не часто балует вниманием.

- Тем более что вплоть до последнего времени и ваше предприятие, и вы, его руководитель, были строго засекречены... - раскрываю рабочий блокнот.

- Военное противостояние с Америкой диктует свою логику действий. В том числе и секретность, - поясняет Северцев. - Но теперь секретность с наших работ отчасти уже снята. Что толку секретить скафандр, который завтра увидит на своих телеэкранах весь мир?

- Да, в этом теперь нет смысла, - соглашаюсь я. – Хорошо, что заодно решили рассекретить и некоторых главных конструкторов на предприятиях, так или иначе связанных с космосом.

“Давай полетим к звездам!”

- Надеюсь, что работать теперь станет проще. Меньше будет всяких дурацких инструкций... Ладно, давайте начнем. Задавайте ваши вопросы, Мартын Андреевич.

Мы начинаем разговор. Гай Ильич хороший рассказчик, и всего минут за двадцать я узнаю массу подробностей из его жизни: где родился, как учился и каким образом стал главным конструктором всех отечественных космических одежд. Делаю заметки в рабочем блокноте и постепенно перевожу нашу беседу в плоскость обсуждения технического устройства лунного скафандра.

Гай Ильич пускается в рассуждения о том, что космонавт-исследователь, одетый в скафандр, должен сохранить все двигательные и рабочие способности человека в обычных условиях. Вот какой на Луне рельеф? Самый разный. Спуски, подъемы, пересеченная местность. Человек в скафандре должен легко ходить по лунному грунту при любом рельефе поверхности. Если, - не дай Бог, конечно! – космонавт споткнется и упадет, ему необходимо суметь без посторонней помощи подняться на ноги. Космонавту требуется свободно сгибать руки и ноги, нагибаться, чтобы поднять лунные камни с поверхности. Ему придется выполнять в перчатках простейшие монтажные операции. И не стоит забывать, что все это скафандр будет обеспечивать в диапазоне температур от минуса ста тридцати до плюса ста шестидесяти по Цельсию. Кроме того, желательно, чтобы космонавт мог в случае необходимости

“Давай полетим к звездам!”

подкрепиться – поесть, попить. Ну, и удовлетворить прочие естественные надобности, разумеется...

- И что, все эти системы размещаются “на борту” вашего скафандра? – позволяю себе усомниться я. “Сомнение” – один из способов раззадорить собеседника на более подробный рассказ.

- Не на борту, а на спине, - поправляет Гай Ильич. – Космонавт “входит” в скафандр через дверцу - люк на спине. В этой “двери” размещается вся система жизнеобеспечения скафандра.

Мы беседуем еще почти целый час об устройстве бортовых систем “Кречета”, количество исписанных страничек в моем блокноте стремительно множится. Материала для статьи уже более чем достаточно, и я решаю закругляться:

- Гай Ильич, и последний вопрос. С технической точки зрения, ваш скафандр – само совершенство. А достаточно ли он удобен для передвижения человека по Луне?

Вопрос с подковыркой, но Северцев задумался лишь на секунду, формулируя ответ:

- Минувшей зимой был такой случай... Один из наших испытателей решил на спор пробежать в “Кречете” вокруг испытательного корпуса.

- И пробежал?!

- Пробежал! – Гай Ильич хохочет. – А случайным зрителем во время этих “испытаний” оказался генерал из

“Давай полетим к звездам!”

Государственной комиссии, которая приехала принимать наш скафандр. Он, бедняга, долго не мог оправиться от шока. Представляете, вечер, тишина, снег падает... И вдруг из сумерек появляется бегущий человек в лунном скафандре!

- Занятная история! – я закрываю блокнот. – Постараюсь использовать ее в тексте статьи. Можно?

- Можно, можно, - машет рукой Северцев. – Этот случай – давно уже часть нашего производственного фольклора.

Мой взгляд скользит по кабинету и снова упирается в портрет Гагарова на стене.

“А вот интересно, - приходит в голову шальная мысль, - видит ли этот портрет сам хозяин кабинета? Если и я, и Инга видели этих “Гагариных”, а на фотографиях их не было, то есть вероятность, что и Северцев может не видеть портрет. Как, возможно, не видели “гагаринские” изображения Королевин, Глуховцев и все прочие... Вдруг этот бред преследует только меня и Ингу?”

Портрет висит невысоко, и я вполне могу коснуться его рукой. Нужно только сделать шаг к стене и поднять руку.

“Неужели и этот портрет мне только кажется? – я не в силах оторвать взгляд от изображения Гагарова. – А выглядит так реально... Красивая яркая фотография в аккуратной деревянной рамке. Вот только в правом углу рамки едва заметная трещинка – дерево рассохлось, наверное...”

“Давай полетим к звездам!”

Портрет совсем рядом. Улыбающийся Гагаров, кажется, смотрит прямо на меня. И я решаюсь.

- А портрет Гагарина у вас красивый, - говорю, пряча в сумку блокнот с ручкой, и киваю в сторону стены. - Очень похож на настоящего Гагарова. Как две капли воды.

- Портрет? – удивленно переспрашивает Северцев. – Ах, да... Портрет. Конечно, похож. А как же иначе?

- Если бы не подпись, ни за что бы не догадался, что это Гагарин, - гляжу в лицо конструктору.

- Ну, это само собой, - Гай Ильич слегка щурит глаза, рассматривая изображение Гагарова–Гагарина на стене – так, словно увидел его впервые. – Они же практически идентичны! Различие только в фамилии.

Делаю шаг к стене, поднимаю руку и касаюсь пальцами сначала деревянной рамки, а потом стекла, прикрывающего фотографию.

- Это подарок Юрия Алексеевича, - говорит за моей спиной Северцев.

Я совершенно явственно ощущаю подушечками пальцев небольшие шероховатости на деревянной рамке, чувствую легкий холод стекла.

- Гай Ильич, - указываю пальцем на размашистую подпись в углу портрета и поворачиваюсь лицом к профессору. – А кто такой Гагарин?

Северцев удивленно хлопает ресницами:

“Давай полетим к звездам!”

- Э... Как это кто? Первый космонавт!

- А Юрий Алексеевич Гагаров тогда кто? – намеренно произношу последний слог в фамилии Гагарова с ударением.

Главный конструктор Северцев явно пребывает в замешательстве. Удивленно моргает глазами, на щеках даже проявляется легкий румянец. Пауза длится несколько секунд.

Наконец, его губы растягиваются в доброй и немного лукавой улыбке:

- Гагаров, Гагарин, Гагаринцев или вообще Владимиров – разве это так важно, Мартын Андреевич? Важно, что человек полетел в космос первым. Первым поднялся с Земли к звездам. А портрет, подпись – это всего лишь символ, не более. Символ наших космических свершений. В том числе и будущих!

Ответ меня обескураживает. Я просто не знаю, что еще спросить. Поэтому наскоро прощаюсь с Гаем Ильичем и выхожу из кабинета.

Мои и Инги надежды не оправдались. Встреча с Северцевым не приблизила нас ни на шаг к разгадке “тайны Гагарина”. Остается лишь быть оптимистом, и считать, что надежды иногда разбиваются к счастью. Любая тайна раньше или позже раскроется. Нужно только найти к ней ключ.

Знать бы только, где искать этот ключ...

...В электричке по дороге в Москву – у нас в стране практически все крупные предприятия, работающие на

“Давай полетим к звездам!”

пилотируемую космонавтику, находятся в Подмоскowie, - начинаю потихоньку работать над статьей о Северцеве.

Но мысли текут в совершенно иное русло.

Время идет. В конце ноября я должен отдать Павлу Петровичу Синицкому “статью” об Инге...

Да что же ты сам себе врешь, Луганцев?! Ты не статью должен написать, а донос на любимого человека!

Трус, слюнтяй и ничтожество.

Моральный урод.

А если не писать? Отказаться?

Потеряю работу. Наверное, потеряю и прописку в Москве – как и обещал Синицкий.

Ну и пусть! Зато не стану подонком!

Но Инга... Павел Петрович сказал, что если не получит от меня материал, Инга тоже лишится и работы, и жилья.

У меня нет выбора: напишешь донос – плохо, жить с этим не смогу. Не написать – еще хуже, сделаю больно не только себе, но и Инге.

Что делать?

Хочется рвать на себе волосы... Должен же быть какой-то выход!

А если все-таки честно обо всем рассказать? Просто признаться Инге в своей подлости... И будь, что будет!

“Давай полетим к звездам!”

Алексей Леонтьев и все, все, все - 7

“ТОП, ТОП, ТОПАЕТ МАЛЫШ”

Я потянул крышку люка на себя и в образовавшийся большой просвет выглянул наружу.

Никакой делегации селенитов у посадочных опор лунного корабля не наблюдалось. Не звучали и духовые оркестры, играющие в мою честь торжественный марш “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”. Не было ни ковровых дорожек, ни лунных пионеров с охапками местных цветов.

“Тетушка Селена” скромно встретила меня антрацитового цвета небом, на котором ослепительно ярко сияло огненное яблочко Солнца. Прямо напротив выходного люка в кофейно-черной космической бездне плавал бело-голубой ломтик родной Земли. А еще имела место быть темновато-серая лунная поверхность, похожая на смешанный с пылью тонко размельченный гипс. Этот лунный “гипс” был там и сям усеян мелкими камешками, покрыт осьпинками микрократеров. Их большие братья угадывались дальше, ближе к горизонту. Там, у горизонта, лунная поверхность меняла окраску и становилась коричневатой и даже местами темно-зеленой. Может быть, на этих зеленых участках действительно росла какая-то лунная травка и пели хоровые песни местные кузнечики?

“Давай полетим к звездам!”

Единственным существом, – увы, не живым! - которое в два телеглаза пялилось на меня и мой корабль, оказался старый знакомый – “Луноход”. Перед его запуском на Луну мы всей нашей четверкой – я, Олег Макарин, Володька Шаталин и Вовик Бугрин, - ездили на фирму Георгия Николаевича Бабакова. Изучать материальную часть будущего лунного помощника.

Я распахнул люк лунного корабля полностью, высунулся наружу едва ли не по пояс, и почти минуту старательно махал рукой глядевшему на меня во все телеглаза “лунному трактору”. Ну, а заодно и остальным двум миллиардам людей, смотрящим сейчас репортаж о первой высадке на Луну.

Пора было выходить на долгожданную прогулку.

- Как настроение, Блондин? – осведомилась “Заря” голосом Юрки Гагарова. Он сменил Шаталина сразу после посадки.

- Нормально, Первенец. Вот собираюсь прогуляться в местный гастроном за бутылочкой молочка для тебя.

У нас с Юркой старая привычка легонько подначивать друг друга. Он беззлобно с первых дней в Звездном городке окрестил меня Блондином за рыжевато-русые, мягко говоря, не слишком густые волосы. Я же после Юркиного первого космического полета стал именовать Гагарова Первенцем. Тогда, после апрельского старта в шестьдесят первом, вручил Юре большую бутылку молока с одетой на горлышко соской.

“Давай полетим к звездам!”

Мол, вот тебе, Юрец, подарок, как первенцу в нашей большой космической семье, пей на здоровье и восстанавливай силы для будущих космических свершений.

- Выходи, но не спеши, “Флаг–один”, - уже серьезно сказал Юра. – Осмотрись хорошенько и двигайся осторожно.

Я внял совету Гагарова, и еще раз хорошо осмотрел окрестности. Особенно то место, куда из люка кораблика вела двухпролетная металлическая лестнка. Все, вроде бы, нормально. Крупных камней или ямок нет. Шансы поскользнуться или споткнуться на поверхности Луны при первом же шаге минимальны.

Луна оказалась совсем не такой, какой я представлял ее на Земле. Черно-белые и даже цветные фотографии с наших “Луноходов” не передают и десятой доли всей палитры местных цветов, причудливости очертаний природных образований.

Года три-четыре назад, уже после полета на “Восходе-2”, но еще до начала подготовки к лунной экспедиции, я написал две картины – “На Луне” и “Кратерная цепочка”. Луна как она есть. В моем, так сказать, художественном представлении.

Сейчас почти машинально стал сравнивать настоящую Луну с теми картинами. Мне тогда виделось, что Луна, как очень древнее небесное тело, к тому же не избалованное воздействием атмосферы и воды, должна выглядеть иссушенной Солнцем растрескавшейся пустыней. Но нет,

“Давай полетим к звездам!”

трещин-то как раз в поле зрения практически не наблюдалось. Зато куда не бросишь взгляд, видна покрытая серо-голубоватой пылью и достаточно ровная поверхность. И горы оказались не такими высокими, как представлялось. Хотя, возможно, в гористых районах все выглядит именно так, как я рисовал на картинах – острые и резкие пики, черные тени провалов, гребни вершин, похожие на спины гигантских ящеров.

А вот нарисованная мной на “Кратерной цепочке” Земля оказалась очень похожей на настоящую. Яркий бело-голубой ломтик, на котором, - если приглядеться, - заметны коричневато-серые очертания материков. Можно порадоваться за собственное творческое воображение – угадал ведь!

Я снова влез в люк, развернулся и ногами вперед стал выбираться из корабля. Осторожно поставил правую ногу на верхнюю ступеньку лестницы, слегка попробовал ее на прочность, потом поставил левую. Правой рукой ухватился за поручень.

- “Заря”, я вышел из люка. Стою на трапе.

- Хорошо тебя видим, “Флаг–один”.

Еще бы вам меня не видеть! Наружная телекамера висит чуть правее выходного люка и внимательно следит за каждым моим движением. Сейчас на экране Центра управления полетом, наверное, крупным планом видно мое лицо за стеклом гермошлема. Ну, а когда начну спускаться вниз,

“Давай полетим к звездам!”

телекамера покажет меня уже полностью. И зафиксирует тот момент, когда я ступлю обувью в ботинок ногой на засыпанную пылью лунную поверхность.

Пристегнул к кронштейну на поясе скафандра трос, намотанный на небольшую лебедку. Потом закрепил на поясице специальный обруч. Если я потеряю сознание, - мало ли что? - лебедка по команде с Земли подтянет меня практически к самому люку в корабль. А обруч нужен на тот случай, если я поскользнусь и упаду на спину. “Спина” у скафандра “Кречет” плоская, и может случиться так, что упавший на спину космонавт не сможет встать самостоятельно. Будет лежать, как перевернувшийся жук и беспомощно шевелить руками и ногами. Чтобы этого не случилось, мне на пояс конструкторы предложили надеть специальный обруч. При падении я смогу перекатиться на бок и свободно встать, опираясь на руки.

Начинаю спускаться вниз по лестнице. Наверное, так делает первые шаги человек после очень тяжелой болезни. Осторожно и не спеша, замирая после каждого шага. Со стороны мои движения выглядят очень медленными и нелепыми. Но я не спешу. Поспешность нужна при ловле блох, а не во время лунных экспедиций.

Сколько раз мы – я и Володька Шаталин - отрабатывали спуск по лестнице на поверхность Луны! И на специальном наклонном тренажере, имитирующем одну шестую веса, и в

“Давай полетим к звездам!”

гидробассейне Звездного городка. Мне тогда было страшно интересно: о чем буду думать, если действительно полечу на Луну и буду спускаться уже не по учебной, а по настоящей лестнице на лунную поверхность?

В общем-то, ни о чем я не думал. Во все глаза смотрел себе под ноги и старался очень аккуратно ступать на ступеньки лестницы. Чувства поутихли. Я эмоционально “перегорел” еще во время посадки. А сейчас ощущал только какую-то веселость и легкую тревогу. Практически незаметный “легкий мандраж”, как у нас, летчиков, говорят.

Лазанье по ступенькам заняло почти пять минут. Шесть ступенек от люка корабля до каркаса посадочного устройства, семь ступенек примерно до середины “ног” “Лунника” и еще пять уже до самой лунной поверхности. Вот и она, последняя ступенька. А ниже – это уже Луна.

- “Заря”, мне осталось сделать один шаг.

Боковым зрением улавливаю движение справа. Поворачиваю голову. “Луноход” завертел колесами и подбирается ближе. Операторы хотят получить определенный ракурс изображения на экране. Замираю и терпеливо жду. Сейчас я принадлежу не столько себе, сколько, выражаясь высоким стилем, всему человечеству. И человечество должно получить возможность рассмотреть первый шаг на Луну с наилучшего для телесъемки ракурса.

“Давай полетим к звездам!”

- Готов к спуску, - сообщаю на Землю примерно через полминуты. “Луноход” уже замер и точно направил на меня квадратные глаза – телекамеры.

- Спуск на лунную поверхность разрешаю! – нервно кашлянув, произносит Гагаров.

Ну, с Богом! Поехали, как сказал семь с половиной лет назад мой нынешний земной собеседник.

Э, стоп... Гм, а с каком ноги лучше ступить на лунную поверхность? С левой или с правой? Черт его знает, что будет, если стать на Луну не с той ноги...

Ну, если по военному, то нужно ступать с левой. В полном соответствии с “Уставом строевой службы в Вооруженных Силах СССР”. Однако, товарищ полковник, вы сейчас не на строевой подготовке на плацу. Можно позволить себе некоторую вольность.

Я осторожно опускаю правую ногу и касаюсь лунного грунта носком ботинка. Вопреки опасениям некоторых скептиков, при этом движении из лунной пыли не высовывается щупальце луножителя. Никто не обхватывает меня за колено и не утаскивает на съедение в лунные глубины. Грунт чуть проседает, но потом я чувствую твердую поверхность.

- “Заря”, я коснулся ногой лунной поверхности, - докладываю на Землю. – Чувствую, что грунт твердый.

“Давай полетим к звездам!”

- Понял тебя, “Флаг-один”, - доносится ответ. – Будь осторожен, Леша!

- Постараюсь, - на секунду замираю. – Осталось сделать один шаг – и я буду на Луне. Это очень маленький шаг для одного человека. Но это первый шаг всего человечества по большому пути в космосе.

Эту фразу, - первые слова, которые я должен сказать на Луне, - мы долго придумывали с Леной, моей старшей дочерью, в последний вечер перед отлетом на Байконур. По программе “Ритуальной деятельности на поверхности Луны”, сочиненной в недрах идеологического отдела ЦК КПСС, я должен сейчас произнести совсем другую фразу. И скажу ее, но только позже. А кому не нравится, тот может привлечь меня к партийной ответственности. После возвращения на Землю, разумеется.

Осторожно опускаю на лунную поверхность правую ногу. Переносу вес с левой ноги на правую. Неторопливо опускаю рядом с правой и левую ногу.

- “Заря”, я – “Флаг-один”, - в этот момент мне почему-то стало жарко. Нервы все-таки не железные. – Стою на поверхности Луны. Обеими ногами стою на поверхности Луны.

Поворачиваюсь всем корпусом вправо, лицом к телекамерам “Лунохода”, поднимаю правую руку и машу ею.

Делаю шаг назад. Опускаю голову и рассматриваю свои первые следы на лунной поверхности. Отпечатки получились очень четкие. Примерно такие же остаются от ботинок, если

“Давай полетим к звездам!”

поставить ногу на мокрый песок. А я думал, что след на покрытой пылью Луне окажется смазанным и будет похож на неглубокую ямку. Видимо, у лунного грунта какие-то особенные физические свойства, которые и делают его похожим на политый водой песок.

В наушниках слышится невнятный шум. Как будто где-то вдалеке море бьется о волнорезы. Потом в этом шуме появляется звуковой ритм, и секунду спустя я догадываюсь, что слышу аплодисменты и радостные возгласы сотен и тысяч людей, собравшихся в Центре управления полетом.

- Леша, поздравляю тебя! – это голос Гагарова. – Молодец, Лешка!

Так, теперь пару слов для официальной истории...

- Мы пришли на Луну ради мира, социального прогресса и будущего... - начинаю я. Господи, кто же там, в ЦК партии, придумал эту галиматью? - ...коммунистического будущего всего человечества!

Все, веское партийное слово сказано. Пусть оно займет свое место в учебниках истории. А сейчас совсем не чувствуется, что на него кто-нибудь обратил внимание. В динамиках продолжают звучать размеренный рокот аплодисментов и восторженные возгласы. На долю секунды чувствую себя актером, который стоит на огромной пустой сцене и слушает, как ему рукоплещет невидимый в ярких лучах юпитеров зрительный зал.

“Давай полетим к звездам!”

Делаю несколько шагов к “Луноходу” и обратно к лунному кораблю. Ходить по Луне легко и приятно. Только не надо отталкиваться носками с такой же силой, как на Земле. Мягче и плавнее, мягче и плавнее, вот так.

- “Топ, топ, топает малыш”, - со смешком комментирует в эфире Юрка Гагаров, неумело копируя голос Эдиты Пьехи.

Грунт мягкий, и подошвы ботинок углубляются в него на один – три сантиметра, оставляя очень четкие и резкие отпечатки. Любое передвижение приводит к тому, что за ботинком тянется облачко лунной пыли. Особенно эту пыль хорошо видно, когда ставишь на грунт ногу не строго вертикально, а под некоторым углом. Очень заметными эти пылевые облачка становятся, если резко повернуться в движении или стоя на месте. А когда подпрыгиваешь, то пылевое облако с поверхности тянется вверх следом за тобой. Все эти эффекты связаны с высокой слипаемостью лунного грунта в условиях вакуума.

Восторженный шум и аплодисменты в наушниках стихают только минуты через три-четыре.

- Я – “Флаг–один”, - спешу воспользоваться наступившей тишиной. – Начинаю выполнение программы исследований и экспериментов на поверхности Луны.

Собственно, до начала работы с научными приборами еще далеко. В программе выхода на Луну пунктом первым значится так называемая ритуальная деятельность – флаги,

“Давай полетим к звездам!”

заявления и рапорты. Однако же, не скажешь в прямом телевизионном эфире, что сейчас займешься развертыванием государственного знамени и пением гимна. Понятно, что это необходимо сделать, и многие именно этого и ждут, но не все вещи нужно называть своими именами в присутствии миллионов зарубежных телезрителей. Это мне битый час втолковывал на предполетном инструктаже секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслин.

Контейнер с ритуальными предметами закреплен у меня на левом боку. Поднимаю его клапан и достаю толстый металлический стержень. Делаю десять шагов в сторону от корабля – тоже рекомендация, но уже не ЦК партии, а инструкторов из Звездного городка! – и останавливаюсь. “Луноход” с четырьмя телекамерами тут же поворачивается в мою сторону.

Металлический стержень в руках – это раскладывающийся красный государственный флаг. Только сделан он не из обычной ткани, а из специальной тонкой металлической фольги. На Луне нет воздуха, и обычная материя провиснет невзрачной тряпочкой около древка флага. Конечно, это никуда не годиться. Флаг – это гордость любого государства. Он должен хорошо смотреться и на Луне. Поэтому его сделали из фольги.

Я отворачиваю от древка флага и закрепляю в горизонтальном положении специальную направляющую.

“Давай полетим к звездам!”

Теперь флаг похож на большую букву “Г”, между вертикальной и горизонтальной ножкой которой развернулся красный прямоугольник из металлической фольги. Нижним острием вертикальной ножки неторопливо втыкаю эту букву “Г” в лунный грунт. Древко флага входит в лунную поверхность легко, мне не требуется прилагать больших усилий.

- “Заря”, устанавливаю флаг. Грунт мягкий. Похож на взрыхленную земную почву.

Флаг стоит ровно. Полотнище чуть-чуть колыхается. Древко флага довольно высокое, верхушка его находится почти на уровне моих плеч.

Снова лезу в контейнер, закрепленный на левом бедре. Достая пятиугольный вымпел, на котором выгравированы изображение Владимира Ильича Ленина в профиль, герб Советского Союза и надпись “СССР”. Чуть согнув ноги в коленях и наклонившись вперед, кладу вымпел у подножия флага. Потом распрямляюсь и поднимаю развернутую правую ладонь к гермошлему скафандра, салютую трепещущему “на космических ветрах” красному знамени. Замираю в этой позе.

Операторы в ЦУПе и их партийные наставники из ЦК партии не дремлют. Буквально через две секунды после моего салюта в наушниках раздаются слова гимна Советского Союза:

“Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки Великая Русь.

Да здравствует, созданный волей народной,

“Давай полетим к звездам!”

Единый, могучий Советский Союз!”

На инструктаже мне рекомендовано петь гимн и я его пою. Хотя, конечно, пел бы его и без партийных инструкций. В наушниках тоже звучит нестройное пение. Представляю, как в ЦУПе все поднялись со стульев и кресел и дружно сейчас исполняют куплеты главной государственной песни:

“Славься, Отечество наше свободное, -

Дружбы народов надежный оплот.

Партия Ленина – сила народная –

Нас к торжеству коммунизма ведет!”

Петь весь гимн не стали, ограничились одним куплетом и припевом. Ну, и слава Богу. Не уверен, что смог бы спеть весь гимн до конца и не сбиться.

- “Заря”, внимание, - говорю в микрофон. – Разрешите сделать заявление?

- “Флаг–один”, я – “Заря”, - откликается Юрка Гагаров. – Разрешаю сделать заявление.

И секунду спустя в эфире на фоне легкого потрескивания помех звучит мой спокойный и уверенный голос. Мне остается только беззвучно шевелить губами.

Это снова наши партийные идеологи перестраховались. Мол, заявление советского космонавта для мировой общественности должно прозвучать веско и уверенно. “Мы, конечно, верим, что коммунист товарищ Леонтьев выучит его наизусть и сможет рассказать даже спросонья. Но товарищи...

“Давай полетим к звездам!”

Советский человек будет высаживаться на поверхность Луны впервые. Сейчас неясно, в каком эмоциональном состоянии будет пребывать во время высадки уважаемый Алексей Архипович. Совладеет ли он со своими нервами, с беспокойством и тревогой? Медицина и психологи не могут дать четкий ответ на этот вопрос. Сможет ли космонавт Леонтьев, например, в возбужденном состоянии вспомнить и без запинки произнести утвержденный ЦК КПСС текст заявления? Это вопрос серьезный, товарищи. Нельзя пустить такое важное дело на самотек. Поэтому есть мнение записать выступление товарища Леонтьева заранее, еще на Земле. А потом просто транслировать его в нужный момент с поверхности Луны. Есть другие мнения? Нет? Голосуем... Единогласно, решение принято”.

- “Флаг–один”, - снова в динамиках голос Гагарова, - с вами будет говорить Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев.

Хорошо, хоть наш диалог с Никитой Сергеевичем партийные перестраховщики не решились записать заранее на магнитофонную ленту (впрочем, откуда мне знать – может быть, был и такой вариант?) и минуты три-четыре мы общаемся с Хрущевым в прямом эфире. “Здрасьте, Никита Сергеевич!”. “Привет вам, товарищ Леонтьев! Как там погода?”. “Ничего, солнышко светит”. Ну, и так далее. Пятиминутный

“Давай полетим к звездам!”

разговор о том, о сем и ни о чем. Разговор на публику, для всей прогрессивной мировой общественности.

На этом ритуальная часть высадки закончилась. На все – про все у меня ушло примерно тридцать минут. Пора было приступать собственно к научным исследованиям и забору лунного грунта.

Начал со второго пункта – со сбора образцов лунных камней и пыли. Для этой операции в арсенале оборудования был специальный пробосборник. Внешне он очень был похож на обычный совок для сбора мусора, но с длинной ручкой.

Работать пробосборником оказалось очень удобно. Я зачерпывал им небольшими порциями лунный грунт и сыпал его в контейнер, похожий на среднего размера мешок из плотной ткани. “Совком” мне удалось не только набрать несколько килограммов лунного “песка”, но и подобрать около полутора десятков крупных лунных камней. Структура грунта оказалась сыпучей, очень похожей на коричневатую-серую муку. Но попадались и более крупные фракции, похожие на песок или плотные комочки.

На всю эту “уборку территории”, как пошутил Юрка Гагаров, у меня ушло около двадцати минут.

- “Флаг–один”, идешь с опережением графика, - прокомментировал Гагаров. – Придется записывать тебя в отряд лунных стахановцев!

“Давай полетим к звездам!”

- Намек понял, “Заря”. Приступаю к добыче лунного угля,
- шуткой на шутку ответил я.

Кроме сбора образцов грунта с поверхности Луны, я должен был постараться получить пробы с глубины примерно пятнадцать сантиметров. Для этого у меня имелись три пробозаборника, выполненные в виде длинных пустотелых “стаканчиков” с острыми краями. Эти заборники поочередно закреплялись на длинной ручке, опираясь на которую руками, я вводил “стаканчики” как можно глубже в лунный грунт.

Грунт является очень рыхлой и довольно мягкой субстанцией. Но эта характеристика справедлива только для его поверхностного слоя. Мне не удалось даже при значительных усилиях углубиться в лунную поверхность на глубину свыше примерно десяти – двенадцати сантиметров. Один из “стаканчиков” вообще вошел только на глубину около семи сантиметров, и какие усилия я не прикладывал, глубже уже не пошел. Видимо, под слоем мелких фракций оказался большой камень.

Когда все три “стаканчика” с полученным содержимым тоже перекочевали внутрь мешка с пробами, я приступил к установке на лунной поверхности научных приборов, которые должны были остаться здесь и после моего отлета. Контейнер с ними был закреплен в нижней части “Лунника”, между посадочных опор. С замком контейнера пришлось повозиться минут десять – совершенно обычная защелка, которая

“Давай полетим к звездам!”

удерживала его на раме посадочного устройства, никак не хотела открываться. Земля тут же начала давать “ценные указания” конструкторов, как раскрыть злополучную защелку, но я воспользовался своим житейским опытом: взял ненужный мне больше совковый грунтозаборник, подцепил его длинной рукояткой застывшую защелку и, опираясь на “совок”, этим самодельным рычагом все-таки сдвинул защелку с места. Теперь контейнер с научной аппаратурой был свободен.

- Против лома нет приема, - с усмешкой тут же прокомментировал Гагаров. – Молодец, Лешка!

Научного оборудования было очень немного: лазерный уголкового отражатель, сейсмометр для регистрации колебаний лунного грунта, термометр и установка для изучения космического излучения. Весь этот “багаж” я отнес на расстояние примерно двадцати пяти – тридцати метров от “Лунника” и аккуратно расставил на лунной поверхности.

- Алексей, ты по-прежнему опережаешь график работ, - сообщил Гагаров.

- Вот и хорошо, - отозвался я. – Значит, у меня будет время, чтобы набросать парочку этюдов и перекурить перед стартом

Конечно, насчет “парочки этюдов” – это я пошутил. Кто бы мне разрешил заниматься рисованием на лунной поверхности? Время моего пребывания здесь очень ограничено законами небесной динамики: установить флаг,

“Давай полетим к звездам!”

собрать образцы, расставить приборы, провести телерепортаж – и скорее стартовать. Иначе стыковки со “Знаменем” придется дожидаться еще почти сутки. А энергетические ресурсы “Лунника” далеко не беспредельны.

Хотя порисовать на Луне не получилось, но все-таки десять – пятнадцать минут, чтобы хорошо осмотреться вокруг и сфотографировать самые интересные пейзажи, я выкроил. Картины солнечного лунного дня больше всего напомнили мне заброшенный пляж или усыпанный камнями песчаный карьер.

Стоя на лунной поверхности, Луну воспринимаешь совершенно иначе, чем глядя на нее из иллюминатора космического корабля. “Тетушка Селена” меньше Земли по размерам и на ней нет атмосферы. Поэтому горизонт здесь очень неровный и близкий. На Земле такого не чувствуешь, а здесь я на несколько секунд ощутил себя стоящим на вершине огромного, несущегося вокруг Солнца шара. Даже голова слегка закружилась.

Следующим этапом моей работы на Луне было опробование нескольких вариантов передвижения космонавта по лунной поверхности.

Первые шаги по Луне я специально замедлял, чтобы определить, насколько прочен лунный грунт и удобно ли мне будет передвигаться в скафандре в условиях притяжения, которое в шесть раз меньше, чем на Земле. Чтобы сохранить

“Давай полетим к звездам!”

равновесие, старался шагать, широко расставляя ноги. Походкой старого морского волка.

Попробовал передвигаться по Луне обычным шагом. Но это оказалось не слишком удобным. Нужно постоянно держать себя под контролем, чтобы при каждом шаге не отталкиваться от лунного грунта слишком сильно. Иначе это получается уже не ходьба, а подпрыгивание вверх на высоту двадцать – тридцать сантиметров.

Решился пробежаться по Луне трусцой – с той же скоростью и динамикой, с которыми каждое утро тренируюсь на беговой дорожке в Звездном городке. Но ничего не получилось. Бег сразу же превратился в длинные прыжки. Это очень неудобно, приходится все время держать под контролем собственные ноги, чтобы не наступить на острый камень или не споткнуться при приземлении.

Тогда стал передвигаться по Луне вприпрыжку, отталкиваясь от ее поверхности сразу обеими ногами. Способ оказался очень удобным: высота и длина скачка над поверхностью была небольшой, и риск падения значительно снизился. Со стороны, на экране в Центре управления полетом, мои упражнения выглядели, наверное, достаточно комично, поскольку Гагаров тут же прокомментировал их куплетом веселой песенки из фильма “Свадьба в Малиновке”:

- Битте – дритте, фрау мадам,
Я урок вам преподам.

“Давай полетим к звездам!”

Надо к небу поднять глаза

И запрыгать, как коза!

Так я упражнялся минут пятнадцать, даже легкая испарина на лбу выступила. Центр управления полетом в это время включил прямую телетрансляцию и мои акробатические этюды на Луне с соответствующими комментариями специалистов ЦУПа за кадром сошли за репортаж о работе советского космонавта на лунной поверхности.

В четверть третьего утра я выполнил все намеченные программой полета операции на Луне. Стала сказываться усталость. Даже поспать захотелось. Я начал позевывать.

- Алексей, хорош гулять, - раздался в динамиках голос Гагарова. Земля тоже внимательно следила за графиком работы и моим самочувствием. – Пора возвращаться домой.

Я с помощью лебедки поднял контейнер с образцами лунного грунта к входному люку в кораблик. Потопал ногами, стараясь – впрочем, безуспешно! – стряхнуть налипшую сверху на ботинки лунную пыль. Поднял руку и помахал на прощание застывшему метрах в десяти от “Лунника” четырехглазому “Луноходу”:

- “Зря”, готовьтесь к историческому моменту: Луну покидает первый человек!

- Леша, при входе в корабль не забудь снять калоши, - пошутил в ответ Юрка Гагаров.

“Давай полетим к звездам!”

Последний раз окинув взглядом окружавшие кораблик лунные просторы, я повернулся и не спеша полез вверх по трапу.

Чеслав Волянецкий и другие - 7

(рабочие записи)

“ВЫШЕЛ ЗАЙЧИК ПОГУЛЯТЬ”

Выход Алексея Леонтьева на лунную поверхность продолжался более двух с половиной часов.

Все это время пять десантных модулей в режиме полной невидимости кружили над местом высадки. Мы были готовы отразить любую атаку шара на космонавта или корабль. Но белый агрессор больше не появлялся.

Тем временем Леонтьев вернулся в “Лунник”. Внутри кабины он надежно загерметизировал контейнер с образцами лунного грунта: пробы с Луны нужно было доставить на Землю в том виде, в котором космонавт их собрал. Кабину космонавта снова заполнили воздухом, и Алексей открыл вентиляционный клапан гермошлема.

Я подвел десантный модуль к “Луннику” до расстояния примерно двадцати метров. Игорь Лосев включил трансляцию. Мы оба молчали и слушали переговоры Леонтьева с Землей.

“Давай полетим к звездам!”

- Чувствую в кабине какой-то резкий запах, - сообщил космонавт в Центр управления полетом. – Очень похоже на запах пороха.

- Это запах лунной пыли, - посоветовавшись, ответили с Земли. – Она осталась на ботинках скафандра и на внешней части контейнера с лунным грунтом.

Леонтьев пообедал, немного отдохнул и начал подготовку космического корабля к старту. 31 октября без пяти минут четыре по московскому времени была выдана команда на взлет “Лунника”.

После старта взлетная кабина еще несколько секунд оставалась неподвижной.

- “Заря”, я “Флаг–один”. Чувствую вибрацию корабля и гудение под полом, - доложил Леонтьев.

- Идет выход на режим ракетных двигателей, - прокомментировала Земля. – Шесть секунд до подъема... Три, две, одна! Старт!

- Поехали! – голос Алексея Леонтьева был слышен нам в десантном модуле очень хорошо. – До свидания, тетушка Селена! До новой встречи!

Космический корабль “Лунник” разделился на две части. Металлическими “брызгами” полетели в стороны части элементов крепления, удерживавших взлетную ступень. Каркас лунного посадочного устройства на четырех “ногах” - опорах остался на Луне, а кабина с космонавтом приподнялась вверх,

“Давай полетим к звездам!”

зависла на мгновение и затем стала стремительно уходить в зенит.

- Десантные модули один, два, три, четыре, поднимайтесь следом за “Лунником”, - распорядился я. – Делайте охранную “коробочку” вокруг корабля и ведите его до самой орбиты.

Наш модуль, пятый, я решил повести следом за стартующим кораблем, прикрывая его снизу. Учитывая способности шара атаковать молниеносно и с любой стороны, во всех наших маневрах особого смысла не было: мы все равно не успели бы парировать любой электромагнитный импульс со стороны агрессора. Но нужно же было хоть что-то делать! Хотя бы для самоуспокоения.

Факелов маршевых двигателей “Лунника” на экранах десантного модуля видно не было, но зато хорошо были заметны кинжальные вспышки двигателей маневрирования в верхней части кабины. Они включились почти сразу же после старта и стали “валить” космический корабль вбок, чтобы вывести его на оптимальную траекторию полета.

– Основной и резервный двигатель космического корабля работают без замечаний, - сообщил на Землю Леонтьев.

При старте с Луны для надежности включались одновременно и основной, и резервный двигатели “Лунника”. Через тридцать секунд полета один из них отключался, и на

“Давай полетим к звездам!”

околорунную орбиту кабина с космонавтом выходила уже на одном ракетном моторе.

В нашем поле зрения взлетающая лунная кабина пребывала всего несколько секунд. Потом она стала постепенно превращаться в светло-желтое пятно, которое стремительно уходило вверх и влево от поверхности Луны.

- Начинай подъем, - приказал я Лосеву. – Идем следом за “Лунником”.

...Белый агрессор атаковал корабль Леонтьева на высоте примерно четырнадцати километров от поверхности Луны. Он снова появился “из ниоткуда” прямо по курсу взлетающего “Лунника”. Но теперь атакующий не был шаром – в пространстве над Луной висел белоснежный куб, высотой примерно около метра.

И сразу же дернулся “Сервейор-8”, включив маршевые двигатели. На тот момент от “Лунника” американский корабль отделяло всего три десятка километров – сущая мелочь по космическим меркам. Орбита “Сервейора” теперь проходила через область пространства, в которой должны были оказаться “Знамя” и “Лунник” во время стыковки.

- Ты оказался прав, - Лосев кивнул в сторону увеличенного изображения американского корабля на экране. – Он действительно готовится к тарану!

- Ничего у него не выйдет, - я улыбнулся в ответ и, тщательно прицелившись, всадил в “Сервейор” два лучевых

“Давай полетим к звездам!”

залпа. Один за другим. Яркая вспышка и расплавленные куски металла быстрыми искрами рванулись во все стороны.

Мгновение спустя лучевые пушки десантных модулей, окружавших “Лунник” со всех сторон, в четыре ствола ударили по белому кубу. Впрочем, без всякого результата. Агрессор по-прежнему висел в пространстве над Луной, и, казалось, совершенно не замечал нашей судорожной контратаки. Лучевой залп не причинил ему никакого видимого вреда.

- Прекратить стрельбу, - распорядился я. Не было ни малейшего смысла в пальбе по неуязвимой цели.

Наверное, это была моя ошибка. Ad poenitendum properat, cito qui judicat – быстрое решение всегда приводит к быстрому раскаянию.

Пока лучевые пушки лупили по кубу, он просто висел в пространстве.

Но едва обстрел прекратился, куб нанес ответный удар. Как будто просто ждал своей очереди пострелять.

Он мог смести хлипкое металлическое тельце “Лунника” одним выстрелом из своих энергопушек. Но вновь, как и при посадке на Луну, белый агрессор ограничился только коротким модулированным радиоимпульсом. И тут же исчез.

А на взлетающем с Луны корабле Леонтьева тотчас же выключился двигатель.

Корабль по инерции продолжал подъем, но его энергии было уже недостаточно, чтобы выйти на орбиту вокруг Луны.

“Давай полетим к звездам!”

Описав в пространстве огромную дугу, “Лунник” теперь должен был неминуемо упасть обратно на лунную поверхность.

Алексей Леонтьев и все, все, все - 8

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

...На высоте примерно четырнадцать километров над лунной поверхностью основной двигатель внезапно сдох. Операторы из ЦУПа попытались запустить резервный двигатель, но он в ответ на команды с Земли даже не чихнул.

Аварийная отсечка двигателей произошла примерно за сорок секунд до расчетного момента времени их выключения. Это означало, что мой кораблик при взлете с Луны очень основательно не добрал и скорости, и высоты. И если в результате аварийного выключения двигателей сформировалась незамкнутая орбита, то есть большая вероятность того, что через несколько десятков минут я могу с весьма приличной скоростью вернуться обратно к лунной поверхности и собственным телом образовать новый кратер – имени космонавта Алексея Леонтьева.

...Мурашки пробежались по спине. Черное дуло “вальтера” смотрит в лицо. Хохочет “белокурая бестия” в эсэсовской форме.

“Давай полетим к звездам!”

- Спокойствие, Леша, - на связи со мной был космонавт Андриан Николин. – Главное – спокойствие. Сейчас баллистики уточнят параметры твоей орбиты. При любом раскладе у нас есть еще хороший запас времени, чтобы успеть тебя вытащить.

- А я особенно и не беспокоюсь, Андрюша, - соврал я.

Страх уже ушел. Но кошки скребли на душе. Вот ведь какую подлянку подсунула судьба! Прилететь к Луне, совершить удачную посадку, стартовать – и на тебе! “Поломаться” на взлете!

Что-то не везет мне в нынешнем полете с движками. На старте капризничали двигатели ракеты-носителя. А теперь вот и двигатели взлетной ступени вырубались. Тенденция, однако...

Пока баллистики уточняли орбиту, на которую вышел “Лунник” после старта с Луны, я попытался вручную повторно запустить двигатели – сначала основной, а потом резервный. С нулевым результатом. Команды проходили, зажигались надписи “Основной двигатель включен” и “Резервный двигатель включен” на пульте световой индикации. Но реального включения ракетных моторов не было. Через две-три секунды система управления блокировала режим запуска и гасила оба световых панно на пульте. Молчаливо и без объяснения причин. Понимай, как хочешь, товарищ Леонтьев. Это твои проблемы, дорогой Алексей Архипович!

“Давай полетим к звездам!”

- Тупица безмозглая! – ругнулся в адрес бортовой вычислительной машины. Хотя винить компьютер было абсолютно бессмысленно. Машина на “Луннике” была простенькой и могла сориентироваться только в тех ситуациях, которые она понимала. Сейчас же случилось что-то, что явно выходило за рамки понимания бортового компьютера.

Я выглянул в иллюминатор. Поверхность Луны медленно проплывала перед взором, сменялась чернотой космической бездны и снова появлялась россыпью лунных кратеров. Посмотрел на часы и мысленно подсчитал: “Лунник” вращался со скоростью примерно один оборот за восемь – девять секунд. Радости в этом было мало. Для стыковки со “Знаменем” корабль должен быть достаточно жестко стабилизирован. А бортовая цифровая вычислительная машина очень некстати закапризничала. И обеспечивавшая надежную ориентацию “Лунника” трехосная гиросtabilизированная платформа, похоже, тоже впала в состояние легкого ступора. Н-да, ситуевинка...

- Алексей, - в эфире снова зазвучал голос Николина. Ободряюще зазвучал. - Хочу тебя порадовать: орбита у “Лунника” эллиптическая.

- Замечательно! Значит, мне не грозит шлепнуться обратно на Луну?

“Давай полетим к звездам!”

- Такой угрозы нет. Во всяком случае, в ближайшие двое или трое суток. Параметры орбиты уже выданы на “Знамя”. Олег начал сближение.

- Что значит “начал”? – в наш разговор вклинился возмущенный голос Макарина. – Сближение идет полным ходом, Лешка. С самого момента твоего старта с Луны. Я уже вижу твою вертящуюся колымагу! Кстати, ты не собираешься разобраться с ориентацией “Лунника”? Знаешь ли, сложновато стыковаться с вертящейся юлой...

Я попытался стабилизировать кораблик. В ручном режиме включил двигатели ориентации. Постепенно Луна прекратила вертеться перед окном “Лунника”. Но не надолго. Прошло буквально несколько секунд и беспорядочное вращение корабля возобновилось.

- Леша, у тебя снова проблемы с ориентацией, - сказал Макарин. – Вижу, как “Лунник” закручивается.

- Двигатели ориентации сейчас не работают, - пробежал глазами по индикации на пульте. – Вообще никакие двигатели не работают.

- Тогда откуда вращение?

- Ребята, телеметрия показывает падение давление в топливном баке “Лунника”, - сообщил Николин. – Инженеры говорят, что возможна негерметичность бака.

- Понятно, - ухмыльнулся я. – Лунные мыши прогрызли дырку в стенке топливного отсека...

“Давай полетим к звездам!”

- Скорее всего, повреждение произошло во время старта, - предположил Макарин. – Не удивлюсь, что именно из-за падения давления в баке система управления “Лунника” досрочно выключила и основной, и резервный двигатели.

- И не просто выключила, а намертво заблокировала даже ручное включение обоих двигателей, - добавил я. – Если в баке есть утечка, тогда понятно, почему корабль вращается. Топливо вытекает наружу и создает вращающий момент.

- Ты сможешь компенсировать это вращение двигателями ориентации “Лунника”? – поинтересовался Олег. – Чтобы я мог стыковаться.

- Без проблем, - секунду поразмыслив, ответил я. – Но будет лучше, если ты на “Знамени” сможешь подойти поближе. Я не смогу долго удерживать “Лунник” в ориентированном состоянии. Топливо в баках двигателей ориентации уже на пределе.

- Понял, Леша, - отозвался Макарин. – Подхожу поближе.

Примерно полчаса я бездельничал и наблюдал, как постепенно “Знамя” приближается к моему кораблику. Хоть “Лунник” и вертелся юлой, но я все же сравнительно быстро и легко смог найти корабль Олега в черноте космического пространства. Он был похож на яркое продолговатое пятно, которое с каждой минутой становилось все больше, постепенно обретая знакомые контуры орбитального космического корабля.

“Давай полетим к звездам!”

- Леша, дальность до твоего корабля примерно двести метров, - проинформировал меня Макарин. – Перехожу на ручное управление. Займись ориентацией.

“Лунник” уже успел набрать достаточно высокую скорость вращения. Я оценил ее примерно как один оборот за три или четыре секунды. Поочередно включая двигатели в ручном режиме, минут за десять смог обеспечить ориентацию моего кораблика по всем трем осям – тангажу, рысканию и крену. Олег затормозил “Знамя” в сотне метров от “Лунника” и терпеливо ждал, пока я перестану кувыркаться в пространстве.

- Олешка, есть ориентация корабля, - сказал, когда в верхнем иллюминаторе кораблика, наконец, увидел нацеленный прямо на меня остrokонечный штырь стыковочного узла лунного орбитального корабля. – Можно начинать стыковку!

- Понял, Леша, - тут же отозвался Макарин. – Я пошел!

Было хорошо видно, как полыхнули язычки пламени в “короне” двигателей ориентации “Знамени”, и корабль, немного развернувшись вокруг продольной оси, стал постепенно приближаться.

Несколько секунд я внимательно наблюдал, как “Знамя” все ближе и ближе подбирался к “Луннику”. И вдруг, когда наши корабли разделяло всего метров двадцать, обнаружил, что орбитальный корабль за иллюминатором начал довольно резко смещаться вверх и влево.

“Давай полетим к звездам!”

- Олег, ты уходишь в сторону!

- Не я, а ты, - фыркнул в ответ Макарин. – Леша, это снова утечка из твоего топливного бака. Она сбивает ориентацию “Лунника”!

- Сейчас подправлю ориентацию, - потянулся к пульту управления.

- Не суетись, командир, - остановил меня Олег. – Я и сам справлюсь!

- “Флаг–один”, пусть работает “Флаг–два”, - подтвердил с Земли Николин. – Отдохни, Леша!

Корабль Олега тем временем снова полыхнул двигателями ориентации, вышел на соединяющую стыковочные устройства прямую линию и стал стремительно приближаться.

- Скорость ноль три метра в секунду, дальность до “Лунника” – десять метров, - скороговоркой сообщил Макарин. – К стыковке готов!

- “Флаг–два”, начинай причаливание, - распорядился Николин.

В верхний иллюминатор было видно, как громада “Знамени” все ближе подбиралась к моему кораблику. Ощущение было не из приятных: представьте, что вы стоите в телефонной будке, – а кабина “Лунника” примерно таких размеров, - и на вас сверху медленно опускается многотонная цистерна.

“Давай полетим к звездам!”

За несколько секунд до касания стыковочный узел “Знамени” полностью перекрыл обзор в верхнем иллюминаторе. “Жало” и четыре “лапки” стыковочного механизма сместились в сторону. Я почувствовал довольно резкий толчок сверху.

- Есть касание! – прокомментировал Олег. – Пошло сцепление!

“Жало” стыковочного узла “Знамени” вошло в одну из девятиста шести призматических ячеек на стыковочной плите “Лунника”. Корабль ощутимо качнулся.

Еще несколько томительных секунд. Топливный бак двигателей ориентации орбитального корабля, который хорошо просматривался из верхнего окна моего кораблика, чуть съехал вбок.

- Есть полное стягивание кораблей! Стыковка выполнена! – доложил Макарин. - Приступаю к маневрированию. Включаю двигатели!

- Начинай работу! - Николин не медлил с ответом.

Какое маневрирование?! Они что, коллективно с ума сдвинулись – и Земля, и Олег?! После стыковки я должен как можно скорее покинуть “Лунник” и перейти на “Знамя”. Ну, а уже потом начинается маневрирование, отделение взлетной кабины и бытового отсека и все прочие операции по подготовке к отлету домой.

“Давай полетим к звездам!”

- Минуточку, “Заря”, - я решительно вклинился в диалог Олега и Николина. – О чем речь? Вы отклоняетесь от программы полета...

- “Флаг–один”, - голос Николина был по-командирски строг, - программа полета изменена. Леша, прошу тебя ничего не предпринимать до окончания маневрирования. Объяснения потом.

Значит, опять что-то не так... И Макарину нужно срочно исправлять ситуацию. В противном случае мне бы все-таки дали хоть какие-то объяснения.

“Лунник” снова дернулся. Так обычно дергается вагон, когда поезд начинает движение.

- Есть включение двигателей! – сообщил Макарин.

Мой кораблик немного подрагивал. Сейчас он действительно был похож на маленький вагончик, который тащил за собой космический паровоз – “Знамя”.

- Надеюсь, вы так не до самой Земли лететь собрались? – поинтересовался с легкой издевкой. Все-таки обидно было чувствовать себя лишь пассажиром на собственном корабле. Могли бы хоть вкратце объяснить, что происходит...

- Не волнуйся, Лешка, - Макарин рассмеялся. – Обедать ты будешь уже на “Знамени”! И очень скоро!

- “Флаг–два”, отсечка двигателей на сто двенадцатой секунде, - сообщила Земля.

“Давай полетим к звездам!”

Ого, это внеплановое маневрирование - явно не импровизация. ЦУП даже время работы движков просчитал. Что же случилось?

- Десять секунд до выключения двигателей, - сказал Макарин напряженным голосом. Волнуется. – Пять, четыре, три, два, один... Есть отсечка!

- Отлично поработал, “Флаг–два”, - Николин обычно скуп на похвалы, но тут расщедрился. Значит, и впрямь случилось нечто из ряда вон.

- А вот теперь, дорогие друзья, - желчным тоном напомнил о своем существовании, - прошу мне объяснить, что происходит?

- Не волнуйся, Лешка, - Макарин весело фыркнул. – Опасность позади. Теперь уже все в порядке!

- Все в порядке? Опасность позади? Мне объяснят, в конце концов, что случилось или нет, черт побери?!

И мне объяснили. И Николин, и Макарин. В два голоса, перебивая и дополняя друг друга.

Оказывается, мне соврали. “Лунник” после старта не только не вышел на требуемую программой полета орбиту, но вообще существенно отклонился от расчетной траектории движения. Что произошло – пока не ясно. Может быть, был какой-то сбой в системе управления взлетного корабля. А может быть, все дело действительно только в утечке топлива из топливного бака. Инженерам еще предстоит разобраться.

“Давай полетим к звездам!”

Взлетная траектория “Лунника” даже не замыкалась вокруг Луны. Руководители полета порекомендовали Андрюшке Николину соврать мне, что орбита получилась эллиптической. Чтобы я зря не беспокоился. Ведь от меня при неработающих двигателях “Лунника” уже ничего в сложившейся ситуации не зависело...

Ближайшие перспективы вообще выглядели очень мрачно. “Лунник”, не совершив и одного витка вокруг Луны, должен был рухнуть на ее обратной стороне где-то в районе южного полюса. Вместе с моим бранным телом, естественно...

Но наши операторы в наземном ЦУПе быстро оценили ситуацию и немедленно выдали Макарину команду начать сближение с моим корабликом. Олег повел “Знамя” на перехват и очень точно смог перехватить “Лунник” на его нестабильной орбите. Ну, а сразу после стыковки двух кораблей понадобилось совершить маневр, чтобы уйти на стабильную эллиптическую орбиту вокруг Луны. Вот такая получилась петрушечка...

- Могли бы все же сказать, - проворчал я. Хотя, будь я на Земле, в Центре управления полетом, наверное, действовал так же. – А то катаете меня, как куклу, понимаешь...

- Да не бухти ты, Лешка, - откликнулся Олег. В его голосе чувствовалась усталость. Последние сутки Макарин работал в таком же напряженном режиме, как и я. Держался молодцом. - Готовься к переходу на “Знамя”. Только перед выходом из

“Давай полетим к звездам!”

корабля не забудь закрыть стекло гермошлема. А то нос отморозишь!

- Шутник хренов, - беззлобно ругнулся в ответ. – А где, кстати, праздничный обед и фронтовые сто грамм?! Готовы?

- Все готово, Леша, - хохотнул Макарин. – Борщ в тарелке стынет и котлета по-киевски готова!

Подготовка к выходу в космос не заняла много времени. Закрыв гермошлем скафандра, проверил герметичность. Поочередно выключил почти все бортовые системы “Лунника” – теперь ручное управление ими не нужно. Корабль будет до падения на Луну летать в беспилотном режиме.

Вручную включил клапан сброса давления из лунной кабины. Атмосфера “Лунника” начала тонкой струйкой вытекать в космос. Когда в кабине был уже практически полный вакуум, открыл выходной люк, прихватил с собой контейнер с образцами лунного грунта и неторопливо стал выбираться наружу.

Переход из “Лунника” на “Знамя” занял чуть более получаса.

Наверное, в иной ситуации, я бы уложился и в половину этого времени. Но из-за того, что при стыковке “Лунник” был ориентирован не совсем точно, – сказывалось вытекание газа из негерметичного топливного отсека взлетной ступени, - при соединении кораблей не удалось достигнуть их полной соосности. Стыковочный штырь “Знамени” вошел в одну из

“Давай полетим к звездам!”

крайних ячеек на стыковочной плите “Лунника”. Это был еще не аварийный режим, но и не самый оптимальный и для орбитального маневрирования, и для перемещения из одного корабля в другой. С переходом через стык между кораблями пришлось повозиться – удержаться там, чтобы не сорваться в космическую бездну, оказалось не просто. Но я справился.

...Старт “Знамени” к Земле состоялся на тридцать восьмом витке вокруг Луны. Примерно за час до включения двигателя ракетного блока “И”, лунный орбитальный корабль по командам с Земли “потерял” бытовой отсек вместе с пристыкованным к нему “Лунником”.

К этому времени я успел “умыться” влажными полотенцами. Мы пообедали и перенесли в спускаемый аппарат “Знамени” все то, что требовалось вернуть на Землю из космического путешествия. В первую очередь перетасили “самое дорогое” - герметичный контейнер с образцами лунного грунта. Надели скафандры “Сокол” и заняли рабочие места в креслах спускаемого аппарата.

Корабль снова зашел “за Луну”. Теперь связь с нами Земля держала через спутник–ретранслятор “Луна-30” – пришло время и ему потрудиться. По команде из центра управления полетом включился двигатель разгонного ракетного блока. “Знамя” нарастил скорость и сошел с окололунной орбиты. Наш путь лежал к Земле, домой.

...Не спится. Навязчивые мысли лезут в голову.

“Давай полетим к звездам!”

Черeda аварий и нештатных ситуаций в нынешнем полете зашкалила за все мыслимые пределы. Отказ двигателя на старте. Пожар в хвостовом отсеке ракеты. Сбой системы управления при первой коррекции. “Морская болезнь” у меня. Компьютерный “боб” при посадке “Лунника”. Поломка сразу двух двигателей при взлете с Луны. Дыра в топливном баке...

Что, черт побери, происходит? Рок какой-то...

До Земли еще трое суток полета. Впереди – две коррекции, посадка...

Мартын Луганцев и его собеседники - 8

(записки журналиста)

ЦЕНТР, КОТОРЫЙ УПРАВЛЯЕТ

“Советский Центр управления полетами в подмосковном Калининграде давно уже получил мировую известность благодаря сообщениям ТАСС, в которых освещались очередные достижения отечественной космонавтики.

Сегодня у нас появилась возможность рассказать о работе ЦУПа подробнее. Центр управления полетами – это структурное подразделение Центрального научно-исследовательского института машиностроения. С августа 1961 года ЦНИИМаш возглавляет Юрий Александрович Мозжоров, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской

“Давай полетим к звездам!”

и Государственной премий, доктор технических наук, профессор. По просьбе нашей редакции директор ЦНИИМаша Ю.А.Мозжоров согласился рассказать о работе Центра управления полетами, о тех, задачах, которые ЦУП решает в ходе нынешней лунной экспедиции”.

Я вытащил из пишущей машинки лист и раздраженно бросил его на стол:

- Ерунда какая-то получается. Сухо, казенно, стандартно...

Инга отложила в сторону книгу, которую читала, сидя на диване, подошла к столу и заглянула в лист.

- Ну, и что? Нормальное вступление к статье. Стандартное. Что тебе не нравится?

- Понимаешь, Солнышко, Мозжоров очень необычный человек. Не только хороший специалист, но и замечательный рассказчик. И еще очень хороший хозяин. Заметь, не просто директор, формально и сухо исполняющий обязанности, а именно хозяин: толковый, болеющий за людей и порученное дело. Он почти два часа водил меня по лабораториям института... Ну, и главное... Я своими глазами увидел наш Центр управления полетом. Святая святых, один из наших главных космических секретов вплоть до недавнего времени.

- Подумаешь, секрет, - Инга надула губки. – Его уже несколько дней каждый вечер показывают по телику!

“Давай полетим к звездам!”

- Показывают только главный зал управления, - возразил я. – А ЦУП намного больше. Это настоящее чудо техники!

Инга еще больше насупилась. На встречу с Мозжоровым она не попала. Я договорился с бюро пропусков института машиностроения о том, что меня будет сопровождать фотокорреспондент. Но всего за пять минут до нашего отъезда к Мозжорову, Инге лично позвонил сам Аджубеев и распорядился немедленно отбыть на метростройку в Бирюлево – там Хрущев и члены правительства открывали к очередной годовщине революции новую станцию метро.

- В общем, ничего особенного, - сказал я поспешно, чтобы окончательно не испортить настроение моему сокровищу. – Обычный космический центр.

...Перед тем, как начать беседу, Юрий Александрович с настоящим хозяйским гостеприимством накормил меня обедом в институтской столовой.

- А кофе, Мартын Андреевич, давайте выпьем у меня в кабинете, - сказал Мозжоров. – Анна Григорьевна, мой секретарь, готовит его просто замечательно.

Кабинет у Юрия Александровича оказался довольно скромным для человека, который возглавляет всесоюзный институт со штатом примерно десять тысяч работающих. Обычный письменный стол с приставной тумбочкой, на которой в стартовой готовности замерли пять или шесть телефонов, Т-образный стол для совещаний, книжные шкафы,

“Давай полетим к звездам!”

забитые разноформатными и разноцветными томами. В углу кабинета скромно приютились журнальный столик и два мягких кресла.

На правой стене, рядом с рабочим столом, обнаружился портрет улыбающегося Гагарова, одетого в оранжевый полетный скафандр, с непонятной подписью “Гагарин” в углу над рамкой.

“Так, знакомая песня, - мысленно отметил я. – Видения и странности продолжаются!”.

- Давайте здесь расположимся, - Мозжоров кивнул в сторону кресел. – И кофе выпьем, и побеседуем.

Я не возражал. После двухчасовой экскурсии по институтским корпусам подкашивались ноги, и гудело в голове. Поэтому с облегчением опустил в предложенное хозяином кабинета кресло, достал из сумки блокнот и ручку. Мозжоров расположился напротив.

- Вот такое у меня хозяйство, Мартын Андреевич. Большое, сложное, но интересное.

- Да, интересное, - согласился я. – Впечатляет!

На вид Мозжорову около пятидесяти лет. Невысокого роста, щупловатый, седовласый. Необычайно глубокие темные глаза. Крупный с небольшой горбинкой нос. Высокий прямой лоб.

Я заглянул в заготовленные дома вопросы и приступил к работе:

“Давай полетим к звездам!”

- Юрий Александрович, расскажите немного о себе. Где учились, где работали, как пришли в космонавтику?

- В приказном порядке пришел, - губы Мозжорова сложились в улыбку. – Я учился в Московском авиационном институте. В сорок первом пошел на фронт, был ранен... С тех пор, кстати, плохо слышу левым ухом...

- При разговоре немного поворачиваете голову влево...

- А вы наблюдательны, Мартын Андреевич, - Мозжоров весело фыркнул. – Я уже свыкся, не замечаю... После ранения был зачислен слушателем в военную академию имени Жуковского. Ну, а после окончания войны приказом командования направлен в Германию – изучать немецкое ракетное наследство. Вот так и оказался в ракетной технике, а потом уже – и в космонавтике. Работал на разных должностях, защитил докторскую диссертацию. В шестьдесят первом возглавил институт машиностроения. И вот уже семь лет директорствую...

В кабинет зашла Анна Григорьевна и принесла нам кофе. Юрий Александрович кивком поблагодарил ее, сделал несколько глотков из чашки, явно смакуя напиток, и начал неторопливый рассказ об истории и работе находящегося в его подчинении института. Он рассказал много нового и интересного для моей будущей статьи. Я узнал, например, что космический полет обеспечивает целая сеть наземных пунктов слежения, что ЦУП “ведет” корабли и спутники от самого их

“Давай полетим к звездам!”

запуска с космодрома и до момента посадки на Землю, и многое другое.

Но долго беседовать нам не дали. На рабочем столе Мозжорова пронзительной трелью заголосил телефон. Юрий Александрович поднялся из кресла, стремительно пересек кабинет и поднял трубку:

- Мозжоров слушает... Так...

На его лицо легла печать озабоченности. Видимо, в его огромном институтском хозяйстве что-то случилось.

- Алексей Лукич, - сказал в трубку Мозжоров. – Пусть модель пока постоит на стенде. Я сейчас буду.

Он положил трубку и вернулся к журнальному столику.

- Мартын Андреевич, я вынужден минут на тридцать – сорок оставить вас. У вас есть время? Подождете?

- Конечно, конечно, - закивал я. – У меня еще остались вопросы...

- Вот и замечательно. Если хотите еще кофе, скажите Анне Григорьевне, и она приготовит.

Он быстро вышел из кабинета.

Кофе Анна Григорьевна действительно готовит замечательно, но пить мне не хотелось. Я поднялся из кресла, сделал несколько шагов по ковровой дорожке, подошел к окну.

Уныло плакало серое небо. Струйки воды сбегали по стеклу, размывая вид на мир за окном. Когда же закончится этот дождь?

“Давай полетим к звездам!”

Я повернулся к рабочему столу Мозжорова, окинул его взглядом. Письменный набор в виде крепостной стены, пара папок с надписями золотой вязью “На подпись” и “К докладу”. Стерильная чистота на полированной до зеркального блеска поверхности стола. Какая-то фотография в рамке на подставке.

Взял в руки фотографию и повернул ее изображением к себе. Ничего особенного. Юрий Гагаров и Герман Титовский просматривают газету “Правда”. Фото, скорее всего, было сделано где-то в августе – сентябре 1961 года, после суточного полета Титовского на “Востоке-2”.

Уже собрался поставить фотографию в рамке на место, но мое внимание привлекли подписи космонавтов на фотоснимке. У подписи Гагарова после знакомого “Гагар” обнаружился необычно длинный и волнистый “хвост” - даже длиннее, чем на уже знакомой мне подписи “Гагарин”. Кроме всего прочего, этот длинный “хвост” заканчивался странным кружочком, похожим на вытянутую букву “о”. А подпись Германа Титовского, напротив, оказалась необычно короткой и вместо буквы “й” заканчивалась какой-то почти вертикальной загогулиной.

Перевернул рамку и осторожно вытащил из нее фотографию.

Фотография оказалась вовсе не фотографией, а обычной цветной открыткой, которые во множестве выпускаются Министерством связи после каждого полета

“Давай полетим к звездам!”

наших космонавтов. Внизу открытки на белой полосе ярким черным шрифтом было напечатано:

“Первый советский космонавт Герман Титовец и второй советский космонавт Юрий Гагаренко читают газету “Правда”.

Еще раз внимательно всмотрелся в лица космонавтов. Обычные и хорошо знакомые лица. Юрий Гагаров и Герман Титовский. А по подписям и надписи внизу открытки получается, что передо мной совсем другие люди - Юрий Гагаренко и Герман Титовец. И еще из надписи следует, что Титовец – наш первый космонавт.

И вот еще странность... Оба человека на фотографии одеты в зеленые офицерские рубашки. Рубашки как рубашки, но форма нагрудных карманов чуть-чуть иная, чем на обычной военной форме. И погоны на плечах другие, с сильно скругленными углами и... У обоих капитанские погоны! А ведь всем известно, что Юрий Гагаров никогда не носил погоны капитана. В космос он стартовал старшим лейтенантом, а вернулся уже майором. Да и Титовский, кажется, тоже...

Я аккуратно вставил открытку в рамку и поставил на место. На всякий случай, ущипнул себя за руку. Было больно – значит, все происходящее не было ни бредом, ни сном. Очередная заморочка. Из привычной уже серии видимых глазами, но исчезающих на фотографиях “гагаринских” значков и портретов.

“Давай полетим к звездам!”

Прошелся по комнате, размышляя. Что мы имеем? Гагаров, Гагарин, Гагаренко и примкнувший к ним Титовец. Бред полнейший! Как там у Козьмы Пруткова? “Если на клетке слона прочтёшь надпись “буйвол”, не верь глазам своим”? Вот и следуй мудрому совету - не верь глазам своим. Или тихо сходи с ума...

Остановился у книжного шкафа. Книг у Мозжорова много. На верхней полке – тома собраний сочинений Ленина. Гм, судя по степени запыленности, они читаются хозяином кабинета крайне редко. Если вообще читаются... Ниже – полки с литературой по ракетной и космической технике. Много научно-популярных книг и классики. Циолковский, Перельман, Зигель... Вот новенькое издание маленькой энциклопедии “Космонавтика” - средней толщины голубенькая книжица. Гм, но почему-то в трех экземплярах. Зачем Мозжорову сразу три экземпляра “Космонавтики”? Ну, мало ли... Может быть, Юрий Александрович собирается подарить кому-нибудь парочку книжек?

Я задумчиво провел пальцем по переплетам стоявших в один ряд голубеньких книг. И вдруг обнаружил, что переплеты разные по структуре материала, из которого сделаны обложки. Первый переплет был сделан из обычной ткани голубого цвета, на которую была нанесена белая надпись “Космонавтика”. Второй был изготовлен из какого-то материала, похожего на

“Давай полетим к звездам!”

выкрашенную в голубоватый цвет кожу. Третий на ощупь походил на обтянутый полиэтиленом голубой картон.

Присмотрелся к книгам внимательнее. Только сейчас я заметил, что слово “Космонавтика” выполнено отличающимися друг от друга шрифтами. И эмблемы книжной серии на всех трех переплетах тоже были разными: на первой книге – обычная “СЭ”, “Советская Энциклопедия”. А на двух других – соответственно “ЭКР” и “РЭ”.

Оглянувшись на закрытые двери кабинета, осторожно снял книги с полки. Думаю, хозяин кабинета не обидится на меня, если я из любопытства возьму полистать книги из его книжного шкафа.

Снова уселся в кресло около журнального столика и открыл первую книгу. Издательство “Советская Энциклопедия”, Москва, 1968 год. Я бегло пролистал страницы. Такая же книга, как и у меня дома. Один к одному. Много всякой информации. Из числа той, которая не засекречена, и о которой можно свободно говорить и писать.

За разделом “Приложения” обнаружились вклейки с фотографиями наших космонавтов и американских астронавтов. Я взглянул и оторопел. Очень уж интересной и необычной оказалась страничка с изображениями советских покорителей космоса.

Первой на страничке было изображение Юрия Алексеевича Гагарова в парадном мундире, с множеством

“Давай полетим к звездам!”

иностранных и советских наград. Но подпись под фото, однако, извещала, что перед нами изображен некий Юрий Гагаринцев. А далее шли фотографии других космонавтов. Знакомые и незнакомые лица. И совершенно незнакомые фамилии. Нелюбский, Николашин, Титин, Поповкин, Соловьевская... Оч-чень интересно! Я раскрыл энциклопедию в разделе “Г” и нашел статью о первом космонавте:

“Гагаринцев Юрий Алексеевич (9 марта 1934 года – 24 апреля 1967 года) – космонавт Союза Советских Коммунистических Республик, первый советский космонавт и второй космонавт Земли, первым совершил орбитальный космический полет вокруг земного шара. Дважды Герой Советского Союза (1961, 1967). Член Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (с 1966 года). Депутат Верховного Совета ССКР. Генерал-майор авиации. Родился в Гжатской волости Смоленского края. В 1951 году окончил Мытищинское ремесленное училище и получил рабочую специальность токарь, в 1955 – Саратовский индустриальный техникум и одновременно школу аэроклуба, в 1957 – Оренбургское авиационное училище летчиков. В 1966 году экстерном окончил Московскую высшую военно-воздушную инженерную академию по специальности “Космонавтика”. 15 апреля 1961 года совершил космический полет, облетев на корабле “Восток” земной шар за 1 час 48

“Давай полетим к звездам!”

минут. Погиб 24 апреля 1967 года при проведении испытаний нового космического корабля “Союз-1”.”

Так-то... Значит, этот геройски погибший Гагаринцев - первый советский космонавт и второй космонавт Земли? Гм, а кто же тогда был первым космонавтом? Я снова раскрыл книгу на фотоклейке. За страничкой с изображениями советских – но не наших! – космонавтов, обнаружилась вкладка, озаглавленная “Астронавты Свободной Германии”. Первым на вкладке был изображен белокурый улыбающийся красавец. Подпись под фотографией в черной рамочке гласила: “Фон Шухарт Мартин Алекс (14 апреля 1930 года – 25 марта 1961 года) – первый космонавт Земли”.

Я открыл блокнот и переписал в столбик фамилии всех советских космонавтов – от Юрия Гагаринцева до некого Евгения Хруновского. Отложил в сторону первую из космических энциклопедий и раскрыл следующую книгу.

Вторая энциклопедия “Космонавтика” была издана в 1969 году в Киеве издательством “Энциклопедия Киевской Руси”. Вкладка в конце книги с фотографиями космонавтов оказалась цветной. Заголовок гласил: “Космолетчики Киевской Руси”. Фотография Гагарова была в самом верху страницы и выполнена несколько крупнее, чем все остальные изображения. Впрочем, подпись под фото утверждала, что перед нами совсем не Юрий Гагаров, а “Первый космонавт Земли Гагарский Юрей, сын Алексеев”.

“Давай полетим к звездам!”

Гм, Гагарский, значит. Юрий, сын Алексеев, понимаешь ли. Так, а кто еще числится в космолетчиках славной Киевской Руси? Я аккуратно, одна за другой, принялся переписывать фамилии с вклейки в блокнот. Тоже в столбик, рядом с первым. Быковнев, Бондарецкий, Титович, Анна-Жаннет Ерченко, Попов... Чудеса, да и только!

А кто у них конкуренты по космическим полетам? На следующей вкладке полтора десятка мелких фотографий: Майкл Карпентен, Ален Шеппедер, Джон Гленц... “Астропилоты Северо-Американского Соединенного Королевства”.

Третья книга в голубой обложке. “Его Императорского Величества издательский дом “Российская Энциклопедия”, Санкт-Петербург, лето от Рождества Христова 1967”. Листаю книгу. Много фотографий и текстов с “ятями” и “ижицами”. Но буква “Г”, слава Богу, по-прежнему четвертая в алфавите. Вот и статья о первом космонавте Земли. Читаем:

“Кн. Гагарин Георгий Алексеевич – первый космоплаватель Земли, потомок древнего княжеского рода, штабс-полковник Небесной Гвардии. Родился 7 марта 1933 года в имении Смелое Смоленской губернии. С отличием окончил Московский военно-морской офицерский корпус по специальности “Летающие машины”. Участник Манчжурской и Персидской наступательных операций. За мужество в бою в сентябре 1959 года награжден Золотым Крестом с бриллиантами и пожалован Личной Благодарностью Его

“Давай полетим к звездам!”

Императорского Величества Сергея Второго. Совершил первый в истории человечества успешный космический полет вокруг земного шара 12 апреля 1961 года. Выполнил длительный космический полет на космическом корабле “Восход-3” (с 1 по 20 июня 1965 года, совместно со штабс-капитаном Борисом Волинцевым), был командиром Второй Российской лунной экспедиции на космическом корабле “Св. Георгий Победоносец” (с 15 февраля по 2 марта 1967 года, совместно с полковниками Быковиным и Горбатовым).

Вкладка в конце книги с надписью “Космоплаватели Его Императорского Величества”. Переписываю фамилии в третий столбик на той же странице в рабочем блокноте: Гагарин, Титиков, Поповский, девица Телещенко (так и написано – девица!), Комарников...

Еще перелистаем несколько страничек книги. Вот и соперники по космическим высям, “Пилоты Американского Республиканского Небесного Флота”. И фотографии с фамилиями: Вирджил Гриссен, Дон Слейтос, Гордон Куперман.

Я сложил книги, отнес их к шкафу и поставил на прежнее место на полке. Вернулся в кресло и задумался.

Если я не окончательно сошел с ума от излишнего усердия при подготовке к нынешнему интервью с Мозжоринным и все происходящее не является моим горячечным бредом, то мы имеем целую плеяду людей с лицом Юрия Гагарова: Гагаренко, Гагаринцев, Гагарський, Гагарин... И соответственно

“Давай полетим к звездам!”

им Титовичи, Поповы, Бондарецкие и всякие девицы Анны-Жаннеты. В ассортименте, так сказать.

И что прикажите делать со всем этим “ассортиментом”? Тихо промолчать или бить во все колокола, бежать в Академию Наук, Комитет госбезопасности и ЦК КПСС и кричать, что в кабинете директора института машиностроения я обнаружил информацию минимум о четырех секретных отрядах космонавтов, а еще нашел Свободную Германию, Северо-Американское Соединенное Королевство и Его Императорское Величество Сергея Второго собственной персоной? Меня выслушают очень внимательно и непременно отправят отдохнуть. В какую-нибудь психушечку имени профессора Сербского. На очень и очень длительный срок.

Ведь у меня нет никаких доказательств. Три книги “Космонавтика”? А где гарантия, что за порогом этого кабинета они не превратятся в пустое место? Не исчезнут, как уже было с портретами “Гагарина” на фотографиях.

Поэтому лучше будет помолчать. До тех пор, пока ситуация окончательно не разъяснится. А в том, что она разъяснится, у меня не было никаких сомнений – уж слишком часто мне стали являться странности в истории отечественной космонавтики. Рано или поздно мы – я и Инга – обязательно разгадаем все эти загадки.

“Давай полетим к звездам!”

- Вы здесь не заскучали, Мартын Андреевич? – дверь кабинета распахнулась, и Мозжоров пружинистой, бодрой походкой прошел к своему креслу.

- Вздремнул немного, - соврал я. – Продолжим беседу, Юрий Александрович? Или вы заняты?

- Я постоянно занят, - махнул рукой Мозжоров и рассмеялся:

- Одним делом больше, одним меньше. Давайте продолжим!

- У меня осталось еще несколько вопросов, - виновато признался я. Не хотелось мучить этого жизнерадостного и активного человека трафаретными вопросами для очередного “космического” интервью. Очень хотелось спросить его о другом: о Гагарине и Гагаринцеве, о Нелюбском и Анне-Жаннет Ерченко. Но еще не время! Я вздохнул и заглянул в рабочий блокнот с домашними заготовками:

- Юрий Александрович, в каких формах Центр управления полетом сотрудничает с Министерством обороны СССР? Вы знаете, что на Западе очень много спекуляций о военной направленности наших космических программ...

- Советский Союз ведет исследование космического пространства исключительно в мирных целях, - Мозжоров улыбнулся уголком рта. - У нас нет военных пилотируемых космических полетов...

“Давай полетим к звездам!”

Еще около получаса беседы. О будущих системах управления, о том, как будет строиться советская лунная программа в ближайшие годы.

- Вот, пожалуй, и все вопросы, - я закрыл блокнот. – Для газетной статьи достаточно. Хотя мне, конечно, хотелось спросить вас и о многом другом.

- С этим, я полагаю, проблем не будет, - Мозжоров энергично поднялся из кресла, подошел к рабочему столу и откуда-то изнутри письменного прибора достал прямоугольный квадратик бумаги. – Здесь указаны мои рабочие и домашний телефоны, Мартын Андреевич. Недельки через две звоните. Обязательно найду время, и мы еще побеседуем.

Я взял карточку с телефонами и положил в рабочий блокнот. Мозжоров пожал мне руку:

- Рад был с вами познакомиться, Мартын Андреевич!

- Взаимно, Юрий Александрович, - я кивнул. – До свидания!

- Буду ждать вашу статью для “Советских Известий” на рецензию, - Мозжоров лукаво подмигнул. Его институт, кроме разработок космической техники, ведал еще и рецензированием всех материалов о советской космонавтике. – Посмотрим, не разгласил ли директор Мозжоров каких-то космических секретов!

“Давай полетим к звездам!”

Передо мной стоял улыбчивый, добрый и откровенно симпатичный мне человек. И я решился:

- Думаю, что никаких секретов директор института корреспонденту “Советских Известий” не разгласил. А самое интересное в стенах этого кабинета – вон в тех трех книжках с названием “Космонавтика”, которые стоят в шкафу. Не так ли, Юрий Александрович? Гагарин, Гагарский, Гагаринцев...

На что я рассчитывал? На то, что он сейчас в два счета разъяснит мне все те “странности” со значками и портретами, с которыми я и Инга столкнулись? На эффект неожиданности и его спонтанное признание? Но в чем?

Но Мозжоров даже не удивился. Только улыбнулся, еще раз пожал мне руку и сказал:

- И об этом мы тоже обязательно с вами поговорим, Мартын Андреевич! В свое время!

...- Ну, и что ты обо всем этом думаешь?

Инга сидела на диване, поджав стройные ножки, и смотрела в серую пелену дождя за окном моей комнаты.

- Не знаю, что и сказать, Март, - она пожалала плечами. – Была одна странность – портрет Гагарова с подписью Гагарина. И значки такие же... А теперь...

Она замолчала и принялась задумчиво водить пальчиком по цветным разводам на обшивке дивана.

- А теперь у нас целая куча странностей, - сказал я. – Гагарин, Гагаринцев, Гагарский... И еще девица Анна-Жаннет

“Давай полетим к звездам!”

Ерченко в придачу. Я уж не говорю про легион иностранных космонавтов из всяких там Свободных Германий и Северо-Американских Королевств.

- Март, - Инга подняла взгляд на меня, - а эти книги в кабинете Мозжорова были настоящими?

- В каком смысле? – я удивленно воззрился на нее. – Конечно, настоящими! Обычные космические энциклопедии. В хороших переплетах, между прочим.

- Это я и хотела от тебя услышать, - Инга кивнула. – Если они были изданы профессионально, а не являются кустарной подделкой, выполненной для розыгрыша, то рискну сделать предположение об их происхождении.

- Ну-ка, ну-ка, рискни, - я уселся на диван рядом с ней.

- Это просто книги из разных миров, - сказала Инга.

- Ах, инопланетяне, - я разочаровано отмахнулся. – Знаем, слышали... Контакты третьего рода, летающие тарелки, Джордж Адамский.

- Инопланетяне и летающие тарелки здесь не причем, - Инга соскочила с дивана, стремительно пересекла комнату и остановилась у книжного шкафа. – Где-то у тебя был справочник по современной физике...

- Посмотри на второй полке сверху.

Инга вытащила из шкафа толстый фолиант, положила его на стол и принялась сосредоточенно листать.

- Что ты ищешь? – поинтересовался я.

“Давай полетим к звездам!”

- Определение понятия времени, - не отрываясь от созерцания страниц, ответила Инга. – Хочу найти четкое определение этого понятия с точки зрения современной физики.

- Тогда можешь не искать, - я весело фыркнул. – Точного определения понятия “время” не существует. Наука не знает, что это такое. Хотя и постоянно оперирует этим понятием.

- Тем хуже для науки, - сказала Инга, надув губки. – Тогда я совершенно свободна в построении своей гипотезы!

- Слушай, хватит тянуть кота за хвост, - возмутился я. – Ну-ка, выкладывай, чего ты там измыслила! Иначе обижусь! Всерьез и очень надолго!

Инга оставила в покое справочник по физике, села рядом на диван и сказала:

- Знаешь, откуда эти три книги в кабинете Мозжорова? Они просто взяты из трех разных миров, которые существуют во времени параллельно друг другу.

- Что это значит - существуют параллельно? – не понял я. – Как могут миры существовать во времени параллельно?

- Очень просто, - Инга хитро улыбнулась. Она взяла с письменного стола чистый лист бумаги и карандаш, снова уселась рядом со мной на диван и провела на листе длинную прямую линию.

“Давай полетим к звездам!”

- Представь себе, что это ось времени. Слева – прошлое, справа – будущее. А вот в этой точке сейчас существуем мы и весь наш мир.

- И Земля, и планеты Солнечной системы?

- Не только Земля и вся Солнечная система, но и вообще вся Вселенная, - пояснила Инга. – Вся наша Вселенная движется по этой оси времени из прошлого в будущее. Понятно?

- Пока понятно, - кивнул я и коснулся губами ее розовой щечки. – И если заглянуть вдоль этой оси в будущее, то можно увидеть, что сейчас мы будем целоваться.

- Если заглянуть в будущее, то никаких поцелуев сегодня не обнаруживается, - сухо произнесла Инга, отстраняясь. – Зато обнаруживается попытка дать объяснение существующим странным явлениям.

- Ладно, - вздохнул я и смиренно сложил руки на коленях. – Я готов выслушать ваши объяснения, Инга Яновна. Дерзайте!

- Вот и хорошо, товарищ Луганцев, - Инга усмехнулась, снова придвинула к себе лист бумаги, разделенный прямой линией:

- Итак, это линия времени для нашей Вселенной. А вот здесь и здесь могут быть линии других Вселенных. И эти линии параллельны линии времени нашего мира.

Она провела на листе бумаги еще две прямые линии, расположив их параллельно первой линии.

“Давай полетим к звездам!”

- Это линии времени для двух миров, параллельных нашему. Вот в этих Вселенных и существуют две планеты по имени Земля, на которых живут Гагарины, Гагарцевы и прочие Анны-Жаннет Ерченко.

- Далась тебе эта Ерченко, - ухмыльнулся я. – Милый мой физик-теоретик, твоя гипотеза, конечно, красивая, но не бесспорная.

Я пододвинул расчерченный прямыми линиями лист бумаги к себе:

- Позволь задать тебе несколько вопросиков. Не возражаешь?

- Нисколько. Задавай.

- Во-первых, почему линии времени на твоём замечательном рисунке параллельны друг другу? Они ведь могут и пересекать друг друга. Вот так, например.

Я провел на листе четвертую линию, которая пересекла три первых.

- Нет, - Инга покачала головой. – Так у нас ничего не получится. Если линии времени двух Вселенных пересекутся, то эти две Вселенные просто сольются друг с другом. Смешаются в одну общую Вселенную.

- Очень хорошо! – довольно кивнул я. – Значит, в природе должен быть какой-то механизм, который не позволяет двум линиям времени пересечься, а двум

“Давай полетим к звездам!”

Вселенным соединиться в одну общую Вселенную. И ты готова сказать мне, что это за механизм и кто или что им управляет?

Инга задумалась.

- Пожалуй, ты прав, - сказала она, в конце концов. – Тут мне еще следует подумать. Действительно, должно существовать еще что-то, чтобы удерживать две линии времени от пересечения.

- Прекрасно, товарищ будущий Нобелевский лауреат в области физики, - я не смог сдержать улыбки. – Теперь позвольте задать вопрос номер два. Я соглашусь на время, что книги в кабинет Мозжорова каким-то образом попали из параллельно существующих миров. Тогда ответь, пожалуйста, мое умненькое сокровище, почему эти разные и параллельные миры все-таки так похожи друг на друга. Во всех есть планета по имени Земля, живут физиологически одинаковые люди, существуют почти одинаковые страны...

- Одинаковые Земли, одинаковые страны, - задумчиво повторила Инга. На несколько мгновений она снова скользнула отсутствующим взглядом куда-то в далекие пространства, а потом весело расхохоталась:

- Март, а ведь отгадка для всех наших загадок лежит буквально на поверхности!

Инга взяла у меня из рук карандаш и исчерченный линиями листок, поставила на центральной линии жирную точку и провела из нее несколько прямых линий.

“Давай полетим к звездам!”

- Это подобие разных миров означает, что до определенного момента в прошлом они были единой Вселенной. А потом в этой точке... Или даже в нескольких точках случилось нечто, что привело к разделению Вселенных на несколько разных миров. Которые с момента отделения друг от друга начинают развиваться уже совершенно независимо!

- Гм, допустим, - я повертел листок с рисунком перед глазами. – Но все равно есть масса всяких неясностей. Что могло подвинуть Вселенную на разделение на два мира? И, заметь, моя милая, это не просто разделение, а копирование одной Вселенной в другую. Откуда взялись вещество и энергия, чтобы создать копию первоначальной Вселенной? И еще... Эти параллельные разделившиеся Вселенные все-таки остаются не совсем автономными. Между ними можно путешествовать. Иначе как можно объяснить появление книг из разных миров в кабинете Мозжорова?

- Я не знаю, - Инга опустила плечи. – Но никакой другой гипотезой все эти странные явления, которые стали происходить с нами, я объяснить не могу.

- И понял, что я заблудился навеки

В слепых переходах пространств и времен,

А где-то струятся родимые реки,

К которым мне путь навсегда запрещен, - вслух продекламировал я четверостишие из гумилевского “Стокгольма”.

“Давай полетим к звездам!”

Серое небо за окном вновь заплакало мелким осенним дождиком.

Чеслав Волянецкий и другие - 8

(рабочие записи)

ДИТЯ ПЯТИ НЯНЕК

Мы сопровождали “Знамя” и во время полета от Луны до Земли. Установили режим “audi, vide, sile” - слушай, смотри, молчи. Шли вокруг корабля пятью десантными модулями, окружив невидимыми стенами защитных полей, надеясь уберечь от новых атак белых агрессоров. В том, что такая атака может повториться в любой момент, никто не сомневался.

Игорь Лосев включил трансляцию переговоров экипажа “Знамени”, и мы слышали все, о чем говорили Леонтьев и Макарин. Сразу после ухода корабля с окололунной орбиты, они оба завалились спать. После полутора суток напряженной работы на Луне и в космическом пространстве это не вызывало удивления.

Я не хотел бы оказаться на месте этих ребят. Трое с половиной суток в скафандрах в малюсеньком, как кабина автомобиля спускаемом аппарате, среди сонма приборов и оборудования. И почти без движения. Ведь все основные полетные эксперименты уже выполнены.

“Давай полетим к звездам!”

Правда, еще остались медицинские исследования. Судя по разговорам, самой “приятной” процедурой для Леонтьева и Макарина были ежедневные заборы проб крови.

- Позвольте ваш пальчик, Алексей Архипович!

- Макарин, злодей, куда ж ты колешь?! Так твою и растак!

Пиявка!

Столбик крови вползает в пробник.

- Так, теперь моя очередь колоть! Ну, держись, садист!

- Ой! Лешка там уже полведра набралось! Хорош жать!

- Еще капельку! Ух, готово!

- Вампир лунный! Палец совсем синим стал! И затек!

- А ты подвигай пальчиком, подвигай! Вот так, молодец!

Вот так они и летели все трое с половиной суток до самой Земли: спали, ели, поочередно “ходили в туалет”, брали пробы крови друг у друга...

Ну, и еще говорили, говорили, говорили...

Обо всем, что приходило на ум...

- Лешка, ну, у нас тут и теснотища! Даже в “Союзе”, кажется, и то просторнее!

- Конечно, просторнее... Контейнер с образцами лунного грунта в спускаемом аппарате на “Союзах” не возят. И туалет у них где? В бытовом отсеке. А у нас – вот они удобства, под носом. Мы с тобой, Олешка, как – будто в “горбатом” “Запорожце” едем. Там примерно такая же по объему кабина.

“Давай полетим к звездам!”

- А вот, кстати, я анекдот о “Запорожце” вспомнил. Двое собачников встретились и разговорились. Один говорит другому:

- Что делать - не знаю! Моя псина постоянно бегают за машинами марки “Запорожец”.

- Ну, это же нормально, - отвечает другой. – Многие собаки бегают за машинами...

- Да, но мой дог приносит их в зубах и закапывает у тещи в огороде!

Посмеялись... Помолчали...

- После посадки “Союза-4” меня и Василия Лазорина посадили в самолет и повезли в Москву, - Макарин начинает новый рассказ. - Все волновались: как мы перенесем возвращение к условиям земной гравитации. Полет же длился рекордное время - восемнадцать суток... И вот, представь себе, Алексей, состояние всего нашего руководства, когда с борта летящего в Москву самолета они получают сообщение с просьбой немедленно подать в аэропорт машину “Скорой помощи”... Сразу заработала система “испорченного телефона”. “Космонавтам стало плохо”... “Космонавты потеряли сознание”... “Космонавты при смерти”... Какой-то доброжелатель звонит прямиком в ЦК КПСС. Сигнализирует. Так, мол, и так, ситуацию скрывают от руководства партии... Грандиозный переполох! В аэропорт по команде сверху срочно рванули едва ли не все наши медицинские светила. Самолет

“Давай полетим к звездам!”

приземляется, мы с Лазориным выходим на трап самостоятельно, хотя и чуть покачиваясь.

- А где же пациент? – едва ли не хором спрашивают медики.

- В пассажирском салоне, - Вася Лазорин кивает в сторону лайнера. – Один из инженеров вчера перепил, а сегодня во время полета ему стало плохо...

Леонтьев, отсмеявшись, рассказывает историю из своей жизни:

- А вот у меня был смешной случай во время курса общекосмической подготовки... Нас, первый отряд космонавтов, медики прогоняли через сурдокамеру. Сажали каждого на пятнадцать суток и изучали, как на нас скажутся полная тишина и одиночество. Ну, и вот отсидел я свои пятнадцать суток, прошел двухдневную реабилитацию и медицинское обследование и решил прогуляться по Москве. Усы и бородку, которые выросли во время отсидки в сурдокамере, сбривать не стал. Сел в метро и поехал. А напротив меня сидит бабулька с авоськами и очень подозрительно меня рассматривает. Вид у меня, конечно, с легкой небритостью был весьма колоритный, это надо признать... И тут на станции “Маяковская” в вагон заходит космонавт Жорка Шонов. Увидел меня, обрадовался, заулыбался:

“Давай полетим к звездам!”

- Привет, Блондин, - говорит. – Ну, что отсидел свои пятнадцать суток?

Бабка с авоськами при этих Жоркиных словах нервно дернулась. И авоськи к себе подтянула.

- Отсидел, Жорик, - отвечаю я Шонову. – А ты как?

- Да вот еду завтра садиться, - говорит Жорка, снимает кепку и проводит рукой по гладко выбритой голове. - Решил вот перед отсидкой постричься...

И тут бабка как заорет на весь вагон:

- Хулиганье проклятое! Бандиты! Проходу от вас нету! Милиция!

...Двое летят домой...

За полтора суток до посадки “Знамени” снова неожиданно обострилась политическая обстановка в мире, и мне по приказу Карлоса Дониљи пришлось оставить нашу космическую эскадру и срочно вернуться на “Галеоне” на Землю.

Еще 31 октября, сразу после старта Леонтьева с Луны, советский министр иностранных дел Громыкин в интервью итальянской газете “Република” жестко прошелся по американцам в связи с окологлунными маневрами “Сервейора-8”. И подчеркнул достаточно резко, что СССР готов “дать сокрушительный отпор всей своей боевой мощью провокаторам и диверсантам на земле, на море, в воздухе, а теперь – и в космосе”.

“Давай полетим к звездам!”

И покатилося колесико... В начале ноября в США – очередные президентские выборы и частичные перевыборы сената и палаты представителей. Грех не использовать успех Советского Союза на Луне в предвыборных целях! Сенатор-республиканец Роберт Гейсборо выступает перед избирателями в штате Техас, и добалтывается до того, что напрямую просит американского президента Линдона Джонсона нанести ракетный удар по советскому космическому кораблю “Знамя” во время его входа в земную атмосферу. Этот Гейсборо – парень решительный, но мозгов у него – абсолютный ноль.

В Москве от такого воинственного заявления американского законодателя немедленно возбудились. Там своих нулевых мозгов всегда хватало, чтобы не различать предвыборный треп от истинных политических намерений. Министерство иностранных дел СССР по дипломатическим каналам обратилось в государственный департамент США с требованием разъяснить суть заявления сенатора Гейсборо. Госдеп легкомысленно запрос проигнорировал: мол, нужно ли комментировать предвыборные шизофренические вопли? Как говорится, на каждый чих не наздравствуешься.

В Кремле не дождались ответа и запаниковали еще больше. 2 ноября Вооруженным Силам СССР был отдан приказ перейти в состояние полной боевой готовности.

“Давай полетим к звездам!”

Когда об этом сообщили Линдону Джонсону, он немедленно прервал предвыборное турне и созвал кризисный штаб в Белом доме. Войска США тоже начали разворачивать боевые порядки. Мир замер на грани большой войны. Достаточно было любой “спички”, чтобы полыхнуло.

Я считался в вашингтонском политикуме большим специалистом по Советскому Союзу – советологом. Поэтому президент Джонсон пригласил меня в Овальный кабинет на беседу и попросил передать личное послание Никите Хрущеву через советского посла Добрынова. Линдон был готов дать любые гарантии, что США не будут противодействовать успешному завершению миссии Леонтьева и Макарина. Я тотчас же отправился в посольство СССР, и письмо американского президента в тот же день специальным авиарейсом улетело в Москву. Политический кризис – самый серьезный со времен Карибского противостояния шестьдесят второго года вокруг советских ракет на Кубе – стал постепенно сходить на нет.

Как только стало известно, что войска СССР и США получили приказ вернуться в обычное состояние, я с Игорем Лосевым вылетел на “Галеоне” навстречу “Знамени” и нашей невидимой эскадре десантных модулей.

“Давай полетим к звездам!”

Алексей Леонтьев и все, все, все - 9

ПОЛЕТ В АТМОСФЕРЕ

Разделение отсеков космического корабля... Гулкий хлопок где-то за спиной, под днищем спускаемого аппарата, мягкий толчок – и все, прощай, двигательный отсек.

- Жаль, что сейчас нельзя развернуться и посмотреть на наш “хвостик” со стороны, - сказал Олег. – А еще лучше сфотографировать!

- А ты предложи Королевиному и Бушунину поставить наружные фотокамеры на следующем “Знамени”. Одну - на двигательном отсеке, другую – на спускаемом аппарате. Сразу получишь весь процесс разделения с двух точек зрения, во всей красе.

- Хорошая идея! - Макарин потянулся к бортжурналу и принялся делать пометки. – Надо будет подумать.

- Дарю, мне не жалко, - я переключил внимание на пульт управления. Все индикаторы горели ровным зеленым светом. На борту полный порядок.

Спускаемый аппарат заворочался в пространстве. Автоматика выравнивала ориентацию.

- “Флаги”, - донесся с Земли голос оператора, - идете очень хорошо, прямо в посадочный коридор.

- Очень рады, “Заря”, - ответил я. Гм, конечно рады. Не нужно вручную делать навигационные замеры, маневрировать,

“Давай полетим к звездам!”

ориентируя в пространстве рвущийся навстречу Земле, космический корабль.

- Мы летим сейчас со стороны Антарктиды, - сказал Олег.

- Лешка, представляешь? Огромная, белая, как сахар Антарктида в синем океане... И солнышко ярко светит... Эх, какие пейзажи можно нарисовать!

- Вернемся домой – возьму тебя в соавторы, - пообещал с усмешкой. – Будем вместе картины писать.

- Я рисовать не умею, - с горчинкой в голосе вздохнул Макарин. – С детства – как курица лапой. Разве что, пристроишь меня холсты готовить и краску разводить...

- Краски для рисования разводить не надо, - я засмеялся. - Ты будешь меня идейно вдохновлять. Твои идеи – моя работа. Творческое разделение труда. Олег Макарин – в роли космической музыки!

- Болтун, - сообразив, что я его подначиваю, обиженно фыркнул Олежка.

Звезды за стеклом иллюминатора по-прежнему не видны. По коленям медленно ползет округлое пятно солнечного света. Наше светило сейчас где-то над головой, за крышкой выходного люка. А Земля спряталась под днищем спускаемого аппарата. Жаль, что ее не видно... Может быть, и вправду снежно-белая Антарктида неотразима среди подсвеченных лучами Солнца синих вод мирового океана...

“Давай полетим к звездам!”

...А потом на нас навалилась перегрузка. Как-то сразу, неожиданно, властно. Была невесомость, привычная уже за полторы недели полета легкость во всем теле. И вдруг что-то невидимое вползло в корабль, зашевелилось, обрушилась на нас всей тушей.

Я ожидал, что перегрузка будет ощутимой, но не мог и предположить, что она окажется такой большой. Не знаю, может быть, это были субъективные ощущения, но мне тогда показалось, что утяжеление существенно превысило те десять-двенадцать единиц, на переносимость которых нас тренировали на центрифуге в Звездном городке. А может быть, это сказались более десяти суток космического полета, большую часть которых я провел в условиях невесомости?

Перегрузка нарастала стремительно. “Потекла” по лицу кожа. Руки невидимого массажиста потянули ее от носа в сторону ушей и вниз, к шее. Сжало ноздри, и чтобы нормально дышать, пришлось приоткрыть рот.

Минута-другая и начались изменения зрения. Кровь плохо поступала к голове и глазам. Вектор перегрузки гнал ее в нижнюю часть тела, к ногам. Стали блекнуть, однотонно сереть и исчезать цвета. Настенные панели корабля, иллюминатор, пульта – все теряло цветность, линяло, бледнело, и в конце концов, стало резко черно-белым, почти без оттенков. Как будто в цветном телевизоре вышла из строя система установки цвета.

“Давай полетим к звездам!”

Человек устроен так, что может привыкнуть ко всему. Наверное, и мой организм хотя бы на какое-то время привык, смирился с этим новым черно-белым миром перегрузки. Но это было только начало испытаний.

Корабль все глубже погружался в атмосферу, сбрасывая скорость и тормозясь. Перегрузка “решила”, что еще недостаточно расплющила меня и Макарина. Последовал еще один нажим, резкий и ощутимый.

И снова первыми отреагировали глаза. Стал сужаться угол зрения. Тьма пеленой поднималась отовсюду – сверху и снизу, слева и справа. Я медленно проваливался в бездонную яму с темными краями. Скользил из этого мира в длинный колодец с непроницаемо черными стенами. Все, что было перед глазами, - оборудование кабины, крышка выходного люка, приборы управления, - “уехало” на несколько метров вперед. Было очень странно и непривычно смотреть на собственные руки и колени, которые постепенно “вытягивались” вдаль и всасывались в бесформенное светлое пятно. Пятно переливалось световыми бликами, а от висков и переносицы на весь обозримый мир медленно наползала черно-серыми облаками мгла...

Дышать стало невероятно трудно. Невидимая сила сжала ребра, давила на грудь, самым невыносимым образом выгибала позвоночник. Мне не хватало воздуха. Он собрался под стеклом гермошлема и ни за что не хотел лезть в сжатые

“Давай полетим к звездам!”

объятиями перегрузки легкие. Пот струйками полз по лицу, собирался в глазницах, щипал глаза. Хотелось широко, по-рыбьи, раскрыть рот, чтобы поймать последние пузырьки убегающей куда-то в пространство воздушной смеси. Сознание меркло и туманилось, я совершенно перестал понимать, где нахожусь и что со мной происходит.

Ощущения притупились. Осталась только тупая постоянная боль в груди и вальсирующие в призрачном танце пятна света перед глазами.

Последние остатки воздуха возмущенно вскипели и стремительно рванулись вверх из легких. Ужас холодной лентой сжал горло, и я что есть мочи заорал. Но вопля не получилось. Услышал лишь собственный, сдавленный и хриплый стон.

Сердце гулко грохотало где-то под челюстью, незримые молоты били в виски.

Попытался судорожно ухватить губами последний пузырек воздуха. Но прозрачный шарик рванулся прочь, уносясь к звездам, к Солнцу, к жизни.

Меня накрыла и стала душить мутная пелена беспамятства. Мягкая, душная и тяжелая, как огромное ватное одеяло.

...Дуло пистолета. Немец в черной униформе. Ужас и смерть...

“Давай полетим к звездам!”

Мартын Луганцев и его собеседники - 9

(записки журналиста)

ДОНОС КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ

...Обсуждая мой визит к Мозжорову, мы засиделись допоздна, и в ту ночь Инга осталась у меня. Впрочем, она бы и так осталась, без “повода”.

Она лежала рядом, прижималась ко мне горячим от любовных ласк телом, положив голову на плечо и обнимая левой рукой. Ее дыхание легким ветерком скользило по моей щеке.

От Инги исходило что-то большее, чем тепло. Это нечто входило в мое тело, разливалось умиротворяющей волной. Я совершенно отчетливо вдруг осознал, что мы с ней – одно целое.

Сердце кольнуло кинжалом. Павел Петрович Синицкий...

Нет, с этим больше жить нельзя.

- Инга, - тихонько позвал я.

- Да, милый, - шепот, как тихий перезвон колокольчиков.

- Мне приказали написать на тебя донос, - произнес я.

Губы сразу же одеревятели. Слово было сказано.

Она напряглась моментально. Я не ожидал такой реакции. Будто только и ждала моих слов. Голова Инги по-прежнему лежала на плече, она была рядом, но волшебное

“Давай полетим к звездам!”

тепло, исходившее от ее тела, вдруг исчезло, и зев бездонной пропасти открылся между нами.

- Меня вызывали в первый отдел. Некто Сеницкий Павел Петрович, полковник госбезопасности. Он хочет, чтобы я написал все, что знаю о тебе.

Она резко отпрянула. Отбросила одеяло и села на кровати.

- Ты не шутишь?

- Нет, - от ее слов повеяло ледяным ветром. Мне стало холодно. – Это правда.

- И что же интересует госбезопасность? – Инга смотрела на меня, не отрывая взгляда. Свет уличных фонарей пробивался сквозь шторы, падал на ее лицо и глаза казались темными, как сама ночь. Темными и холодными.

“Вот и все, - вяло подумал я. – Вот все и кончилось”.

- Сеницкого интересуют твои взгляды на мир, - произнес я. Двигались только мои губы. Тело стало безжизненной колодой. – Все, что ты думаешь о политике и обществе.

- Ах, это... - она пренебрежительно взмахнула рукой. – И все?

- Сеницкий сказал, что дело как-то связано с твоими родителями, - я заговорил быстрой скороговоркой, словно боялся не успеть сказать ей все. – И еще... Он пообещал добиться моего и твоего увольнения из газеты, если я не напишу донос. И выселить нас из Москвы...

“Давай полетим к звездам!”

- Ну, так напиши ему этот донос, - сказала Инга и сладко потянулась.

- Как написать? – я задохнулся.

- Буквами напиши, - засмеялась она. – Словами на русском языке!

- Но это же предательство! – горячо выпалил я, приподнимаясь на локте. – Это же мерзко!

- Милый мой Мартик, - Инга коснулась пальцами моего лба и провела сверху вниз ладонью по лицу. Слово снимала с меня какую-то липкую паутину. – Этот мир – такой, каков он есть. В одиночку его не переделать. И даже вдвоем мы его не изменим. Поэтому напиши клевету на меня этому Синицкому. Пусть подавится.

- А если он ее как-то использует?

- Как? – она снова засмеялась. – Когда погибли мои мама и папа, мне было всего четыре месяца. Даже в госбезопасности вряд ли решат, что в таком возрасте я могла бы стать фашистской шпионкой!

- А если этот донос только повод? – я не хотел сдавать свои страхи в архив так просто. – Если они копают под что-то другое?

- Под что? Я что, диссидентка, террористка, наемница заморского капитала? – Инга тряхнула волосами. – Меня совершенно не интересует политика, ты заметил?

“Давай полетим к звездам!”

- Я все равно не смогу, - поймал ее руку и прижал к щеке. Ладонка была теплой и бесконечно нежной. – Не смогу написать эту гадость. Потому, что я тебя люблю.

- Именно поэтому ты ее и напишешь, - она наклонилась ко мне и поцеловала в лоб. – Потому, что ты меня любишь. Потому, что ты – мужчина и должен защищать любимую женщину. Любыми способами.

Инга снова нырнула под одеяло и улеглась головой мне на плечо.

Тепло вернулось. Ледяные айсберги в моей душе таяли, рушились один за другим.

“Как все оказалось просто, - я с головой нырнул в океан неги и доброты. – Какой же я дурак, что не сказал ей все сразу!”

Я притянул Ингу к себе и поцеловал. Наверное, это был наш самый горячий поцелуй за все время нашего знакомства.

Чеслав Волянецкий и другие - 9

(рабочие записи)

“ИДУ НА ВЫ”

Мы были начеку, но “гипнотизеры” все же обвели нас вокруг пальца...

Леонтьев и Макарин успешно выполнили две коррекции траектории полета. У самой кромки земной атмосферы “Знамя”

“Давай полетим к звездам!”

разделился на приборно-двигательный отсек и спускаемый аппарат. Спускаемый аппарат точнехонько вошел в так называемый “коридор спуска”. Теперь траектория полета в атмосфере обеспечивала минимальные перегрузки и посадку корабля в заранее выбранном районе Казахстана.

Спускаемый аппарат, похожий на огромную автомобильную фару, нырнул в плотные слои атмосферы, гася космическую скорость. “Знамя” тормозилось, вокруг него возникло плазменное облако.

Я решил, что атака “гипнотизеров” уже совершенно невозможна, и отправил сторожевые десантные модули на околоземную орбиту. Для сопровождения “Знамени” к месту посадки остался только “Галеон”, который пилотировали Игорь Лосев и я.

Это было ошибочное решение.

Белый враг выждал примерно полторы минуты и нанес удар. Но теперь это был не лучевая атака и не попытка воздействовать на системы управления космического корабля деструктивными сигналами. Белая четырехгранная пирамидка, высотой около метра, выросла из ниоткуда рядом с летящим в плазме “Знаменем”, уткнувшись вершиной в его борт. Траектория “Знамени” стала резко выгибаться. Спускаемый аппарат все круче зарывался в плотные слои атмосферы.

Лосев, не дожидаясь моей команды, ударил по пирамиде со всех калибров “Галеона”. Лучевые мечи сошлись на белых

“Давай полетим к звездам!”

гранях агрессора – безрезультатно. Огромный спрут, опутавший корабль невидимыми щупальцами, утаскивал спускаемый аппарат вглубь атмосферного океана.

Игорь прекратил стрельбу и в отчаянии сжал кулаки:

- Что будем делать, командир? Уже сейчас там, на “Знамени” перегрузка единиц пятнадцать...Еще минута такого полета – и ребята погибнут!

- Уходи в аварийный отсек, я тебя катапультирую. Наши тебя подберут.

- А ты?

- Есть старое и проверенное средство борьбы с воздушными стервятниками, - я натянуто улыбнулся. – Ultima ratio – последний довод. Таран.

- Тогда вместе...

Я взглянул на него, словно увидел впервые. Невысокого роста, щуплая фигура. Светло-русые волосы коротко острижены и аккуратно расчесаны на косой пробор. Округлое лицо с чуть заостренным подбородком, карие глаза, прямой нос и тонкие губы – в его внешности не было ничего, что могло бы задержать на себе внимание. Но взгляд... В его взгляде было столько уверенности и силы, что я понял – он не подведет. И все же спросил:

- Ты уверен?

- Чеслав, я – летчик, - морщинки пошли от смеющихся глаз. - Ты не забыл?

“Давай полетим к звездам!”

- Ладно, не обижайся.

Прошелся пальцами по сенсорам пульта. Антигравы – вверх. Силовое поле – вниз.

- Ремни затянуть! Игорь, готов?

- Работаем, Чеслав! – Лосев показал большой палец.

Нас отделяло от “Знамени” и воткнувшегося в его борт агрессора всего метров сто. Я разогнал “Галеон” на параллельном курсе, выводя его вплотную к спускаемому аппарату.

Я – строитель миров. Я создаю их, творю, пестую и лелею. Я лечу их болезни и учу их. Это мои миры, мои маленькие и одновременно большие дети.

Эта белая гадость покусилась на самое святое, что у меня есть – на мой труд, на труд еще сотен и тысяч ребят-миростроителей. Она хотела убить не только Леонтьева и Макарина, загнав их в поле больших перегрузок. Она хотела убить всех нас, убивая наш труд.

Кто-то должен остановить белого агрессора. Раз и навсегда. Почему не я?

Этот мир – мой, и никакой белой сволочи я его не отдам, даже если она сильнее меня в миллионы раз.

Мягкий шлепок ладонью по сенсору. Двигатели “Галеона” взвыли, вложив в последний рывок всю свою силу и мощь.

“Давай полетим к звездам!”

Борт десантного модуля ударил в самую вершину белой пирамиды.

Антигравы гасили перегрузку внутри модуля, но все же инерция швырнула нас вперед, силясь вырвать из пилотских кресел. Ремни-фиксаторы впились в грудь, сжимая ребра.

Удар “Галеона” отсек вершину пирамиды от спускаемого аппарата. Теперь ее острая оконечность вонзилась в днище нашего десантного модуля. Мы успели ощутить пресс пятнадцатикратной перегрузки, прежде чем антигравитаторы восстановили нормальный гравитационный режим внутри нашего корабля.

- Получилось! – Лосев в сердцах ударил кулаком по колену.

- И мы даже живы! – я вымучено усмехнулся.

Что-то сломалось во мне. Лопнуло, как лопается скорлупа, когда цыпленок выбирается из яйца на свет.

Я перестал быть простым миростроителем. Сотни и тысячи человеческих миров требовали моей защиты. И я был готов защитить их. Даже ценой собственной жизни.

Антигравы работали на полную мощь, ежесекундно отжимая “Знамя” вверх, постепенно возвращая его на прежнюю, расчетную траекторию.

Пирамида рванулась в сторону, пытаясь выйти из гравитационных пут десантного модуля. Но Игорь усилил напряжение поля, удерживая “беляка” в сети:

“Давай полетим к звездам!”

- Берем в плен эту чертовщину, командир?

Я не успел ответить. Пирамида взорвалась изнутри, распалась на тысячи и миллионы белых песчинок, снежным вихрем ушла вверх, исчезнув где-то на границе атмосферы и космоса...

Алексей Леонтьев и все, все, все - 10

ДОМА!

...Ад длился вечность. Во всяком случае, у меня было такое ощущение.

На самом же деле, как потом я определил по бортовым часам, зону повышенных перегрузок мы прошли всего за шесть с хвостиком минут.

...Вдруг осознал, что я есть. Существую. Дышу, хрипло всасывая в легкие воздух.

Стал медленно приоткрывать веки, опасаясь спугнуть дивный цветной мир, который из белых, серых, черных и еще Бог знает, каких пятен вновь стал складываться перед глазами.

Пульты, иллюминаторы, крышка люка – все это странным образом качалось передо мной, закручивалось спиралью, замирало на месте и снова начинало призрачный танец, но уже в обратную сторону.

“Давай полетим к звездам!”

На грудь и ребра больше не давил мощный невидимый пресс. Я задышал часто и глубоко, стараясь набрать как можно больше воздуха в изголодавшиеся по нормальному дыханию легкие. Ребра тут же отреагировали тупой ноющей болью.

- Ожил, Лешка, - прохрипел кто-то рядом. – А я уже думал...

“Макарин, - вяло сообразил. – Это Олежка Макарин!”.

Тело еще плохо слушалось, но я скользнул вдоль скафандра правой рукой и отщелкнул замки гермошлема. Рванул вверх стеклянный колпак.

В спускаемом аппарате гулял легкий ветерок. Или это мне только показалось?

- Алексей, у тебя кровь под носом...

Коснулся лица тыльной стороной перчатки. Грязно-рыжее пятно уже подсыхающей крови.

- Наверное, сосуд в носу лопнул, - потянул воздух ноздрями. – Мне показалось или... По-моему, перегрузка была совсем не пять единиц.

- По-моему, даже не десять, - Олег хрипло закашлялся. – Знаешь, я ведь тоже отключался. Только очнулся раньше.

- Слушай, а ведь такой перегрузки не может быть при управляемом спуске, да? Значит, мы сорвались на баллистическую траекторию. И садимся где-то в Южном полушарии. Всю жизнь мечтал окунуться в Индийском океане...

- Шутки – шутками, а хорошего в этом мало...

“Давай полетим к звездам!”

- Как у нас со связью? Я что-то ничего не слышу.

- Тишина, - подтвердил Олег. – Эфир молчит. Даже помех нет.

- Плохо, - я сглотнул последний комок перегрузки, застрявший в горле. – Значит, садимся вдали от поисковых групп. Где-нибудь у черта на куличках.

- Не факт, - возразил Макарин. – Может, что-то с антеннами?

- Сразу со всеми? Чепуха.

За спиной громко щелкнуло. Пружины резко приподняли наши кресла над днищем отсека.

- Посадка! – я рывком подтянул ноги к животу, группируясь. Заныли “утомленные” невесомостью, а потом еще и перегрузкой, мышцы спины.

За бортом гроыхнули двигатели мягкой посадки. Уши мгновенно заложило невидимыми ватными тампонами. Снизу что-то огромное и массивное ударило в днище корабля.

Наш маленький мир, ограниченный стенками спускаемого аппарата, накренился, опрокинулся и закачался как маятник, постепенно замедляя движение.

Скосил глаза в иллюминатор. За покрытым коричневой копотью стеклом ясно можно было различить пучок желтой, высохшей травы.

- Есть посадка, - констатировал я. – Сели на сушу.

“Давай полетим к звездам!”

- Я это почувствовал, - возмущенное кряхтение донеслось откуда-то сбоку и сверху. Спускаемый аппарат завалился на бок. Олег теперь оказался надо мной. – И это они называют мягкой посадкой!

По инструкции мы должны были отстегнуться от кресел и, не снимая скафандров, ждать спасательно-эвакуационную группу. Я неловко освободился от ремней и попытался приподняться из ложеента. Мир перед глазами моментально поехал в сторону. Удушливая волна тошноты подкатила к горлу.

- Не торопись, - посоветовал Олег, который из-под потолка молча наблюдал за моими эволюциями. – Первые минуты самые трудные. Тело отвыкло от нормальной силы тяжести.

Я вытер перчаткой испарину на лбу, и стал принаравливать, как бы половчее совершить вторую попытку подняться, когда в стену спускаемого аппарата постучали.

- Ну, вот, и спасатели, - с облегчением выдохнул Макарин. – Приключения кончились, Лешка. Мы приехали!

“Давай полетим к звездам!”

Мартын Луганцев и его собеседники -10

(записки журналиста)

“ПРИШЕЛЬЦЫ” ИЗ ЭЛЕКТРИЧКИ

...И снова дождь. Низкое сизо-серое небо истекает плотной пеленой осенней влаги. По стеклам окон вагона змеятся струйки воды, меняя свою скорость и направление движения соответственно тому, как тормозится или разгоняется электричка. Мир за окном размылся окончательно, превратился в беспорядочную смесь темных и полутемных пятен. Эта однообразная и унылая картина за окном навеивает тоску.

Еще и Инга укатила в редакционную командировку куда-то “аж на Сахалин”, и до конца ноября в Москву не вернется. И почему-то не звонит...

Очень хочется спать. Я сегодня плохо спал ночью.

Вчера Аджубеев погнал меня в Подмосковье. “Советским Известиям” потребовалось дать срочный материал о тружениках сельского хозяйства. Толик Серебряков, который вел у нас сельскую тематику, заболел, и наш главред вспомнил, что после публикации серии космических очерков я бью баклуши, восстанавливая, как у нас говорят, растроченный творческий потенциал в неторопливых философских беседах, сопровождаемых кофе- и чаепитиями в кабинетах коллег-журналистов. Аджубеев посчитал, что я уже вернул себе

“Давай полетим к звездам!”

рабочую кондицию, и дал мне срочное задание: подготовить очерк о жизни подмосковных сельхозработников. Фактаж я должен был получить в совхозе “Сергиевский”, расположенном недалеко от Коломны.

В “Сергиевский” на попутной машине от Коломны я добрался только после полудня. Директор совхоза оказался радушным хозяином, который очень хотел показать московскому журналисту все достоинства и достижения своего большого хозяйства. Поэтому он дотемна таскал меня по убранным полям, по аккуратным, как игрушечные домики, оранжереям, по затаренным до потолка картофелехранилищам, а вечером показал здание нового клуба в центральной усадьбе. Затем в правлении совхоза я был щедро накормлен обильным и вкусным ужином. Впрочем, не мной подмечено, что, если не обедать, ужин покажется гораздо вкуснее. По окончании трапезы директор лично сопроводил меня в отдельный номер небольшой местной гостиницы.

После такого бурного трудового дня спать бы да спать, но не получилось – за стеной в соседней комнате, шумная женско-мужская компашка отмечала какой-то праздник. Взрывы хохота и пьяные тосты продолжались примерно до половины второго. К двум часам ночи народ за стеной выдохся окончательно и стал потихоньку отходить ко сну, расползаясь по номерам.

“Давай полетим к звездам!”

Я уж было облегченно вздохнул, но оказалось, что рано радовался. Массовую гулянку за стеной сменил жизнерадостный интим, который по громкости выдаваемых “в эфир” сладострастных женских охов-вздохов вполне мог соперничать с предшествующей вечеринкой.

Все же часам к четырем удалось заснуть. Но уже в семь утра меня разбудили. После завтрака в компании директора совхоза я был усажен в “газик” и отвезен в Коломну, прямо к электричке. Поезда долго ждать не пришлось. Вагон, несмотря на дневное время, оказался практически пустым: только у входа дремал, развалившись на скамейке, мужчина средних лет, да в середине рядов о чем-то тихо беседовали две пожилые женщины, одетые в цветные платочки и мышино-серого цвета пальто.

Была середина ноября, но в электричке не топили, и холод в вагоне был собачий. Я выбрал себе скамейку поуютнее, сжался под плащем, скукожился, сунув ладони под мышки – так, казалось, будет теплее. Некоторое время бездумно созерцал размытый дождем мир за окном, а потом уснул, прислонившись плечом к оконному стеклу.

...Яркое весеннее солнце, нежно-голубой купол неба, огромная белая ракета, оплетенная металлическими лесами стартовых конструкций. И космонавты...

Я не спеша иду вдоль длинной шеренги одетых в оранжевые комбинезоны с белыми гермошлемами молодых

“Давай полетим к звездам!”

парней. Шеренга начинается за горизонтом, тянется через все забетонированное поле гигантского космодрома и теряется где-то вдали. Лица, лица, лица... Как на подбор – все молодые и улыбочивые, очень похожие друг на друга. Я останавливаюсь напротив одного из стоящих в строю парней. Он тут же молодежато вскидывает ладонь к виску и рапортует:

- Товарищ председатель государственной комиссии, старший лейтенант Гагаринцев к полету на космическом корабле-спутнике “Восток” готов!

Я киваю и делаю шаг вдоль строя. Следующий космонавт отдает рапорт:

- Капитан Нелюбов к старту на корабле “Звезда” готов!

Еще шаг. Новое лицо.

- Старший лейтенант Титовец к полету на космическом корабле “Заря” готов!

Идем дальше.

- Космонавт Гагарский к полету на ракетоплане “Святая Русь” готов!

Иду вперед вдоль строя, почти не останавливаясь.

- ...Капитан Гагаров!

- ...Старший лейтенант Титов!

- ...Гвардии старший лейтенант Нелюбский!

- ...Штабс-капитан Гагаринцев!

- ...Старший лейтенант Титовский!

И вдруг:

“Давай полетим к звездам!”

-...Старший лейтенант Гагарин к полету готов!

“Га-га-рин”, “Га-га-рин”, “Га-га-рин”... Фамилия звучит как звон далекого колокола...

....Я открыл глаза. Знакомый вагон электрички. Дождливая серость за окном. И негромко звучащая песня:

- А еще я судьбе благодарен
За Отчизну, что в сердце живет,
И за то, что в апреле Гагарин
Совершил свой бессмертный полет...

Пока я дремал, у меня появились новые соседи по вагону – группа парней и девушек, которые сидели впереди через проход и два ряда скамеек. Один из парней неторопливо перебирал струны гитары и тихо напевал.

“И снова эта фамилия – Гагарин, - отметил про себя. – Так, галлюцинации продолжаются”.

Внимательнее присмотрелся к новым попутчикам. Две девушки и три парня. По возрасту – около двадцати лет. Все пятеро одеты в одинаковые зеленые куртки. Какие-то рабочие спецовки, скорее всего. Трое ребят – парень с гитарой, высокий молодой человек в очках с тонкой оправой и белокурая девушка - сидели ко мне лицом, и я хорошо мог рассмотреть спереди их одежду. У всех над правым нагрудным карманом пришита красная полоска с надписью крупными желтыми буквами “ВССО”. Над карманами слева – длинный бело-синий

“Давай полетим к звездам!”

прямоугольник с каким-то плохо различимым издалека рисунком. Гм, точно униформа.

Вывод подтверждали и совершенно одинаковые рисунки на куртках светло-русого парня и темноволосой девушки, сидевших ко мне спиной. На рисунках имелись стартующая ракета-носитель “Союз”, серпик Луны и несколько белых пятнышек, которые, очевидно, должны были символизировать звездные россыпи. Выше рисунка, на уровне плеч дугой шла надпись: “Студенческий строительный отряд “Прометей”. Город Гагарин”.

“Ну, вот и здесь тоже – Гагарин, - я уже почти обрадовался новому появлению загадочной фамилии. Словно в толпе вдруг увидел лицо старого и хорошего знакомого. Что же это за Гагарин такой, в честь которого названы целые города, расположенные, правда, неизвестно где? Наш Юрий Алексеевич Гагаров такой чести не удостоился. По крайней мере, пока”.

- Сашенька, - сказала белокурая девушка, - что-то ты совсем тоску нагнал своей лирикой. Андрейка вон уже спит!

- Причем здесь песня, Маришка? – недовольно заворчал сидевший ко мне спиной светло-русый паренек. – Просто спать хочется. Устал.

- Дома отоспишься, - безапелляционно заявила белокурая девица. – Саня, а ты спой лучше что-нибудь веселенькое!

“Давай полетим к звездам!”

Парень с гитарой улыбнулся:

- Я сыграю, а ты споешь?

- Ну, Саш, ты нашел певицу, - кокетливо сморщила носик девчонка. – У меня с детства ни слуха, ни голоса! Вот если всем вместе спеть – это пожалуйста!

Парень с гитарой чуть повернулся, устраиваясь удобнее на скамейке, и я успел заметить нашитую на его левом рукаве большую бело-голубую эмблему: голубой щит, белый самолетик и надпись большими белыми буквами “МАИ”. Ниже эмблемы был пришит синий прямоугольник, на котором белела надпись: “Факультет космонавтики”.

Гм... Московский авиационный институт закончили очень многие работники космической отрасли. Олег Макарин, например. Или герой одного из моих очерков - Главный конструктор Василий Павлович Михеев. Но вот какая странность: факультет космонавтики открывать в МАИ будут недели через три, в конце ноября!

Саша прошелся кончиками пальцев по струнам гитары, подбирая аккорды, кашлянул и запел:

- На заре стартуют корабли, гром трясет окрестные дороги...

- От Земли на поиски земли, - в четыре голоса подхватили остальные ребята, - от тревоги к будущей тревоге...

Я слушал их песню и потихоньку осмысливал ситуацию. Сначала, когда я только начал брать интервью у светочей

“Давай полетим к звездам!”

нашей космической науки, появились всякие мелочи – открытки и значки с подписью “Гагарин”. Потом возникли большие портреты с изображением этого же Гагарина. Затем в кабинете Мозжорова я обнаружил книги не только с фамилией Гагарина, но еще целый букет всяких Гагарцевых, Гагарських, Титиковых и Анн-Жаннет Ерченко.

А теперь рядом сидели пятеро студентов, которые работали в строительном отряде в городе Гагарине и один из которых только что пел песню о бессмертном апрельском полете все того же Гагарина. И какой я должен сделать из всего этого вывод?

Если гипотеза Инги верна, то эти события – суть проявление тех самых параллельных во времени миров, которые когда-то были одним общим миром с нашей Вселенной, а потом по какой-то причине отошли от нее. Тогда эти симпатичные молодые люди – из параллельной вселенной. В которой есть некто Гагарин, совершивший бессмертный полет в апреле, и есть город, носящий имя Гагарина.

Вот ведь как бывает. Сядишься в обычную электричку и встречаешь в ней целую группу пришельцев из параллельной Вселенной.

Я принялся внимательно рассматривать поющую компанию. Почти мои ровесники. Мальчишки как мальчишки. Девчонки как девчонки. Белокурая девчонка мне вообще

“Давай полетим к звездам!”

кого-то сильно напоминает разрезом голубых глаз и формой лица.

Я дождался, пока ребята закончили петь, поднялся со скамейки и подошел к ним:

- Здравствуйте! Извините за беспокойство, но не могли бы вы ответить на парочку вопросов?

Пять пар глаз изучающее уставились на меня.

- Ну, а почему нет? – пожал плечами Саша с гитарой. – Какие вопросы?

- Вас зовут Александр, если не ошибаюсь? - наверное, мой собеседник был старшим в этой компании. – И вы только что пели песню о Гагарине. А кто вообще такой этот Гагарин?

Возникла пауза. Они молча смотрели на меня во все глаза.

- Вроде бы не пьяный, - наконец хмыкнул парнишка в очках, сидевший около окна.

- И на дурака не похож, - окинул меня оценивающим взглядом светло-русый Андрейка.

- Товарищ, наверное, с Луны свалился, - хихикнула его темноволосая соседка.

Я почувствовал, что краснею. Ситуация была самая что ни на есть дурацкая.

- Э... да вы, пожалуйста, ничего плохого не подумайте, - я суетливо полез во внутренний карман пиджака и достал

“Давай полетим к звездам!”

редакционное удостоверение. – Я корреспондент газеты “Советские Известия”.

- Разрешите, - белокурая Марина осторожно взяла из моих рук книжицу удостоверения. – Так... Луганцев Мартын Андреевич, собственный корреспондент газеты “Советские Известия”. Все верно.

- Что-то я не слышал о такой газете, - парень в очках продолжал подозрительно коситься на меня.

- Ай, - махнул рукой Андрейка. – Сейчас их столько стало издаваться! Что ни день – то новая!

- Ну, ребята... - запротестовал я. – “Советские Известия” - это очень известная газета. У нас редактором сам Аджубеев.

- А кто это? – осведомилась темноволосая девушка. – Никогда не слышала!

- Да ну его этого вашего Аджубеева! – рассмеялась вдруг белокурая девушка. Она по-прежнему держала в руках мое редакционное удостоверение:

- Смотрите, какое забавное совпадение... Вас зовут Мартын, как и моего папу. Он, кстати, тоже журналист, но всю жизнь проработал в газете “Правда”. И отчества у вас одинаковые – оба Андреевичи. И даже фамилии похожие: вы – Луганцев, а он – Луганин! Только папе в прошлом году уже сорок пять стукнуло.

Белокурая Марина вернула мне удостоверение, весело сверкнула глазами и спросила:

“Давай полетим к звездам!”

- Значит, вы хотите знать кто такой Гагарин? Это вам, наверное, в вашей редакции дали задание – выяснить, знает ли современная молодежь фамилии первопроходцев космоса?

- Э... Не то, чтобы... - начал возражать я, но Марина остановила меня жестом руки:

- Мальчики, кто расскажет о Гагарине? Сашуль, ты у нас круглый отличник? Давай, блесни эрудицией!

- Ну, Гагарин... - Александр пробарабанил пальцами по корпусу гитары. – Юрий Алексеевич Гагарин – первый космонавт планеты, Герой Советского Союза.

- Стоп, - я решительно остановил его. – Точно Гагарин? Не Гагаров?

- Не запутаете, - хихикнула темноволосая девушка. – Гагарин, Гагарин! Вам любой малыш из детского садика это скажет!

- Мы этим летом как раз работали в городе Гагарине, - парнишка в очках перестал смотреть на меня с подозрением. – Раньше город назывался Гжатск, а имя Гагарина ему присвоили уже после гибели Юрия Алексеевича...

- А что Гагарин погиб? – я не смог скрыть удивления. – Когда?

- Кажется, в шестьдесят восьмом году, - сказал светло-русый Андрейка. – Или в шестьдесят девятом? Точно не помню...

“Давай полетим к звездам!”

Я едва не поперхнулся. С утра вроде бы был год одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой. Или в том - гагаринском - мире время исчисляют иначе?

- Ладно, хватит пока о Гагарине, - сказал я. – Вопрос номер два: вы студенты Московского авиационного института? И все учитесь на факультете космонавтики?

- Все как один, - подтвердил Александр. – Четвертый курс, шестнадцатая учебная группа.

- Замечательно! И как давно был создан ваш факультет?

- Да лет двадцать назад, - пожал плечами парень в очках.
– Где-то в конце шестидесятых...

Я похолодел. Эти пятеро были не просто из другого, параллельного мира. Они были еще и пришельцами из будущего. Правда, из будущего своего мира.

- Так... - я лихорадочно прикидывал, чтобы еще спросить. – А вот скажите... Кто возглавляет ваш факультет?

- Академик Мишин Василий Павлович, - сказал Андрейка.
– Был преемником Сергея Павловича Королева, а потом перешел на преподавательскую работу...

“Королев Сергей Павлович... Это еще кто такой? Королев... Королев.... Должен быть кто-то похожий и в нашем мире, с похожей фамилией, - я задумался. – Гм, может Королевин? Точно, Королевин! У них, в их мире, - Королев Сергей Павлович. А в нашем мире – Сергей Павлович Королевин! Точно!”

“Давай полетим к звездам!”

- Вот кстати, - парнишка в очках полез в рюкзачок, который стоял у него на коленях. – У Мишина недавно книжка вышла. О нашей лунной программе. Я брал с собой почитать.

Он извлек из рюкзачка зачитанную брошюрку в черно-белой обложке и протянул ее мне.

Мои пальцы слегка дрогнули, когда коснулись книги из другого мира.

- “Знание. Космонавтика, астрономия”, - прочитал я на обложке. – В. П. Мишин, “Почему мы не слетали на Луну?” Год издания девяностый...

У меня мгновенно пересохло в горле. Эти пятеро действительно были из будущего!

- А что мы и вправду не полетели на Луну? – вид у меня, наверное, был совершенно обалдевший.

- Не получилось, - подтвердил Александр. – Так, к сожалению, и не смогли.

- А... - я закашлялся. – Кхе... Кто же на Луне высадился?

- Американцы, - сказал парень в очках. – Нил Армстронг и Эдвин Олдрин. Летом шестьдесят девятого года.

Меня бросило в жар. А как же полет Леонтьева? “Знамя-5”? “Лунник”?

И тут я вспомнил, что у меня в сумке уже две недели болтается номер “Советских Известий”, который вышел на следующий день после высадки на Луну Алексея Леонтьева и в котором была моя большая статья о конструкторе Северцеве.

“Давай полетим к звездам!”

- Значит, наши советские космонавты на Луне не были? – я раскрыл сумку. Слава Богу, не оставил газету дома. – А что вы скажите на это?

Я извлек из сумки “Советские Известия” и развернул на первой странице. Там была напечатана большущая фотография Леонтьева в скафандре “Кречет” рядом с развернутым советским флагом и посадочным кораблем “Лунник”. И огромная “шапка” через всю страницу:

“Советский человек – на поверхности Луны!”

- Ух, ты... - восхищенно произнес Александр.

- Ой, мамочки, - удивленно вскрикнула Марина.

- Не может быть, - убежденно сказал парень в очках. –

Разрешите?

Он взял у меня газету, развернул. В “подвале” на второй странице была моя статья о Северцеве с фотографиями и самого конструктора, и космического скафандра.

- Полный отпад! – сказала темноволосая девчонка.

- Это подделка, - скептически ухмыльнулся русоволосый Андрейка. – Ваши “Советские Известия”, наверное, фантастику печатают? Так, чтобы было похоже на реальность.

- Все равно здорово сделано, - сказал парень в очках. – Сразу и не скажешь, что это розыгрыш. Все публикации как настоящие!

Он пролистал газету дальше:

“Давай полетим к звездам!”

- Слушайте, Мартын Андреевич... У меня к вам есть предложение. Я так понял, что книжка академика Мишина вам понравилась?

Я сглотнул ком в горле и кивнул:

- Да, хотелось бы почитать. Как мы все-таки не слетали на Луну...

- Тогда давайте меняться, - лицо парнишки в очках расцвело озорной улыбкой. – Я вам – книжку, вы мне – газету. Страшно люблю фантастику!

- Согласен, - поспешно произнес я. – Давайте меняться! Только это не фантастическая, а самая обычная газета.

- Отлично, - он не придавал значения моим словам, бережно сложил газету и спрятал ее в рюкзак. Я же сунул книжку Мишина в свою сумку.

Электричка стала притормаживать.

- Платформа “Третий километр”, - сообщил женский голос из динамика на потолке. – При выходе из вагона будьте осторожны!

- Ой, ребята, наша остановка! – темноволосая девушка вскочила со скамейки.

Компания быстро собралась и двинулась к выходу.

- До свидания, папин тезка, - белокурая Марина обернулась ко мне у самой двери в тамбур и помахала рукой. – Кстати, знаете, почему меня называли Мариной? Первый слог в

“Давай полетим к звездам!”

моем имени – от имени папы, второй – от имени мамы. До свидания!

Она взмахнула рукой и скрылась в тамбуре.

- До свидания, - эхом прошептал я.

Я вернулся на свое место у окна.

Вот и все. Они ушли. Куда? Снова в свой мир? Да, наверное. Два мира коснулись друг друга. И снова разошлись.

Марина... Марина... Папу зовут Мартын... А маму? От мамы в имени дочери - второй слог. Гм... Инна? Или Инга? Мартын и Инна... Мартын и Инга...

У меня внутри что-то оборвалось. Нет, не может быть. Нет, нет...

Мартын и Инга....

Какой в их мире сейчас год? Тысяча девятьсот девяностый. Или даже девяносто первый. Моему тезке Луганину Мартыну Андреевичу в их мире в прошлом году стукнуло сорок пять лет...

Мартын и Инга... Мар-тын и Ин-га... Мар-Ина... Марина!

Я вскочил со скамейки и рванулся к выходу из вагона.

Электричка все еще стояла у платформы “Третий километр”. Я выскочил на перрон и осмотрелся.

Дождь продолжал лить. В воздухе висела почти сплошная пелена воды. Холодные крупные капли бомбардировали асфальт, поднимали фонтанчики в лужах, гулко стучали по крышам вагонов электрички.

“Давай полетим к звездам!”

Перрон платформы “Третий километр” был совершенно пуст. Я оказался единственным пассажиром, который вышел под проливной дождь из железнодорожного вагона.

Пятеро пришельцев из другого мира бесследно исчезли.

Алексей Леонтьев и все, все, все - 11

(из дневника космонавта)

РАЗМЫШЛЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

Ветер теребит белесо-желтые жухлые кустики травы на газонах, поднимает бурунчики пыли и мелкого песка над асфальтовыми дорожками, гнет к низу нежные стволы молоденьких деревьев в маленьком скверике перед входом в спецкорпус гостиницы. Тяжелые сизые тучи лениво ползут над крышами далеких пятиэтажек на север, в сторону железнодорожной станции Тюра-Там. К вечеру синоптики обещают первый снег.

Зябко повою плечами. В комнате плюс двадцать два, если верить ртутному термометру, прикрепленному на косяке у входной двери. Но я почему-то почти все время чувствую легкий озноб. Позавчера сказал об этом врачам. Медики сначала переполошились, заподозрили какую-то инфекцию, прогнали меня и Олега через дополнительную серию медицинских процедур. Ничего не нашли, даже насморка, и

“Давай полетим к звездам!”

констатировали: озноб имеет психологическую основу. Слишком много тревог и волнений было в космическом полете. В общем, лечите нервы, товарищ Леонтьев. Больше отдыхайте, расслабляйтесь, спите.

После приземления меня и Макарина вытащили в прорезиненный и герметичный эвакуационный модуль, развернутый вокруг спускаемого аппарата “Знамени”. Луна давно уже считается абсолютно безжизненным небесным телом, но ученые все же опасались, что на скафандре и на контейнере с грунтом я мог “прихватить” с лунной поверхности какие-нибудь “спавшие” миллионы лет микроорганизмы, смертельно вредоносные для земной биосферы. Поэтому встречающие – поисковики, медики, испытатели, - работали с нами в специальных бактериозащитных костюмах. С меня и Макарина сняли скафандры “Сокол”, уложили на носилки и провели первое медицинское обследование: взяли кровь, прослушали сердце и легкие, измерили давление. Затем нас по отдельности загрузили в два вертолета, оборудованных герметичными салонами, и в компании целого сонма врачей отправили на Байконур.

В Ленинске, во дворе гостиницы “Космонавт”, наш экипаж поместили в изолированный корпус, построенный еще год назад. Здесь, в строжайшем карантине, мне и Олегу предстояло прожить целых три недели. В течение этого срока нас очень тщательно исследуют на предмет поиска всяческой,

“Давай полетим к звездам!”

как выразился Сергей Павлович Королевин, “инопланетной заразы”.

Сегодня с утра – после обязательных медицинских процедур – я было взялся за рисование. Очень хочется положить на холст все, что увидел в полете своими глазами. Холста и красок у меня здесь, в карантине, конечно же, нет, но карандаши и бумага имеются. Начал делать наброски для будущих картин.

Но сегодня дело что-то не пошло. Около часа малевал стыковку “Лунника” и “Знамени”, а потом бросил. Мысли лезут в голову все те же. О странностях нашего полета. Сижу, смотрю в окно и думаю.

За спиной тихонько постучали в дверь, едва слышно скрипнули петли.

- Не помешаю?

- Заходи, Олег, - бросаю через плечо, не оборачиваясь.

- Лексей, в шахматки не хочешь сразиться? – Макарин старается придать своему голосу бодрые нотки, но я улавливаю фальшь. Все-таки год подготовки в одном экипаже и почти две недели космического полета просто так не проходят. Человека узнаешь куда лучше, чем лет за пять обычной работы на Земле.

- Нет такого желания, - с хрустом потягиваюсь и поворачиваюсь к нему. – Сегодня я не лунный Ботвинник.

“Давай полетим к звездам!”

Я почти все время выигрываю у Олега, и он в шутку называет меня “чемпионом Луны”.

Макарин присаживается на стул около письменного стола, и чуть прищурившись, смотрит на меня.

- Что-то мне не нравится твое настроение, Лешка. Что-то ты какой-то задумчивый.

- Это ценное наблюдение относится только к сегодняшнему дню или носит общий характер? – вкладываю в ухмылку хорошую дозу сарказма. – Психолог доморощенный...

- Психолог – не психолог, а отличить Леонтьева в нормальном состоянии от сегодняшнего пока еще могу, - парирует Олег. – С Луны ты вернулся другим. Жестче стал, что ли... И еще у тебя чуть ли не с первого дня после посадки кислое настроение.

- Устал, - пожимаю плечами. – И потом... Луна меняет человека... Первая высадка на Луну – это, знаешь ли, не фунт изюма!

- Врешь, - уверенно констатирует Макарин. – Если бы я тебя, черта блондинистого, не знал, может быть, и поверил бы. А так – нет! Врешь.

- Вру, - капитулирую со вздохом. – Потому что есть парочка дурацких мыслишек, от которых никак не могу избавиться.

- Поделись, вместе будем избавляться.

“Давай полетим к звездам!”

Он пристально смотрит на меня. В глазах твердость и уверенность.

- Добро, поделюсь, - переворачиваю лист бумаги с недорисованной стыковкой, беру с подоконника карандаш, поддвигаю еще один стул и сажусь за письменный стол рядом с Макариным:

- Ты не заметил, что мы участвовали в очень странном космическом полете?

- Настолько странном, что тебя даже высадили из корабля на Луну! – Макарин хохочет. – За безбилетный проезд, наверное?

- Балбес, - ругаюсь беззлобно. – Будешь слушать или хохмить?

Улыбка моментально слетает с лица Олега.

- Я весь внимание, Леша.

Несколько секунд смотрю на чистый лист бумаги, соображая, с чего начать разговор. Сумбур в голове полнейший. Наконец, решаюсь:

- Начнем с того, что мы имели серию практически безаварийных космических полетов со дня старта на орбиту Юрия Гагарова и по сей день. Никто из наших ребят не погиб ни при подготовке к полету, ни в космосе.

- Ну, не такие уж и безаварийные были у нас полеты, - Макарин, не соглашаясь, трясет головой. – Вспомни “Восток-3”,

“Давай полетим к звездам!”

старт Гриши Нелюбина. Отказ третьей ступени, корабль падает в тайгу.

- Но Григорий остался жив. Сломал ногу, лечился долго, но сейчас уже снова на летной подготовке. Так?

- Так, - вынужден согласиться Макарин, но сдаваться в споре в целом он не собирается, и выбрасывает еще один козырь:

- А твой первый полет? Когда отказала автоматика на спуске, и Пашка Белянин сажал “Восход” на “ручняке”?

- Мелочь, - отмахиваюсь я. – Один из штатных режимов посадки.

Макарин морщит лоб, пытаюсь вспомнить еще какую-нибудь аварийную ситуацию во время наших полетов, но, в конце концов, разводит руками:

- Ну, все... В остальных полетах действительно ничего серьезно не ломалось.

- И как ты, инженер, это объясняешь?

- Высоким техническим уровнем нашей космической промышленности, - Олег улыбается. – Растущей культурой производства и надежностью испытательной базы...

- Передовицы в “Правду” писать не пробовал? Вполне бы могло получиться... Ты вот что скажи, дорогой товарищ инженер, куда эта культура производства и надежность техники девались при подготовке нашего полета?

- Э... Что-то было не так?

“Давай полетим к звездам!”

- А ты не заметил? – ухмыляюсь язвительно. – Например, во время запуска?

- Сначала отказ двигателя, а потом пожар на первой ступени ракеты? – вспоминает Макарин. – Ну, да... Это было.

- Номер один и два, записываем, - пишу жирные единицу и двойку на листе бумаги. – Две аварии на участке выведения. Заметь, дорогой мой инженер, при всех предыдущих пусках “Ленина” не было ни одной – ни единой! – неисправности.

- Ну, знаешь, Лешка, такое тоже случается. Не все же коту масленица.

- Согласен, - киваю я. – По теории вероятности могла произойти любая авария даже на тысячекратно испытанном изделии. А у нас – новая ракета-носитель.

- Вот-вот, - подхватывает радостно Олег. – Вот эта неисправность и вылезла в самый напряженный момент полета...

- Ага, вот только причины отказа двигателя и пожара на первой ступени конструкторы с испытателями до сих пор объяснить не могут.

- Бывает, - Макарин снова разводит руками. – Техника у нас – сложнейшая. Не все неисправности видно с первого взгляда. Покопаются – найдут...

- Вполне может быть, что отыщут. Только хочу тебе напомнить, что если бы не своевременное вмешательство Королевина, лунная ракета рванула бы как хороших размеров

“Давай полетим к звездам!”

бомба. И мы не то что к Луне бы не слетали, а и косточек своих бы не собрали!

- Тут я с тобой полностью согласен. Если бы не Сергей Павлович...

- Кстати, о Королевине, - перебиваю я. – А тебе не показалось, что он слишком быстро среагировал на аварию? Как будто заранее знал, что в конце работы первой ступени случится пожар...

Макарин смотрит на меня расширившимися глазами, потом фыркает:

- Лешка, ну ты и злодей! Да Сергей Павлович просто настолько хорошо знает нашу технику, что просто спрогнозировал развитие аварийной ситуации! Такой вот молниеносный прогноз, понимаешь? Спрогнозировал и отдал команду на досрочный запуск двигателей второй ступени.

- Ладно, пока проедем... А как тебе отказ компьютера перед первой коррекцией? И внезапно случившееся – как на заказ! - мое недоумение. Заметь: ничего накануне не было, никаких симптомов...

Рисую на листе бумаги толстые тройку и четверку.

- И что тут таинственного? – Макарин озадаченно чешет затылок. – Был обычный компьютерный сбой. Твоя же болячка... Организм человека адаптируется к условиям космического полета примерно в течение недели.

“Давай полетим к звездам!”

- Но в предыдущем полете ничего подобного со мной не было! Я чувствовал себя в невесомости, как рыба в воде!

- Ты летал всего лишь сутки. Твой организм не успел толком отреагировать. А вот в нашей экспедиции взял и захандрил. Мне в первом полете дурно сделалось к исходу третьих суток невесомости. Краснел, бледнел и наизнанку выворачивался. Ничего не попишешь: индивидуальная реакция организма.

- Следующий пунктик, - вывожу на листе пятерку. – Еще один очень странный компьютерный “сюрприз” во время прилунения. “Лунник” летел точно на “Луноход”. Сбой компьютерной программы инженеры тоже объяснить не могут.

- Повторюсь: даже самая проверенная техника может преподнести любые неожиданности...

- Шестое – отказ двигателей при старте с Луны, - пишу на листе еще одну цифру. – И снова нет объяснений... Ни в одном из полетов никогда не отказывали сразу оба двигателя. Во время испытаний на Земле такого тоже не было.

- Подарочек от техники, - Макарин пожимает плечами. – Все когда-нибудь случается в первый раз.

- Ага, и тут же еще один “сюрпризец”, - уже седьмой, да? – течь в топливном баке “Лунника”. Это тебе как?

- Ну...

- Нас едва не протаранил американский “Сервейор” - это восемь.

“Давай полетим к звездам!”

- Сначала аппарат вышел из под контроля центра управления, а потом вообще развалился на части, - робко пытается вставить Олег.

- Девятое: усиленные перегрузки во время посадки на Землю. Единиц пятнадцать не меньше...

- Это – да! – Макарин морщится. – У меня до сих пор кости ноют. Приложило нас солидно.

- И как ты это объяснишь? Мы шли точно в посадочный коридор. Это подтверждает вся телеметрия. Спуск был управляемый, перегрузки на нем не могут быть выше четырех – от силы пяти “же”.

- А вот этого я никак объяснить не могу, - вздохнув, наконец-то соглашается Макарин. – У меня тоже было ощущение, что мы фатально сбились с курса. Зарылись слишком глубоко в атмосферу. Полный звездеч наступал нам, Лешка.

- И вдруг перегрузка пропала, - я ухмыляюсь. – Испарилась волшебным образом. И корабль снова вернулся в коридор управляемого спуска. Чудеса, да и только!

- Ну, не знаю... Пусть баллистики разбираются. Это их хлеб.

- Суммируем, - рисую прямую линию на бумажном листе. – Девять крупных неприятностей в ходе одного космического полета. Плюс сопутствующие им всяческие чудеса. Такое раньше когда-нибудь было? В каком космическом полете?

“Давай полетим к звездам!”

- Не было, - качает головой Макарин. – Стечение обстоятельств...

- Заметь: почти каждая из этих неприятностей могла стать фатальной.

- Но ведь ни одна не стала! - Олег улыбается. – Все закончилось хорошо: ты высадился на Луну, мы вернулись на Землю...

- Складывается убеждение, что мы оказались игрушкой в поединке двух сверхмогущественных сил: одна старалась нас угробить, вторая пыталась спасти.

- Вторая все-таки оказалась в выигрыше, - Макарин хохочет. – Мы сидим в карантине на Земле после успешного окончания полета!

- Но вопросы не снимаются. Стучилось слишком странное стечение слишком многих обстоятельств, ты не находишь?

- Случайность, случайность, случайность! – Макарин машет руками. – Хотя...

Он на мгновение замирает:

- Хотя девять случайностей да еще в одном полете – явный перебор...

- Ага, и тебя проняло, - хлопаю его по плечу. – Теория вероятностей взбрыкнула, как необъезженная лошадь, да?

“Давай полетим к звездам!”

- Э... Ну, знаешь ли... - Макарин озадаченно морщит лоб. – Может быть, действительно стоит поговорить обо всех этих случайностях с Михеевым...

- С Королевиным, - качаю головой. – Он ведь отвечает за подготовку всей нашей космической программы. В комплексе. Вот выйдем из карантина, и я обязательно задам парочку вопросов Сергею Павловичу...

...Ночью долго ворочаюсь, не могу заснуть.

Чудо... Только чудом и могу объяснить наше спасение во время спуска на Землю. Сначала мы почему-то вышли из посадочного коридора – почему? А потом в него сами собой вернулись...

Так не бывает. Это противоречит всем законам баллистики и аэродинамики.

Задавал вопросы специалистам – те только пожимают плечами. Ну, да, было событие. Но почему так случилось – никто объяснить не берется. Все как-то странно уходят от ответа. Словно речь идет о какой-то запретной теме.

Нет, все-таки после карантина нужно встретиться с Королевиным. Он должен все объяснить.

...В моей жизни было только одно чудо.

В тот день все шло хорошо. Стандартная серия парашютных прыжков при подготовке к космическому полету. Самолет поднялся в воздух, и мы один за другим стали шагать в распахнутый люк – Волынцев, Шонов, Гагаров...

“Давай полетим к звездам!”

Моя очередь. Оттолкнулся от кромки люка и, раскинув руки, полетел вниз, к земле. Парашют хлопнул над головой, начал раскрываться, но вдруг лямка зацепилась за металлическую спинку, которая крепится за парашютным ранцем. Мгновение - и лямка шустрой змейкой обмотала ногу. Меня рвануло вверх, резко крутануло. Миг - и я повис вниз головой.

Небо – “внизу”, земля – “вверху”. Поднял взгляд. Стремительно приближается заросшее зеленой травой летное поле. Если не удастся перевернуться и дальше лететь головой вниз, то... Скорость приличная, на такой бабахнуться башкой о землю – верная смерть. Мгновенная и неотвратимая.

Напрягся, изогнулся всем телом, судорожно ухватился за металлическую спинку и попробовал ее согнуть. Дрожащие пальцы скользили по холодному металлу. Не получается... Ну-ка, еще раз. Тщетно. Металл не хочет уступать ни на чуть-чуть. Попробую еще. Еще!

...Хохочущий гад в черной форме. “Все, Ванька-встанька?”...

До земли оставалось метров сто, когда я все-таки согнул эту проклятую спинку, освободил захлестнувшиеся лямки...

Вечером с инструктором разбирали воздушное происшествие. Вдвоем, в четыре руки попытались согнуть эту же металлическую спинку. Но ничего не вышло. Ни с первой, ни со второй, ни даже с десятой попытки.

“Давай полетим к звездам!”

Разве не чудо?

Ладно, могу предположить, что в тот раз помогло сверхчеловеческое напряжение. Полная мобилизация сил.

Но при посадке “Знамени”... Чудес не бывает? Тогда что это было?

Я в сердцах бью кулаком по подушке и отворачиваюсь лицом к стене.

Нужно обязательно поговорить с Королевиным.

Мартын Луганцев и его собеседники - 11

(записки журналиста)

РУБЛЬ ИЗ БУДУЩЕГО

- Луганцев, - строго сказала Инга, - если ты таким образом решил предложить мне выйти за тебя замуж, то это по меньшей мере глупо.

Мы сидели в кафе “Космос” на улице Горького, ели заварные пирожные и пили кофе. Обычно меня в кафе арканом не затащишь – не люблю есть в заведениях общественного питания. Но чего не сделаешь для любимой женщины?

За окном по-прежнему плакал унылый осенний дождь. Видимо, небо окончательно прохудилось, и решило излить на землю две или даже три месячные нормы осадков.

“Давай полетим к звездам!”

- Можешь мне поверить, что для предложения руки и сердца у меня есть более эффективные способы, чем рассказ о встрече с пришельцами из параллельного мира, - обиженно пробурчал я. – И, если мне не изменяет память, я уже дважды предлагал тебе официально оформить наши отношения.

- Правильно, - Инга улыбнулась. – И я дважды обещала подумать...

- Угу, - угрюмо кивнул я. – Обещала.

- Но ты ведь мог решиться сделать мне предложение и в третий раз. В завуалированной, иносказательной форме. В виде рассказа о встрече с гостями из параллельного мира. Среди которых оказалась – вот ведь какая случайность! – произнесла она с сарказмом, - якобы наша будущая дочь!

- Никаких завуалированных предложений, - я вздохнул. – Мое предложение остается прямым, как железнодорожный рельс – выходи за меня замуж. И точка.

- Точнее, и дочка, - Инга рассмеялась и показала мне язык. – Выходи замуж и роди мне дочь по имени Марина! Так мне тебя понимать?

- Понимай, как хочешь. Но та белокурая девушка действительно была на тебя очень похожа. А папа у нее – Мартын Андреевич Луганин. Если наш Гагаров в их мире стал Гагариным, вполне логично предположить, что и Луганцев мог стать Луганиным.

Инга задумалась, помешивая ложечкой кофе в чашке.

“Давай полетим к звездам!”

- Ладно, предположим, что ты действительно встретил ребят из параллельного мира, - наконец, сказала она. – Что из этого следует?

- Следует то, что этот мир или миры становятся все более реальными. Сначала были открытки и значки, потом портреты, потом книги. А теперь появились живые люди оттуда. И если прежде не оставалось никаких следов контакта с иным миром – даже на фотографиях, - то теперь в нашем распоряжении есть материальный предмет из того мира.

Открыл сумку и достал брошюру неизвестного мне академика Мишина.

- Ты уже ее прочел? - Инга осторожно взяла брошюру в руки. Словно боялась, что она вдруг исчезнет прямо на глазах.

- Прочел и очень внимательно. И даже сделал выписки самых интересных мест.

- Ну, и как? – Инга принялась листать тоненькую книжицу. – Твоя оценка?

- Автор подробно и очень доходчиво объясняет, как и почему в параллельной реальности СССР не слетал на Луну, - я пожал плечами. – Кроме того, во второй части брошюры статья некого Салахутдинова о полетах по американской программе “Джемини”... Правда, здесь программа завершается на двенадцатом пуске. А еще в этой брошюре опубликована информация о полете опять же американской автоматической станции “Галилей” к Венере и Юпитеру. И о том, что Япония

“Давай полетим к звездам!”

собирается исследовать Луну... И еще много чего интересного...

- Вот как... Март, а ты не заметил в этих текстах ничего, что могло бы показаться тебе странным?

- Что ты имеешь в виду?

- Какие-нибудь исторические или логические противоречия, - пояснила Инга. – Которые могли бы поставить под сомнение достоверность этой брошюры.

- Нет, ничего такого я не заметил, - сказал, поразмыслив. – Инга, думаю, что эта книга не фальшивка. Ее действительно в каком-то из параллельных миров написал академик Василий Павлович Мишин. А статьи и мелкие информации во второй части брошюры – другие авторы.

- Если это другой мир, то он не может быть полной копией нашего, - сделала вывод Инга. – Должны быть отличия и весьма существенные. И не только в фамилиях и судьбах людей, которые живут в том мире.

- Отличия есть, - кивнул я. – В технике, которую используют на той Земле. В организации всей космической отрасли в целом. Даже политические отличия есть.

- Значит, если судить по содержанию брошюры, тот мир выглядит реальным?

- Не менее реальным, чем наш.

- Хорошо, - сказала Инга. – Будем считать, что в нашем распоряжении появился реальный предмет из существующего

“Давай полетим к звездам!”

параллельного мира. Вопрос теперь стоит так: что мы будем делать с этим предметом?

- Я уже думал над этим, - признался я. – Всю ночь читал эту брошюру и думал. Одновременно.

- И до чего ты додумался?

- Возможно, ты со мной не согласишься, - начал я, - но эту брошюру мы никак использовать не сможем. Прежде всего, не сможем использовать ее как бесспорное доказательство существования другого мира. С точки зрения полиграфии книга Мишина вполне могла бы быть издана и в нашем мире.

Инга быстро пролистала брошюру.

- Да, полиграфия простейшая, - согласилась она. – Если бы не выходные данные, вполне можно было бы считать, что эту книжицу издали где-то у нас. Хорошо, а по содержанию? Мы не можем использовать текст брошюры, чтобы, например, предсказать какие-то события?

- Вряд ли, - я покачал головой. – В том мире совсем иная история. И действующие лица на исторической сцене совершенно другие. Несмотря на некоторое сходство в фамилиях.

- Понятно, - кивнула Инга и с озорством подмигнула мне:

– В отличие от того мира наша местная Инга Лаукайте может и не выйти замуж за Мартына Луганцева. Это еще бабушка надвое сказала.

“Давай полетим к звездам!”

- Э... - я немного стусевался. – Может быть, не стоит ставить вопрос так радикально, но в целом ты подметила верно.

- Более того, использовать эту брошюру, даже как косвенное доказательство существования параллельного мира мы тоже не сможем, - продолжила Инга. – А если решимся на такой шаг, то неминуемо навлечем на себя целую кучу неприятностей.

- Почему? – удивился я. – Что такого содержится в этой брошюре, что может доставить нам, как ты говоришь, кучу неприятностей?

- Мог бы и сам догадаться, - хмыкнула Инга. – Но раз ты у нас такой недотепа, придется самой разложить все по полочкам. Ну, вот скажи, например, что такое эта книжка с точки зрения какого-нибудь партийного работника или сотрудника комитета госбезопасности?

- Так сразу и не скажешь, - я задумался. - Скорее всего, они воспримут ее как фантастику...

- Нет, мой милый, - Инга решительно тряхнула головой. – Партийные работники и кагэбэшники воспримут брошюру Мишина не как фантастику, а как самую очевидную реальность. Как грязную антисоветскую провокацию, которую ты написал под псевдонимом “Мишин”, подпольно растиражировал где-то типографским способом и теперь распространяешь для того,

“Давай полетим к звездам!”

чтобы опорочить выдающиеся достижения нашей отечественной космонавтики!

- Ну, ты даешь! – я даже опешил от ее энергичного напора.

- Поэтому, - закончила Инга, - эту брошюрку следует просто тихонечко спрятать в надежное место и постараться забыть о ее существовании!

- Пожалуй ты права, - сказал я, поразмыслив. – Неприятностей из-за этой книжицы можно поиметь ох как много! Жаль, что, располагая единственным предметом с другой Земли, мы никак не сможем его использовать!

- Вот-вот, молодец, соображаешь, - кивнула Инга. – Но неприятности у нас с тобой могут быть не только из-за брошюры академика Мишина из параллельного мира! Есть еще кое-что. И тоже, кажется, из другого мира.

- Это ты о чем? – не понял я.

Она порылась в сумочке, достала сложенную вчетверо купюру и протянула ее мне:

- Что это?

- Это купюра достоинством в один рубль, - сказал я. – Самый обычный рубль.

- Обычный, да не очень. Обрати внимания на год его выпуска.

- Тысяча девятьсот восемьдесят пятый, - с удивлением прочитал я. – Ого!

“Давай полетим к звездам!”

- Сейчас тебе будет не только “ого”, но еще и “угу”, - пообещала Инга. – Ну-ка, посчитай количество полосок на изображенном там гербе Советского Союза!

Я для верности пересчитал дважды:

- Двадцать. И если каждая полоска символизирует одну советскую республику...

- То перед нами рубль из мира, в котором Советский Союз в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году будет состоять из двадцати республик!

- Где ты взяла эту купюру? – поинтересовался я.

- Не знаю, - пожала плечами Инга. – Я просто случайно обнаружила ее вчера среди денег в своем кошельке! Никогда бы не обратила на нее внимания, но купюра была свернута вчетверо. А я так деньги никогда не сворачиваю... Развернула – и сразу же увидела год: 1985. Стала рассматривать подробнее и обнаружила эти двадцать полосочек на советском гербе...

- Еще одно доказательство существования параллельных миров? – я повертел купюру в руках, посмотрел на свет водяные знаки. Рубль как рубль. Самый обычный. Только выпущенный в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году в Советском Союзе, состоящем из двадцати республик. – Инга, тебе не кажется это странным? Доказательства из параллельных пространств посыпались, как из рога изобилия. И почему-то именно на наши с тобой головы.

“Давай полетим к звездам!”

- Тут есть о чем подумать, - согласилась Инга. – Но о существовании этого рубля нам тоже не стоит нигде заикаться. По той же причине!

- Мы теперь не только злостные антисоветчики, но еще и фальшивомонетчики, - рассмеялся я. – Просто удивительно, как на наш след еще не вышли бдительные работники правоохранительных органов!

- Вполне может быть, что уже вышли...

- Ты имеешь в виду Павла Петровича Синицкого? Он больше не появлялся...

- Нет, я имею в виду не Синицкого, - Инга слегка наклонилась ко мне. - Обрати внимание на мужчину за столиком, который находится у дальней стены и слева от нас. Он уже полчаса сидит и наблюдает за нами.

Я осторожно взглянул влево. За одним из дальних столиков и в самом деле обнаружился некий субъект лет на вид тридцати пяти - сорока, темноволосый, с округлым лицом и густыми усами под довольно крупным носом. Он действительно смотрел в нашу сторону. Глядел, не отводя взгляда, и самым наглым образом улыбался.

- Скорее всего, он не сводит глаз с тебя, моя дорогая, - фыркнул я. – Обычный приставала! Посидит, посмотрит, и если ты не дашь ему повода для более тесного знакомства, уйдет себе потихоньку. Вряд ли за нами шпионили бы так открыто.

“Давай полетим к звездам!”

Словно услышав мои слова, мужчина поднялся со своего места и не спеша двинулся через зал в нашу сторону.

- Ну, вот, - кивнул я. – Потенциальный кавалер явно собирается пригласить на танец понравившуюся ему даму!

- Дама не склонна сегодня танцевать, да еще и с незнакомыми мужчинами, - отрезала Инга. – Поэтому дядечка получит от ворот поворот! Сейчас мы его болезного...

- Добрый день, молодые люди! – незнакомец остановился у нашего столика. Одет он был с иголки: прекрасно отглаженный темно-коричневый костюм – тройка, белоснежная рубашка, хорошо подобранные под цвет костюма галстук и туфли. – Вы позволите присесть за ваш столик?

Чеслав Волянецкий и другие - 11

(рабочие записи)

“СООБРАЗИМ НА ТРОИХ?”

- Добрый день, молодые люди! Вы позволите присесть за ваш столик?

- Мне кажется, что в этом зале есть достаточное количество свободных мест, - белокурая девушка сходу окатила меня взглядом, температуре которого могла бы позавидовать даже снежная королева.

“Давай полетим к звездам!”

- Конечно! – согласился я, не обратив никакого внимания на искусственно созданные условия окружающей среды. – Правда, не за каждым из них можно найти Мартына Андреевича Луганцева и Ингу Яновну Лаукайте. Так мне можно присесть?

- Присаживайтесь, - миролюбиво разрешил Луганцев. По его глазам видел, что он уже готов меня считать кем угодно, но не подвыпившим приставадой. – Откуда вам известны наши имена и фамилии? Что-то не припоминаю, чтобы меня с вами знакомили...

- О, нет, с вами, Мартын Андреевич и Инга Яновна, я знаком пока только заочно, - я уселся на стул. – Разрешите представиться – Чеслав Сэмюэль Волянецкий.

- А, так вы иностранец, - сделал попытку догадаться Луганцев. – И наверняка из корреспондентов... Коллега, да?

- Ничего подобного, - решительно запротестовал я. – Никогда не имел ничего общего с журналистикой! Я по нынешней специальности – обыкновенный строитель.

- И в какой же области техники вы проявляете свои строительные таланты? – безжизненно-холодным тоном поинтересовалась Инга. Уж ей-то я точно не приглянулся. С первого взгляда.

- В самых разных, - я пожал плечами. – У меня нет узкой специализации. Но большая часть моей работы все-таки связана с космонавтикой. Так или иначе.

“Давай полетим к звездам!”

- Ну, по этим вопросам у нас дока Мартын, - Инга кивнула в сторону Луганцева. – Я к космонавтике не имею практически никакого отношения.

- Знаю. Мартын Андреевич - автор семи очень неплохих статей в “Советских Известиях”, в которых он рассказал о руководителях советской космической программы.

Я сделал паузу и продолжил:

- Кроме того, журналист Луганцев имеет некоторое отношение к брошюре академика Мишина “Почему мы не слетали на Луну?” А вы, уважаемая Инга Яновна, являетесь обладателем уникальной купюры достоинством один рубль выпуска тысяча девятьсот семьдесят пятого года. Которая сейчас лежит в вашей сумочке. Именно об этих брошюре и купюре вы только что беседовали с Мартыном Андреевичем, не так ли?

- У вас очень хороший слух, - не моргнув глазом, констатировала Инга. - Услышать нашу беседу через весь зал смог бы не каждый...

- Нет, слух у меня самый обычный, - я подарил ей улыбку, чтобы хоть чуть-чуть растопить ледяные торосы. – В данном же случае все много проще...

Я достал из кармана брюк уником и пояснил:

- Это универсальный коммуникатор - уником. С его помощью можно легко слышать любой разговор на расстоянии

“Давай полетим к звездам!”

до трех километров. Главное, чтобы объекты, за которыми ведешь наблюдение, были хорошо видны.

- Ах, вот оно что, - недобро ухмыльнулся Мартын Луганцев. Его губы заметно дрожали – не от страха, а скорее от едва сдерживаемого возбуждения. - Значит, я правильно догадался. Вы все-таки из органов!

Я рассмеялся нарочито громко и весело:

- Мартын Андреевич, я же сказал вам, что работаю строителем. К правоохранительным органам, тайным полициям и прочим подобного рода структурам не имею ни малейшего отношения! Хотя, не буду скрывать, иногда и пользуюсь их методами...

- Я, кажется, поняла, - сказала Инга. Голос ее действительно потеплел на полградуса. – Вы – конструктор вот этой штуки?

Она указала пальчиком на лежавший на столе уником.

- Ничего подобного, - я затряс головой. – Эту штучку создали за несколько тысяч лет до моего появления на свет.

Я с удовольствием окинул взглядом их вытянувшиеся от удивления лица, и решил сжалиться:

- Ладно, хватит ходить вокруг да около. Я представляю один достаточно важный научно-прикладной проект. Вот с таким названием.

Я достал из внутреннего кармана пиджака бумажный прямоугольник размером с почтовую открытку и положил его

“Давай полетим к звездам!”

перед ними на стол. С фотографии улыбался Юрий Алексеевич, одетый в белый гермошлем и оранжевый полетный скафандр. В нижней части фотографии присутствовала сделанная слегка наискось четкая подпись: “Гагарин” - “Гагар” с волнистым “хвостиком”.

- И я готов ответить на все ваши вопросы.

Алексей Леонтьев и все, все, все - 12

(из дневника космонавта)

МИРОСТРОИТЕЛИ

За Королевиным я незаметно шел от самого авиационного института.

В Московском авиационном открывали кафедру космонавтики – ту самую, на которой подрабатывали преподавателями и Королевин, и Михеев, и еще многие наши конструкторы и инженеры. Вообще-то кафедра уже работала с первого сентября, но официальное открытие придержали: многие из сотрудников института были заняты при подготовке первой лунной экспедиции.

Сначала в большом зале дома культуры авиационного института состоялась официальная часть: все чин чином – забитый до отказа студентами и преподавателями зал, море цветов, президиум на сцене, в который, конечно же, усадили

“Давай полетим к звездам!”

институтское руководство и как изюминки в булке – Королеваина, Михеева, меня и Олега Макарина. Я мысленно настроился часа на два нудноватого мероприятия с длиннющими речами, бурными аплодисментами и хоровыми здравицами, но торжество пошло очень динамично. Ректор института Иван Тимофеевич Беляков, открывая собрание, уложился ровно в три минуты. Коротко приветствовали собравшихся Президент Академии наук СССР Мстислав Всеволодович Келдин и Сергей Павлович Королевин. Примерно по пять минут ушло на мое и Олега Макарина выступления. Два комсомольца-активиста и молоденькая студентка-отличница заверили партию и правительство, что будут учиться, учиться и учиться. И где-то на сорок пятой минуте действие завершилось всеобщим вставанием и хоровым исполнением институтского гимна “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”. Потом были неизменные пятнадцать минут общения в фойе дома культуры со студентами и преподавателями – фотографирование, автографы, вопросы и ответы, - а затем президиум в полном составе через черный ход провели из ДК прямо на огражденную забором территорию МАИ. В просторном зале на втором этаже первого корпуса был устроен обычный для подобного рода мероприятий официальный банкет.

Речи, тосты, пожелания... За несколько дней, прошедших после окончания карантина на Байконуре и возвращения в

“Давай полетим к звездам!”

Москву, я уже стал уставать от всей этой суеты. Но вместе со славой “лунного первопроходца” на мои плечи теперь свалилась и необходимость быть “свадебным генералом”. Ежедневно пачками поступали предложения посетить различные съезды, слеты, конференции, итогом которых были шикарные банкеты.

Количество бутылок и закусок на огромном П-образном столе гарантировало, что торжественное возлияние на новорожденной кафедре космонавтики перерастет в многочасовые посиделки. Скучной чередой пошли тосты: за открытие кафедры, за нынешние и будущие космические достижения, еще за то-то и се-то. Я тоже сказал несколько приятных слов в адрес присутствующих товарищей, преподавательского коллектива кафедры, в целом работников космической отрасли, сорвал шквал аплодисментов и едва не утонул в море улыбок.

Я старался воздержаться от питья, но парочку-троечку рюмочек водки все-таки пришлось принять на грудь, и к концу первого часа “заседания” во всем теле уже начало разливаться приятное тепло расслабленности и умиротворения.

Вскоре ведущий банкета объявил “первый перекур”, и народ из-за стола потихоньку потянулся в институтский коридор. Я бросил курить еще в шестидесятом, когда пришел в отряд космонавтов, и дышать дымом сейчас, общаясь с

“Давай полетим к звездам!”

инженерами и преподавателями, особой охоты не возникало. Поэтому решил остаться за столом.

Около меня немедленно нарисовалась приятной наружности дама в возрасте слегка за тридцать, попросила автограф на открытку с каким-то космическим пейзажем. Уселась на стул рядом, и, положив ладонь, на мой локоть, жарко дыша в щеку и ухо, принялась горячо интересоваться, как обстоят дела в космосе и на Луне конкретно. Я отвечал вежливо, подробно, но без особого интереса. Еще после первого полета привык к тому, что такие интервью тет-а-тет заканчивались откровенным предложением встретиться “завтра где-нибудь наедине”, чтобы более подробно обсудить перспективы развития советской космонавтики.

Возможно, дама и вырулила бы, в конце концов, на интим-предложение по ходу нашей беседы, но тут с другой стороны на меня круто спикировали две девицы, - по возрасту скорее аспирантки, чем студентки, - со своим ворохом вопросов. Дама зло зыркнула на конкуренток, но боевую позицию рядом со мной не оставила.

Тем временем гуляющие массы постепенно стали просачиваться из коридора обратно в банкетный зал. И тут я краем глаза заметил, что Королевин в общей суете рассаживаний поднялся из-за стола, шепнув что-то на ухо сидевшему рядом с ним Михееву, и бочком-бочком вышел в неприметную дверь в углу зала.

“Давай полетим к звездам!”

Еще толком не понимая, что делаю, я поднялся со стула, извинился перед трио настырных дамочек, и отправился следом за Сергеем Павловичем.

Дверь оказалась черным ходом, который выходил в холл второго этажа. Королевин торопливо спускался по мраморным ступеням широкой лестницы на первый этаж. В гардеробе около выхода он взял верхнюю одежду, и на ходу надев шляпу и плащ, вышел из корпуса.

Я сбегал вниз по ступенькам. Протянул гардеробщице номерок, получил шинель и папаху. Осторожно приоткрыл тяжелую входную дверь и выглянул наружу.

Королевин шагах в десяти от меня склонился к приоткрытой дверце своей “Чайки” - давал какие-то распоряжения шоферу. Закончив разговор, хлопнул дверцей. Машина тотчас же плавно двинулась с места и покатила в сторону ворот, а Сергей Павлович прошел по аллейке вдоль учебного здания и свернул за угол, в сторону институтских лабораторий. Я вышел из корпуса и торопливо зашагал следом.

Королевин пересек рабочую зону института и через небольшую проходную – обыкновенную калитку в каменном заборе с деревянной будкой вахтера рядом, - вышел на улицу. Я отстал от него примерно на сто шагов, стараясь остаться незамеченным, если Сергей Павлович вдруг обернется, и одновременно не желая потерять его из вида.

“Давай полетим к звездам!”

Улица изгибалась дугой вдоль собранного из бетонных плит забора вокруг территории авиационного института. Прохожих почти не было, машины по дороге проезжали редко, пару раз по рельсам прогромыхали трамвайные вагоны.

Я прикинул, куда можно прийти по этой улице, и сообразил, что она выведет почти точно к пешеходной развилке, от которой будет всего минут десять неспешной ходьбы до расположенных внутри парковой зоны корпусов Всесоюзного комитета по космическим исследованиям. Очевидно, Королевин просто решил пройтись пешком перед возвращением на работу.

Ситуация выглядела дурацкой: я тайком, “по-шпионски”, шел за одним из руководителей нашей космической программы, еще не вполне отдавая себе отчет в том, почему так поступаю. У меня были вопросы к Королевиному, меня мучила та череда аварий и неприятностей, которая произошла во время экспедиции на Луну. Но, спрашивается, какого черта я сейчас шпионю за Королевиным? Почему нельзя его просто окликнуть и поговорить? Я не находил ответа на эти вопросы. Но что-то подспудно все-таки сдерживало меня, заставляло едва ли не красться за Сергеем Павловичем.

Королевин, однако, вопреки моим предположениям, миновал уличную развилку, ведущую к корпусам ВККИ, и прошагав еще метров двести, вошел в двери небольшого кафе на первом этаже девятиэтажного кирпичного дома.

“Давай полетим к звездам!”

Кафе называлось “Весна”, за широкими стеклянными окнами, слегка затуманенными прозрачными тюлевыми гардинами, хорошо просматривался обеденный зал. Посетителей было немного; добрая половина столиков была свободной.

Вряд ли Королевин решил перекусить после шикарного банкета в авиационном институте. Скорее всего, в кафе у него была назначена какая-то встреча.

Ситуация стала еще более дурацкой. Зайти внутрь кафе следом за Королевиным я не мог: мое лицо не сходило с экраном телевизоров и газетных полос, поэтому появление полковника Леонтьева да еще в парадной форме с иконостасом орденов и медалей на груди явно не осталось бы незамеченным. Ходить под широкими окнами туда и сюда, рассматривая сквозь стекло посетителей внутри “Весны”, было не менее глупо.

Поразмыслив, я стал под углом к фасаду кафе, чтобы и не мелькать перед окнами, и все же держать в поле зрения почти весь обеденный зал. Мне почему-то страшно захотелось узнать, с кем решил встретиться Сергей Павлович в небольшой кафешке почти на самой окраине Москвы.

Королевин не заставил себя долго ждать. Сдав плащ и шляпу в гардеробе, он вошел в зал, осмотрелся и напрямик направился к столику у левого дальнего окна. За столиком сидел мужчина лет шестидесяти, с аккуратно уложенной седой

“Давай полетим к звездам!”

шевелюрой и правильными чертами лица. Темно-серый пиджак и небесной синевы галстук хорошо гармонировали с белоснежной рубашкой. Увидев приближающегося Королевина, незнакомец поднялся из-за стола и шагнул навстречу. Сергей Павлович широко раскинул руки, приобняв его за плечи. Ага, понятно встреча старых знакомых. Может быть, даже друзей.

Всмотрелся в черты лица незнакомца. Они показались мне знакомыми. Волевой подбородок, светлые, кажется, серые глаза. Сквозь гардины, да еще под углом к окну было не очень хорошо видно, и я все же решил пройти мимо окон. Авось Королевин, увлеченный беседой, меня не заметит.

Не спешным шагом двинулся мимо застекленного фасада кафе “Весна”, краешком глаза рассматривая незнакомца, о чем-то оживленно беседующего с Королевиным.

Черты лица сложились в образ. Я узнал этого человека, фотографии которого не один раз видел в зарубежных газетах и журналах, которые привозили в библиотеку Звездного городка. Сомнений не осталось: за столиком в маленьком кафе на окраине Москвы сидел и вел дружескую беседу с Генеральным директором Всесоюзного комитета по космическим исследованиям СССР никто иной, как главный американский ракетчик, а в прошлом – штурмбанфюрер СС Вернер фон Браух!

“Давай полетим к звездам!”

Этого не могло быть, но я видел своими глазами: Королевин и фон Браух сидели напротив друг друга и оживленно о чем-то беседовали.

Я сообразил, что уже едва ли не минуту столбом стою прямо напротив окон, из которых хорошо просматривается вся прилегающая к кафе территория. Чтобы не быть замеченным, нужно было немедленно уходить.

Зашагал по Волоколамскому шоссе прочь от кафе. В голове был полный сумбур. К таинственным происшествиям лунного полета добавилась еще одна загадка. Открытая встреча Сергея Павловича Королевина с человеком, которого еще вчера на страницах “Правды” называли “ракетным бароном”, “фашистским выкормышем”, “нацистским преступником”. Невероятно, но факт: Вернер фон Браух собственной персоной сидел в московском кафе и о чем-то живо беседовал с руководителем советской космической программы!

Замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Хорошо, сейчас я уйду отсюда и что? Загадки так и останутся. Их даже теперь на одну станет больше. Позвонить что ли завтра Королевиному? “Здравствуйте, Сергей Павлович! Вчера я видел вас в одной компании с Вернером фон Браухом. Хорошо отдохнули? Кстати, у меня есть несколько вопросов по прошедшему полету. Когда мне можно к вам подъехать?” Чушь...

“Давай полетим к звездам!”

А почему бы не поставить все точки над “і” прямо сейчас?

Я резко повернулся, едва не столкнувшись с какой-то старушкой с двумя авоськами, вышедшей из рыбного магазина, и зашагал обратно.

Не замедляя шаг, прошел мимо окон “Весны”, краем глаза отметив, что Королевин и фон Браух все еще сидят за столиком и беседуют. Поднялся по ступенькам на крылечко кафе, распахнул входную дверь, затем внутреннюю, и оказался в просторной гардеробной. Из-за стойки мне улыбнулся лысенький сутулый старик-гардеробщик в синем тщательно отглаженном халате – он узнал меня, едва я сделал шаг через порог:

- Товарищ Леонтьев! Какая неожиданность! Проходите, пожалуйста!

- Здравствуйте, - снял папаху, расстегнул пуговицы и стащил с плеч шинель. – Можно у вас перекусить?

- Конечно, конечно! – лицо гардеробщика расплылось в угодливой улыбке. Он принял у меня верхнюю одежду и выдал номерок. – У нас есть и комплексные обеды, и спецзаказы! Проходите в зал, пожалуйста!

Я взглянул на себя в огромное зеркало, висевшее на задней стене, чуть подправил галстук и двинулся в обеденный зал.

“Давай полетим к звездам!”

Фон Браух сидел лицом к входным дверям и заметил меня первым. Его лицо вытянулось, глаза округлились, он что-то быстро сказал Королевиному. Сергей Павлович вздрогнул, принялся оборачиваться, сидя на стуле. Человек он плотного телосложения, грузный и получилось это у него неловко. Я оказался у столика раньше, чем он успел повернуться.

- Привет честной компании! – растянул губы в улыбке. – Не помешаю переговорам высоких сторон своим присутствием?

- Здравствуйте, Алексей Архипович, - сказал фон Браух на языке Пушкина и Тургенева без малейшего акцента. – Рад буду с вами познакомиться!

Я опешил. Надо же, бывший штурмбанфюрер, оказывается, вполне прилично владеет русским!

- Алексей? – Королевин весело фыркнул. – Ах, вот значит, кто топал за мной следом от самого института! А я думал, что кто-то из гэбэшников. Присаживайся!

Я отодвинул стул от стола и сел рядом с Королевиным.

- А я как раз хотел поговорить с вами о странностях нашего полета, Сергей Павлович, - произнес, по-прежнему саркастически улыбаясь. – Обо всей этой череде неожиданностей и неисправностей. А теперь, видно, и спрашивать не о чем. Все и так очевидно. Тайно договорились с американцами, да? С этим вот недобитым ракетным бароном?

“Давай полетим к звездам!”

- О, шпионская история! Пронырливый майор Пронин против коварного Джеймса Бонда! – фон Браух захохотал, но тут же оборвал смех, тряхнул головой и тихо произнес:

- Чепуху городите, полковник Леонтьев.

- Помолчали бы лучше, группенфюрер! – зло огрызнулся я. – Надеюсь, вам уже присвоили очередное звание в СС? А здесь вы по приглашению Советского правительства или по туристской визе из Нюрнбергского трибунала?

- Ну, ты и язва, Алексей! – Королевин засмеялся и кивнул в сторону фон Брауха. – Он здесь по моему приглашению. Кстати, Вернер – коренной москвич.

Я растерянно замолчал.

Королевин подмигнул собеседнику:

- Помнишь наш пивной кабачок в подвальчике на Таганке?

Если немец здесь легально, я, кажется, оказался в очень неловком положении... Да и немец ли он?

- Вспомнила баба, как девкой была, - фон Браух грустно вздохнул. – Это когда же было, Сереж? Я уж сколько лет в Москве не был. Все работа, работа... Да что тут говорить? Сам знаешь нашу жизнь.

- Эх, все недосуг просто встретиться, пивка попить, поболтать, - Сергей Павлович закивал. – Все дела, дела, дела...

“Давай полетим к звездам!”

Около стола, - словно из ниоткуда, - вдруг объявился грузный черноволосый мужчина в белоснежном халате, накинутом поверх синего костюма.

- Добрый день, товарищ Леонтьев! И вы, товарищи, здравствуйте, - он окинул взглядом Королевина и фон Брауха. – Я директор этого кафе Серенко Егор Титович. Рад Вас приветствовать в нашем заведении!

Он чуть поклонился.

- Весь наш трудовой коллектив будет рад, если... - начал директор. По-видимому, он собирался сказать целую речь, но фон Браух решительно остановил его жестом:

- Вот что, любезный... Ну-ка, организуйте для первопроходца космоса товарища Леонтьева и его коллег пару бутылочек водочки, соленых огурчиков и картошечки с чем-нибудь мясным...

- На четверых, - вставил Королевин и пояснил:

- Василий сейчас тоже подойдет. Служба Мозжорова обещала сегодня выдать прогноз. Михеев ждет их доклад.

- ...И еще четыре бутылочки с минералочкой, - добавил фон Браух. – Лучше, чтобы “Боржоми”.

- Сию минуту, товарищи, - директор кивнул и тут же удалился готовить заказ.

- Ладно, Алексей, - Королевин полуобернулся ко мне. – Раз уж ты оказался таким любопытным, придется рассказать тебе обо всем. Чтобы домыслы тебя не мучили.

“Давай полетим к звездам!”

- И кстати, Сереж, - сказал фон Браух. – Что-то наши ряды давно уж не пополняли действующие космонавты. Алексей Архипович вполне мог бы стать хорошим миростроителем.

- Ну, это, Вернер, пусть товарищ Леонтьев сам примет решение, - Сергей Павлович покосился на меня. – Оценит все, что сейчас услышит, и решает.

Буфетчица принесла на подносе бутылки с водкой и четыре рюмки, порезанный дольками лимон на блюде. Директор кафе маячил в двух шагах за ее спиной.

- У вас принято закусывать водку лимоном? – седые брови фон Брауха изогнулись дугами.

- Будь ближе к народу, дорогой мой фон аристократ! – с усмешкой заметил Королевин. - Здесь принято закусывать водку чем угодно. В стране серьезные перебои с продуктами. Масса товаров в хроническом дефиците. И народ, кстати, считает, что виновата в этом наша космическая программа – слишком много денег тратится на исследование Луны и дальних планет!

- “Социализм – лучшая стартовая площадка для советских ракет”, - с иронией процитировал Хрущева фон Браух и криво усмехнулся. – Василия будем ждать или все-таки примем по первой?

- Семеро одного не ждут. Трое – тоже, - Королевин разлил водку по рюмкам. – Ну, ребята, давайте за встречу.

“Давай полетим к звездам!”

- Знаешь, Серега, я на том краю света уже совершенно забыл, что в России после тоста принято чокаться, - сказал фон Браух, когда мы выпили.

- И немудрено, - Королевин взял с блюда лимонную дольку. – Тебя сколько на Руси не было?

- Три экспедиции, - мысленно прикинул немец. – Это... Гм, почти двести лет!

Наверное, у меня отвисла челюсть. Фон Браух фыркнул и предложил:

- Сергей, давай Алексею Архиповичу все объясним. А то, глядишь, он и впрямь посчитает нас сумасшедшими. Или безудержными фантазерами.

- Да я вот и думаю, с чего начать... - Королевин заерзал на стуле.

- С неопровержимого факта, - фон Браух принялся посасывать дольку лимона. – У тебя есть видеозапись высадки на Луну со “шмеля”? Вот и покажи. И объясни. Пусть Алексей Архипович сразу поймет, что имеет дело с людьми, владеющими высокими технологиями – такими, которые пока недоступны нынешней земной науке.

- Алексей, - Королевин снова повернулся ко мне, - ты помнишь, какие телекамеры снимали твою высадку на Луну?

- Конечно, помню, - я пожал плечами. Экзаменовать меня вздумали, что ли? – Камера, установленная на “Луннике”, и обзорная телекамера с “Лунохода-5”.

“Давай полетим к звездам!”

- Я покажу тебе твой выход на Луну с другого ракурса.

Королевин достал из внутреннего кармана пиджака небольшую продолговатую коробочку светло-серого цвета. На верхней плоскости коробочки располагались небольшой экранчик и несколько разноцветных кнопок.

- Это – универсальный коммуникатор, - пояснил Сергей Павлович. – Сочетает в себе функции телефона, телевизора и компьютера. С его помощью возможна связь с любой точкой на Земле, где есть обладатели аналогичных устройств. И фильмы с его помощью, конечно же, тоже можно смотреть. Сейчас я покажу тебе кадры твоей высадки на Луну. Съёмку вел “шмель” - малый беспилотный аппарат, который может становиться невидимым в оптическом диапазоне.

- Еще одна фальшивка с участием каких-нибудь загримированных актеров? – я скептически фыркнул. – Генерал Маканин перед стартом дал мне послушать запись моей предсмертной речи с Луны. Теперь вот ваше кино... Основательно готовилась фальсификация, да?

- Это настоящие кадры с Луны, - Королевин покачал головой. – Смотри.

Он поколдовал над кнопками на уникаме и пододвинул его ко мне. Экранчик на аппарате засветился голубым и вдруг стремительно вырос. Теперь он стал размером с обычную книгу. И на нем сразу же появилось цветное изображение.

“Давай полетим к звездам!”

“Лунник” заходил на посадку. Съемка велась сверху, невидимый оператор завис выше и чуть в стороне от лунного корабля. Вспыхивали короткими импульсами маневровые двигатели, где-то под днищем “Лунника” горел ровным светом оранжевый факел маршевого мотора – его не было видно, но отблески вырывающихся струй раскаленного газа были хорошо заметны на зеркальных металлических стойках “ног” корабля. Под кораблем расстилалась равнина, покрытая мелкими кратерами, валунами и трещинами.

- Удачный киномонтаж, - я решил держать оборону до конца. – Где доказательство, что это настоящая съемка?

- Ладно, Фома неверующий, - Сергей Павлович сделал несколько быстрых пасов руками над зеркалом экрана. – Вот тебе твоя высадка на Луну. Себя самого, надеюсь, узнаешь?

Новая картинка на экране. Я в скафандре стою на лестнице лунного корабля. Фон сзади – лунный пейзаж. Тот самый, который видел на Луне: это расположение камней и кратеров около севшего “Лунника” навсегда врезалось в память. Даже в карантине по ночам снилось.

Съемка велась со стороны корабля, словно кто-то или что-то присело где-то ближе к верхушке “Лунника” и вперило в меня объектив телекамеры. Кадры были цветными, яркими и сочными. За стеклом гермошлема хорошо различалось мое лицо, глаза, губы. Было видно, как я чуть наклонил голову

“Давай полетим к звездам!”

влево и вперед и почесал нос об специальный выступ под стеклом гермошлема.

Я хорошо помнил, что именно так и сделал там, на Луне, за несколько секунд до того, как ступить на лунную поверхность: почесал нос о выступ внутри скафандра. Не осталось сомнений – на этих кадрах цветного фильма был изображен действительно я. И съемка подлинная. Значит, невидимый аппарат - “шмель”, как его назвал фон Браух, - действительно существовал и вел съемку на Луне. Но как он там мог оказаться? Прилетел верхом на “Луннике” или на собственных двигателях?

- Теперь у тебя не осталось сомнений? – спросил Королевин и выключил изображение. Уником погас и снова стал неприметной серой коробочкой. – Тогда слушай.

- Увы, ребята, теперь с объяснениями придется повременить, - фон Браух кивнул в сторону входа. – Вот и Василий Павлович!

Я обернулся. Через зал к нам, улыбаясь, шел Михеев.

Повторился ритуал встречи, который я уже видел с полчаса назад. Фон Браух тоже расплылся в улыбке, поднялся из-за стола и шагнул навстречу пришедшему, заключая его в объятия.

- Господи, Вернер, - Михеев смахнул слезинку со щеки. – Мы вживую столько лет не виделись, что я уже почти привык считать тебя всего лишь изображением на моем уникеме!

“Давай полетим к звездам!”

- Конспирация, туды ее в качель, - фон Браух снова уселся за стол. – Никаких личных встреч!

- И это правильно, товарищи, - с лукавинкой заметил Королевин. – Какие такие совместные дела могут быть у советского главного конструктора и американского инженерного гения с германским прошлым? Тут Алексей Архипович стопроцентно прав!

- Э... Алексей? – Михеев, наконец, заметил, что я тоже сижу за столом прямо напротив него. – А он что же...?

- Алексей теперь, может быть, тоже будет с нами, - сказал Королевин и похлопал меня по плечу:

- Как он сам решит – так и будет.

Буфетчица, наконец, принесла заказанные блюда, расставила их на столе.

- Давайте выпьем за нашу дружбу, - предложил фон Браух. – Руку менять не будем. Серж, наливай!

- А теперь, Василий Павлович, - сказал Королевин, когда мы выпили, - расскажи нам, что там Мозжоров со своими орлами нашаманил? Каков прогноз?

- Сергей Палыч, ты Василию хоть закусить позволь, - возмутился фон Браух. - Нельзя же так с места – и в карьер.

- Он прямо с банкета, - хитро блеснул глазами Королевин. – И, как я заметил, там за столом не зевал. Ты, Вернер, кушай, а Вася пусть рассказывает.

“Давай полетим к звездам!”

- Я и вправду что-то к перекусу не расположен, - кивнул фон Брауху Михеев, рассмеявшись. – Да и жена плешь проела: “Худей, мол, верста коломенская. Сильно в поясице раздался, на диване уже не помещаешься”.

- Василий, не тяни резину, - Королевин пробарабанил пальцами по столу. – Давай выкладывай прогноз!

- В целом прогноз развития благоприятный, - Михеев взял бутылку с минеральной водой, плеснул в стакан, выпил. – Сначала о политике... Здесь, в Советском Союзе, в семидесятые годы начнется постепенный перевод всего хозяйственного механизма на рыночные рельсы при сохранении политического влияния Коммунистической партии. Хрущев добровольно уйдет на пенсию после празднования сотой годовщины со дня рождения Ленина. Косыгин сохранит за собой пост премьера, Брежнев станет Первым секретарем ЦК, Председателем президиума Верховного Совета СССР изберут Громыко.

- Как все это скажется на космонавтике? – спросил Королевин, озабоченно потирая пальцами лоб. – Брежнев – это почти всегда торможение, сброс темпа развития.

- Практически никак не скажется. Влияние Брежнева будет компенсировать тройка Косыгин – Громыко - Устинов, - ответил Михеев и покосился на меня, подмигнув. – Я, пожалуй, начну с лунного направления. Думаю, Алексею это будет особенно интересно... В будущем году состоятся еще две

“Давай полетим к звездам!”

экспедиции на Луну по нынешней схеме. Через пару лет мы запустим четырехместный корабль – “Знамя-М”. На лунную поверхность смогут высаживаться сразу три космонавта, появится беспилотный лунный грузовик. В середине семидесятых будет создана лунная орбитальная станция. К концу десятилетия – первая постоянная база на Луне с экипажем около десяти человек.

- Это хорошо! – закивал Королевин, потирая руки. – Хороший темп!

- А что в околоземном пространстве? – поинтересовался фон Браух.

- Года через три будет запущена орбитальная станция “Заря” - на основе последних ступеней ракеты-носителя “Ленин”, - ответил Михеев. – “Союз” маловат для полетов к такой станции, поэтому летать начнет шестиместный корабль. Станция будет многомодульной. К концу десятилетия продолжительность полетов советских космонавтов достигнет одного года.

- Как будут обстоять дела с военным космосом? – подавшись вперед, спросил Королевин.

- Челомбитов все-таки доведет до ума проект военной орбитальной станции “Алмаз” и трехместного транспортного корабля. Козелков испытает несколько “Союзов-ВИ” - для оборонных исследований в космосе. Будут даже запущены “Союзы” в истребительной и разведывательной

“Давай полетим к звездам!”

модификациях. Но до серьезного размещения оружия в космосе дело не дойдет. Начнется разрядка отношений между СССР и США.

Михеев сделал паузу, собираясь с мыслями, затем продолжил:

- Неплохо будут развиваться воздушно-космические системы. Космолет “Спираль” начнет летать в середине следующего десятилетия, большой крылатый корабль будет создан лет через десять. Стоимость космических запусков резко снизится.

- А что у нас, в Америке? – мне показалось, что фон Браун заерзал на стуле от нетерпения.

- В США через четыре года к власти придет республиканский тандем Нельсон Рокфеллер – Джеральд Форд. В начале восьмидесятых весьма вероятен реванш демократов. Наиболее вероятный кандидат в президенты – нынешний вице-президент Роберт Кеннеди.

– Что будет с “Аполлоном”?

- “Аполлон” доберется до Луны уже в следующем году. Все десять экспедиций закончатся успешно. США, как и СССР, создадут лунную орбитальную станцию и базу на Луне. Будет запущено несколько околоземных станций класса “Скайлэб”. Уже в будущем году полетят в космос военные аппараты МОЛ. В начале восьмидесятых годов ожидается создание крылатого грузового корабля.

“Давай полетим к звездам!”

Михеев замолчал.

- А потом? – Королевин разлил водку по рюмкам. – За успех наших космических дел, ребята!

- Потом прогноз уже менее четкий, но с нашим базовым сценарием серьезных расхождений нет, - выпив и все-таки немного закусив, продолжил Михеев. – В середине восьмидесятых состояние мировой экономики потребует сокращения военных расходов. Да и рыночная политика модернизации в СССР серьезно сблизит Советский Союз с Западом. Военная конкуренция сменится экономической. Постепенно к двум мировым сверхдержавам подтянутся Китай, Индия и еще многие страны. Появится очень много совместных проектов. В том числе и в космосе. Состоится первый пилотируемый полет к другим планетам. Естественно, кандидат номер один – Венера. К тому времени на ее поверхности и на поверхности ее спутника уже успеют побывать и беспилотные станции, и автоматические вездеходы.

- Замечательная перспектива, ребята! – Королевин заулыбался. – У нас получилось!

- Да, стройка удалась, - кивнул фон Браун. – Хороший мир получился, правда?

Я ничего не понимал. Все рассказанное Михеевым больше всего было похоже на политический бред, смешанный с винегретом из наших и американских космических программ. За

“Давай полетим к звездам!”

столом в кафе на окраине Москвы сидели и фантазировали три известных всему миру ракетчика...

Наверное, мои мысли так явственно отразились на лице, что фон Браух сказал:

- Ребята, давайте-ка все-таки полностью введем в курс наших дел Алексея Архиповича. Мне кажется, ему не все... э... понятно.

- Что ж тут не понять? – у меня проснулось самолюбие, и я решил чуть-чуть заерепениться. – Фантазии на космические и политические темы. Только не совсем ясно, для чего они вам нужны?

- Это не фантазии, Алексей, - Сергей Павлович покачал головой. – Вот послушай...

...Жила-была Вселенная, внутрь которой – как матрешки друг в друга – были вложены наша Галактика, Солнечная система и планета Земля. Конечно, появилась на ней и человеческая цивилизация. Постепенно развиваясь, она прошла путь от возникновения первых городов до создания могучих сверхдержав, которые, соперничая друг с другом, устремились в космос. Человек облетел Землю, ступил на поверхность Луны, месяцы и годы мог жить на околоземных орбитальных станциях.

А потом соперничество сверхдержав ослабло. Космос потерял роль площадки, на которой они мерялись своими технологическими силами. Нет, по-прежнему кружили над

“Давай полетим к звездам!”

планетой спутники связи, метеорологии и разведки недр, продолжались полеты людей в ближний космос, иногда запускались исследовательские зонды к планетам Солнечной системы. Но в целом вся мировая космонавтика забуксовала. Так и не была создана лунная база, откладывался на неопределенное время полет людей к Марсу... Общество вообще теряло интерес к космическим исследованиям. На Земле вдруг обнаружились дела и поинтереснее, и поважнее, и поприбыльнее. В конце-то концов, среди десятиллиардного человечества осталась только небольшая по численности группа энтузиастов, которая по-прежнему мечтала о полетах к другим планетам, о встречах с братьями по разуму в мирах под иными солнцами.

К тому времени, о котором шла речь, на Земле возникли мощные компьютерные системы. Сеть межкомпьютерных коммуникаций оплела всю планету. Электронные машины из огромных чудовищ, высотой едва ли не с многоэтажный дом с годами превратились в переносные компьютеры размером с книжку, а некоторые – вообще стали по габаритам напоминать портсигар. Эти небольшие компьютеры позволяли людям напрямую общаться друг с другом. Возникали “форумы” – как назвал их Королевин – места, где можно было с помощью переписки “поболтать” с друзьями и знакомыми. Один из таких форумов существовал при журнале “Космические новости”, который издавался в столице тамошней России – Москве.

“Давай полетим к звездам!”

И вот те, кто участвовал в общении на этом форуме, однажды занялись обсуждением проблемы: почему замедлилось развитие мировой космонавтики? Обсуждали, долго спорили и пришли к двум выводам.

Во-первых, для рывка в космос стало не хватать ресурсов. Человечество развивается, его сиюминутные потребности растут, стратегические, не сулящие немедленной пользы или прибыли проекты отодвигаются все дальше и дальше.

Во-вторых, пропал романтизм Великой Мечты о покорении космоса. А почему пропал? Потому что оказалось, что планеты Солнечной системы необитаемы. Братья по разуму, может быть, где-то и есть, но к ним уж точно не добраться – слишком далек путь до самых ближайших звезд.

Эх, вот если бы рядом с Солнечной системой, в пределах досягаемости обнаружилась хотя бы парочка звезд с обитаемыми планетами! А если бы еще эти разумные обитатели были похожи на человека! Тогда можно было бы объединить усилия нескольких цивилизаций и штурмовать дальний космос совместно, постепенно заселяя сначала Галактику, а потом и всю Вселенную. Но, увы, нет, не существует в природе таких братских ближних миров...

Кто-то из участников обсуждения на форуме подал идею: а раз таких родственных цивилизаций нет, то почему бы их самим не создать? Нырнуть в прошлое лет на сто, и в

“Давай полетим к звездам!”

каком-нибудь гиперпространстве сделать копию Земли. “Дорастить” ее до середины двадцать первого века, а потом как-то вывести в реальную Вселенную где-нибудь вблизи Солнечной системы. Вот уже есть одна родственная цивилизация! А если такую операцию с нырянием в прошлое и созданием цивилизаций проделать последовательно, скажем, десятков раз? Тогда в один и тот же момент времени около Солнечной системы появится еще десять населенных людьми Земель. Дублировать полностью планеты нет смысла. За сто лет “выращивания” цивилизацию можно существенно “подрихтовать” по своему вкусу. Например, на этой Земле в космос первыми полетят русские. На другой – американцы. На третьей – вообще какой-нибудь оберштурмбанфюрер Макс фон Штирлих... Полученные таким образом Земли, конечно же, довольно быстро объединятся в единое космическое человечество – благо они теперь будут расположены практически рядом, в пределах досягаемости уже имеющихся космических средств. Объединенные миры совместно двинутся осваивать Галактику.

- Мы тогда были романтиками, молодыми духом и горячими, - сказал Королевин, грустно улыбнувшись, и вполголоса продекламировал чьи-то стихи:

- Мы будем шагать по звездам,

До дальних дойдем планет.

Над гиперпространством грозным

“Давай полетим к звездам!”

Проложим трассы ракет...

Разумеется, замысел создания “объединенного космического человечества” сначала посчитали шуткой и фантастикой. Нет, мол, у людей пока таких технологий, чтобы нырять в прошлое, копировать Земли, выращивать их в гиперпространстве и затем переводить в реальную Вселенную.

Тут-то один из участников форума – как оказалось, молодой физик, который жил и работал в поселке со смешным названием “Сколково”, - вдруг и заявляет: “Есть у меня, ребятки, технология путешествия во времени. Можно нырнуть в прошлое хоть на сто лет назад, хоть на миллиард”. Из-за океана, из американского штата с труднопроизносимым названием Массачусетс, откликается пожилой астрофизик: “У меня есть идея, как скопировать Землю в гиперпространство и вырастить там новый мир”. Тут подоспел и третий “изобретатель”: “Хотите вернуть измененную копию Земли в нашу реальную Вселенную и поместить ее недалеко от Солнечной системы? Нет проблем! Сделаю!” Нашелся и финансовый спонсор для будущего проекта – миллиардер, бывший космический турист, летавший на международную орбитальную станцию на российском космическом корабле.

Шуточки кончились. Энтузиасты списались, встретились, договорились. И на свет родился проект, который назвали “Гагарин” – по фамилии человека, первым отправившегося в космос на той Земле.

“Давай полетим к звездам!”

Установка для перемещения назад во времени оказалась весьма простой в изготовлении, даже особых затрат не потребовалось. Все оборудование и “гагаринцы” уместились в трех старых купейных железнодорожных вагонах, которые участники проекта – а их набралось без малого почти сотня – вскладчину выкупили у “Российских железных дорог”. “У нас будет не машина времени, а вагон времени”, - шутили участники проекта.

В прошлое стартовали в очередную годовщину полета Гагарина. В ночь на 1 января 1901 года старая Земля была скопирована в гиперпространство. Вот тут и случилось непредвиденное...

Оказалось, что “вагоны времени” со всеми участниками проекта оказались на скопированной Земле, переместились из “старого” мира в новый. Что-то там законфликтовало в программном обеспечении двух установок – той, которая двигалась во времени, и той, которая копировала миры. Обратное перемещение было уже невозможно.

Но можно было жить и работать на скопированной Земле, постепенно меняя ее историю. А в середине двадцать первого века вывести этот новый мир в “старую” Вселенную и добраться на прежнюю Землю уже обычным космическим транспортом. Благо его на новой Земле к тому времени вполне можно будет создать.

“Давай полетим к звездам!”

Была только одна “досадная мелочь” в этом грандиозном по своему масштабу замысле. От начала двадцатого века и до середины двадцать первого века - ко времени возвращения на прежнюю Землю - все участники проекта уже состарились бы и умерли. Почти полторы сотни лет вряд ли удалось бы прожить даже долгожителям. Получалось, что провести остаток жизни всем “гагаринцам” предстоит все-таки в этом, скопированном мире.

В распоряжении первой сотни строителей миров оказались огромный багаж знаний с “прежней” Земли и невероятные финансовые возможности на новой, но главное – они не пали духом. Менее чем за десять лет обосновались в скопированном мире, создали здесь свою научную и производственную базу. Появились неизвестные на “старой” Земле технологии и изобретения. В проект пришли новые строители, набранные из числа самых талантливых молодых людей этого мира. Один из них и предложил способ перемещения человеческого сознания в новое тело. Новые тела можно было получать из старых путем обычного клонирования – это уже давно научились делать еще на “старой” Земле. А потом была создана ретромедицина – омоложение части тела или всего организма во встречном потоке времени – и стало возможным отказаться от клонов. Что там прожить полтора века! Теперь “гагаринцы” становились практически бессмертными.

“Давай полетим к звездам!”

Поэтому с возвращением домой можно было не торопиться. Родился новый план. Решили построить не десять Земель, а в тысячу раз больше. А потом их все, разом, вывести в единую Вселенную. Получалось огромное шаровое скопление человеческих миров – целая космическая цивилизация. “Великое Кольцо” человечества.

Энтузиазм миростроителей бил ключом. От дерзости замыслов кружились головы.

И закипела работа... Все новые и новые Земли появлялись в параллельных мирах. Постепенно росла техническая мощь “гагаринцев”. Они научились частично стирать свою память – чтобы старые воспоминания и знания не мешали при создании новых миров. Строители уходили все глубже и глубже во времени. Теперь они строили не только саму Землю, но и активно преобразовывали планеты всей Солнечной системы.

Сначала начинали свою работу проектанты и конструкторы. В протопланетном облаке вокруг Солнца они создавали планеты для будущих человеческих миров. На рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры наступало время “квартирьеров”: они проводили предварительную подготовку цивилизаций на новых Землях. А в начале двадцатого века в подготовленные миры высаживались бригады строителей.

“Давай полетим к звездам!”

Каждый земной мир доводили до стадии стабильного развития программы космических исследований. Ведь на “выходе” нужны были Земли, которые составили бы ориентированную на освоение Вселенной цивилизацию. Считалось, - и затем было подтверждено многократно, - что стадия стабильного развития наступает с завершением первой высадки человечества на Луну: в новых мирах в дальнейшем идет прогрессирующее развитие космических исследований. После выхода человека на лунную поверхность составлялся комплексный прогноз развития “новой Земли” на будущее. Теперь строители миров больше не строили эту новую Землю, а лишь слегка корректировали при необходимости – за дело брались корректоры. Если же какой-то из миров отклонялся от сделанного прогноза и неожиданно притормаживал, “гагаринцы” слегка его подталкивали: там внедряли новые технологии, здесь приводили к власти других администраторов. А в некоторых мирах было достаточно вообще опубликовать всего одну книгу о космических исследованиях, чтобы подстегнуть развитие этих “новых Земель”.

После выхода созданных миров на стадию стабильного развития, подавляющее большинство миростроителей перемещались на очередную Землю. На созданной новой Земле оставались только корректировщики, которые “доводили” мир до середины двадцать первого века – рубежа,

“Давай полетим к звездам!”

на котором в будущем планировали вывести в единое пространство все десять тысяч созданных миров. После завершения корректировки, оставшаяся группа перемещалась следом за основной.

За счет пополнения новобранцами из созданных Земель росло число участников проекта. Над выращиванием миров теперь работали уже десятки тысяч человек. Во главе всех структур стоял Совет Главных – наиболее опытные и авторитетные миростроители. “Гагарин” работал как хорошо отлаженные часы, создавая все новые и новые миры. Конечная цель – десять тысяч Земель – была уже близка.

...Они говорили все трое, - Королевин, Михеев и фон Браух, - часто нетерпеливо перебивая и поправляя друг друга. Глядя в их лихорадочно поблескивающие отсветами Великой Мечты глаза, слушая их возбужденные голоса, я понял, что все, о чем мне рассказывают сейчас эти люди, - правда. Правда, несмотря на всю фантастичность их рассказа.

Когда основное уже было сказано, Королевин вернулся к своему предложению – еще раз, теперь уже прямо и недвусмысленно предложил мне войти в состав группы строителей миров. Конечно, у меня есть право отказаться. Тогда они просто попросят меня забыть об услышанном.

Королевин вдруг оборвал речь на половине слова, нырнул рукой во внутренний карман пиджака и снова достал уником. На экранчике светилась надпись мелкими буквами.

“Давай полетим к звездам!”

- Волянецкий просит меня срочно приехать в Центр, - Сергей Павлович нахмурил брови. – У него случилось что-то чрезвычайное во время контакта с новобранцами.

- А он с кем сегодня должен был встретиться? – спросил Михеев. – С Луганцевым и Лаукайте?

- Да, - кивнул Королевин, поднимаясь из-за стола. – Странно, обоих мы проверяли не единожды... Что там могло случиться?

Он мгновение помедлил и повернулся в мою сторону:

- Вот что, Алексей... А поедем-ка со мной? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Мартын Луганцев и его собеседники - 12

(записки журналиста)

“ГАГАРИН” И “ГУРОН”

Инга двумя пальчиками взяла фотографию, которую Волянецкий положил на стол, поднесла к глазам и принялась внимательно рассматривать.

- Это же снимок Юрия Алексеевича Гагарова! – в ее ясном взгляде читалось удивление. Наигранное, как я сразу же понял. – Причем здесь какой-то проект?

“Давай полетим к звездам!”

Молодец Инга! Она решила немного поводить за нос этого Волянецкого. Пусть выдаст на-гора больше информации, а там посмотрим по ситуации, как себя вести и что делать.

- Проект называется “Гагарин”, - на устах Волянецкого мелькнула все та же вежливая и чуть снисходительная улыбка. – Он назван по фамилии первого космонавта Земли. Точнее, по фамилии самого первого космонавта на самой первой из всего множества Земель.

- Не знаем мы никакого Гагарина, - Инга дернула плечиками. – С Гагаровым я встречалась, даже фотографировала его пару раз. Но вот Гагарин... Впервые слышу! А ты, Март?

- Никогда не слышал эту фамилию, - с абсолютной убежденностью в голосе подтвердил и я. – Кстати, о каком множестве Земель вы упомянули? Земля у нас одна... Или вы имели в виду множество миров во Вселенной?

- Нет, я имел в виду именно нашу Землю. И несколько тысяч ее копий, - пояснил Волянецкий, и в глазах его вспыхнули огоньки веселья:

- Ах, вот оно что! Молодые люди решили немножко подурочиться... Знать, мол, ничего не знаем, видеть ничего не видели...

- Мы действительно ничего не знаем, уважаемый господин – или товарищ? – Волянецкий, - Инга очень

“Давай полетим к звездам!”

натурально обиженно надула губки. – Впервые видим этого вашего Гагарина! Правда, Март?

Я молча кивнул.

- Не впервые, - Волянецкий ел нас глазами. – Вы уже видели его изображения на значках у конструкторов Королевина и Михеева. Именно Гагарин был изображен на тех портретах, которые вы фотографировали, а после проявления отпечатков изображение исчезало. Гагарин был и на фотографиях в некоторых из тех книг, которые вы, Мартын Андреевич, обнаружили в книжном шкафу в кабинете Мозжорова.

- Ладно, вы правы, - подумав, я решил капитулировать. – Нет смысла дальше валять дурака, если вы обо всем знаете...

- В чем суть вашего проекта? – Инга тоже сразу же сменила тактику и немедленно перешла в атаку. – Что вы строите?

- Зачем вообще вам понадобились все эти значки, исчезающие портреты, книги с Еркиными и Гагаренками? Пришельцы из другого мира в электричке, рубль с гербом, на котором ленты двадцати республик? – я тоже поторопился вставить свои “пять копеек” в перечень вопросов. - Детские игры какие-то, честное слово.

- Давайте не будем говорить обо всем сразу, - Волянецкий шутливо поднял руки. – Я отвечу на все вопросы, но по очереди. Значки, портреты, ребята из будущего в

“Давай полетим к звездам!”

параллельном мире – это психологические тесты для вас перед сегодняшним разговором. Наведенная галлюцинация. А вещественные составляющие - брошюру и рубль – вам просто подбросили... Теперь о сути проекта “Гагарин”.

И он начал рассказ о Земле, на которой замедлилось продвижение человечества в космос, и о группе энтузиастов, которая решила подарить человечеству множество обитаемых Земель, чтобы создать во Вселенной шаровое скопление из Солнечных систем с человеческими цивилизациями. А в перспективе – распространить человеческую цивилизацию как минимум до галактических пределов.

Он говорил долго. Мы успели заказать и выпить еще по чашке кофе, прежде чем Волянецкий завершил рассказ.

Некоторое время мы молчали, мысленно переваривая услышанное.

- В общем, все понятно, - задумчиво произнесла Инга. – Из вашего рассказа, Чеслав, следуют ответы почти на все вопросы.

- Готов ответить и на те вопросы, которые еще остаются, - Волянецкий вымученно улыбнулся. Рассказ его явно утомил.

- Не совсем понимаю, зачем вам такое множество однотипных миров? – спросил я. - Сотни и тысячи похожих Земель, на которых живут похожие как две капли воды люди?

- Люди на наших мирах очень разные. Полные совпадения достаточно редки. Во-первых, мы создаем на

“Давай полетим к звездам!”

разных мирах разные географические, социальные и политические условия. В итоге и человеческие цивилизации получаются очень отличающимися друг от друга. Во-вторых, работает теория вероятностей. Даже один в один скопированный мир с момента его создания далее будет развиваться совсем иным путем – число возможных вариантов бесконечно. Чем дальше по времени от точки создания, тем больше два мира будут различаться друг с другом.

- Но несколько десятков, например, Мартынов Луганцевых на ваших мирах все же имеется? – снова вступила в разговор Инга. Ее глаза странно поблескивали, словно она усилием воли сдерживала возбуждение. С чего бы это такое волнение? Неужели ее так заинтриговал рассказ Волянецкого?

- Точно так же, как и десятки ваших собственных “сестер” во времени, Инга Яновна, - подтвердил Волянецкий. – Только у них, конечно, совсем разные судьбы. А иногда и внешность. Ну, и еще штришок... Для особенно ярких персоналий в новом мире мы немного меняем фамилии. Например, Гагарин становится Гагаровым, Гагаринцевым, Гагаренко... Это вносит дополнительную новизну в каждый мир.

- А мы вам зачем? – Инга пробуравила Волянецкого взглядом. – Конкретно вот этот Мартын Луганцев и вот эта Инга Лаукайте. Сидящие сейчас за одним столиком с вами.

- Периодически мы проводим набор новых людей в проект. Некоторые наши сотрудники, создав десятки миров во

“Давай полетим к звездам!”

времени, устают и уходят на пенсию, чтобы спокойно пожить в одном из миров в качестве обычного жителя. Их нужно заменить новыми миростроителями.

- И вы предлагаете нам... - Инга запнулась на половине фразы.

- И я предлагаю вам стать строителями миров. Мы долгое время изучали сначала Мартына, а потом и вас, Инга. По совокупности моральных, деловых, и профессиональных качеств вы нас вполне устраиваете. Конечно, вам придется пройти специальную подготовку на тренировочной базе. Пару лет побыть курсантами и стажерами. Мелочь по сравнению с тысячелетиями активной работы, которая ждет впереди.

- Хорошо, допустим, что мы согласимся и станем вместе с вами строить новые миры, - сказал я. - А что в итоге? Ну, создадите вы шаровое скопление из множества человеческих цивилизаций, что дальше?

- Проявленное в едином пространстве шаровое скопление резко усилит космические устремления человечества. Теперь за исторически обозримый срок можно будет добраться до миров, населенных такими же людьми. Создание объединенной человеческой цивилизации шарового скопления откроет двери к овладению всей нашей Галактикой.

- В вашей идее проникновения в космос есть что-то от рутинного производства на конвейере, - с легкой иронией заметил я. - С множеством человеческих Земель все понятно,

“Давай полетим к звездам!”

они разные. Но, как я понял, вы творите в масштабах всей Солнечной системы? Тысячи и десятки тысяч совершенно одинаковых Юпитеров, Сатурнов, Марсов и Венер...

- Ну, уж нет! – Волянецкий широко улыбнулся. – Нет ни единой Солнечной системы, которая была бы похожа на другую! Вот за этим мы следим строго! Мартын, вы можете мне назвать планеты вашего Солнца в порядке их удаления от светила?

- Вопрос из школьного курса астрономии! Меркурий, Марс, Земля, Венера, Фазтон, Юпитер...

- Достаточно, - Волянецкий жестом остановил меня. – А есть Солнечные системы, в которых место Марса занимает Венера, а Марс – соответственно орбиту Венеры. Есть миры, в которых Фазтон разрушился, а у Венеры есть крупный спутник – Вулкан – почти точная копия Луны!

- Вулкан, - не могу сдержать усмешки. – Согласитесь, странное название для космического тела!

- Мерзкая планетка! – вдруг произнесла Инга с глубоким вздохом. – Я стажировалась там полгода. И дала себе клятву: больше на нее ни ногой!

Я удивленно таращусь на Ингу. С чего бы это ей вздумалось шутить? Но на лице моего Солнышка нет улыбки, а в блеске зеленовато-голубых глаз появилось что-то новое...

- Э... В каком это смысле “стажировались”? – вопрос Волянецкого словно повис над нашим столиком.

“Давай полетим к звездам!”

- В том смысле, что я работала сотрудником ГУРОНа на научной базе в одном из кратеров Вулкана, - ровным и спокойным голосом произнесла Инга. Уголки ее губ чуть приподнялись в улыбке:

- ГУРОН – это Главное управление разведки особого назначения. Специальная служба на одной из созданных вами и вашими коллегами Земель, уважаемый Чеслав Сэмюэль.

- Инга, сейчас не лучшее время для розыгрышей... - начал я, но она резко оборвала меня едва ли не на половине слова:

- Это не розыгрыш, Март. Я действительно пришла в этот мир из другой Вселенной. В которой вокруг Венеры вертится Вулкан, Меркурия нет вообще, а Земля является второй планетой Солнечной системы, если считать от Солнца.

Инга раскрыла сумочку, которая лежала у нее на коленях, пошарила в ней рукой и достала прямоугольную плоскую коробочку матово-черного цвета, по форме и размерам очень похожую на уникон Волянецкого. На ней тоже имелись маленький экран и ряд продолговатых кнопочек. Неизвестное устройство легло на стол.

- Эта штуковина называется инфон, - сообщила Инга. – Модель, кажется, седьмого или восьмого поколения. Используется примерно в тех же целях, что и ваш уникон, Чеслав. Правда, связь на ней можно держать только в пределах

“Давай полетим к звездам!”

нашего мира. Здесь я ее использую, как записную книжку и миникомпьютер.

- А... Позвольте взглянуть, - на лице Волянецкого отразилось явное замешательство. Его рука потянулась к предмету, лежавшему на скатерти. – Можно?

- Конечно, можно, - пожала плечами Инга. – Я для того и достала инфон, чтобы показать вам.

Ее пальцы скользнули по поверхности штуковины. На продолговатом экранчике появилось несколько рядов маленьких разноцветных квадратиков.

- Невероятно! – Чеслав взял в руки инфон и принялся его внимательно рассматривать. – Это явно продукт высоких технологий! Очень высоких компьютерных технологий!

- Вы – как раз тот, кто мне и был нужен, - Инга пристально смотрела на Волянецкого. – Когда мы нашли переходы между мирами и поняли, что живем в искусственно созданной вселенной, сразу же встал вопрос о том, чтобы найти создателей нашей Земли. Сканеры отследили одного из ваших “шмелей” в этом мире. “Шмель” наблюдал за Мартыном, - она легонько кивнула в мою сторону. – Нам стало ясно, что рано или поздно вы выйдете с ним на прямой контакт. И меня уполномочили связаться с вами.

Кровь ударила мне в лицо.

В глазах потемнело и стало трудно дышать. Мир, мой маленький счастливый мир, рухнул в мгновение ока. Исчезла

“Давай полетим к звездам!”

моя Инга, милая и любимая девчонка. От молодой женщины, которая сидела рядом за столиком, повеяло холодом. Не было больше моего Солнышка, моей принцессы, моей любви. Была сотрудница неведомого ГУРОНа, прибывшая на нашу Землю из иного мира.

Любовь – это всегда выход в другое измерение. Это свобода и неудержимый полет души. Меня же резко рванули, вышвырнули прочь из мира грез и переживаний, приложили лицом в грязную вонючую лужу на растрескавшемся от времени асфальте.

- Значит, чувства ко мне – это всего лишь игра? – слова со звоном падали в возникшую между мной и Ингой пустоту. – Ты просто выполняла задание?

Ее лицо дрогнуло, веки встрепенились. Что-то радужное отразилось в глазах. Чуть-чуть опустились плечи.

- Какой же ты дурень, Мартик! – теплая ладошка легла на мою руку. – Задание – заданием, но я действительно в тебя влюбилась! И решила навсегда остаться в этом мире. Здесь и с тобой. Хочешь мне верь, а хочешь – нет, но это так!

В ее изумрудных глазах замерли слезы. Никогда не видел Ингу плачущей, и сердце испуганно охнуло. Но обида и злость все равно взяли верх:

- Не верю ни единому твоему слову! Почему ты мне все не рассказала? Я же рассказал тебе о Синицком!

“Давай полетим к звездам!”

- А ты бы мне поверил? – Инга резко отстранилась. - Ты бы поверил, что Инга Лаукайте – человек из другого мира?

- Ты все равно должна была мне об этом сказать! Если и в самом деле любишь! – меня начало трясти. Дрожь подступала изнутри, и холодной жидкостью разливалась по плечам и рукам.

- Ну, знаешь! Моя тайна на порядок выше какого-то доноса в госбезопасность! – щеки Инги залил гневный румянец. – И в сто раз опаснее! Я хотела уберечь тебя от этой опасности!

- Ценой лжи! – взвился я. – Ценой нашей любви! Волчица в овечьей шкуре – вот ты кто!

- Хватит выяснять отношения, ребята, - примирительно произнес Волянецкий и вернул инфон Инге. Штуковина тут же снова отправилась в женскую сумочку. – Давайте лучше обсудим, что нам теперь делать.

- Я хочу встретиться с вашим руководством, Чеслав, - сказала Инга. Она еще не успокоилась полностью. Ноздри раздувались. Молнии сверкали во взгляде. – Есть темы, которые хотелось бы обсудить...

- Погодите-ка, Инга, - Чеслав устало потер лоб. – Вы говорили о каких-то коридорах между мирами... Что это такое?

- Внепространственный коридор, который соединяет этот мир с моим. И идет дальше еще в три земных мира.

- Но это же невозможно! – изумленный Волянецкий откинулся на спинку стула. – Невозможно даже теоретически!

“Давай полетим к звездам!”

Между созданными нами мирами не может быть коридора! Это полностью автономные вселенные. Вместе они смогут появиться только в шаровом скоплении, когда будут созданы все миры по нашему проекту. Но и тогда между ними будут расстояния в несколько световых недель – чтобы обеспечить динамическую устойчивость всей звездной системы!

- Тем не менее, коридор существует, и я по нему прошла, - Инга пожала плечами. – Обычный округлый коридор, последовательно соединяющий пять порталов. Он длиной около ста метров, в диаметре – примерно четыре. Стены из неизвестного вещества, никаким воздействиям не поддаются. Что находится за стенами коридора – нам до сих пор неизвестно.

- Не может быть! – упрямо произнес Чеслав. Его глаза расширились и словно остекленели. – Это противоречит всем законам физики!

- Я могу показать вам этот коридор, - на губах Инги заиграла снисходительная улыбка. – Мы можем поехать и посмотреть его прямо сейчас.

Волянецкий кашлянул в кулак, машинально отхлебнул остывший кофе из моей чашки и спросил:

- Этот коридор... Он что, находится где-то поблизости?

- Вход в коридор находится в Москве. В него можно попасть из пространственной зоны, расположенной за

“Давай полетим к звездам!”

памятником “Покорителям космоса” на Выставке достижений народного хозяйства.

В это действительно трудно было поверить – лаз на иную Землю располагался на расстоянии всего лишь нескольких остановок метро!

- Чем дальше, тем интереснее, - Волянецкий криво ухмыльнулся. – Ваш коридор совпадает с местом расположения нашего оперативного центра. Того места, из которого мы руководим всем процессом строительства на здешней Земле!

- Тогда давайте отправимся туда немедленно, - предложила Инга. – Чего зря время терять? Я покажу вам коридор прямо на месте!

- Хорошо, - согласился Чеслав. Чувствовалось, что он уже справился с удивлением. – Вы позволите мне связаться с руководителем нашего проекта? Ваше появление здесь – событие, мягко говоря, неординарное.

- Свяжитесь, - Инга кивнула. – Увы, я пока не могу поставить в известность о нашем контакте своих руководителей. Для этого я должна сначала вернуться в мой мир.

“Давай полетим к звездам!”

Чеслав Волянецкий и другие - 12

(рабочие записи)

“ПРИШЛИ ТУДА - НЕ ЗНАЕМ КУДА”

- Значит, вы утверждаете, что между мирами есть переходы? – Королевин окинул Ингу внимательным взглядом.
– Переходы, через которые можно свободно перемещаться между различными Землями?

Когда мы втроем – я, Инга Лаукайте и Мартын Луганцев, - вошли через зону невидимого порта внутрь входного портала центра, Сергей Павлович уже был там. К своему немалому удивлению, я обнаружил вместе с ним космонавта Алексея Леонтьева.

Изнутри входной портал похож на цилиндр диаметром около десяти метров и высотой примерно три с половиной метра. Поверхность округлой стены ровного светло-серого цвета, материал - плотный литой пластик. В целях безопасности вся аппаратура для перехода в остальные помещения центра скрыта в стенах, и активировать ее можно только специальными командами с наших уникомов.

Когда мы вошли, Королевин уже выдвинул из правой от входа стены пульт управления зоной перехода и, как я понял, объяснял совершенно обалдевшему от всего увиденного Леонтьеву, как практически работает система создания миров,

“Давай полетим к звездам!”

демонстрируя на экране видеосюжеты, снятые во время наших предыдущих экспедиций на разные Земли.

Я представил Сергею Павловичу Ингу – с Мартыном он уже встречался раньше, даже давал ему интервью. Инга повторила свой рассказ.

- И вы сами прошли через такой переход? – в голосе Королевина прозвучало недоверие.

- Могу показать вам переход, не выходя из этого помещения. Я уже была здесь. Только вот этого хозяйства тогда здесь не было, - Инга кивнула в сторону пульта, выдвинутого из правой части стены.

Она достала из сумочки инфон и сделала шаг в сторону, направляя устройство на левую часть округлой стены. Я знал, что за этой стеной не было ничего: контур управления смонтирован справа от входа.

- Все началось с того, что мы в нашем мире случайно перехватили управляющий сигнал для активизации этого перехода. Сейчас сигнал записан на моем инфоне, - Инга поочередно касалась цветных квадратиков на экранчике устройства. – Увы, так и не удалось узнать, кто пользуется коридором между мирами, и тогда меня отправили в ваш мир на разведку. Ну, а дальше вы знаете. Сканеры обнаружили “шмеля”, который вился над Мартыном, и я решила, что рано или поздно кто-то из хозяев перехода около него появится.

“Давай полетим к звездам!”

- Мы – не хозяева перехода, - возразил Королевин. – Если он вообще существует, как вы утверждаете...

- Вот он, - Инга сделала последний пас над инфоном, и тонкий яркий лучик света, метнувшийся из его торца, коснулся той части стены, которая находилась слева от входа в портал.

Центр стены исказился, потек, превращаясь в стремительный круговорот, похожий на расходящуюся спираль. Мгновение спустя на месте спирали появилась круглое отверстие высотой в человеческий рост. За ним действительно открылся обширный округлый коридор, длиной примерно сто шагов. На левой стене коридора располагалось четыре порталных зоны, очень похожих на ту, через которую от памятника “Покорителям космоса” мы попали внутрь нашего центра управления. Инга перешагнула через небольшой порожек и оказалась внутри коридора.

- Вторая с конца коридора полусфера – вход в мой мир, - пояснила Инга. – Остальные три входа ведут в другие миры. Но я там не была. В них направились на разведку мои коллеги.

- Не-ве-ро-ят-но! – по слогам произнес Королевин и сделал шаг в коридор, следуя за Ингой. – Не верю своим глазам! Коридор между мирами противоречит самим основам теории многомирья!

- Значит, эта теория не верна, - сказала Инга с милой улыбкой. – Или не совсем верна.

“Давай полетим к звездам!”

- И часто вы так ходите между мирами? – поинтересовался я, войдя внутрь коридора. Леонтьев и Луганцев двинулись следом. – Утром – к нам на работу, вечером – домой?

- Ничего подобного, - Инга покачала головой. – Я только однажды была здесь, когда прошла в ваш мир. Домой я должна вернуться только после того, как установлю контакт с хозяевами перехода. На это отводился срок ровно в один год.

- Мы можем прямо сейчас перейти в другой мир? – поинтересовался Алексей Леонтьев. – Может, стоит попробовать, Сергей Павлович?

Леонтьев, кажется, совладал с чувствами раньше всех нас. Вот что значит закаленная и тренированная психика космонавта!

- Не спеши, Алексей, - Королевин придержал его за плечо. – Мы еще успеем туда попасть.

Он снова обернулся к Инге:

- Хотите – верьте, хотите – нет, но ни я, ни мои коллеги не подозревали о существовании этого перехода.

- Значит, им пользуются другие люди, - сказала Инга. – Но это точно кто-то из миростроителей. Иначе зачем же было располагать коридор в том же месте, где находится ваш центр управления?

Она подошла к правой стене коридора и коснулась рукой едва заметной выпуклости на ее поверхности:

“Давай полетим к звездам!”

- Здесь есть еще какой-то пульт, но мы так и не смогли разобраться в его устройстве.

Из правой стены выдвинулась небольшая стойка, на которой под уклоном действительно был смонтирован многокнопочный пульт с несколькими небольшими экранами.

- Это штука внешне очень похожа на селектор перехода, - сказал я, подходя поближе. Пояснил в ответ на непонимающие взгляды Инги, Мартына и Алексея:

- Так называется управляющее устройство для перемещения в новый мир, который еще предстоит построить. Вот кнопки набора команд, вот тумблер запуска. А это цифровой индикатор, на котором показывается количество уже созданных нами миров...

Я осекся и удивленно присвистнул. На экранчике индикатора значилась семизначная число: 1 823 547. Если верить пульта, в межпространственной зоне находился один миллион восемьсот двадцать три тысячи пятьсот сорок семь миров.

- Сергей Павлович, - я обернулся к Королевиному. - Сколько Земель построено за время наших экспедиций?

- Что за вопрос, Чеслав? - брови Королевина взметнулись вверх. - Семь тысяч семьсот одиннадцать. Спрашиваешь, как будто сам не знаешь...

“Давай полетим к звездам!”

- Взгляните-ка сюда, - я постучал ногтем по экранчику индикатора. – Если верить этому прибору в межпространстве сейчас имеется почти два миллиона Земель!

Королевин подошел ближе и немигающим взглядом уставился на индикатор.

- Чертовщина какая-то! – Сергей Павлович потер ладонью лоб. – Или прибор безбожно врет, или мы сошли с ума! Коллективно!

Он запустил пальцы за ворот рубашки, как будто ему вдруг стало трудно дышать, и произнес:

- Нужно немедленно собрать всех наших! Собрать Совет Главных прямо здесь!

- А вот этого делать не надо! – раздался голос за нашими спинами.

Алексей Леонтьев и все, все, все - 13

(из дневника космонавта)

“МИРОУСТРОИТЕЛЬ”

- Вот этого делать не надо!

Я обернулся. Около входа в коридор стоял среднего роста черноволосый мужчина в коричневом кожаном плаще. Дуло “вальтера”, который он держал в руке, смотрело в нашу сторону.

“Давай полетим к звездам!”

...“Вальтер”.

...Сознание мгновенно затуманилось. Жуткая тень из прошлого распрямилась в полный рост. Фашист в эсэсовской форме и маленький мальчишка у деревянного забора...

- Не нужно никого вызывать, Сергей Павлович, - сказал незнакомец и растянул в улыбке тонкие губы. Улыбка получилась похожей на волчий оскал. – Вообще не стоит поднимать шум!

Он окинул нас цепким и внимательным взглядом:

- Какая забавная компания собралась! Парочка потенциальных новобранцев – миростроителей, их будущий наставник, председатель Совета Главных... Да еще и первопроходец лунных просторов товарищ Леонтьев! Кто бы мог подумать!

- Товарищ Синицкий? – с удивлением произнес Мартын Луганцев. – Значит, вы все-таки следили за мной...

- Заткнись, Луганцев, - пренебрежительно бросил незнакомец с пистолетом, даже не взглянув в сторону журналиста.

- Какого черта, Карлос? – возмущенно пыхнул Королевин. – Что вы себе позволяете? Ну-ка, уберите вашу “пушку”!

Королевин сделал шаг вперед.

- Стоять на месте! – рявкнул человек, которого назвали Карлосом. – Малейшее движение – и я стреляю!

“Давай полетим к звездам!”

- Донилья, вы сошли с ума? – Сергей Павлович испуганно попятился. – Объясните, что происходит!

- Объяснить? – улыбка на лице Карлоса сделалась снисходительной. – А почему бы и нет? У нас есть примерно полчаса, пока сюда доберется спецгруппа. Почему бы нам и в самом деле не скоротать время за приятной беседой? Ничто так не разряжает обстановку, как безмятежный треп. Не правда ли, дорогой Чеслав? – он метнул взгляд в сторону Волянецкого. – Ты же слылешь среди миростроителей тонким психологом и знатоком человеческих душ, подтверди мои слова!

Волянецкий промолчал. На его лице было странное выражение – смесь удивления и брезгливости. Как у человека, который грыз большое сочное яблоко, и вдруг обнаружил внутри толстого и жирного червяка.

- Нашей замечательной встрече, милые друзья, мы обязаны этой дамочке, - Донилья повел пистолетом в сторону Инги Лаукайте. – О, она оказалась очень прыткой особой!

Его глаза хищно сощурились. Взгляд вперился в лицо Инги:

- Троих ваших коллег из ГУРОНа, которые отправились с разведывательной миссией в соседние миры, мы уже отловили. А вот с вами, прекрасное создание, пришлось повозиться. Мы не учли ваших талантов перевоплощаться. Конечно, мы добрались до базы данных ГУРОНа, но ваш тамошний начальник Антей Стрельников тоже оказался малым

“Давай полетим к звездам!”

не промах - успел уничтожить личные дела агентов. Мы знали, что в этом мире есть агент ГУРОНа, но не знали, кто он. Я начал подозревать вас только когда заметил ваши любовные пируэты около этого мальчишки, - он повел дулом “вальтера” в сторону Мартына. – Даже попросил его за вами приглядеть... Правда, Луганцев?

- Никакого отчета вы не получите, - сказал Мартын, набывчившись. - Я все уже давно рассказал Инге.

- Ну, и дурак, - Карлос криво ухмыльнулся. – Мог бы стать одним из нас. А теперь...

Он снова обратил взгляд в сторону Лаукайте:

- Замаскировались вы замечательно, комар носа не подточит. Однако рано или поздно все равно должны были захотеть вернуться домой, не так ли? Поэтому нужно было всего лишь дождаться, когда вы снова окажетесь в переходе. Мне приказали смонтировать здесь видеокамеры наблюдения и вывести их сигналы на уником.

- Что за чушь вы несете, Дониля? – ноздри Королевина раздраженно затрепетали. – Никто не давал вам задания шпионить за Ингой!

- Угомонитесь, Сергей Павлович. Я и не говорил, что приказ исходил из Совета Главных.

- Тогда от кого же? – бесцветным голосом поинтересовался Волянецкий. Лицо его застыло и стало похожим на маску.

“Давай полетим к звездам!”

- Приказ исходил от нашего руководства, - пояснил Донилья и широко улыбнулся. – Из ставки мироустроителей!

- Вы говорите загадками, Карлос, - Чеслав пожал плечами. Голос его звучал совершенно спокойно, в нем не было и нотки волнения или тревоги. – Кто такие мироустроители?

- Хозяева этих пяти миров, - Донилья мотнул головой в сторону порталов на левой стене коридора. - А фактически – тайные руководители всего проекта “Гагарин”.

- В нашем проекте нет тайных руководителей! – возмущенно дернулся Королевин. – Вы не хуже меня знаете, что все решения принимает только Совет Главных...

- В вашем проекте? – губы Карлоса скривились в презрительной усмешке. – Да “Гагарин” никогда не был вашим!

- Что вы такое городите?! – лицо Королевина наливалось кровью. – Я в проекте с первых его дней и знаю...

- А ни черта вы не знаете! – резко оборвал Донилья. – Группа “Гагарин” с самого начала своего существования работала под полным контролем спецслужб.

- Вы лжете!

- Нисколько! – Карлос оскалился торжествующей улыбкой. – Вас, Королевин, держали “под колпаком” с того самого дня, когда вы стали договариваться с сообщниками на форуме журнала “Космические новости”. Рассматривали и изучали, как микробы под микроскопом. И решили дать вам

“Давай полетим к звездам!”

определенную долю самостоятельности, позволить строить миры. Несколько сотрудников спецслужбы тайно вошли в проект. Они даже покинули старую Землю, надеясь держать под контролем ваши действия. А потом выяснилось, что билет оказался в один конец... В конце концов, эти люди внутри “Гагарина” решили найти в каком-то из новых миров свою “землю обетованную”, сконструировать вашими руками рай для себя. Им это удалось сделать.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

- Вы – наивные мечтатели, а мы – реалисты, практики. Вы хотите силами объединенного человечества покорить Галактику когда-нибудь в будущем. А мы хотим малого: уже сегодня, сейчас жить приятно и счастливо. Вы доводите миры до стадии стабильного развития. А потом за некоторые из них беремся мы – чтобы переустроить по-своему. Вы называли себя миростроителями. А мы именуем себя мироустроителями. Чувствуете разницу? Наш символ – латинская буква “U”, перевернутая подкова на счастье. Мы не строим миры, мы обустроиваем уже построенные. Обустроиваем так, чтобы жить в них по-своему, весело и счастливо.

- И что же вы считаете эталоном счастья? – спросил Волянецкий все тем же безразлично отстраненным тоном. Мне даже показалось, что он сейчас зевнет от скуки.

- Власть! Власть над мирами. Пока нам хватает четырех Земель, обустроенных по нашим лекалам, - Дониля снова

“Давай полетим к звездам!”

кивнул в сторону радужных полусфер на стене коридора. – Пятым миром для нас станет Земля, на которой мы сейчас находимся. Поэтому мы связали эти миры коридорами - для свободного перемещения мироустроителей.

- Пять миров? – Волянецкий поднял брови. – При таких вселенских амбициях – и так мало?

- А ты, как всегда, смотришь в корень, Чеслав! – довольно захихикал Карлос. – Чтобы связать миры переходом, нужна сущая малость: доставить портал на другую Землю. А для этого требуется не просто вывести созданный строителями мир в реальную Вселенную, но и совершить на новую землю космический полет...

- Вы освоили технику дальних полетов? – Королевин дернулся вперед. – За пределы Солнечной системы? Но как?..

- Назад! – рявкнул Донилья, поведя пистолетом, и самодовольно оскалился:

- Это трудно было сделать, но мы постарались. Цель того стоила. Технологию, кстати, разработали вы, мироустроители. Мы только умело ею воспользовались. А разработчикам технологии дальних полетов потом просто стерли память: не в наших интересах, чтобы мироустроители стали свободно путешествовать к созданным Землям.

- Не верю ни единому вашему слову! – Королевин упрямо потрянул головой. – Все это ложь!

“Давай полетим к звездам!”

Донилья фыркнул в ответ и, поигрывая пистолетом, продолжил:

- Мы обустроили пять миров для собственного удовольствия. Но недооценили руководителя одной из местных спецслужб. Да, да, вашего начальника из ГУРОНа, девочка, - Карлос подмигнул Инге. – Стрельников оказался тем еще субчиком... Когда ГУРОН случайно засек управляющие сигналы нашей ставки в вашем мире, Стрельников быстро сложил два и два и о многом догадался. Поэтому не стал докладывать руководству службы, - которое мы, естественно, держали под плотным контролем, - а на свой страх и риск послал вас и троих ваших коллег через этот переход в иные миры. Для разведки и сбора информации. Но мы быстро вычислили и обезвредили ваших соратников, а через них добрались и до самого Стрельникова.

- Вы убили Антея? – глаза Инги расширились.

- Зачем? – фыркнул Донилья. – Профессионалами не разбрасываются. Мы просто стерли часть его сознания. Кстати, эта процедура ждет и всех вас. Вам немножко прочистят мозги, и вы забудете о том, что сегодня увидели. А вам персонально, милая Лаукайте, придется забыть и о своей вылазке в здешний мир, и о своих чувствах к этому мальчишке-журналисту. А он, конечно же, забудет о вас!

“Давай полетим к звездам!”

Я скосил глаза в сторону Луганцева. Желваки играли на скулах Мартына. Он был готов разорвать Донилюю на части. Напрасно, ох напрасно, Карлос открыл свои замыслы!

- Карлос, что за чушь значится на индикаторе количества созданных миров? – Волянецкий кивнул в сторону пульта на правой стене коридора. – Если верить его показаниям, в межмирье сейчас находится один миллион восемьсот двадцать три тысячи пятьсот сорок семь миров.

- Ах, это... - Дониля криво улыбнулся. – Индикатор не врет. Вами, миростроителями, уже создано почти два миллиона миров...

- Проект “Гагарин” предусматривает создание только десяти тысяч разных Земель! – хмуро напомнил Королевин. – Вы совершенно заврались, Дониля!

- А мы просто зациклили ваш проект, - Карлос громко загоготал. – Королевин, вы и ваши друзья крутитесь, как белка в колесе, - самозабвенно строите и строите новые миры. Мы, миростроители, всего лишь поместили вас в поток ускоренного времени, - есть у вас, строителей миров, и такая технология, верно? Ну, а мы додумались ее творчески использовать. И еще периодически стираем всем вам память – после создания очередного десятка тысяч миров. Чтобы никто из миростроителей не догадался, что изначальный проект “Гагарин” уже многократно перевыполнен.

“Давай полетим к звездам!”

- Но зачем вам это? – я заметил, что Чеслав подался вперед. Он говорил с Донильей, но взор его был почему-то обращен в сторону Луганцева. Я повел глазами вправо. Луганцев во все глаза смотрел на Волянецкого. Они словно пытались что-то сказать друг другу взглядами.

- Мы ищем способ связи между мирами без необходимости совершать космические полеты для доставки порталов на выбранные и уже реализованные в нашей Вселенной Земли. Вы представляете, что это такое: получить в свое владение почти два миллиона миров? – Донилья мечтательно прищурился. - Космическая империя Земли станет реальностью! Естественно, под нашей властью!

- Мерзавцы, - тихо произнес Сергей Павлович. Он был бледен, как сама смерть. – Вы изгадили нашу мечту...

- Ваша мечта ничего не стоила с самого начала, Королевин, - иронически хмыкнул Карлос и смачно сплюнул на пол. – Смешно, фанатики идеи покорения космоса решили перевернуть мир!

- Негодяи! – Сергей Павлович трясущимися руками извлек из кармана уником. – Но теперь все изменится...

- Оставьте в покое ваш коммуникатор! – Донилья снова хищно оскалился. – Бросьте его на пол!

- Идите к черту, мироустроитель! – гневно выдохнул Королевин.

“Давай полетим к звездам!”

Он склонился над уником, дрожащими от волнения пальцами нажимая какие-то кнопки на панели управления коммуникатора.

Донилья молниеносно вскинул вверх руку с пистолетом. Грохнул выстрел.

Королевин вскрикнул, выронил уник и стал оседать. На правом рукаве его плаща, выше локтя распухало кровью бесформенное пятно.

Я успел подхватить Сергея Павловича за плечи и осторожно усадил на пол.

- Сволочь... Какая же вы сволочь, Донилья, - сквозь зубы процедил Королевин, зажимая ладонью рану. Сквозь пальцы сочилась кровь.

Волянецкий словно бы случайно сделал шаг влево, к открытому входу в коридор. Краем глаза я увидел, что и Луганцев сделал маленький шаг вправо. Карлос тоже заметил их движения.

- Стоять! – лицо Донильи исказила гримаса злобы. Он рывками поводил пистолетом из стороны в сторону.

- Утихомирь свой пыл, Карлос, - спокойным голосом произнес Волянецкий и улыбнулся. – Давай попробуем решить все проблемы без стрельбы и насилия! У меня есть деловое предложение...

Чеслав снова качнулся влево, как будто на мгновение потерял равновесие, и сделал еще один маленький шаг.

“Давай полетим к звездам!”

Луганцев остался на месте, но смотрел на Карлоса волком и тяжело дышал, едва сдерживая гнев. Заводной мальчишка, однако... Кажется, он и Волянецкий что-то задумали.

- Мышка решила поиграть с котом, который ее поймал? - Донилья ощерился. – Валяй, говори...

Его внимание переключилось на Чеслава, он на секунду расслабился.

И в этот момент Мартын Луганцев рванулся вперед, к Донилье, обхватил его руками, повис на плечах, загораживая нас от Карлоса и пытаясь свалить мироустроителя на пол.

Почти одновременно с Луганцевым прыгнул с места и Чеслав. Но не в сторону Донильи, чтобы помочь Мартыну, а почему-то к пульту на правой стене, разворачиваясь в прыжке.

Карлос среагировал мгновенно. Резким движением корпуса он извернулся и сбросил с себя журналиста, снова вскинул “вальтер”. Повернул голову вправо и рявкнул:

- Волянецкий, на место! Всем стоять!

Но Чеслав уже быстрыми и точными движениями нажимал какие-то кнопки на пульте, не обращая внимания на окрик.

Стоя на коленях, Луганцев обхватил Донилью руками за поясницу и потянул вниз, мешая прицелиться. На секунду Карлос потерял равновесие. Мартын попытался встать на ноги, но Донилья обрушил удар кулака ему на затылок.

“Давай полетим к звездам!”

Молнией с места рванулась Инга. В прыжке высоко выбросила вперед правую ногу, стараясь попасть в верхнюю часть туловища мироустроителя. Карлос блокировал удар скрещенными руками, одновременно уходя чуть влево. Лаукайте развернуло в воздухе, она плечом ударилась в стену и рухнула на пол.

Я дернулся встать, но не смог - Королевин полулежал, опираясь мне на колени.

Донилья метнул бешеный взгляд в сторону Чеслава и вскинул оружие. Выстрел, другой, третий...

Все три пули попали в цель, дырявя плащ на спине Волянецкого.

Чеслав Волянецкий и другие - 13

(рабочие записи)

МИЛАЯ ПРОГУЛКА ПОД СВИНЦОВЫМ ДОЖДИКОМ

Когда Карлос Донилья с пистолетом в руках появился в дверях межпространственного коридора, я почти не удивился.

Инга Лаукайте оказалась права: если тайный переход между мирами располагается в непосредственной близости от нашего оперативного центра, и фактически является его скрытой от глаз частью, то – это и ежу ясно! - коридор используется кем-то из миростроителей. В помещении

“Давай полетим к звездам!”

оперативного центра чаще других бывают руководители “Гагарина”. Мы, резиденты программ и простые исполнители, заглядываем сюда намного реже – как правило, по вызову кого-нибудь из Совета Главных. Значит, скорее всего, люди, тайно пользующиеся переходом, должны быть в числе руководителей наших местных операций.

Поэтому, когда Дониля с пистолетом в руках “нарисовался” на входе, я был уже почти готов к подобному развитию событий.

Сначала мне казалось, что возникло какое-то недоразумение. Сейчас все прояснится, ведь иначе и быть не может. Вот он Карлос – наш Папа Карло или Дон Карлеоне, в зависимости от настроения, - свой в доску парень, мой спаситель в родном для меня мире, первый наставник в сообществе миростроителей.

Но потом я увидел его глаза – злобный взгляд маленького хорька, дорвавшегося до власти над людьми и мирами. Увидел его улыбку - торжествующую, но какую-то скособоченную, словно у него свело судорогой правую половину лица. И понял, что нет больше ни добряка Папы Карло, ни даже раздраженного Дона Карлеоне. Есть мироустроитель Карлос Дониля. Предатель нашего общего дела.

Конечно, нам повезло, что Карлос появился один. Хотя это-то как раз и понятно: члены секретной структуры

“Давай полетим к звездам!”

мироустроителей, спрятанные внутри опять же тайной когорты строителей миров толпами ходить не будут. Донилья должен только зафиксировать сам факт нашего проникновения в коридор, а “окончательным решением” всех проблем займется какая-нибудь группа захвата. До ее прибытия у нас есть шанс спастись. Маленький, почти призрачный, но есть.

Поэтому я и принялся тянуть время, постепенно выпытывая у Донильи информацию о мироустроителях и их тайных делишках. Расчет был на то, что Карлос находится в состоянии нервного напряжения, и ему нужна была хоть какая-то психологическая отдушина. А что может быть лучшей разрядкой, как не беседа под дулом пистолета, если пистолет уверенно держит твоя рука?

Я задавал Донилье вопросы, а сам прикидывал, как бы половчее обезвредить Карлоса, чтобы обошлось без пальбы. В голову неожиданно пришла мысль, что здесь и сейчас я могу вообще в один ход объявить шах и поставить мат всему тайному сообществу мироустроителей. А заодно доблестно завершить и весь проект “Гагарин”, который стараниями Донильи и прочих любителей тайно владеть мирами слишком уж подзатынулся.

Позади меня располагался пульт, с которого можно было вводить управляющие команды, - упрощенный дубликат центрального пульта, но вполне работоспособный. Полторы сотни лет назад, в позапрошлой экспедиции, по настоянию

“Давай полетим к звездам!”

Михеева, с которым тогда работал над одной научной темой, я стажировался в оперативном центре в качестве тайм-оператора – специалиста по контролю динамики создаваемых миров. Я хорошо помнил, как работает система управления нашего “хранилища миров”. И что нужно сделать, чтобы вывести все созданные во время проекта “Гагарин” миры в нашу Вселенную. Простая, в общем–то операция. Несколько нажатий кнопок на пульте – и оп-па: получай шаровое скопление заселенных человечеством солнечных систем. Знал я и пароль активации: 09031934 – дата рождения Юрия Алексеевича Гагарина – первого Гагарина, настоящего, жившего еще на старой Земле. Плюс нужно добавить три последних числа из записи на индикаторе уже созданных миров.

Когда Карлос сказал, что один миллион восемьсот двадцать три тысячи пятьсот сорок семь миров, которые значились на счетчике упрощенного пульта, - не ошибка программы, а действительное количество созданных нами Земель, мозаика окончательно сложилась в голове. Нужно ввести дату рождения Гагарина, добавить пять, четыре, семь и нажать большущую кнопку с надписью “Ввод”. И все, почти два миллиона миров начнут выходить в нашу Вселенную, образуя динамически очень устойчивую звездную структуру.

Если бы Дониля мог читать мысли, он бы ни за что не позволил мне находиться около пульта. Скорее всего, сразу бы

“Давай полетим к звездам!”

пристрелил, чтобы обезопасить и себя, и своих друзей – “хозяев миров”. Но он ничего не подозревал. А значит, я получил шанс нанести по мироустроителям не только ответный, но и уничтожающий удар. Нужно было только, чтобы Карлос на какое-то время отвлекся и выпустил меня из поля зрения.

Шанс представился, когда я случайно перехватил взгляд Мартына Луганцева. Мы стояли полукругом у правой стены: я, Леонтьев, Королевин, Лаукайте и Луганцев. Донилья с пистолетом маячил как раз напротив Инги – наверное, полагая, что сотрудница ГУРОНа потенциально является самым серьезным его соперником. Чтобы увидеть лица Сергея Павловича и Алексея, мне пришлось бы повернуть голову. А Лаукайте и Луганцева я видел отлично, и принялся есть глазами журналиста. В конце концов, Мартын тоже мельком взглянул на меня. В его глазах читались и ненависть к Карлосу, и страх за Ингу, и едва сдерживаемое желание предпринять хоть что-нибудь. Это был взгляд отчаявшегося человека, который был готов сделать все, чтобы спасти любимую женщину и свою любовь.

Глазами я несколько раз повел вправо, да еще и сделал едва заметный кивок головой. Мне показалось, что журналист меня понял.

Когда Карлос пальнул в Королевина, и внимание его переключилось, я шагнул влево, а Луганцев – вправо. Теперь у

“Давай полетим к звездам!”

меня было оптимальное положение тела, чтобы одним прыжком с разворотом в воздухе оказаться у пульта. Я дважды мигнул Луганцеву: мне хотелось, чтобы он всего лишь как-то отвлек Донилю.

Но Мартын принял мой сигнал за приказ атаковать и прыгнул на Карлоса. Наверное, ему по большому счету было наплевать на проблемы и строителей, и мироустроителей. Он просто рвался в бой за любимую женщину, за Ингу.

Я же прыжком развернулся к пульта. Ребром ладони снес прозрачный короб-ограничитель над клавиатурой – даже боли не почувствовал, когда мелкие пластиковые обломки впились в кожу. Пальцы запрыгали по клавишам. Быстрее, нужно еще быстрее! И чтобы не ошибиться!

Контроль-кнопка, ждем средним пальцем левой руки...
Есть, пульт готов к работе!

Ну, поехали...

0...

9...

Сзади за спиной суета, Дониля все еще возится с Луганцевым. Только бы эта сволочь не убила мальчишку!

0...

3...

- Волянецкий, на место! Всем стоять! – окрик Карлоса.
Побереги голосовые связки, дружок! Начал дело - делай смело.
Работаем!

“Давай полетим к звездам!”

1...

9...

Какая-то возня за спиной... Что там? И не посмотришь...
Луганцев? Снова сцепился с Донильей? Держись, Март!

3...

4...

Краешком глаза вижу, как рванула с места Инга. Да и как же ей утерпеть, если на ее глазах бьют любимого мальчишку? Давай, девочка! Не зря же тебя учили в ваших гуроновских разведшколах. Отвлеки господина мироустроителя хотя бы на пару секунд.

Теперь дополнительные цифры.

Шмя-я-як! Чье-то тело влипает в стену. Инга? Карлос?
Хорошо, если бы Донилья.

5...

Кто-то концом пальца с силой тычит меня в левое плечо.
Одновременно грохот выстрела. В кого?!

4...

В меня.

Наши “ангелы-хранители” автоматически отключаются внутри управленческих помещений миростроителей – зачем охранять отдельный объект в месте, где надежно обеспечена коллективная безопасность? Я был сейчас совершенно беззащитен. Но почему-то втемяшил себе в голову, что Карлос

“Давай полетим к звездам!”

побоится в меня стрелять из боязни повредить пульт. Глупость, конечно...

Сзади снова бабахнуло. Второй удар в спину, ниже и правее первого. Сверху, от потолка наползает темно сизый туман, похожий на огромную грозовую тучу. Что за хрень?

7...

Медленно, как все-таки медленно движутся пальцы... Но я успею!

Где “Ввод”, черт возьми?!

“Ввод” - вот! Со всей силы, большим пальцем! Есть!!!

Огромные металлические тарелки с обеих сторон ударяют в виски. Толстое сверло буравит ребра правее позвоночника. Сизый туман сделался черной ваксой и давит на веки. Пульт с зеленой лампочкой, сигнализирующей об успешном вводе команды, сам собой почему-то отрывается от стены, разворачивается в пространстве и ударяет меня в правую бровь. Песочные ноги уже не держат тело и ссыпаются на пол. Я еще пытаюсь сделать глубокий вдох, но острая боль разрядом электрического тока вонзается в затылок.

...Маленький “Ньюпор” с дымящим простреленным мотором несется вниз, к темно-зеленому ковру сосен. Сплюснутый оранжевый шарик солнца на горизонте, складывает кроваво-красные крылья заката. А сверху тихо и безжалостно опускается на землю черный пресс неба...

“Давай полетим к звездам!”

Алексей Леонтьев и все, все, все - 14

(из дневника космонавта)

ВЫСТРЕЛ

Когда Карлос Донилья выстрелил, Чеслава Волянецкого швырнуло вперед, он ударился лбом об стену и мешковато осел на пол, завалившись на спину.

Инга уже снова была на ногах. Донилья стал разворачиваться в ее сторону, но не успел. Лаукайте ударила по его правой руке, выбивая “вальтер”, и одновременно локтем с размаху въехала в лицо.

Пистолет отлетел к моим ногам. Но сам Карлос устоял на ногах, и левой рукой нанес Инге мощный удар в пах. Словно порывом урагана девушку согнуло и отшвырнуло к стене.

“Вальтер” по-прежнему лежал у моих ног. Карлос отыскал его взглядом, и сделал шаг к пистолету. В его глазах было столько бешенства, злобы и ненависти, что я в одно мгновение понял: ничего, кроме смерти – немедленной и неотвратимой – нас всех теперь не ждет.

...Жаркое лето сорок второго года. Хохочущий гестаповец поднимает “вальтер” и целится в мальчишку...

В облике Дониљи не было ничего, что хоть чуточку напоминало того фрица из моей военной юности.

“Давай полетим к звездам!”

Но мне не хотелось вновь оказаться под прицелом. Надоело жить с жутким ожиданием смерти. Хотелось освободиться от этого страха – раз и навсегда.

Карлос сделал еще шаг вперед, стал наклоняться, чтобы подхватить с пола пистолет.

Я на доли секунды снова стал ловким мальчишкой из лета сорок второго года и оказался проворнее. Перегнувшись через раненого Королевина, голова которого лежала у меня на коленях, первым схватил “вальтер”.

В училище у меня была “пятерка” по стрельбе. Да и охотник я неплохой.

Пуля попала Донилье точно в середину лба. С широко распахнутыми и враз остекленевшими глазами, он по инерции сделал еще шаг и лицом вперед повалился на пол, едва не придавив Сергея Павловича.

...Фриц из прошлого не ожидал выстрела. Голова его дернулась. Глаза превратились в стеклянные бусы. Он отшатнулся, потерял равновесие и рухнул в черную бездонную яму, таща за собой ужас смерти и темные тени страха, которые цепко держали мою душу все эти годы....

- Алексей, - слабым голосом позвал Королевин. – Поддай-ка мне уником. Если Донилья не врал, сейчас сюда явится целая банда этих мироустроителей... Нам потребуется помощь!

“Давай полетим к звездам!”

Мартын Луганцев и его собеседники - 14

(записки журналиста)

“ОН МЕРТВ!”

Все-таки Дониля основательно приложил меня кулаком по затылку. В голове гудели колокола, в глазах пересекающимися спиралями вертелись размытые цветные пятна.

Но сознание я не потерял. Даже сделал попытку подняться, но левая рука предательски подогнулась в локте, и я снова хорошенько ткнулся лбом в мраморные плиты на полу. В голове что-то ослепительно и гулко взорвалось.

Окончательно пришел в себя, когда Инга перевернула меня на спину и несколько раз легонько шлепнула по щекам. Открыл глаза. Пространство над головой еще качалось, как лодка на воде, но цветастые пятна пропали.

Инга лучисто улыбнулась, наклонилась вперед и поцеловала меня в губы.

И сразу же исчезло все лишнее – Ингина тайна, о которой она молчала, инопланетный ГУРОН с его заданиями, моя обида на любимую женщину. Осталась только любовь. Наша любовь. Сейчас и навсегда.

Я ответил на поцелуй, обхватил голову Инги руками, притягивая к себе, но она мягко отстранилась. Погладила меня ладошкой по лицу. Не вставая, на четвереньках, поползла к

“Давай полетим к звездам!”

Волянецкому, который, раскинув руки, лежал на полу около пульта.

Я сначала сел, а потом стал, опираясь рукой о стену, подниматься на ноги. Видел, как Инга принялась нащупывать пульс на шее Чеслава. Замерла на несколько секунд, а потом отпрянула, и тихонько сказала:

- Он мертв...

Чеслав Волянецкий и другие - 14

(рабочие записи)

ПОСМЕРТНЫЙ МЕМУАР

Темнота...

Тишина...

Спокойствие...

Умиротворенность...

Прошло мгновение.

Или, может быть, вечность?

Я...

Я.

Я – есть.

Пространство и время.

И где-то в нем – я. Маленькая соринка в бескрайнем океане мироздания.

“Давай полетим к звездам!”

“Я мыслю – следовательно, я существую”.

Привет, Декарт!

Картезий, а ты помнишь, как примерно пять тысяч лет назад – конечно, наших, абсолютных, не земных, - мы пили с тобой вино в уютном и теплом кабачке на улочке Луанде в Марселе? За окном ветер мел поземку, хулиганил в ветвях деревьев, рвался внутрь домов. А мы пили вино, ели жареное мясо, и ты от души смеялся, когда я с большими вольностями и купюрами пересказал тебе сюжет “Бабочки” Рэя Брэдбери. Ты помнишь, Рене?

“Я мыслю – следовательно, я существую”.

Яркая белая точка зажглась впереди. Растянулась в линию. Линия изогнулась, замыкая в себе пространство. Окружность оторвалась от плоскости, завертелась вокруг горизонтальной оси.

Я внезапно осознал, что вишу в центре огромного шара.

Черная масса зашевелилась внизу, превращаясь в темную поверхность океана. Легкий ветерок дунул сверху, становясь небом.

Внизу плеснула волна. Сияющее изнутри голубоватым светом тело гигантской черепахи поднялось из морских глубин, распласталось на водяной глади.

Три неярких вспышки над панцирем. Светящиеся внутренним светом огромные серые слоны стали в вершинах треугольника прямо подо мной.

“Давай полетим к звездам!”

Бешено вертящийся вихрь над слонами. Пыль - диск – земля. Полусфера над диском - небо.

Улыбнулся тонкий серпик Луны. Веснушками рассыпались звезды.

Я рухнул вниз. Как внутри скоростного лифта в небоскребе.

Вертикальные полосы взметнулись от земли. А когда опали через мгновение, я уже стоял на зеленой траве под чистым, по-весеннему умытым куполом неба, на котором теплым тельцем маленького котенка ластилось солнышко.

Ослепительно-яркое нечто возникло передо мной. Сигали сверху вниз и во все стороны одновременно световые зайчики. Закручивались сплетенными косичками из световых нитей огромные воронкообразные спирали. Мириады светлячков, мерцающих бабочек и стремительных пчел веселыми хороводами и шаловливыми стаями попирали пространство.

Я как-то сразу понял, что это нечто есть нечто.

- Привет! – сказал-сказала-сказало он-она-оно.

- Здравствуй...те...

Я смущенно кашлянул. Как к нему – или к ней, - обращаться, чтобы не обидеть?

- Давай на “ты”, - совокупность света лучилась добротой и теплом. – И можно в мужском роде.

“Давай полетим к звездам!”

Он помолчал, словно разглядывая меня глазами – солнечными зайчиками.

– Как тебе мой мир?

- Хорошо сделано, - сказал я. – Добротно. Правда, где-то я уже видел эту модель. Кажется, в учебнике природоведения за четвертый класс.

- Шутник, - он весело фыркнул. – Просто хотелось одновременно произвести на тебя впечатление и создать более-менее приемлемые условия для нашего разговора.

- Тебе удалось, - я кивнул. – Мне здесь нравится.

Опустил глаза вниз и вдруг увидел, что у меня нет тела. Ни ног, ни рук – вообще ничего. Точнее, их не видно, но я их ощущаю. Герберт Уэллс, “Человек-невидимка”, книга вторая.

Он, видимо, перехватил мой взгляд, пояснил:

- Я вытащил тебя ненадолго, поэтому решил не восстанавливать тело полностью. Только обозначил общие ощущения.

- Я что, умер?

Тела у меня не было, но где-то в глубинах этой моей невидимости повеяло могильным холодком.

- Было дело, - подтвердил он. – Три попадания из “вальтера”, болевой шок, клиническая смерть.

- Жаль, - вздохнул я. – Хотелось бы еще пожить...

- Не бери в голову. Еще поживешь, - я почувствовал его улыбку.

“Давай полетим к звездам!”

Он помолчал и виновато добавил:

– Я не мог напрямую вмешаться, когда Дониля там у вас куролесил и стрелял в тебя... Извини, мы едем в разных трамвайчиках и по разным рельсовым путям...

Его голос звучал в воздухе из ниоткуда. Со всех сторон.

- Да ничего, - я взмахнул невидимой рукой. – *Nemo liber est, quicorpori servit* – тот невольник, кто раб своего тела. Дело прошлое. Проехали.

- Но я слегка изменил траектории пуль, - поспешно сказал он. – Твои ранения - сквозные. Тебя быстро поставят на ноги.

- Спасибо. А как там наши?

- Нормально. Королевин легко ранен. У Мартына и Инги – только ссадины. Леонтьев – вообще как огурчик. Чего не скажешь о Донилье: убит наповал.

- С минуты на минуту должны появиться головорезы мироустроителей. Какая-то спецгруппа.

- Не появятся, - он засмеялся. – Я запечатал их порталы. Все до единого и навсегда. Большинство мироустроителей оказались заперты на одной из своих Земель. Без всяких шансов в обозримом будущем снова оказаться в межмирье. Думаю, им будет полезно повариться в собственном соку!

- Отлично, - я облегченно вздохнул. – Э... Все хочу тебя спросить, да как-то неловко...

- Спрашивай, - подбодрил он. – Готов ответить почти на все твои вопросы.

“Давай полетим к звездам!”

Я собрался с духом:

- Ты – это Он?

Пауза. Невидимой кожей я буквально впитывал его недоумение и растерянность. Наконец, он понял. Захохотал бешено, засветился всеми цветами радуги:

- Дурень! Как ты мог подумать?! Я – это я. Всего лишь я. Такая же сущность, как и ты. Только другая.

- Извини...

- А вообще-то ты резвый малый, - сказал он, отсмеявшись. – Хулиган вселенских масштабов. Я и не предполагал, что ты можешь сотворить такое всего за несколько секунд, барабана по клавишам на пульте...

- Проект “Гагарин” завершен, - я пожал плечами. – Один миллион восемьсот двадцать три тысячи пятьсот сорок семь Солнечных систем и соответственно Земель выйдут из пространства темной материи в нашу Вселенную. Всего-то.

- Всего-то! – передразнил он. – Миры, видишь ли, выйдут... А крупнейшее шаровое скопление в масштабах Галактики не хочешь? Земное человечество как состоявшуюся космическую цивилизацию не предполагаешь?

- Ну, и отлично. Это была изначальная цель проекта “Гагарин”. Создать “человеческий космос”, чтобы с его порога затем устремиться к другим мирам.

- “Гагарин” был маленьким локальным проектом. Объединение усилий нескольких тысяч Земель для

“Давай полетим к звездам!”

совместного исследования космоса. Такой себе костылик для земной цивилизации, слегка захромавшей на космической дорожке. А что теперь? Почти два миллиона миров!

- Изменились только масштабы. Суть осталась прежней.

- Масштаб проекта радикально изменил динамику и направление его развития. Поменялся сам вектор развития цивилизации.

- Не понимаю, - честно признался я.

- Чеслав, “Гагарин” с самого своего зарождения был ошибкой. Наивным решением фанатиков космической экспансии. Вспомни, чего хотели отцы-основатели проекта?

- Сделать космос доступным для человечества. Создать форпост для освоения Вселенной.

- Освоение Вселенной... Сначала люди осваивали Сибирь и Дикий запад. Затем осваивали целину и Нечерноземье. Космос начали осваивать. Подбирались к Луне и Марсу, - стал перечислять он. Остановился, вздохнул:

- Как все это примитивно и по-человечески...

- Разве есть другой путь?

- Почти все цивилизации – ну, кроме совсем уж близко расположенных друг к другу, - сталкиваются с “социально-технологическим порогом”. Это когда определенная часть мыслящих существ стремится к исследованию и проникновению в космос, а большая часть цивилизации их стремления не разделяет. На материнской

“Давай полетим к звездам!”

планете столько проблем, о каком космосе вообще может идти речь? Космонавтика замирает, становится из исследовательской и романтической утилитарной и практической. Спутники связи и роботы в космосе – это то, что нужно, а без межпланетных станций и пилотируемых полетов вполне можно обойтись.

- Но это же тупик! Развитие цивилизации не может остановиться! Иначе она перестанет быть цивилизацией!

- А развитие и не останавливается. Но есть два пути. Обойти препятствие. Или пробить головой стену. “Гагарин” - это именно попытка лобового штурма. Не хватает своих силенок? Ничего, мы создадим в пространстве “темной материи” десять тысяч дополнительных голов и будем лупить лбами в стену всем коллективом. Авось препятствие и рухнет!

- Ты утрируешь...

- Почти нет, - жестко отрезал он. – Большинство цивилизаций, остановившись у социально-технологического порога, начинают исследовать космос иначе. Сначала дистанционные методы, накопление информации, создание математических моделей. А потом резкий качественный переход в новую стадию – создание миров, солнечных систем и галактик, целых вселенных. Зачем исследовать сотни планет класса, например, вашего Юпитера? А почему бы не создать просто его модель?

“Давай полетим к звездам!”

- Чтобы создать модель, нужна информация, - возразил я. – А ее добыть можно только путем непосредственных исследований. Во время космических полетов.

- А фантазия зачем? А если, зная основные физические законы, начать просто строить фантастические миры? Населять их людьми, животными, братьями по разуму? А потом вообще придумать новые физические законы и совершенно невероятные варианты мироздания.

Он замолчал, может быть, ожидая ответа. Но я не нашелся, что возразить.

- Путь проекта “Гагарин” - это экстенсивный путь в космос, - продолжил он, - создание миров – это интенсивное развитие, с переходом в новое качество, очень быстро и почти сразу. Подавляющее большинство цивилизаций во Вселенной выбрали именно этот путь, интенсивный. Собственно, это и есть ответ на давно мучавший ваше человечество вопрос: почему из космоса не сигналият братья по разуму, а “летающие тарелочки” до сих пор не замечены на трассе Кассиопея – Хацапетовка? Потому что взрослые дяди уже строят большие дома и маленький мальчик на окраине Галактики, стремящийся проложить игрушечную железную дорогу за пределы своей песочницы, им вовсе не интересен!

- Почему же вы, такие умные, нас не остановили? – я саркастически ухмыльнулся.

“Давай полетим к звездам!”

- Потому что у цивилизаций космического уровня не принято вмешиваться в дела друг друга. Мы думали, что вы все-таки перерастете детские штанишки проекта “Гагарин” и откажетесь от экспансии.

- Но ты все-таки вмешался...

- Не один я. Нас – несколько особей. С разных изначальных миров и даже из разных вселенных. Создание десяти тысяч миров по проекту “Гагарин” практически не влияло на свойства гиперпространства. Но когда были созданы около двух миллионов Солнечных систем, начались нарушения метрики Вселенной. Проблему нужно было как-то решить, чтобы не помешать и планам миростроителей, и сохранить свойства межмирья. Но теперь это все уже в прошлом: благодаря тебе миры выходят из гиперпространства, проблема решена самым радикальным образом, хирургическим путем.

Он замолчал.

- Кстати, не только мы вмешались... Ты помнишь эти геометрические фигуры, которые стали проявляться в вашем мире?

- Белые шары, белые кубы – мы назвали их “гипнотизерами”... Они едва не угробили космонавтов во время полета к Луне, атаковали меня, напали на наши узлы связи. Мы считали, что это пришельцы... Или какие-нибудь жители параллельных миров... Слишком мало информации было, чтобы сделать выводы.

“Давай полетим к звездам!”

- Это так называемые “спонтанты”, - сказал он. – Спонтанное порождение миров темной материи. С тенденцией к разумной деятельности. С нарушением принципа причинно-следственных связей. И время у них течет иначе, петлями, иногда - почти диаметрально противоположно вашему.

- Как это?

- А ты не заметил, что их попытки помешать полету к Луне постоянно упрощались? Для них сначала была простая гравитационная атака пирамидой на спускающееся в атмосфере “Знамя”. Потом чуть более сложная схема “кубического” удара по “Луннику” на взлете. Затем нападение шара на окологлуной орбите. А потом “спонтанты” сообразили, что воюют в противоположном для них времени и начали готовить более сложные атаки. Сначала захват станции наблюдения, потом – запуск “Сервейора”. Покушение на тебя около ущелья оказалось в середине их временной петли, и было попыткой воздействия непосредственно на людей, первым опытом создания модели человека.

- Очень мило. Всегда считал себя образцовым объектом для творчества инопространственной цивилизации, - сыронизировал я.

- Спонтанты не совсем цивилизация – по крайней мере, в твоём понимании. Петлеобразное течение времени в их системе координат воспринимается тобой как изменение

“Давай полетим к звездам!”

причин и следствий. Стакан упал со стола, потому что разбился.

- Нарушение причинно-следственных связей я отследил, а до того, что у “спонтантов” петлеобразное время не додумался... Кстати, а почему же наше время всегда прямолинейно?

- А кто это сказал? Время представляется прямолинейным, поскольку ты находишься внутри временного потока. А для внешнего наблюдателя – оно тоже выглядит петлеобразным.

- Ладно, Бог с ним, с временем... Но согласишься, “спонтанты” - агрессивные создания...

- Нисколько. Они возникли как ответ “темного мира” на чрезмерное накопление созданных вами Земель в локальной зоне их пространства. Если тебе нужны аналогии, то “спонтанты” - это силы упругости миров “темной материи”. Упрощенно, конечно. Они сообразили, что лунная экспедиция – ключевой момент в построении этого мира. Поэтому и пытались ее сорвать. Кстати, они воспринимают вас, миростроителей, как совершенно отдельную сущность, не связанную с Землей. Извини, как паразитов, коряжущих вполне стабильный мир. Заметь, они могли уничтожить “Лунник” одним лучевым залпом, но не сделали этого – видимо, из опасения навредить здешней Земле внешним воздействием.

“Давай полетим к звездам!”

- А как же атака на станцию в Абу-Кали? Марионетками “гипнотизеров” были перебиты десятки людей...

- Люди здешнего мира убивали людей здешнего мира. Внешнее вмешательство “спонтантов” было скрытым. А вот с вами, с миростроителями, - паразитирующей цивилизацией, - они не церемонились. Долбали лучевыми пушками прямой наводкой.

- Со “спонтантами” можно как-то совладать? Или договориться?

- Теперь уже нет смысла. Они исчезли, когда пропал раздражающий фактор: миры, созданные вами, стали выходить из “темного пространства”, напряжение ослабевает с каждой секундой. “Спонтанты” уходят, просто тают.

- Ну, вот и хорошо, вот и славно... И волки сыты, и овцы целы. Все довольны.

- Гм, все довольны, - с иронией передразнил он. – А ты не задумывался о социальных последствиях создания шарового скопления человеческих цивилизаций?

- Знаешь, некогда было, - с легкой издевкой ответил я. – На досуге подумаю... А в принципе, что такого случилось? Ну, вышли мы в большой космос. Почти два миллиона миров – это же ого-го!

- Теперь этим Землям предстоит осознать, что они часть великой космической человеческой общности. Научиться ладить и договариваться друг с другом. Вас ждут острые

“Давай полетим к звездам!”

социальные конфликты. И даже космические войны. Как в ваших фильмах-боевиках. Будут взлеты и крушения космических империй и межзвездных республик. На всю эту кровавую суету уйдут годы и годы. Сотни и тысячи лет. Конечно, вы будете прогрессировать, но гораздо медленнее, чем интенсивные цивилизации.

- Мы – человечество, космическое человечество. Мы выкарабкаемся, - сказал я с уверенностью.

- Да я и не сомневаюсь...

- Представляешь, какая сложная это будет задача: связать в единую семью почти два миллиона человеческих миров? – я улыбнулся. - А вы, интенсивные цивилизации, не будете нам мешать?

- А зачем? С какой стати?

- Ну, не знаю... “Сорную траву – с поля вон!”

- Глупости, - мне почудилась грусть в его голосе. – Большие дяди не верили в способность маленького мальчика проложить игрушечную железную дорогу за пределы песочницы. А мальчик сумел это сделать! Собрал откуда-то группу таких же пацанов и девчонок, и теперь старается, старается, строит изо всех сил. Да, эти сорвиголовы ругаются друг с другом, дерутся – иногда очень жестоко. Но они же растут! Большие дяди по-прежнему строят свои красивые и светлые дома, но нет-нет, да и глянут – а как там дела в этом

“Давай полетим к звездам!”

разросшемся детском саду? Куда вырулила дорожка? Ведь интересно же!

Он помолчал и тихо добавил:

- А еще запомни: в каждом большом дыде где-то глубоко-глубоко все еще живет маленький мальчишка с железной дорогой...

Легкий ветер пробежался по траве, играя зелеными волнами.

- Нам пора прощаться, - сказал он. – Тебе нужно возвращаться в свой мир.

- Прощай. Можно последний вопрос?

- Спрашивай.

- Ты... Ты – кто?

Он зашелся веселым жизнерадостным смехом. Приподнялся над зеленым травяным ковром и медленно поплыл вверх, к хрустальному куполу неба.

- А вот не скажу! – крикнул он с высоты. – Сам подумай!

Он поднимался в зенит все быстрее и быстрее, и уже оттуда, с умопомрачительной высоты я услышал его последнюю фразу:

- На день рождения Аннушки Лисицыной Чеслав Сэмюэль Воля-Волянецкий хотел подарить букет полевых ромашек...

В моей самой первой жизни Аня Лисицына была дочерью богатого купца, писаной красавицей и жила в

“Давай полетим к звездам!”

соседнем доме. Гимназист Воля-Волянецкий сох по ней совершенно безответно. Может быть, Анна и обратила бы внимание на его пылкие чувства, но юный Чеслав робел даже заговорить с ней. На ее шестнадцатилетие гимназист назначил решительное объяснение, для чего утром поднялся спозаранку и за городской околицей набрал огромный букет полевых ромашек. Но так и не решился отправиться в гости к Аннушке...

О букете ромашек знал только один человек во всем мире. Я сам.

- Ты – это я?!

Он не ответил.

- Мы еще встретимся?

Яркая звезда вспыхнула и растаяла в небе.

Мгновение – и я оказался за пределами созданного им мира. Маленькая Вселенная захлопнулась, как прочитанная книга. Сфера снова стала кругом, круг – линией, линия – гаснущей точкой.

Снова вокруг были темнота и тишина.

А потом появились звуки...

...- Он мертв! – услышал я голос Инги где-то в пространстве над собой. – Три пули в спину...

Я медленно раскрыл глаза. Огляделся.

Рядом на корточках сидела Инга с понуро-отсутствующим выражением на окаменевшем лице. На ее щеке постепенно наливался кровью огромный синяк.

“Давай полетим к звездам!”

Мартын стоял чуть в стороне, широко расставив ноги и сжав виски ладонями. Левую часть его лба украшала здоровенная ссадина.

Леонтьев – бледный, с перекошенным странной гримасой лицом, - помогал подниматься Королевино.

На полу лицом вниз лежал Карлос Дониля. Мертвый...

Мои губы были тяжелыми, как два мокрых каната. Язык похож на старый диванный матрац с растянутыми пружинами. И все же я заставил себя заговорить.

- Будущий курсант Лаукайте, - прохрипел во Вселенную. – Вы не умеете правильно измерять пульс...

Голос прозвучал как шепот человека, на груди которого остановилось колесо груженого “МАЗа”.

Мир испуганно замер, а потом взорвался эмоциями. Едва ли не в одно мгновение эти четверо оказались рядом, в пространстве надо мной. Смешной вздыбившийся хохолок на волосах Алексея Леонтьева. Радостная улыбка на мучнисто-белом, как недожаренный блин лице Королевина. Веселые искры в зеленых глазах Инги. Хохочущий Мартын Луганцев.

И я тоже улыбнулся им. Что-то теплое затопило сердце. В глазах зашипало. Расколовшимися льдинками разлетелись прочь одиночество и вечная тоска скитальца между мирами. Они, эти четверо склонившихся надо мной людей, все наши ребята-миростроители в одночасье сделались моей семьей...

“Давай полетим к звездам!”

И, конечно же, Марго... В первую очередь – Марго. Милая моя, любимая моя... Плевать на все запреты и инструкции, на морализаторство и осуждение коллег. Если Марго согласится, - а она согласится, как же иначе? – я обязательно возьму ее с собой в новую экспедицию, в новые миры и вселенные. Потому что миростроитель Волянецкий – не функция и не бездушный автомат, у которого периодически стирают часть памяти и чувств. Я – человек. У меня есть любовь, и пусть она будет со мной всегда. Я так хочу. И ничего иного больше не будет.

Хотя, какие еще мне нужны новые вселенные? Там, в пространстве, одна за другой сейчас выныривают солнечные системы, населенные людьми, образуя Великую Космическую Цивилизацию Человечества. Никто, кроме меня, - ни миростроитель Королевин и космопроходец Леонтьев, ни Инга из ГУРОНа и журналист Луганцев, - никто еще не знает, что наша Вселенная уже стала совершенно иной. Пройдут еще недели и месяцы, прежде чем лучи света донесут весть о рождении в Галактике нового шарового скопления – дома, для будущего объединенного человечества.

Голова кружилась от света, красок и звуков, от ощущения безграничных просторов и свободы.

Мир, человеческий мир, выросший за доли секунд почти в два миллиона раз, станет нашим домом. Нашим большим и просторным космическим домом. Нашей Родиной.

“Давай полетим к звездам!”

“Нам предстоит трудная работа, - подумал я. – Объединить в единую общность один миллион восемьсот двадцать три тысячи пятьсот сорок семь миров! Пойти дальше, в Галактику, во Вселенную, в бесконечное множество иных пространств и мирозданий. Наверное, в конце концов, тоже стать интенсивной цивилизацией, но уже всего многомирья, всех разумных космических рас! Создавать миры, вселенные и... Что там еще дальше найдется? Ведь обязательно же найдется! А если нет – мы сами, космическое человечество, обязательно построим то, чего не может быть. Потому что мы – человечество. И мы сможем все!”

Новый мир разлетался на кусочки и снова складывался в единое целое, закручивался надо мной стремительными хороводами, нырял в неведомые глубины воронками.

Потом явилась спасательная группа, шумные и возбужденные Михеев и фон Браух. Колокола голосов били прямо в мозг. Световые зайчики молниями носились в глазах.

Мне немедленно вкололи что-то обезболивающее и поддерживающее силы. Осторожно приподняли на руках, положили на носилки и куда-то понесли...

Я закрыл глаза, снова погружаясь в темноту и тишину.

Finis coronat opus. Конец – делу венец.

Пусть один миллион восемьсот с хвостиком миров чуть-чуть подождут. Я имею право на отдых.

И заснул.

“Давай полетим к звездам!”

ЭПИЛОГ

На конференцию в Дели я улетаю из “Шереметьево”.

До посадки в самолет оставалось еще почти два часа. Я немного не рассчитал с дорогой. Добирался до аэропорта на такси и почему-то решил, что обязательно попаду в пробку. Но нынче утром случилось чудо: обычного затора на дорогах волшебным образом не оказалось. Молоденький парнишка-таксист на новеньком “Ситроене” доставил меня из центра Москвы к зданию аэровокзала минут за сорок. И теперь два часа внезапно образовавшегося свободного времени нужно было каким-то образом убить.

На улице было прохладно. Моросил мелкий дождик, апрельский ветер еще дышал остатками зимней стужи. Поэтому от прогулки на свежем воздухе я благоразумно отказался и решил приютиться где-нибудь внутри теплого и сухого здания аэропорта.

Совокупное количество улетающих, прилетевших и встречающих в то утро оказалось не слишком велико, и поэтому в зале ожиданий незанятых мест было в достатке. Я опустился в одно из свободных кресел, поставил рядом чемодан, а кейс с ноутбуком положил на колени.

На случай “почитать в дороге” у меня с собой был припасен новый детектив Андрея Куркова, купленный вчера в “Книжном мире” на Лубянке, и толстенный томик тезисов –

“Давай полетим к звездам!”

выступлений на предстоящей конференции. Беллетристику решил попридержать до начала восьмичасового полета, а сейчас час-полтора вполне можно было уделить ознакомлению с лучшими достижениями отечественной и зарубежной научной мысли в сфере “Проблем перевода научно-технических текстов в области новых технологий”. Достал из кейса том с тезисами и принялся неторопливо его перелистывать, останавливаясь и вникая в текст в тех местах, которые меня заинтересовали.

Впрочем, наслаждаться продуктами интеллектуальных изысканий моих коллег из разных стран мира пришлось недолго. Я едва одолел первые двадцать-тридцать страниц сборника тезисов, когда в пространстве над головой негромко прозвучал вопрос-утверждение:

- Харламов Евгений Кириллович?

Я поднял взгляд. В полушаге от моего кресла стоял, широко расставив ноги, средних лет незнакомец и с высоты без малого двухметрового роста внимательно рассматривал меня. Темно-русые волосы аккуратно уложены на прямой пробор, открывая высокий лоб. В густых усах под довольно крупным носом заметна редкая седина. Глаза из-под черных как смоль бровей смотрят пытливо, весело и чуть озорно. Одет незнакомец был в теплую кожаную куртку, джинсы и ботинки с высокой шнуровкой. Пальцы левой руки сжимали края черной пластиковой папки с застежкой-“молнией”.

- Да, я – Харламов. Чем могу...?

“Давай полетим к звездам!”

- Чеслав Сэмюэль Волянецкий, - он сделал энергичный кивок. Этот кивок, стройность фигуры и широко расправленные плечи выдавали в нем человека с военной выправкой. – Разрешите присесть?

- Пожалуйста, - я пожал плечами и с легким сожалением закрыл сборник тезисов. Ознакомление с довольно интересной статьей коллеги Пранека из Венского университета придется на некоторое время отложить.

Чеслав Волянецкий присел в свободное кресло напротив меня и сходу выпалил:

- Евгений Кириллович, я хотел бы сделать вам выгодное предложение.

“Наверняка он захочет за определенную плату передать что-то кому-то в Дели, - я с опаской покосился на папку в его руках. – Ни за что не возьму! А вдруг он – террорист, а в папке портативная бомба?”

Неприятный холодок пробежал по спине, и я поежился.

Волянецкий тем временем продолжал:

- Вас как очень хорошего редактора и литературного агента рекомендовал мне Станислав Петрович Коваленко.

- Стас? Он и сам неплохой редактор, а уж по части пристроить книгу на издание – так вообще дока, - у меня отлегло от сердца. Слава Богу, этот Волянецкий – не международный террорист, сующий бомбы в самолеты в багаже слишком доверчивых пассажиров. Хотя... Я снова с опаской покосился

“Давай полетим к звездам!”

на папку. Вполне возможно, что он хочет пристроить в издательство какую-нибудь идеологическую бомбу. Что, иногда, кончается не менее плачевно, чем участие в международном террористическом разделении труда.

- К сожалению, у Станислава Петровича внезапно заболел отец, и он вынужден уехать к нему в Липецк, по крайней мере, на месяц, - сказал Волянецкий. – Мое же дело не терпит отлагательств. Поэтому Коваленко и рекомендовал мне вас как человека, способного его заменить.

Ах, вот оно что! Стас не впервые делился со мной клиентурой в периоды сложных жизненных ситуаций и... и в периоды неодолимой лени, когда ему просто не хотелось работать. Я иногда тоже подбрасывал ему выгодную работенку.

- Станислав в своем репертуаре. Мог хотя бы позвонить, - для приличия буркнул я.

- Сегодня утром он звонил вам несколько раз, Евгений Кириллович, - уголки рта Волянецкого чуть изогнулись в едва заметной улыбке, - но у вас отключен мобильный телефон.

Я хлопнул себя по карману и извлек на свет божий свой издавший виды “сименс”. Телефон действительно оказался выключенным.

- Вечером лег спать пораньше, а утром в спешке просто забыл его включить, - я виновато улыбнулся.

“Давай полетим к звездам!”

- Мы так и подумали, - Волянецкий энергично кивнул. – Станислав Петрович вспомнил, что вы сегодня летите в командировку, и я решил перехватить вас в “Шереметьево”.

Стас, наверное, достаточно точно описал ему мою далеко не самую выдающуюся внешность, если Волянецкий безошибочно разыскал меня среди пары сотен человек в зале ожидания аэропорта.

- Ваша э... работа у вас с собой? - я снова обратил взгляд в сторону пластиковой папки у него на коленях.

- Да, - он тут же принялся расстегивать папку. Внутри оказалась еще одна папка – потрепанное картонное сборище бумаг, имевшее серый цвет и веревочные тесемки. Сверху на ней лежал небольшой плотный пакет, крест-накрест обмотанный скотчем.

“Графоман”, - про себя вздохнул я. Повадки непризнанных литературных гениев, стремящихся любой ценой опубликовать свои “нетленные” произведения, за годы работы в издательстве я изучил досконально. “Нетленки” они, как правило, приносят именно в таких сереньких и невзрачных папочках. Вот, Стасик, удружил, спасибо...

- Э... Чеслав... Как вас по отчеству?

- Просто Чеслав.

- Дело в том, что я улетаю в Дели, - начал, опуская глаза. С детства не умею врать, а сейчас придется. - Мне будет не совсем удобно тащить ваш труд через границу сначала в том, а

“Давай полетим к звездам!”

потом в обратном направлении... Может быть, мы договоримся о встрече после моего возвращения из Индии?

- Ваш вылет сегодня не состоится, Евгений Кириллович, - Волянецкий уставился на меня немигающим взглядом. – Рейс на Дели будет сначала отложен на три часа, а потом перенесен на завтрашнее утро. Поэтому я рекомендую вам не задерживаться в аэропорту, а взять такси и ехать домой.

“Сумасшедший графоман. Час от часу не легче!” - с ужасом подумал я.

За что же ты подложил мне такую свинью, Стасик? От этой породы назойливых психов с синдромом великого писателя отделаться бывает ох как нелегко. Да, чувствую, всласть попьет моей кровушки этот Волянецкий!

- Я все-таки побуду в аэропорту еще некоторое время, - возразил миролюбиво и кротко.

- Не верите? – левая бровь Волянецкого иронически изогнулась. – Жаль, сэкономили бы пару-тройку часов. Заодно бы и с материалом ознакомились. В домашних, так сказать, условиях.

- О чем ваша рукопись? – я на всякий случай решил перевести разговор на другую тему.

- О проблемах космического будущего человечества, - Волянецкий погладил пальцами продукт своего труда, собранный в бумажной папке с веревочными завязочками.

“Давай полетим к звездам!”

“Все, правильно, - с горечью мысленно констатировал я. – Чем мельче литературный талант автора, тем за большие темы он берется. Первый признак графомании”.

- Очень хорошо, - я постарался, чтобы мой голос звучал ровно, а на лице не отразилось зарождающееся негативное отношение к чрезмерно назойливому автору. Не стоит портить настроение перед полетом. – Чеслав... э... Сэмюэль, как вы понимаете, редакторские услуги потребуют некоторого гонорара...

“Может заломить страшную цену за редактирование и отшить его прямо с порога? – мелькнула спасительная мысль. – Эх, Стас – Стасик... И зачем же ты сбросил мне на плечи этого писаку с его космической рукописью? Друг называется...”

- Конечно, конечно, - Волянецкий закивал и постучал пальцами по перемотанному скотчем пакету, который лежал рядом с рукописью. – Здесь пятьдесят тысяч долларов Северо-Американских Соединенных Штатов. Этого хватит?

Он именно так и сказал – “Северо-Американских Соединенных Штатов”.

- А... Э... - я сглотнул ком в горле и выдавил:

- Хватит... Вполне хватит.

“Богатый сумасшедший графоман, - с восторгом подумал я. – Спасибо тебе, Стасик. Теперь по-настоящему спасибо. За такие деньги я разобьюсь в кровь, а пристрою в

“Давай полетим к звездам!”

одно из наших издательств опус этого симпатичного психа космических масштабов”.

- Я тоже так думаю, - на лице Волянецкого нарисовалась лукавая улыбка. – За такую сумму в современной России можно издать все, что угодно!

Он произнес последние слова с легкой иронией, и я почувствовал, что почему-то краснею.

- Этого даже многовато, - изрек на всякий случай. Не хотелось показаться жадиной и мошенником даже в глазах почти незнакомого человека.

- Но именно этой суммой будет исчисляться ваш гонорар, - твердо произнес Волянецкий. – Пятьдесят тысяч долларов за общее редактирование рукописи и ее издание тиражом примерно пять – семь тысяч экземпляров. Такого количества, я полагаю, будет вполне достаточно.

- Достаточно для чего? – не понял я.

- Видите ли, Евгений Кириллович, - Волянецкий расслабленно откинулся на спинку кресла. – Ваш мир слегка задержался на пути в светлое космическое будущее. Слегка притормозил, если так можно выразиться.

В глазах его полыхнули искры безумного веселья.

- А эта рукопись, - он похлопал ладонью по картонной папке, - должна сыграть роль небольшого толчка, сделанного в определенное время и в определенном месте. После этого

“Давай полетим к звездам!”

система вашего мироздания снова придет в состояние поступательного движения.

“Точно, он - псих, - с сожалением мысленно отметил я. – Псих, но с хорошими деньгами. Ну, что же... И люди с э... нетрадиционной психической ориентацией тоже имеют право издавать книги. Читатели ведь разные бывают... Так что книга этого Волянецкого вполне может даже получить некоторую известность”.

- Вы – русский? – спросил я, чтобы снова уйти в сторону от довольно скользкого направления нашего разговора. – Э... Я хотел спросить, вы гражданин России?

- Вас смущают мои имя и фамилия? – он слегка прищурился. – Не волнуйтесь, я не инородец. Местный уроженец, но... Из других времен и пространств!

“Так, ни слова больше! Не надо поощрять его болезненное воображение!” - решил я. Мало ли что... Еще передумает издавать рукопись!

- Итак, вы беретесь за работу? – Волянецкий бесцеремонно вперил в меня взгляд темно-карих глаз.

“Ха, он еще спрашивает! За такие-то деньжищи..!”

- Берусь, - с некоторой поспешностью кивнул я. – Сколько у меня есть времени на редактирование рукописи?

- Месяц-полтора, - Волянецкий пожал плечами. – Особенно не спешите, но и не тяните. И вот еще что, Евгений Кириллович...

“Давай полетим к звездам!”

Он ткнул указательным пальцем в картонную папку.

- Возможно, текст книги покажется вам странным.

Отнеситесь к нему просто как к фантастике.

- Хорошо, хорошо, - быстро согласился я. – Фантастика, так фантастика.

Волянецкий протянул мне пластиковую папку со всем имеющимся в ней содержимым. Я взял ее и положил на колени.

- Если есть возможность воздержаться от редакторской правки, - воздержитесь, - посоветовал мой собеседник. - Мне бы хотелось, чтобы подобранные в этой папке тексты не претерпели радикального изменения.

Я закивал. За пятьдесят тысяч долларов можно опубликовать текст даже с явными орфографическими и стилистическими ошибками. Сумма того стоит.

- Вот, пожалуй, и все, - Волянецкий пружинисто поднялся из кресла. – Мне уже пора уходить, Евгений Кириллович.

- Погодите, - слегка опешил я. – Вы что действительно отдаете мне эти деньги и ваш материал просто так? Без заключения официального договора?

- Конечно, - его лицо озарилось широкой и добродушной улыбкой. – Я навел о вас очень подробные справки. О вашей честности и порядочности среди издателей ходят настоящие легенды.

- Гм, спасибо за комплемент, конечно, но... Ну, ладно, - я махнул рукой. Грешно было отказываться от пятидесяти тысяч

“Давай полетим к звездам!”

долларов ради соблюдения юридических формальностей. – А если мне понадобится вас срочно разыскать? Скажем, посоветоваться...

- Евгений Кириллович, - лицо Волянецкого сделалось серьезным, - с сегодняшнего дня материалы поступают в ваше полное распоряжение. Меня интересует только конечный результат. К сожалению, я не смогу давать советы или отвечать на ваши вопросы. Меня уже просто не будет в этом мире.

“Господи, не собирается ли он покончить жизнь самоубийством? – заволновался я. – Мне еще только не хватало связаться с самоубийцей... Хотя за такие деньги...”

- Так вас подвезти до Москвы? – Волянецкий снова заулыбался. – Поверьте, рейс на Дели все-таки перенесут на завтра.

- Э... Нет, спасибо, - я энергично затряс головой. – Еще посижу, почитаю...

- Ну, как хотите! – он протянул мне руку. – Прощайте, Евгений Кириллович!

Рукопожатие его было быстрым и крепким. Он повернулся и зашагал к выходу из аэропорта.

Некоторое время я сидел, ошарашено вертя в руках пластиковую папку с рукописью и деньгами.

Вот ведь подфартило... Пятьдесят тысяч “американских президентов” редко валяются на дороге. Ай, да Стасик! Дай Бог

“Давай полетим к звездам!”

здоровья его папе, но как только Карпенко вернется в Москву, я ему выставлю хороший магарыч!

Так, ладно, хватит о будущем... Вернемся в настоящее. Если я сейчас лечу в Дели на конференцию, то эту пластиковую папочку с рукописью и деньгами тянуть с собой через таможни и границы вряд ли стоит... Сдавать в камеру хранения такую сумму – это безумие, а съездить обратно в Москву до отлета самолета я уже не успею. Что же делать?

- Уважаемые пассажиры! – звонкий девичий голос возник где-то под сводами вокзала. – В связи со сложной метеорологической ситуацией по трассе полета рейс Москва – Дели откладывается на три часа! Повторяю...

Воздух застрял у меня в горле. Я едва не расхохотался. Нелепое предсказание Волянецкого начинало сбываться!

К исходу третьего часа пребывания в аэропорту прогноз Чеслава Сэмюэля сбылся в точности. По радио объявили о переносе авиарейса на завтрашнее утро. Я вышел из здания аэровокзала, поймал такси и поехал домой.

В перетянутом скотчем пакете и в самом деле оказалось ровно пятьдесят тысяч долларов США.

А вот в картонной папке с веревочными завязочками была вовсе не рукопись... Я за всю свою двадцатилетнюю редакторскую карьеру не встречал более странного текста!

Папка Волянецкого на поверку содержала очень качественно выполненные ксерокопии. Бумажные листы

“Давай полетим к звездам!”

аккуратно сложены в определенном хронологическом порядке и во избежание путаницы кем-то пронумерованы от руки.

Ксерокопированные тексты были написаны тремя авторами: журналистом Мартыном Луганцевым, космонавтом Алексеем Леонтьевым и самим Чеславом Сэмюэлем Волянецким.

Записи Луганцева представляли собой что-то вроде мемуаров и изначально были напечатаны на пишущей машинке через полтора интервала между строками.

Тексты авторства Леонтьева были двух видов. Большая часть была скопирована со страниц книги его воспоминаний. Над каждой главкой значилась выполненная от руки надпись: “Из книги дневниковых записей летчика-космонавта СССР Алексея Леонтьева “За лунным камнем”, Москва, 1970, издательство “Мир”. Тем же аккуратным размашистым почерком была написана и меньшая часть текстов авторства Алексея Леонтьева, отснятая, похоже, непосредственно из клетчатой тетрадки его дневника. Один из рукописных текстов космонавта располагался в начале “книги Волянецкого”, а остальные – среди последних страниц.

И, наконец, рабочие записи самого Чеслава Сэмюэля делались на компьютере и были распечатаны с помощью обычного лазерного принтера.

Бегло пролистав все полученное “богатство”, я полностью уверился, что публиковать этот набор ксерокопий

“Давай полетим к звездам!”

ни одно из издательств не возьмется. Разве что, за часть суммы, щедро выданной составителем, – у меня язык не поворачивался назвать Волянецкого автором! – удастся пропихнуть эту макулатуру в каком-нибудь небольшом издательстве где-нибудь в Мухосранске. И то лучше без указания моей фамилии в качестве пусть даже номинального редактора этого бреда. Чтобы потом не краснеть, когда кому-нибудь из знакомых литераторов случайно попадетя в руки эта галиматья в печатном виде.

Общее содержание “книги” Волянецкого хоть как-то уложилось в голове только после повторного просмотра переданных мне материалов, с выборочным прочтением отдельных мест в тексте.

Все эти материалы в том или ином ракурсе касались одной и той же темы – высадки советского космонавта на Луну в октябре 1968 года. Высадки, которой никогда не было, поскольку каждый более или менее образованный человек твердо знает, что первым на лунную поверхность ступил американец Нил Армстронг.

Но некоторые места в тексте Волянецкого выглядели настолько достоверными, что я, рискуя быть осмеянным коллегами-литераторами, все же навел некоторые справки. Разумеется, книга космонавта Алексея Леонтьева об успешном полете советского человека на Луну никогда не издавались в “Мире”. Газета “Советские Известия” появилась только после

“Давай полетим к звездам!”

“перестройки”, в 1968 году о ней никто еще не слышал. Соответственно, в ее штате никак не могли числиться корреспонденты Мартын Луганцев и Инга Лаукайте. В отряде советских космонавтов никогда не значились люди с фамилиями Леонтьев, Макарин, Шаталин.

Переварив всю полученную информацию и еще раз внимательно перечитав текст, отданный мне Чеславом Волянецким для публикации, я пришел к выводу, что этот ворох лжевоспоминаний авторства якобы трех человек все же можно считать цельной книгой, написанной в жанре фантастики. Сегодня в жанре альтернативной истории издается множество книг. “Попаданцы” в прошлое и будущее заполнили книжный рынок таким же безбрежным потоком, как и ранее фэнтези, “сталкеровские зоны” и “космические империи”. Появились даже альтернативные география и астрономия. Книга Чеслава Сэмюэля Волянецкого была написана в жанре, который я бы рискнул назвать альтернативной публицистикой.

Обнаружилась и еще одна странность текста Волянецкого. Действующими лицами в его книге часто являются вполне узнаваемые исторические персонажи. Но им зачем-то даны другие фамилии путем простой перестановки или замены двух-трех букв. А некоторые фамилии были получены путем логической ретрансляции. Так, известный конструктор ракетных и космических систем Сергей Павлович

“Давай полетим к звездам!”

Королев превратился в некоего Сергея Павловича Королевина. Впрочем, в “мире Волянецкого” Королевин тоже курирует развитие советской космонавтики.

Честно говоря, я так и не понял, для чего Волянецкий изменил фамилии реальных исторических фигур. Как мне кажется, сохрани он все по-прежнему, его роман читался бы интереснее, и возможно, был даже более актуален в политическом аспекте темы. Но, как говорится, хозяин – барин.

Поскольку текст Волянецкого в известном смысле “документален”, я решил практически не подвергать его редактированию. Конечно, я прошелся по нему, исправляя некоторые явные стилистические нелепости и досадные логические оплошности автора. Но в целом сохранилась вся структура романа и его идейная направленность. Об этом, кстати, меня просил и сам Чеслав Сэмюэль во время нашей единственной встречи в аэропорту.

Напечатать книгу Волянецкого удалось далеко не с первой попытки. Ряд столичных издательств просто не рискнули публиковать работу, являющуюся альтернативной фантастической публицистикой. Но, в конце концов, роман все же был издан.

Правда, вышла некоторая заминка с оформлением договора на издание книги. У меня не было юридически оформленной доверенности от автора на публикацию произведения. Пришлось подписать соглашение от своего

“Давай полетим к звездам!”

имени. Но я не горел желанием увидеть свою фамилию на обложке фантастического романа. Поэтому пришлось воспользоваться псевдонимом. Долго думал, какими именем и фамилией назваться, а потом решил не ломать голову. Снял с полки толстенный телефонный справочник еще советской эпохи, открыл его наугад и ткнул пальцем в первую попавшуюся фамилию.

Когда Чеслав Сэмюэль Волянецкий передавал текст для публикации, он говорил, что роман должен стать неким толчком для нашего мира в области исследования космического пространства. Увы, но после выхода книги в свет никаких зримых перемен в темпах развития отечественной и зарубежной космонавтики я так и не заметил. Все так же летали в космосе “Союзы” и Международная космическая станция. По-прежнему шла тихая грызня правительственных чиновников по обе стороны земного шара за каждый рубль или доллар в национальных космических бюджетах. А большей части населения Земли было совершеннейшим образом наплевать как на полеты к Луне и Марсу, так и на всю обозримую Вселенную в целом. Надежды Чеслава Сэмюэля Волянецкого не оправдались.

Хотя, кто знает...

Только художественная книга должна иметь конец — хороший или плохой. А течение жизни на Земле и развитие человеческой цивилизации, - хочется верить, - концовок иметь

“Давай полетим к звездам!”

не будут. И вполне может случиться, что, прочтя коллективный труд Волянецкого, Леонтьева и Луганцева, кто-то где-то действительно сделал свой личный маленький шаг в нужном направлении. Тот самый маленький шаг, который через год, два или три станет огромным шагом вперед для всего человечества.

Литературно-художественное издание

Серия детективной, приключенческой и фантастической литературы
«Котофей»

Сергей Чебаненко

«Давай полетим к звездам!»

Редактор Стрельников В.А.

Художник-оформитель Чекмаев К.Г.

Компьютерная обработка фотографий и верстка текста Л.А.Девятова

Літературно-художнє видання

Серія детективної, пригодницької та фантастичної літератури
«Котофей»

Сергій Чебаненко

«Давай полетимо до зірок!»

Редактор Стрельников В.О.
Художник-оформлювач Чекмаєв К.Г.
Комп'ютерна обробка фотографій і верстка тексту Л.А.Девятаєва

Ласкаво просимо в світ її Величності Наукової Фантастики!

Космічні польоти і перша висадка людини на Місяць, паралельні світи і штучно створені Землі, минуле і майбутнє ...

Світобудівник Чеслав Волянецькій намагається зрозуміти, що за загадкові «білі прибульці» атакують земну цивілізацію. Космонавту Олексію Леонтьєву і його другу Олегу Макаріну доручено здійснити першу посадку на Місяць. Журналіст Мартин Луганцев отримує завдання написати серію статей про космонавтику - і разом зі своєю подругою Інгою Лаукайте миттєво опиняється у вирі незрозумілих подій.

Дія книги відбувається у 1968 році в паралельному всесвіті, де група вчених-ентузіастів намагається створити космічну систему з мільйонів світів - Людський космос.

Підписано до друку 12.04.2019
Формат 60х90 1/16. Умов.друк.арк 25
Загальний тираж 1500. Рекламно-інформаційний тираж 5.
Замовлення № 2019-001

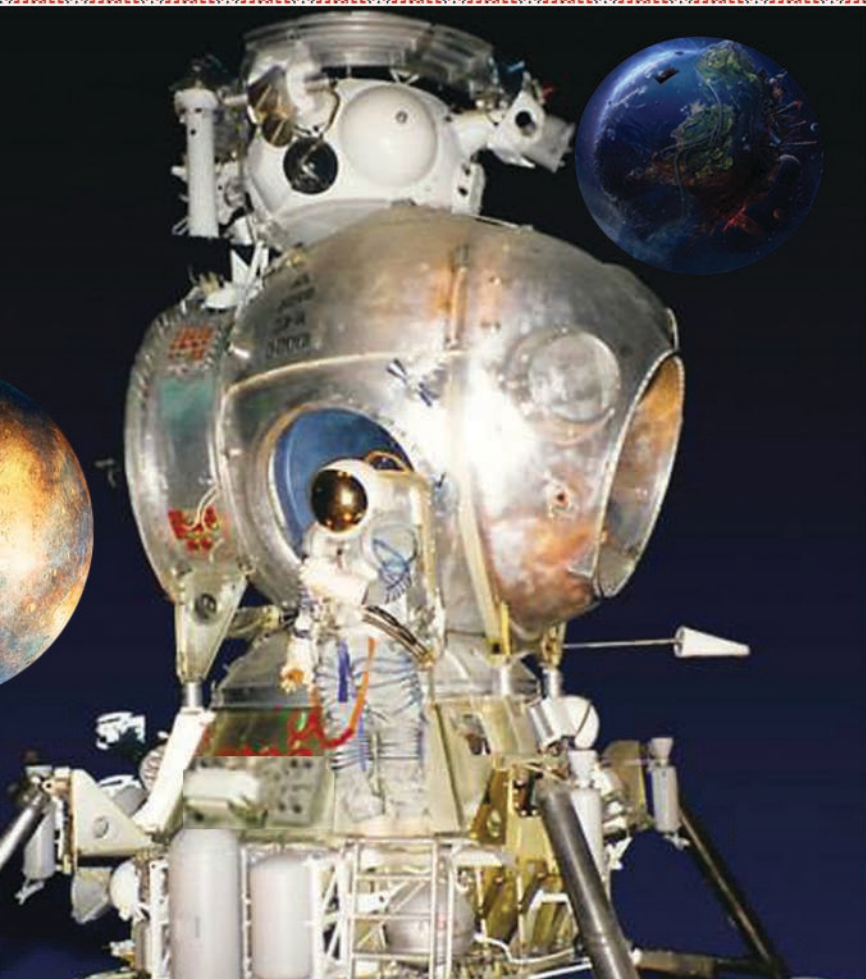
Видавництво ФОП «ЧСВ»
Київ, вул. Княжий затон, 17
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5240 від 08.11.2016

E-mail: bookelight@gmail.com

Надруковано з готових позитивів
У ФОП «ЧСВ»
Київ, вул. Княжий затон, 17
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5240 від 08.11.2016

Давай попутим
к звездам!

ISBN978-966-97718-3-4

